

Послушание змеи

Пролог

И как только я мог угодить в такой переплет? Я пытался разглядеть в окружающей меня тьме хоть что-нибудь, но мне это не удавалось.

В моей тюрьме было холодно и сыро, не пробивалось ни лучика света, и как кто-то, кто пробужден из глубокого сна и не может вспомнить, где он находится, с неуверенностью ощупывал я все вокруг.

Тесно, очень тесно, едва можно пошевелиться. Когда я попытался встать, то сильно ударился головой о тяжелую плиту – холодный камень окружали меня со всех сторон. Я зашатался и на мгновение у меня потемнело в глазах, и снова сполз вниз. Не было никакого смысла пытаться отодвинуть плиту или звать на помощь.

Она весила тонну и достигала нескольких сантиметров в толщину, к тому же не пропускала никаких звуков снаружи. Не говоря уж о том, что монастырская церковь из мер предосторожности давно уже обезлюдела, ведь было далеко за полночь. Когда меня найдут, я уже задохнусь. Все лучше, чем медленно умереть от жажды.

Голова здорово болела в том месте, куда пришелся отправивший меня во тьму удар, из которой я с мучениями вернулся назад. Одну секунду мне хотелось просто упасть без сознания, однако я сразу откинул эту идею. Строитель наверняка имел причину для этого испытания. И хорошо бы это было лишь достойно умереть.

С тех пор как я стал неопитом, в голове снова и снова рождались бунтарские мысли, которые мешали мне стать покорным и честным хаммеритом.

Отец высмеял меня, когда услышал о моем решении оставить усадьбу (или то, что от нее осталось) и заключить себя в близлежащем монастыре. Он сказал, что прежде наша свиноматка превратится в леди Бафффорд, чем я стану достойным братом Ордена.

Возможно старый пьяница был прав, но я ни в коем случае не хотел кончить так как он. Моя мать решила отвернуться от мира последней холодной зимой, и сейчас, как и брат с сестрой, лежала на кладбище под насквозь промерзшей землей.

Остались лишь я, мой старший брат Лот и отец, который явно решил как можно быстрее последовать за ними, ведь с того дня он не вел себя как здравомыслящий человек.

Наш крестьянский двор, который и без этого всегда был беден, на глазах приходил в упадок. Все могло поправиться лишь в том случае, если Лот бы перенял все обязанности, раз отец был не в состоянии ничего делать.

Вероятно я выглядел трусом, когда ушел. Сделал я это лишь по той причине, что хотел убежать от всего. Быть принятым в неопиты означало большое счастье для меня, ведь это также сулило новую, лучшую жизнь и я получил некий шанс.

Я не раскаивался, хотя отсутствие раскаяния из-за того, что я оставил свою семью в беде, говорило о душевной черствости.

Возможно это было моим наказанием. Я встал на колени, опустил лицо на ладони и начал размышлять. Мне просто нужно было держать себя в руках.

Мой наставник, Торбен, говорил мне, что я не должен забивать голову вещами, которые не в силах понять, и не должен поддаваться людям, которые презирали Строителя. Но именно это я и сделал, хотя и из лучших побуждений.

Возможно слишком долго сам я был одним из тех, кто презирали Строителя, ведь я не мог так открыто осуждать их, как это делали мои братья. Глубоко внутри моего «я» жила вера, что Строитель сотворил каждого человека по определенному замыслу и поэтому нечто божественное таилось в каждом, несмотря на их жалкую участь.

Мастер Торбен выбил бы из меня эти мысли, если бы я ему о них поведал. Мне хотелось верить, что Строитель мыслил не так как он. Ведь осознание того, что мне уже скоро предстоит явиться перед ним для последнего суда, повергало в дрожь. Воздух в склепе делался все тяжелее и стало до боли ясно, что мое время истекло. Итак, я стану следующим. А ведь мы были так близки к ответу. Или же вор решит загадку без меня?

Все началось с того, что Первосвященнику нанес визит один необычный человек. Я еще никогда не видел никого, кто был бы так озабочен остаться неузнанным. Он носил просторный, темный плащ с широким капюшоном, который полностью окутывал его. Создавалось впечатление, что только тени внушали ему чувство безопасности, ведь он неосознанно следовал их игре на пути к нашему Господину.

Меня подрядили в этот день как охранника в коридоре, ведущему к кабинету Первосвященника и потому день виделся мне окрашенным в тона чудовищной скуки. Проклятый молот оттягивал руку и фанатичное бормотание моего товарища на другой стороне коридора не делало его легче. Я спрашивал себя, стану ли когда-нибудь, заросший бородой и с тупым взглядом, бормочущий молитвы, внушать ужас неофитам, если пробуду тут достаточно долго. Это казалось некой формой помешательства, которое в свое время охватило всех и заставляло зычно лопотать некую бессмыслицу, когда долгое время бываешь занят одним и тем же. Но, возможно, это был лишь вид самогипноза, чтобы отогнать беспощадную скуку дня без событий в одном из коридоров, таком как этот, бормоча как бы в трансе. В любом случае я был еще не готов подвергнуть себя той же участи и выпускал время от времени парочку глубоких вздохов из самосострадания.

Хорошо, что я не сторожил ворота. Была зима и больше недели стояли непрекращающиеся морозы. Земля стала твердой как камень, деревья и кусты застыли как хрупкие, затянутые белым скульптуры. И все-таки я ненавидел сторожевую службу. Мало было чего, что казалось скучным, разве что еще мои занятия в чтении и письме. Я никогда не посещал школу и изучение затейливых письменных знаков давалось тяжело.

Я чуть было не заснул стоя, когда чужак почти беззвучно вынырнул возле меня и нагнал такого страха, что молот едва не выпал из моей руки. Я еще мучительно боролся за самообладание, ведь правильной реакцией в случае внезапного нападения было использовать молот, а не швырять его перед собой, когда он уже проскользнул мимо и направился в сторону кабинета.

Собственный голос показался чужим, когда я окликнул его: „Стойте, господин! Что Вам угодно?“ Моя неуверенность была очевидна, а мой товарищ загородил чужаку дорогу и всем своим отрешенным видом давал знать, что применит свой молот, будь в этом нужда.

Мне сразу стукнуло в голову, что „страх неофитов“ владел инструментом намного лучше меня и что я дал прекрасный повод выставить себя для насмешки. Возможно, не было ничего уж такого неправильного в длительном бормотании. Чужак остановился, и можно было видеть легкую усмешку, мелькнувшую на лежащем в тени лице.

– Я пришел поговорить с Первосвященником Маркусом. Он ожидает меня.

– У меня не было указаний пропускать кого-либо. – мой голос звучал несколько тверже. – Кто разрешил Вам войти в личные апартаменты Старшего?

– Он сам себе это позволил, неофит, – раздавшийся за спиной тихий голос заставил меня содрогнуться. Первосвященник открыл дверь своего кабинета и стоял прямо позади меня. Тайком оглядевшись, я искал угол, куда мог бы заползти, но всеми силами удержал самообладание и низко поклонился своему Господину, которого еще ни разу не видал так близко.

Про Маркуса говорили, что он мог заглядывать людям в души и я надеялся, что он в данный момент не заинтересовался мной.

– Делайте дальше свою работу. Нет никакого повода для беспокойства. – сказал он нам. Потом повернулся и предложил чужаку войти. Замок двери тяжело защелкнулся за ними и коридор снова погрузился в тишину.

Мой товарищ, казалось, не нашел во всем этом ничего примечательного, он вернулся без проволочек на свое место, чтобы снова мурлыкать себе в бороду, но у меня все еще тряслись колени. Как неофит я не имел права разговаривать с кем-то из Мастеров,

не говоря уже о том, чтобы выполнять их приказы, и вот теперь внимание самого Первосвященника задержалось непосредственно на мне. Я поймал себя на том, что мысленно посылаю беззвучную молитву Строителю, дабы никто из них обоих не воспринял плохо мое слегка преувеличенное служение долгу.

В коридоре стало очень тихо, ведь охранник напротив погрузился в глубокое раздумье и даже прекратил бормотать. Я стоял возле самой двери и рассеянно таращился на муху, которая из-за мороза залетела в дом и теперь с презирающим смерть упрямством билась об оконное стекло напротив, без осознания того, что кажущееся не есть действительность. Это была внушающая беспокойство картина. Я не из тех кто подслушивает, но чем больше я пытался, *не концентрировать* себя на обрывках голосов, что доносились из-за двери позади меня, тем больше наострялись уши.

– У него были те же самые раны.

– Вы уверены? Мы не можем допустить ошибки. – это был голос Первосвященника, который внушал каждому, кто его слышал, чувство благочестивого страха, голос хотя и старого человека, но твердый и с осязаемой внутренней уверенностью и достоинством.

– Это уже второй. И я уверен.

– Это внушает беспокойство. Мы не подготовлены.

– Тогда мы должны начать готовиться.

– Какой смысл вгонять и без того перепуганных кур в панику? Мы должны действовать планомерно и прежде всего незаметно.

– Это тяжелее, чем Вы думаете. Кто бы ни стоял за этим, он знает, что мы за ним наблюдаем. С нашей стороны ему ничто пока не противостояло. Он легко мог от нас уклониться. Мы не знаем, кто он, но он знает, что мы задумали.

– Он думает, что хорошо нас знает, это якобы преимущество, и до сих пор так оно и было. Но что если мы сделаем нечто совсем противоположное, то, чего он от нас не ожидает?

– Что Вы имеете в виду?

– Я думаю, он исходит из того, что мы направим на него наших лучших людей, и тогда спокойно получит то, чего ожидал. Надеюсь, это помешает ему быть всегда на шаг впереди.

– И как Вы хотите отвести ему глаза?

– Обычно тень ловят с помощью тени.

– Я думал, Вы находились однажды в состоянии войны с некой особой тенью?

– Это тот же случай. Совсем недавно он нанес нам радостный визит.

Я мог бы поклясться, что чужак чем-то забавлялся, когда ответил:

– Кошка не бросит ловить мышей. * русский вариант пословицы: как волка ни корми, он всё в лес глядит

– Этот человек – пример заслуживающей сожаления растраты удивительных способностей.

– Он бы так не сказал.

– Он ослеплен, но также и ползет.

– И как Вы представляете себе общую работу вместе с ним? Он может быть совсем незаинтересован.

– Тогда мы должны будем его убедить.

– Когда я вступлю в контакт с ним, он сразу высмотрит нашего противника. Я близок к нему, насколько это вообще возможно. Итак, должен быть кто-то из Ваших подчиненных, кому бы можно было доверить это трудное задание.

– Это верно. Но только не тот, кто мог бы привлечь внимание чужих глаз. Слуга, работница. Кто-то, кого нельзя было бы посвятить в наше дело, поскольку он слишком незначителен.

– Итак, у Вас есть кто-то на примете?

– Предоставьте это мне.

Сразу же отворилась дверь и снова от страха я едва не выронил свой молот. Я чувствовал себя пойманным на месте, хотя это было *мое задание* – сторожить перед

дверью. Конечно же это было совсем не мое задание – прислушиваться. Муха лежала на подоконнике, вытянув над собой лапки.

– Неофит.

Пол подо мной не разверзся, чтобы тут же меня поглотить. Первосвященник выглядывал из-за двери и дружелюбно улыбался мне.

– У меня есть пара вопросов, – сказал он, когда я отчаянно пытался так низко поклониться, чтобы он не мог меня заметить. – Пожалуйста, войди.

Я, шатаясь, послушно шагнул вперед, крепко зажав молот в правой руке, с трудом пытаюсь сохранить жалкие остатки своего достоинства.

– Ты можешь сейчас положить свое оружие, – сказал Первосвященник при взгляде на грубое орудие убийства и я опустил его на пол. – Пожалуйста, сядь.

Скорее упав, чем усевшись, я не отваживался поднять глаз.

– Как твое имя?

– Тим ... то есть Тимотеус, Господин.

– Как долго ты пребываешь у нас, Тим?

Я чувствовал себя мышью, вокруг которой движется змея, постепенно сужающая свои круги.

– Три месяца, Господин.

– Твой Мастер - Торбен, не так ли?

Он прекрасно знал, кто я и хотел лишь успокоить меня. Это не удалось до конца. Я немо кивнул.

– Ты услышал во время твоей вахты там снаружи – разумеется против своей воли – нечто, что здесь происходило, не так ли?

Не было смысла лгать, он знал об этом все это время. Я снова молча кивнул.

– Тогда ты знаешь, что нам нужен некто, кто, как можно меньше бросаясь в глаза, мог бы связаться с неким человеком?

Будь я мышью, то громко пискнул бы от ужаса. Но я мог только снова кивать, в то время как ловушка захлопнулась.

– Я думаю, ты тот, кто нам нужен. Ты стал, так сказать, невольно сопричастным. Знание означает также ответственность, Тим.

Я с чувством гибели рассматривал кончики своих ступней.

– Как Вы пожелаете, Господин, – было все, что я смог выдать.

– Это несложное задание. Ты должен передать ему одну рукопись, которую я тебе вручу. Я пошлю тебя к одной из наружных стен в Город, и ты не скажешь про это ни одной живой душе. Ты меня понял, Тимотеус?

Я слегка содрогнулся и смотрел в пол с большой концентрацией, когда его голос стал отчетливо властным.

– Да, Господин.

– Изволь смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю, Тим.

Я сделал это, кинув на долю секунды взгляд на него. Он выглядел не особенно дружелюбно.

– Ты можешь теперь идти. Я позову тебя, когда ты мне понадобишься. И, Тим, – я остановил свое дикое бегство, чтобы окончательно отдать себя на волю судьбы, – никому ни слова. Не забудь свой молот.

С полыхающими щеками я побежал назад и поднял его. Когда я наконец мог идти, то поймал сомневающийся взгляд чужака и мог ясно понять, что тому пришлось в голову: „Он не имеет значения, да, но еще больше кажется никчемным...“

Остаток дня я провел в раздумьях о своем жалком положении и опасаясь того, что должно было произойти.

2

Ничего не произошло. И на следующий день и днем позже. Я уже начал надеяться, что Первосвященник передумал. Конечно же, ему стало ясно, что выбор не был верным. У

меня в голове снова и снова вертелся разговор, который я подслушал. „У него были такие же раны“ - „Это уже второй“. Что бы это значило? Кто был изранен? Я не слышал ни о каком инциденте. И откуда пришел этот странный чужак? Кто он был? Совсем уж не говоря о том парне, которого я должен был отыскать. Или о том, что очевидно представлял опасность. Голова моя гудела, но по крайней мере бесконечная сторожевая служба больше не надоедала, ведь я теперь все время размышлял.

Это было вечером третьего дня, с того момента как чужак навестил нас. Мы собрались в трапезном зале, как было заведено каждый вечер после молитвы, и ели. Я сидел возле Беппо, который не был братом, а зарабатывал себе на хлеб и кров тяжелой работой в стойлах и садах монастыря. Я охотно его слушал, ведь он был для меня связью с миром вне монастырских стен, которые мне как неопиту нельзя было покидать без разрешения. Сегодня он видел на деревенском рынке нескольких фигляров и подробно расписывал прелести одной из их танцовщиц.

Я слушал его в пол-уха, ведь Беппо находил прекрасным абсолютно все, что носило юбку. Что, к сожалению, не помогало отыскать ответную любовь, так как он оставил далеко позади середину своей жизни, имел жидкие седые растрепанные волосы, менее чем пять черно-коричневых зубов и пахло от него ужасно. Тяжелый труд согнул его тощее тело, однако не уменьшил его чувства юмора и радости жизни. Он очень охотно воодушевлялся по какому-либо поводу. Мартен, такой же неопит как я, зачарованно прислушивался к его словам. Он все время задавал ему вопросы (которые, услышь их Лукас, его Мастер, привели бы к некоему суровому наказанию), а Беппо детально и с большим удовольствием отвечал на них. Он как раз углубился в одно красочное и не менее непристойное описание, когда поднялся Мастер Урбан. Он был тем самым, кто стоял по рангу сразу после Первосвященника, а также тем, кому он больше всех доверял. Все смолкло.

– Я хочу кое-что сказать вам. – Нехорошее предчувствие зашевелилось во мне. – Первосвященник хотел бы видеть Гунтера, Дэниеля и Торбена в своем кабинете после ужина. Все остальные да будут предупреждены – кажется, существуют силы, которые хотят помешать миру, царящему в этом доме. Будьте настороже и добросовестно выполняйте свой долг.

Он снова сел, не уделяя никакого внимания воцарившемуся всеобщему растерянному молчанию. Лишь спустя время снова начались разговоры, потому что все, кроме меня, оживленно спрашивали, что мог иметь в виду Первосвященник, послав это зашифрованное объявление. Беппо ждал, пока гул от голосов поднимется настолько, чтобы не помешать ему порадовать нас еще одной горяченькой новостью. Тогда он наклонил голову и подозвал жестом меня и Мартена.

– В Городе уже долго болтают, что кое-что происходит... – сказал он тихо и веско.

– Что болтают? – спросил Мартен напряженно.

– Ну, все время слышно о таких штуках... – Беппо явно наслаждался, мучая нас этими недосказками. – Слухи о ведьмовстве и злом волшебстве, о ходячих мертвецах и убийствах...

– Нежить в действительности не есть нечто новое, Беппо, – попытался я сбавить его пыл, прежде всего из-за того, что меня самого успокаивали собственные слова. – Мастер Торбен говорит, что они ничем не могут противостоять боевому и верно разящему молоту.

– Хорошо сказано, юный Тим, но и верно разящий боевой молот мало пригоден против превосходящей силы. Шепчутся о ком-то, кто будит мертвецов. И уж кого стало вдоволь после последней зимы, так это именно нежити.

– Ты их видел? – спросил я раздраженно, ведь я не хотел, чтобы он запугал меня еще больше. Я знал, что сам находился на пути к тому, чтобы быть втянутым в некую передрагу, из которой я сам бы выбрался уже шатающимся ходячим трупом. – Эту армию мертвых, я имею в виду? – Я должен был остерегаться, чтобы мой голос не стал слишком громким и кто-то прислушался к нему.

– Почему ты так разозлился, Тим? – попытался унять меня Мартен. – Дай ему рассказать. Зачастую кое-что правдивое исходит от слухов.

Именно это являлось причиной, почему я был незаинтересован больше про это слушать. Я что-то недовольно пробормотал и замолчал.

Беппо криво осклабился, зная, что его прием удался. Довольный, он снова принялся за свою историю.

– Они говорят, было совершено страшное убийство.

– Где? – спросил с любопытством Мартен.

– В этой странной Башне, к которой они близко никого не подпускают. Ты знаешь, эта гильдия Магов.

Мартен сосредоточенно кивнул.

– Значит, это было воистину устрашающее зрелище.

Я спросил себя, откуда бы ему это знать, если они туда никого не пускали. Но сейчас мне было не до споров, это только подстегнуло бы Беппо еще больше.

– Почему же? – спросил любознательный Мартен.

– Ну, этого я тоже точно не знаю, но говорят, что якобы он стал жертвой одного ритуала.

„Этого я тоже точно не знаю“ – мысленно передразнил я Беппо.

– Ну и? – насмешливо спросил я его. – Он снова восстал?

Беппо глянул на меня озадаченно.

– Что ты имеешь в виду?

– Убитый. Он примкнул к твоей армии мертвых?

– Не знаю, было ли это вообще возможно, он уже не был целым, как я слышал...

Мой желудок перевернулся. Мартин же казался все более и более заинтересованным, по мере того как Беппо все более украшал свою кровавую историю.

– Действительно? Кто же мог это сделать?

Беппо вдохнул поглубже, чтобы выдать свое мнение знатока, но Мастер Урбан перебил его, распустив собрание и отослав неопитов в их комнаты. Я был ему несказанно благодарен.

Выходя, я увидел, как мой Мастер Торбен вместе с Дэниелем и Гунтером шли из другого прохода в помещения Старшего. Он и двое других были гордостью Ордена и уже зарекомендовали себя при многих кризисных ситуациях помощниками и победителями. На лице Торбена читалась откровенная озабоченность.

Я следовал за Мартеном в нашу комнату. Она была сравнительно большой и по-спартански обустроенной. Там стояли четыре кровати, но в данный момент только мы вдвоем ее населяли. Раньше, рассказывал мне Беппо, желающие стать неопитами выстраивались в длинную очередь, что быть принятыми в Орден, но те времена миновали. Орден некоторое время тому назад разделился, когда один буйнопомешанный самозванный пророк пытался провести революционные реформы в учении Строителя. Эта ветвь Ордена, Механисты, со временем просто исчезла с полотна истории, когда очевидное помешательство их предводителя выкристаллизовалось настолько четко, что даже его ближайшие наперсники не могли не заметить его. Предположительно он совершил самоубийство в своем гигантском металлическом соборе и забрал сотворенные им механические создания с собой в могилу. Были также дикие истории про предположительную попытку обретения господства с его стороны, что он хотел уничтожить человечество и что его смерть совсем не была самоубийством, но я в это не верил.

Существовала только *одна* реальная угроза и исходила она от бога язычников. Согласно историям он был окончательно уничтожен, но тем не менее я бы всегда его опасался. Это он сотворил нежить, а не какой-нибудь человек, в этом я был уверен.

Я отчетливо почувствовал его мощь, когда он предпринял то известное нападение на людей. Одна из его тварей, заплутав, оказалась на нашем дворе. Она убила моего старшего брата Джонатана и так сильно ранила младшую сестру Миа, что та умерла спустя неделю. Они тогда вдвоем были заняты возле дома - складывали дрова и не видели

подошедшее чудовище. Оно уже было ранено, однако мы – отец, Лот и я – потратили все наши силы, чтобы вместе добить его. Мать никогда уже не знала покоя после смерти своей маленькой девочки.

Разумеется, людям в Городе пришлось намного тяжелее и я бы даже не хотел знать, что могла натворить целая орда таких монстров. Орден и его союзники, к которым также должны быть причислены Маги, остались в любом случае победителями и Обманщик, как мы называли бога язычников, был предположительно убит.

Мои мрачные мысли явственно читались на лице, ведь Мартен неловко положил мне руку на плечо и сказал:

– Отчего ты принимаешь все это так близко к сердцу, Тим? Он ведь просто рассказывает свои страшилки. Ты не должен воспринимать их всерьез.

Он сел возле меня на постель и скорчил гримасу.

– Полагаешь, у него есть хоть какое-то представление о том, что случилось в действительности? Он только повторяет ту болтовню, которую услышал от одного из своих дружков-собутыльников.

– Это не его история, Мартен. Я должен был думать об Обманщике.

– Он мертв, Тим. Всего лишь детская пугалка, которую рассказывают матери непослушным малышам.

– Кто это сказал? Кто видел его лежащим мертвым? И прежде всего – кто его убил?

– Ты должен доверять Старшим. Я думаю, у них были причины не рассказывать всю историю.

– Пойми же меня, Мартен. На его совести убийство части моей семьи. Чего я не понимаю, так это то, где тот герой, который достоин почестей за величайший поступок. Никакого имени. Во всей нашей истории были подобные великие имена – как, например, Роланд, сокрушивший Zoltenherrscher'a * ? Zolten, согласно немецкому инету - собака Дракулы, Zoltenherrscher - Властитель волколаков / вурдалаков? или Альбертус, победивший Хакона *? единственная статья попала - некий тролль верхом на лосе – но где тот блистательный герой, который убил Обманщика? Почему нет его имени?

– Я не знаю. Но думаю, сие не означает, что это *не произошло*.

Я замолчал и уставился на кончики ступней.

– Ты ведь думаешь, это Обманщик, его имел в виду Первосвященник?

– Нет... Я этого не знаю. Я надеюсь, нет.

– Если ты меня спрашиваешь, в истории Беппо мало смысла. Половину ему кто-то рассказал, другую половину он выдумал сам, потому что ты был так перепуган.

– Эта Башня Магов...

– Да?

– Что это за люди?

Мартен происходил из одной видной семьи в Городе, прежде чем он к полному непониманию своего отца решил примкнуть к Ордену. Его семья имела связи и он знал многие детали про разные фракции Города. Я предполагал, что и его вступление в братство, как и мое, было не чем иным, как бегством, разве только он бежал от других вещей. Наверняка он был мечтой каждой благородной девицы, ведь наряду с ожидаемым богатым наследством он обладал высокой и статной фигурой, а его благородное овальное лицо хранило на себе то свойственное светским повесам невинное выражение. Его облик дополняли небесно-голубые глаза и светлые блестящие волосы. Он являлся яркой противоположностью меня. Я же был намного ниже, более щуплый и далеко не так мускулист. В аристократическом смысле напрасно было бы искать что-то как в моей осанке, так и поступи. Спутанные темные волосы имели привычку падать на мои темно-зеленые глаза. Я не мог тягаться с образом очаровательного, знающего свет Мартена, меня зачастую называли робким.

Мартен, немного подумав, сказал:

– Я немного про них знаю. Это не тот тип человека, что встречается в нашем обществе. Они называют себя „Братством Руки“, что бы это ни значило. Говорят, они иные, не такие как мы. Обладают неким видом дара, абсолютно чуждым для большинства

людей. Они зарабатывают деньги на выполнении заданий, которые никому не под силу, например, если кто-то ищет средство исцеления от редкостного заболевания. Некоторые даже утверждают, что они могут производить золото... Они пытаются держаться своего круга, насколько это вообще возможно. Болтают, что они проводят странные эксперименты и что несколько лет назад они непреднамеренно залили водой одну из своих угловых Башен – от подвала до крыши. Не спрашивай меня, откуда взялась вся эта вода и вообще эта история – полная чушь. Но я думаю все же, что слухи, будто они имеют нечто общее с этими делами Обманщика, верны.

– Почему один из них был убит?

– Если ты спрашиваешь, то всегда первая причина для этого – деньги, другая – женщина. Вероятно, правда об этом происшествии – нечто тривиальное.

Я в это не верил, но кивнул и снова уставился в пол. Мартен вздохнул, зевнул, потянулся и встал.

– Время сна.

Он пошел умываться, а я еще некоторое время смотрел в пространство, прежде чем последовал за ним. После того как был погашен свет, я еще долго лежал без сна. Нехорошее ощущение в желудке не давало успокоиться. Я прислушивался к ветру и глубокому дыханию Мартена и желал быть таким же необремененным заботой как он.

По прошествии, как мне показалось, бесконечно долгого времени я встал, потому что захотел пить, и пошел к столу, на котором в слабом свете луны отыскивал глиняный кувшин. Вздохнув от того, что он был пуст, я набросил на себя кое-какую одежду и направился к колодцу.

Между тем должно было быть далеко за полночь и господствовала глубокая тишина, если не считать тяжелых шагов и благочестивого бормотания стражи. Я почти добрался до колодца, когда открылась дверь главного здания и Торбен в сопровождении Дэниеля вышел наружу. Инстинктивно я отступил в тень, не очень-то хотелось, чтобы Мастер разозлился из-за того, что я оставил ночью свою комнату. Они меня не заметили.

– Я не знаю, почему он умалчивает о чем-то, но абсолютно уверен в том, что он рассказал нам не все, – тихо молвил Торбен.

– Воспримем же это как должное, у него есть на то причины, – ответил Дэниель приглушенным голосом.

– Я не люблю противостоять такому опасному сопернику без знания всех фактов, – прорычал Торбен. – Оба не были дураками. Тем не менее он без труда убрал их со своего пути.

– Когда мы выступаем?

– Завтра.

– Кто же позаботится о Вашем ученике?

– Тимотеус? Это я предоставлю Урбану. Мальчик так и сяк не доставляет особой радости. Из него никогда не получится хорошего бойца.

Так они пересекли двор и снова скрылись во внутренних покоях монастыря. Я медленно стряхивал свое оцепенение и снова зашевелился. Зачерпнув воды, я поспешно побежал назад в мою комнату и, абсолютно несчастный, заполз в свою постель.

3

На следующее утро Торбен и двое остальных оставили монастырь, прежде чем мы собрались для утренней молитвы. Я бросил взгляд на отрешенное лицо моего Мастера, когда он выезжал из ворот, но он меня не заметил. С чувством потери я остался стоять позади.

После утренней молитвы меня задержал Мастер Урбан на входе в столовую.

– Ты знаешь, Тим, что твой Мастер должен был оставить монастырь. Я хотел бы видеть тебя в своем кабинете после завтрака, чтобы мы могли выделить кого-то для тебя. Твоему обучению не должны мешать разные обстоятельства.

– Как Вы пожелаете, Господин.

Когда я плюхнулся на свое место, Мартен скорчил мне мину, будучи в хорошем настроении.

– Ну, теперь ты избавился от старого брюзги?

– Чего?

– Торбена. Он же ужасно строгий? Или нет?

– У него слишком часто были причины быть недовольным мною. – Вчерашние слова Торбена обо мне тяжелым камнем лежали на душе.

– Может быть, но все равно он далеко не весельчак.

– Он один из величайших бойцов, которые когда-либо были в Ордене. Это было честью – стать его учеником.

– Конечно, это честь, но не в радость. Или же? Меня волнует, кому же ты достанешься.

Таким вопросом я еще даже не задавался и ел молча и задумчиво.

После завтрака я, как и было велено, пошел в покои Старших и робко постучался в дверь кабинета Мастера Урбана.

Он сидел за залитым солнечным светом столом под большим окном с мозаичными цветными стеклами и что-то писал. Когда я вошел, он коротко вскинул голову и указал мне на стул. В свое время Урбан был устрашающим противником своих врагов и носил следы этих битв как знаки отличия. Он был высок, еще можно было распознать его прежнюю силу. Между тем это был старик со сморщенным лицом и белоснежными волосами. Глаза его пережили лучшие времена и он надевал маленькие серебряные очки, если он писал, которые он стаскивал на самый кончик носа, чтобы лучше видеть. Он закончил свою работу в тишине и только тогда обернулся, обстоятельно разглядывая меня поверх своих очков.

– Ты знаешь, Тим, что я позвал тебя не для того, чтобы назначить нового Мастера, не так ли?

Я машинально кивнул. Этого-то я и опасался.

– Первосвященник желает, чтобы ты выполнил одно важное поручение. Он хочет поговорить с тобой лично. Должен сказать, что мне совсем ясно, почему он выбрал именно тебя. Твой Мастер, Торбен, был не очень доволен твоими достижениями. Как продвигаются дела с чтением и письмом?

– Я тружусь над этим, – ответил я уклончиво.

Снова долгий, оценивающий взгляд.

– Хорошо, Тим. Следуй за мной.

Он поднялся и направился к двери в противоположной стене помещения. Она вела в коридор без окон, в который можно было попасть только из покоев Старших и в котором никто не нес стражу. Урбан постучав в дверь в правом торце и вошел, я последовал за ним против воли.

Теперь мы находились в кабинете Первосвященника и я показался себе крохотным в этих древних почтенных стенах. Маркус стоял возле великолепно сделанного подставца для чтения и листал книгу, выглядевшую очень старой. Он обернулся, когда я вошел, и улыбнулся дружелюбно. В то же время его глаза так пронизывающе смотрели на меня, что я не смог этого вынести и быстро уставился в пол.

– Итак, ты здесь. Помнишь ли ты о нашей беседе несколько дней назад, Тим?

– Да, Господин.

– Я говорил с тобой о миссии посланника.

– Да, Господин.

– Я передам тебе рукопись. Надежно спрячь ее, никому нельзя ее видеть – ни нашим братьям, ни горожанам, ни кому-либо еще. Ты не проронишь ни слова об этом. Урбан официально пошлет тебя к нашему миссионеру в Город, чтобы никто не задавал вопросов. Но твоим собственным заданием будет передать письмо одному конкретному человеку, и *только* ему. Я не строю никаких иллюзий в этом плане – это будет нелегко. Его трудно найти и еще сложнее установить с ним контакт и если он не прислушается к твоим словам, у тебя не будет второго шанса.

– Где я должен искать его?

– Я дам тебе карту, полученную от моего друга, с которым ты уже познакомился. Он всегда невероятным образом обо всем хорошо проинформирован.

Он запустил руку в ящичек на нижней части подставца и протянул мне маленький клочок бумаги. На нем был изображен дом в одном немного злачном квартале, насколько я про это знал. Не в таком гибельном и опасном как Гавань, но определенно не то место, которое хотелось посетить.

– Там я найду его? И должен просто постучать к нему в дверь?

– Если ты так сделаешь, то скорее всего обнаружишь себя на дне Гавани с камнем, привязанным к ногам, прежде чем даже осознаешь это. Ты будешь должен найти другой путь. Наблюдай за ним, жди подходящего момента. Но будь осторожен, ведь если он это заметит, то в лучшем случае скроется.

Я не хотел бы знать, что могло случиться в худшем случае.

– Никто не должен заметить, что ты передал ему сообщение. Кроме того, было бы неразумно и безуспешно приближаться к нему в одежде хаммеритского неофита. Он – не друг Ордена. Ты будешь носить неброское уличное платье. Неважно, сколько тебе понадобится на это времени, но только выполни поручение.

– Откуда я должен знать, кто тот, кого я ищу?

– Ты его узнаешь. Его глаза разного цвета.

Несколькими часами позже я нетвердой походкой покинул монастырь. Прямо возле своего бешено бьющегося сердца было спрятано искусно запечатанное письмо. Я лишь коротко глянул на него – там не было имени. Достаточно удалившись от монастыря, так, что никто из братьев уже не мог меня видеть, я бросился в заросли и, ежась от холода, сменил костюм неофита на грубую темную уличную одежду, которая была упакована в мой путевой мешок. Вместо своего молота я припрятал маленький наручный кинжал, который мне был гораздо больше во вкусу чем тяжеленный монстр. Но было также до боли понятно, что в случае нападения нужно спастись бегством, ведь как боец я был ниже среднего.

Монастырь, в который меня приняли, лежал обособленно от Города. Я знал, что в городских стенах был большой монастырь наших братьев, но разумеется меня послали не туда, а предположительно разыскать одного из наших миссионеров в малоприятных кварталах, которые (в основном безуспешно) пытались обратить кого-нибудь в веру Строителя. В действительности я был предоставлен самому себе и достаточно снабжен деньгами. Урбан предостерег меня не спускать с кошелька глаз, иначе я его быстро лишусь, если буду невнимателен.

Я был в пути почти целый день, пока не показался Город, и не встретил ни одной живой души. Тишина зимних, туманных полей тяжело давила и я ловил себя на мысли, что прислушиваюсь – не устремляются ли на меня из холодной лесной тьмы шаркающие шаги. Но, к счастью, ходячих мертвецов Беппо было не видеть.

Опасность исходила прежде всего от живых, как стало ясно, когда я много часов спустя пересек границу Города. Я бывал здесь лишь изредка, ведь это было заданием Лота – сопровождать отца на рынок, я ехал вместе с ними, если только были вынуждающие к тому причины. Но это было совсем другое, чем в одиночку рыскать по переулкам.

Когда я, без особых проблем со стражниками, прошел городские ворота, создалось впечатление, что вступил на вражескую территорию. Стояла сумасшедшая толкотня позднего дня, телеги толкались сквозь улицы, стукались одна об другую, возчики орали на животных и друг на дружку в таких цветистых выражениях, что я покраснел до кончика своего неофитского носа. Мужчины и женщины всех гильдий и классов проталкивались и шли мимо. Воняло, шум был оглушающим. Высокие стены вздымались справа и слева, внушая мне чувство бесполезности бегства от них. Один попрошайка заметил меня, распознал опытным глазом мою неуверенность и начал приставать, пока я быстрым шагом не удалился от него.

Я желал никогда не приходиться сюда, в то время как столкнулся с проходящей мимо и глядящей волком жирной бабой, и поспешно двинулся по улице в направлении к

рыночной площади с кошельком, крепко зажатым в руке. Я разыскивал Рынок не потому, что он лежал на пути, а потому, что он был единственным местом, которое я более-менее знал и надеялся там получше сориентироваться. Но это оказалось не таким легким делом – найти его, уже смеркалось, когда я наконец туда добрался. Зимний воздух стал льдисто-холодным и напоминал о том, что у меня на ночь нет крыши над головой. Но потом я вспомнил взгляд Торбена, с которым он говорил о моей никчемности, и твердо решил еще сегодня найти обозначенный на карте квартал.

Рынок и улицы заметно опустели и ночная стража начала зажигать фонари. Хорошо, что стало немного тише. Я начал с усилием разглядывать мою карту, ориентируясь и стараясь отыскать дом странного мужчины с разноцветными глазами.

Если поначалу мне бросилось в глаза, что улицы опустели и стало тише, то уже позже начало внушать опасения, чем дальше я удалялся от часто патрулируемых стражей богатых районов районов и углублялся в беднейшие, расположенные близ Доков. Количество стражников, как и количество фонарей существенно уменьшилось, зато появилось много неприятных темных закутков. Иногда лишь бледный свет из окон домов освещал улицы, которые стали заметно уже и превратились в невообразимую путаницу угловатых переулков. Я безнадежно заблудился и долгое время просто шатался кругом, пока с облегчением не увидел огни постоянного двора и не услышал громкие голоса вперемежку с грубым смехом.

Когда я толкнул дверь, навстречу ринулся поток спертого горячего воздуха. Питейная была маленькой и переполненной, пахло перестоялым пивом и дымом. В камине полыхал огонь и мне вдруг стало ясно, как я замерз и проголодался.

Типы за столами и у стойки не особо заинтересовались мною. Они, очевидно, уже довольно долго бражничали и были соответствующе навеселе. Краснощекая хозяйка обладала роскошными формами и проявляла необычайное искусство защиты от наглых рук. В особо тяжелых случаях она выдавала нахалу порядочный хук правой. Ее муж с лицом разъяренного медведя проталкивался сквозь народ, чтобы принести мужчинам свое пойло. Судя по запаху, он сам изготавливал эту бурду, а судя по тому, как выглядели посетители, речь здесь шла о чем угодно – от переживаний по поводу заржавевшего тележного колеса до сифилиса.

Я удостоверился, что кошелек при мне, пошел к стойке. Пришлось оттолкнуть в сторонку одно-другое мертвецки пьяное тело, чтобы освободить место, чуть было не упал в обморок от дыхания одного из них, когда мужик странно и мягко осел на пол и свернулся как собака. Осторожно перебравшись через него, я облокотился о прилавок.

Хозяйка оценивающе глянула на меня и сказала:

– А ты вообще в том возрасте, чтоб находиться здесь, мальй?

Я уверил ее в этом, однако она казалась мало убежденной. Я разыграл из себя бедного, измученного и насвозь продрогшего крестьянского сына, у которого достаточно денег для обеда, и это, думаю, убедило ее окончательно. В качестве обеда получил несвежий хлеб и кусок сыра, который пах снятым ботинком, вдобавок кружку того, что я решил назвать пивом. Сразу же после первого глотка создалось впечатление, что внутри вспыхнуло пламя. Я ел и пил с полным презрением к смерти, а затем спросил у нее про дорогу, показав карту и из предосторожности держа большой палец над помеченным местом. Хозяйка объяснила, что это всего двумя улицами дальше, но ночью лучше бы держаться на расстоянии оттуда, если мне дороги деньги и жизнь. Пьяница у меня под ногами довольно хрюкнул и затем захрапел.

Я спросил, есть ли для меня комната, чем заставил ее от души рассмеяться. Когда женщина заметила, что я говорю серьезно, то предложила мне местечко в стойле позади трактира.

– Там не очень хорошо пахнет, потому что мой муж варит там пиво, зато сухо и тепло.

Я принял предложение и хозяйка показала мне место в огромном деревянном сарае. Там стоял один только огромный тяжеловоз с косматой гривой, все остальное пространство было занято пивоварней хозяина. Не буду лучше в деталях описывать, что за

компоненты для этого он смешивал. Было еще один или два пустых отделения, куда очевидно складывали солому. Я собрал всю, сколько нашел, в одну кучу. Хозяйка принесла мне маленькую лампу и лошадиную попону. Позаботившись таким образом, она оставила меня со словами о том, что я спокойно могу оставаться здесь какое-то время, если ничего не буду трогать.

Поблагодарив ее, я положил под себя мой кошелек, завернулся в свой слишком короткий плащ и одеяло и сразу же уснул, едва погасла лампа.

4

Утро подняло меня на ноги очень рано, но в значительно лучшем настроении чем днем раньше. После скудного завтрака в трактире, перед чьей дверью лежал тот самый тип, которого я отпихнул от прилавка (очевидно, прямо там, куда его вышвырнули ночью), я почувствовал себя бодрее.

Благодаря описанию хозяйки я действительно быстро нашел ту улицу, что искал, и даже для такого скверного чтеца карт вроде меня было уже не сложно, отыскать нужный дом. Это было здание, в котором сдавались квартиры и, судя по величине, его населяло множество жильцов.

Я вспомнил про совет Первосвященника: не дать понять разыскиваемому, что знаю про его убежище, ведь это знание явно было опасным. Итак, не оставалось ничего другого как болтаться на площади перед домом и выжидать. Я, закутанный в свой тонкий плащ, пристроился в одном углу, облокотившись о стену и подбрасывая носком ноги камешки в воздух.

Долго ничего не происходило. Улицы все более заполнялись. На одной из близлежащих площадей был рыночный день, так что торговцы со всевозможными товарами стекались туда. Пару раз кто-то выходил из дома, но среди них не было мужчины с разноцветными глазами. В полдень я уже начал нервничать. Правильно ли чужак обозначил дом?

И правильно ли я прочел карту?

Возможно, он уже давно выскользнул через черный ход. Возможно, мой пост наблюдения слишком бросался в глаза и теперь я его никогда не увижу. Что, если Торбен был прав, говоря, что я ни на что не годен?

Я был близок к тому, чтобы оставить свой пост, но затем с большим напряжением призвал себя сохранять спокойствие. Не было никакого смысла бесцельно слоняться кругом, я буду ждать тут и все, пускай даже ноги превратятся в лед.

Итак, я остался там где был.

Когда башенные часы вдалеке пробили два раза, мой желудок страшно заурчал, а до синевы замерзшие пальцы едва шевелились. Я в бесчисленный раз подышал на них, но это уже давно не имело смысла.

В этот момент некто вышел из дома. Я легко мог бы упустить его, ведь тип выскользнул из двери как кошка и, казалось, собрался раствориться в толпе. Одну секунду я колебался – что, если это не тот мужчина? Его лицо нельзя было увидеть. Если я брошу пост, то в решающий момент, возможно, не окажусь в нужном месте. Но если это был он, то найти его уже никогда не удастся, если я сейчас же за ним не последую. Я решил хвататься за соломинку и двинулся за ним.

Он передвигался быстро и уверенно, мне стоило больших трудов сохранить темп. Его широкий темный плащ развевался позади. Он приблизился к рыночной площади, плавно обошел лотки, повернул за угол и ... попросту исчез. Я в нерешительности топтался на месте, проклиная самого себя, прошел чуть дальше в лавочный переулок и сдался. Вокруг кишели люди, было невозможно снова его отыскать.

Я мог бы окликнуть его, если бы он возвращался, но тогда окончил бы жизнь на дне Гавани и потерпел неудачу. Я промерз насквозь, был голоден и жалок. Почему они послали с таким заданием именно меня, они же знали, что я был самым неподходящим из всех мыслимых кандидатов?

Развернувшись, я пошел медленно назад, кошелек по-прежнему стиснут в руке, ведь я не забыл предупредений. Толстая дама с двумя лакеями повернула за угол, это было странное зрелище в этом более чем бедном квартале. Она была разодета как пава, а лицо с изящным макияжем несло на себе столь свойственное аристократам выражение напыщенности в сочетании с еще большей глупостью. Она гордо прошествовала к одному лотку со свертками ткани, в то время как ее слуги с явным неудовольствием топали позади. Я просто встал и уставился на них, так сильно удивил меня это непредвиденный спектакль.

В тот момент, когда аристократка склонилась над тканью и спрашивала о чем-то продавца голосом, способного без труда разбудить и мертвого, я увидел преследуемого мной мужчину, стоящего прямо возле нее и также изучающе рассматривающего ткань.

Без дальнейших раздумий я использовал этот случай, подбежал к нему, дотронулся до плеча и спросил:

- Извините, господин, могу я задать Вам вопрос?

Далее дело не пошло, ведь все случилось невероятно быстро.

Благородная дама принялась так громко орать, что я испугался, как бы тут же не оглохнуть, и схватилась за ее увенчанную двойным подбородком шею, где еще совсем недавно висела очень красивая и очень дорогая цепочка. Она находилась теперь в руке мужчины, которого я коснулся, и его искусное, невидимое движение стало из-за этого ощутимым для дамы. Он обернулся ко мне с неописуемым бешенством – один глаз был серым, другой мерцал странным светло-зеленым цветом. Затем огляделся, проворно оттолкнул вопящую бабу и ее обоих слуг и быстрыми шагами скрылся в толпе с натянутым на голову капюшоном.

Со всех сторон примчались стражники и окружили лоток. Они не сразу поняли, что собственностряслось, ведь вопли женщины было нелегко понять, они перекрывали объяснения стоящих кругом людей, но потом они поспешно ринулись на поиски.

Я, потрясенный до глубины души, остался стоять. Вор. Парень был вором, я только что повесил ему на хвост городскую стражу и теперь-то уж точно никогда не увижу.

Как теперь вернуться я к моим братьям? Никогда мне уже не смыть позор этого промаха.

Размышляя, с поникшей головой и шаркающими ногами, я вернулся к тому месту, где ожидал его. Когда я пересекал узкий и мрачный проулок, ведущий к площади перед его домом, появилось нехорошее чувство, словно сзади кто-то был. Я хотел обернуться, но было слишком поздно. Нечто очень острое и холодное очень убедительно легло поперек моего горла, сильная рука схватила меня сзади, чтобы утянуть в темноту. Я не издал ни звука и покорно позволил оттащить себя в маленькую темную боковую улицу.

Здесь не было ни души. Я попрощался с жизнью.

– Чего тебе от меня надо? Кто тебя послал? – прошипел голос над моим ухом и беспощадная сталь сильнее надавила на шею.

Я прокаркал что-то невразумительное и его хватка немного ослабла.

– У меня для Вас письмо. Это важно, правда. – проговорил я сдавленно.

– От кого?

– От Первосвященника моего Ордена, Мастера Маркуса.

Вор слегка присвистнул сквозь зубы.

– Ты хаммерит? Ребята, должно быть, совсем в отчаянии.

– Я всего лишь неофит, господин.

– И каким же важным должно быть письмо, если они доверяют его кому-то вроде тебя? Любой ребенок может его у тебя отнять.

– Они не могли послать никого из воинов, господин, ведь это слишком бросалось бы в глаза.

– Слишком бросалось бы в глаза кому?

– Этого я не знаю, господин. Пожалуйста, господин, мне не хватает воздуха...

Он отпустил меня и я осторожно обернулся к нему. К моему неудовольствию он не спрятал нож, а поигрывал им, в то время как от его внимательного взгляда не ускользало

ни единое мое движение. Было ясно, что он сумеет намного быстрее заколоть меня, прежде чем удастся убежать. Так что надо было всю сотрудничать.

Его зеленый глаз своеобразно мерцал и двигался время от времени намного быстрее его серого глаза, если присматриваться повнимательнее. Я спрашивал себя, что могло бы быть причиной для такой странности. Длинный рубец пролегал по этой стороне лица через лоб и щеку. Он был примерно десятью годами старше меня, лицо его было узким и серьезным. Волосы были темными и короткими, фигура атлетического сложения, не то чтобы сильно мускулистая, но крепкая и гибкая. Он был на голову выше меня.

Взгляд его глаз нес в себе скрытый скептицизм и сдержанность, как это было у одной полудикой гибкой кошки с нашего двора. Она выходила сухой из воды во время бесчисленных угрожающих ее жизни ситуаций и ее глаза все время со странным пониманием глядели на меня. Отец неоднократно пытался свести счеты с животным, ведь она воровала с большой изобретательностью, самоконтролем и элегантностью наши запасы мяса, но она оказывалась всегда хитрее и проворнее чем он.

Вор покатал нож в пальцах с длинными суставами. Выражение его глаз как-то не сочеталось с его еще по-юношески выглядящим лицом. Может, он был старше чем казалось.

– Покажи мне письмо.

Только я попытался его вытащить, как вдруг раздались громкие шаги из переулка и голос выкрикнул: „Он здесь!“

Секундой позже посыпались стрелы. Фигура возле меня уже исчезла, в то время как я совершенно обалдевши все еще стоял там, потом я услышал вздох вора, его рука протянулась и в последнюю секунду убрала меня с линии стрельбы. Следующее, о чем я припоминаю, было то, как меня тащили вверх по лестнице и как я неуверенно спотыкался, потом передо мной отворилась дверь и я был в темноту за ней. Вор швырнул меня на другую стену, схватил стоявшую в маленьком закутке за дверью бочку и швырнул ее вниз по лестнице. Громкие проклятья снаружи красноречиво доказывали, что бочка не пролетела мимо цели. И снова он тащил меня за руку, как малое дитя, после чего немилосердно вытолкнул через люк в крыше наружу.

Задыхаясь, мы неслись по крышам, я не отваживался бросить взгляд вниз, ведь тогда со страху сразу бы свалился. В конце концов ничего не было слышно, кроме нашего загнанного дыхания, и мой провожатый опустил позади трубы, притянув меня к себе.

Он осторожно посмотрел за угол, остался доволен тем, что увидел, облокотился о стену и на мгновение прикрыл глаза, пока его дыхание успокаивалось.

– Ты уверен, что тебя послали ко мне не как божью кару?

Я сделал так, как обычно поступал в такие моменты – смущенно опустил глаза и не сказал ни слова.

Через некоторое время послышался его тихий смех.

– Кажется, ты теперь в розыске, а, малыш? Когда твой Мастер узнает об этом, его хватит удар. Теперь пошли.

Он поднялся и повел меня по высоким крышам, пока мы не подошли к незапертому люку. Открыв его, он втолкнул меня внутрь. Я был весьма благодарен, что он больше не использует кинжал, чтобы убедить меня следовать вместе с ним. Но я и без оружия перед носом чувствовал к нему глубокое уважение и поспешил спуститься вниз.

Лестнице ниже он открыл дверь (*ключом*, это заставило меня предположить, что он действительно тут жил) и мы переступили порог по-спартански обставленной комнаты. Там была кровать, пара стульев, стол и камин, в котором еще светились угли. На полке возле стены стояла пара книг, насчет которых я был уверен, что они служили не только как украшения, но совсем не уверен в том, что он их *купил*. Было холодно. Несколькими заученными движениями он зажег огонь в камине и пару светильников, потом уселся на кровать и взглянул на меня.

– Ты мало говоришь, а?

Медленно и со странными усилиями он начал стягивать плащ, и лишь сейчас мне стало ясно, что он истекал кровью. Стрела попала ему в левое предплечье чуть ниже

плеча, он обломал ее тут же, чтобы не мешала. Вытащить ее означало бы обессиливающую потерю крови, а также остался бы отчетливый след, который верно указал бы путь нашим преследователям. Он увидел мой испуганный взгляд и скорчил мину, затем снова занялся своей одеждой.

Что я более-менее хорошо умел, так это обрабатывать раны. Я научился этому у матери, прежде чем она умерла, ведь на крестьянском дворе вроде нашего все время можно было легко или тяжело пораниться, а лекаря мы себе не могли позволить. Я поспешно шагнул к нему, с тем успехом, что его кинжал снова очутился у него в руке.

– Я... я хочу лишь помочь.

Он рассматривал меня изучающе, затем отложил оружие в сторону. Подбородком указал на виднеющуюся часть стрелы:

– Ты можешь что-то в этом роде?

– Да, господин. Рана тяжелая, господин. Я могу о ней позаботиться.

– Давай, не стесняйся.

– Но мне нужно кое-что – травы и бинты, господин, я мог бы принести их с рынка...

– ... вместе с городской стражей.

– Н-нет, господин, меня же теперь тоже ищут, Вы же сказали...

– Парни не узнают тебя, даже если ты сделаешь перед ними стойку на руках и подпрыгнешь при этом ногами, уж поверь мне.

– Я действительно хочу Вам помочь.

Ему на самом деле было хуже, чем он пытался мне показать и мне было ясно, что нужно вытащить проклятую штуковину из его плеча. Но тогда оно стало бы сильно кровоточить и сильно воспалилось бы, я не видел здесь ничего такого, чем можно было это прекратить. Он откинулся назад на кровати и закрыл глаза.

– Ну хорошо, тогда иди. Жду с нетерпением твоего возможного возвращения.

Я сразу повернулся и пошел. Когда я был в дверях, он спросил меня:

– Тебя как звать, малыш?

– Тим.

– Тим, значит. А я Гарретт.

Он снова закрыл глаза. Я помчался, будто за мной гнались черти.

Со втянутой в плечи головой я прошмыгнул мимо стражников, но он был прав – они не обратили на меня внимания. Найдя нужные травы, я торговался что есть мочи – стоимость всего весомо превышала мои финансы. Затем победоносно и поспешно пустился в обратный путь. Начало смеркаться, когда я зашел в комнату.

Вор лежал в так же, как я его оставил, и не шевелился. Я озабоченно подступил ближе, он быстро вскочил, узнал меня снова успокоенно сполз назад.

Начав работу, я отыскал котел и раздул огонь посильнее, чтобы приготовить пасту из трав. Когда мазь для раны была готова, я понес ее и бинты к постели. Сейчас пришла очередь того, чего я больше всего опасался. Мне уже один раз довелось видеть, как удаляют стрелу, но смотреть и делать самому – две разные вещи.

От матери я знал, что если действовать слишком осторожно, то многочисленные движения причинили бы раненому лишние боли, но если действовать слишком поспешно, то можно было вызвать сразу обильное кровотечение и причинить еще больше вреда, чем уже было причинено стрелой.

Я заставлял свои пальцы не дрожать, когда я ухватился за обломок. Потом попытался вытащить шуковину наружу и быстро заметил, что это совсем не легкое дело. Я едва мог ухватить кровавый и короткий остаток древка, а пальцы все время соскальзывали. Пытаясь действовать как можно лучше, мне оставалось только удивляться его самообладанию. Он стал очень бледен, задержал дыхание, а мускулы на его щеках напряглись так, что готовы были порваться, однако не издал ни звука.

В конце концов я сдался. Проклятая штуковина очевидно была с зазубринами. Я знал, что был один лишь путь, чтоб выдернуть ее наружу. Переведя дух, я собрал в кулак всю решительность и все свое мужество и с силой надавил на обломок, так что он вышел с

другой стороны, проткнув кожу. Раненый сильно содрогнулся. Теперь стрела подалась и ее можно было быстро вытащить.

Я сразу начал обрабатывать рану, задержав поток крови, терпеливо ожидая, пока он остановится, наложил мазь и крепко перевязал мест ранения. Когда все было готово, я заметил, что он больше не открывал глаз, если с ним заговариваешь. То, что дыхание его было равномерным, успокоило меня. Хребет мой затрещал при попытке перенести его в постель. Так же неуклюже я освободил его от сапог и поддержал одеяло, чтобы укрыть его.

Когда я о нем наконец позаботился, то увидел, что мои руки трясутся от усталости. Подтащив один из стульев поближе к огню, я съезжился на нем и почти мгновенно уснул.

Была примерно полночь, когда меня разбудил некий звук. Понадобилось время, чтобы сориентироваться и привести в порядок скрюченные кости. Огонь в камине превратился в тихо тлеющие красные головешки. Я прислушался к тому, что творилось позади.

Раненый лежал беспокойно на кровати и дрожал всем телом. Подойдя, я зажег свечу возле постели. Его кожа пылала, это можно было почувствовать, коснувшись рукой. Он не реагировал ни на свет, ни на прикосновения, ни на мой голос. Мне было ясно, что это могло означать. Если ко всему прочему у него началась гангрена, то моя миссия окончилась, по-настоящему не начавшись.

Я помчался вниз, набрал воды из колодца на площади, споткнулся об неизбежного пьяницу в дверном проеме и снова взлетел по ступенькам, чтобы намочить оставшиеся бинты и обернуть ими его икры, руки и лоб, чтобы с помощью компресса изгнать жар из его тела. Я мог только пытаться понизить опасную высокую температуру и надеяться, что он был сильнее того, что сейчас завладело им. Остаток ночи я провел меняя смоченные холодной водой бинты вокруг его ног, рук и лба, снова и снова таская воду из колодца. Когда забрезжил рассвет, жар был побежден. Он стал спокойнее и я прикорнул у края кровати, положив голову на руки.

5

– Эй! Ты что, никогда больше не проснешься? – Чья-то рука трясла мое плечо.

Стоял ясный день и Гарретт смотрел сверху на меня. Он уселся на кровати и выглядел хотя и не цветущим, но тем не менее гораздо лучше нежели прошлой ночью.

– Не вставать, – пробормотал я спросонок.

– Ты не хочешь вставать?

– Нет, господин, – я быстро поднял голову и поспешно вмешался, предотвратив его попытку подняться из кровати. – *Вы* не должны вставать.

Удивленный моей резкостью, он плюхнулся обратно.

Я встал и теперь возвышался над ним, насколько это вообще было возможно с моим малым ростом и не особо впечатляющей шириной плеч.

– Вы должны еще несколько дней придерживаться постельного режима.

Он поглядел на меня с усмешкой, но ничего не сказал.

– У Вас была высокая температура! – заорал я, обезоруженный прячущейся в его глазах насмешкой. – Вы должны слушать меня!

– Успокойся, я буду послушным. Письмо все еще у тебя?

Про это я вообще полностью забыл. Когда я вынул его из-за пазухи, письмо выглядело так, словно его переехала запряженная волами телега. Я отдал его Гарретту и снова сел на свой стул возле камина. Огонь почти угас и я пошуровал там и подбросил дров. Он сломал печать и молча читал. По его лицу можно было прочесть, что он не был уверен, не должен ли он громко расхохотаться над содержанием. Затем отложил бумагу в торону и с закрытыми глазами опустил на подушки. Он был все еще очень бледен.

– Вы должны поесть чего-нибудь, господин.

Он не ответил.

– Я мог бы позаботиться об этом... правда, вчера я потратил все мои деньги на перевязочные материалы...

Секунду он внимательно глядел на меня, как будто нечто важное стало ясным для него. Затем сказал:

– Я как раз зарабатывал себе немножко денег, когда познакомился с тобой. Проблема в том, что ты не сможешь купить хлеба на цепочку той старой карги. Я должен сначала превратить ее в монеты, если ты понимаешь, о чем я.

– Я мог бы это сделать для Вас.

– Тогда прощайся со своей невинной неопитской душой.

– Прекратите забавляться надо мной.

– Это слишком опасно.

Я резко втянул воздух. Что он себе возомнил? Неужели на полном серьезе думает, что в теперешнем своем состоянии способнее меня?

– По крайней мере я в состоянии сделать это! А у вас получится только дойти до двери и обратно!

Я почти испугался своей гневной тирады, но он, казалось, был мало впечатлен. Он вздохнул и снова молчал так долго, что это меня буквально разъяряло. Затем сразу заговорил:

– Ступай в переулок, где нас накрыли стражники. Когда ты полностью пересечешь его, то окажешься перед дверью. Дом принадлежит Бинку. Он зовет себя торговцем. Особенно его интересуют товары наподобие моего.

Он вытащил цепочку из своего кошелька, который я положил вместе с одеждой на стул возле кровати. Когда я протянул руку, он придержал цепь и сказал:

– Здесь полно людей, которые с удовольствием перережут тебе за это глотку. Никому, кроме Бинка, не показывай цепочку. Если кто-нибудь тебя схватит, пытайся хотя бы бороться или просто беги так быстро, как только можешь. Она стоит как минимум сотню. Не соглашайся на меньшее.

Я проглотил ком в горле, ведь такую кучу денег мне еще никогда не доводилось видеть. Мне стало ясно, что в сравнении с этим моя собственная жизнь для тех парней снаружи была сущим пустяком. Стараясь не показать испуга, я вышел. Цепочку я просто повесил себе на шею, застегнув куртку до горла и нацепив огромный шейный платок.

Стараясь быть как можно менее заметным и сжимая под плащом рукоять своего кинжалчика, я прошел по оживленной улице и свернул в переулок. Как и вчера, там было темно, пусто и неприветливо. Беспokoящая, почти что звенящая тишина висела в воздухе, а тени образовывали темные логова, в которых могло притаиться Бог знает что. Я уже запоздало пожалел, что дал волю языку.

Хотя ноги мешкали, пришлось заставить их идти быстрым шагом, ведь я не хотел показать ни себе, ни кому-либо еще своей слабости. Стараясь смотреть прямо перед собой, я через минуту увидел спасительную дверь и, подойдя, перевел дух. Может, он просто хотел нагнать на меня немножко страха. Я постучался. Сначала ничего не произошло, но спустя немного послышались приближающиеся неторопливые шаги.

Фигура типа, оворившего дверь, была приземистой и жирной, обрюзгшее лицо с ноздреватой кожей напоминало свиную морду. Однако даже свинья была в данном случае привлекательней. Маленькие злобные глазки оглядели меня с любопытством и недоверием.

– Ты кто и чего тебе нужно?

– Я Вам хочу продать кое-что.

– Например? – он не верил ни единому слову.

– Что-то, что я не стану показывать Вам на улице.

Казалось, он раздумывает, не врезать ли мне как бродячему псу, однако любопытство победило.

Он втянул меня за собой в темную комнату, что служила приемной, и заботливо запер дверь. Потом обернулся и теплый смрад из его рта ударил в ноздри, когда он подошел поближе, сказав: „Дай поглядеть“.

С некоторой неуверенностью я вытащил цепочку, и его жирные пальцы тут же попытались с жадностью сцапать ее. Я, не будь глуп, быстро отошел на шаг назад, он глядел разочарованно.

– Откуда она у тебя? – его глаза недобро блеснули. Я смекнул, что Гарретту повредило бы, если весь квартал узнает о его ранении, ведь наверняка были те, кто ждали этого шанса.

– Я ее кое-где подобрал.

– Хе, подобрал? Да ей грош цена – так, мишура, дешевка со слюдой. Дай ее сюда и я дам тебе... пять, нет, десять золотых за то, что ты такой славный мальчуган. Но смотри, не говори никому.

Я скучаяще глядел на него и ничего не сказал. Вчера, торгуясь при покупке лекарств для Гарретта, я здорово поднаторел в этом деле. Он занервничал, оскалив редкие зубы:

– Не будь дураком, ишь какой упрямый, а? Хорошо, тридцать. Но ты меня разоряешь.

Презритель фыркнув, я не сказал ни слова. Это заставило его попытаться запугать меня.

– Вообще-то я могу и не выпустить тебя отсюда. Никто не услышит, как ты тут орешь, да это никому и не интересно. Бери пятьдесят и пошел вон, а не то...

Он с отвратительной алчностью жаждал получить эту цепочку.

Кинжал блеснул из-под плаща, когда он сделал шаг в мою сторону. Я, разумеется, сразу бы его бросил и, вопя, умчался прочь, продолжай он наступать. Но я правильно оценил Бинка, ведь он отшатнулся как от змеи и примирительно ослабил. По сути он был просто жирным трусливым мужиком. Ему не требовалось знать, что я не умел обращаться с кинжалом и был напуган вдвое больше чем он.

– Я хочу сто двадцать, – сказал я тихим, твердым голосом, сам себе удивляясь: во-первых тому, что голос не дрожал, во-вторых, что он воспринял мои слова всерьез.

– Это сумасшедшая цена. Столько тебе за это нигде не дадут. Даю восемьдесят.

Он держался на почтительном расстоянии, наверно, считал меня эдаким волком в овечьей шкуре, потому как я не испугался его угроз. А я всего-то применил один прием из жизни, который демонстрировал наш вол на пашне: никто не должен понять, что он сильнее меня, хорошая демонстрация превосходства обещает зачастую истинное превосходство.

– Сто пятнадцать.

– Никогда. Тогда придется класть зубы на полку. Девяносто.

– Сто десять. Это последнее предложение. – Я говорил тихо, медленно и очень проникновенно, восхищенный тем, что мне удавалась такая сумасшедшая интонация.

Он схватился театральным жестом за грудь, изображая, очевидно, готовое вот-вот рухнуть дерево. Не дожидаясь красочного описания сирой бедности, в которую я угрожал его ввергнуть, и резко развернувшись, я направился к двери.

– погоди! погоди! Сто десять, да? Дай мне подумать, хорошо?

Обернувшись было, я тут же развернулся снова, когда он попытался тянуть время.

– Хорошо! Хорошо! Но я разорен, разорен!

Молча глядя на него, я ждал, пока он отсчитывал деньги. Я должен был собрать волю в кулак, чтобы ничем не выказать невероятного восхищения самим собой. Он мне вручил тяжелый кошель, а я, передав ему цепочку и пристроив кошелек под плащом, вышел вон.

Больше всего на свете мне хотелось громко ликовать, после того как дом скупщика краденого остался позади. Однако я забыл об одной мелочи – надо было еще без приключений выбраться из переулка. Когда я стоял на пороге и шелканье позади меня известило о закрытии замка двери, они уже приближались. Их было трое, казалось, они ждали, пока я выйду. Взгляд на крысиное лицо находящегося напротив мужчины явно давал понять, что блефом тут не отделаться.

Главными чертами его характера были, казалось, жестокость в паре с опаснейшей изворотливостью. Снова я почувствовал себя мышью, вокруг которой кружит (на сей раз смертельно ядовитая) змея. Он скривил рожу в неприятной гримасе, будто хотел сказать что-то типа „Читай молитву“. Тут мне вспомнилось, что Гарретт советовал мне бежать что есть силы, и я дал на полную катушку.

Прыгнув на него и сделав при этом такой неловкий кульбит, что сырая мостовая выскользнула у меня из-под ног, я, подскользнувшись, упал и кубарем пролетел мимо сильных хватких рук и мелькнувшего ножа впечатляющих размеров.

Мне каким-то чудом удалось оказаться на ногах, прежде чем меня схватили, а потом побежал, сверкая пятками, как испуганный кролик. Я мчался по переулку дикими зигзагами, ничего не видя перед собой, к виднеющемуся маленькому кусочку улицы, при этом сбив с ног нескольких попрошаек, оказавшихся на пути. Лишь только когда те в бешенстве начали избивать меня, стало ясно, что преследователи отстали, и я морщился из-за болезненных тычков и грязных ругательств с выражением счастья на лице. Я чувствовал вес кошелька на поясе, возвращался с добычей, победоносно и невредимый, и прямо раздувался от гордости.

Гарретт лежал на своей кровати все с той же насмешливой улыбкой:

- Ну и сколько удалось из него выколотить?

- Сто десять, - самодовольно возвестил я.

- Хм-м.

Больше ничего не последовало. Но это молчание не означало презрение, ведь мое воодушевление было очевидным, я был в отличном настроении и начал готовить нам еду. Мы молча поели и я полагаю, сегодня вечером он был мной доволен.

6

На следующее утро было уже невозможно удержать моего „пациента“ в постели. Он уже вовсю ходил, когда я проснулся, и я мысленно проклял его замечательную способность двигаться бесшумно. Было бы нелегко услышать, как он встает.

Пока я сетовал сам на себя, что не приковал упряма за руки и ноги, пока тот валялся без сознания, он уже сготовил завтрак. Потом разыгралась целая дискуссия о том, что он должен носить руку на перевязи, чтобы рана лучше залечилась. При этом дискуссия заключалась в том, что я многословно пытался его убедить, а он лишь настырно помалкивал.

Наконец ему это надоело, и он разрешил мне еще раз обработать руку и наладить перевязь. Благодаря его чрезвычайной живучести и рецепту мази моей матери рана уже начала затягиваться, однако потребовались бы недели, чтобы окончательно забыть о ней. После этого „врачевания“ с моей стороны он надел сой широкий плащ и требовательно бросил мне:

- Пошли.

Я поднялся.

- А куда это мы?

- Навестим старых друзей.

Ирония сквозила в каждом слове, но больше ничего из него вытащить не удалось, и я, узнав его теперь получше, знал, что спрашивать бесполезно.

Мы пересекли почти весь Город, я с немим восхищением пялился на великолепные господские дома аристократов, мимо которых проходил. Миновали городской монастырь моих братьев и я ощутил укол совести – я почти уже забыл, что хотел стать хаммеритом.

Гарретт держался в сторонке от стражей монастыря, я догадывался почему, ведь точно также, по широкой дуге он обходил городскую стражу. Здание было гигантским, окруженное высоченной стеной, с двумя огромными боковыми флигелями, в которых жили мужчины, и поражающей воображение монастырской церковью, чья башня высоко вздымалась во внутреннем дворе. Я слышал об окутанной легендами библиотеке, правда с моими познаниями в чтении и письме вряд ли можно было оценить по достоинству все ее

ценности. Я охотно спросил бы Гарретта, наносил ли он однажды „визит“ в это здание, как выразился Первосвященник Маркус. Однако он был явно не настроен на разговор и кроме того его щеки снова стали бледными, ведь сравнительно долгий путь был тяжек для неокрепшего тела.

Вдали, с той стороны городской стены, обрисовалось другое большое здание – это и были те пять Башен, четыре из них угловые, соединенные высокой стеной в форме четырехугольника, а в середине – отдельно возвышающаяся исполинская Башня. Все они, казалось, были выстроены в разном стиле, и даже материал для постройки был неодинаков. Смотрящая на запад Башня была из красноватого блестящего металла, северная – из некоего вида белого камня, напомнившего мне очень светлый мрамор, но это было что-то совершенно иное, ведь камень этот выглядел почти как лед.

Во тьме позади стояла восточная, синевато мерцающая Башня, а южная казалась целиком сделанной из глины, что, конечно, не было правдой – такое огромное строение ни за что не устояло бы, будучи изготовленным из подобного материала. Самая большая средняя Башня была из исполинских отесанных блоков простого серого камня и господствовала над остальными.

Гарретт, увидев восхищение на моем лице, заметил:

- Это Крепость Магов. Очень трудно туда пробраться.

Я как раз размышлял о том, откуда он про это знает, когда мы очутились в пустынном тупике. Здесь вообще не было ничего примечательного, каких таких „старых друзей“ можно тут встретить?

Гарретт нажал что-то на камне (не могу сказать, что это было, сейчас я думаю, что не мог увидеть этого своими глазами) и перед нами из ничего открылся коридор с голыми стенами. Я так резко скакнул назад, что мне позавидовала бы лошадь. Он скривил лицо, веля мне вести себя тихо: „Нам здесь не особенно рады. Следуй за мной и говори лишь тогда, если хочешь о чем-то спросить.“

Он вошел в проем и я последовал за ним с гадостным ощущением в области желудка. Едва вошедши внутрь, я увидел двух стражей в крошечном внутреннем дворике напротив двустворчатых ворот, которые с настойчивостью в голосе велели нам остановиться.

– Что Вам угодно? – резко спросил рослый страж.

Я было хотел, втянув голову в плечи, снова ринуться наружу, но Гарретт не казался особо впечатленным.

– Оставьте Ваше чванство для других, Холден. Я должен поговорить с Артемусом. Он ждет меня.

Названный по имени страж в гневе уставился на него.

– А как быть с Вашим спутником?

– Либо Вы немедленно впустите нас внутрь, либо я буду вынужден объяснить Артемусу, почему его просьба не была выполнена.

Холден ответил не сразу. Я мог видеть, что ему стоило больших усилий обуздать свой гнев. Гарретт же напротив казался полностью отстраненным, и чувствовалось, что именно это больше всего бесит стоящего напротив человека. В конце концов он с явной неохотой подал знак своему товарищу – открыть ворота.

– Вы должны быть крайне осторожны, Гарретт, – прошипел он напоследок.

Гарретт не ответил, пройдя мимо обоих со спокойным и безразличным выражением лица. Я быстро прошмыгнул позади него через дверь и почувствовал, как взгляды стражников буравят мне спину.

Мы пересекали большой входной холл. Очень впечатлял его архитектурный стиль, ясно было, что здание очень большое и очень старое. Было в нем некое сходство с почтенными стенами нашего монастыря, но намного больше искусной отделки. Даже тупице вроде меня сразу бросалась в глаза вычурность столов, шкафов и ковров на стенах этого помещения. Взглянув наверх, я убедился, что богато украшенный потолок был очень высоко, при этом ошеломленно спрашивая себя, как могло случиться, что на пути сюда я не увидел это громадное здание. Должно быть, некая магия скрывала его.

Мужчины и женщины, встреченные по дороге, глядели на нас с удивлением, как будто наше появление здесь было внезапным неприятным событием. Я держался поближе к Гарретту, который вроде бы чувствовал тут себя как дома. Он целеустремленно шагал через залы, проходил все новые и новые помещения, а затем повел меня вверх по лестнице. Возле одной из дверей он остановился и постучал, но стал ждать приглашения, а вошел внутрь.

За столом напротив двери сидел мужчина, который теперь повернулся к нам. Удивление на его лице сменилось легкой усмешкой при виде меня. Это был тот самый чужак, чье появление дало начало всей этой истории.

Артемус встал и приветствовал вора как друга, Гарретт же держался существенно отчужденнее, как будто все было абсолютно иначе. Я был уверен, что это не ускользнуло от взора Хранителя, однако он казался привыкшим к подобному.

– Итак, ты получил нашу весть, – утвердительный взгляд на мгновение остановился на мне.

– Она была чрезвычайно забавной.

Артемус уселся вновь, предложив то же самое нам.

– То, как развиваются события, внушает сильное беспокойство, Гарретт.

Мой провожатый вздохнул.

– Что вам от меня нужно?

– Ты должен отыскать нашего противника.

– Отчего бы вам самим это не сделать?

– Мы и так уже сделали все, что было в наших силах. Но, кажется, ему известно каждое наше действие еще до того, как мы его предпримем. Мы уже потеряли двух наших лучших людей.

Меня не удивило, когда Гарретт зевнул, его все это совсем не интересовало.

– Не вижу причины снова ради вас рисковать головой.

– Мы щедро вознаградим тебя, а Первосвященник хаммеритов, возможно, изъявит желание позабыть о тех известных последних событиях. Кроме того, это в твоих же интересах – помешать исполниться тому, о чем предупредили нас Глифы.

– Как же, ваши Глифы вечно о чем-то предупреждают...

– О нечестивом Пришествии. О том, кто может всех нас погубить.

– Что, опять? Это все?

– Это серьезно, Гарретт, и это уже началось. Уже давно мы натолкнулись на одно ветхое предание о маге, жившем около восьмиста лет тому назад. Много об этом неизвестно, лишь то, что он обладал ужасающей мощью и, используя ее для своих целей, сделался тираном. После поражения его сила была уничтожена, но перед смертью он поклялся мстить. Мы поручили Хранителю Горану дальше разобраться с этой историей, но две недели назад, как раз после того как он сообщил мне, что некто вызывает у него сильнейшее беспокойство, кто-то чудовищным образом убил его.

– Кто сказал, что он был убит именно поэтому?

– Он не оставил почти никаких записей, но кое-что нам удалось найти. – Артемус протянул Гарретту листок бумаги с немногими короткими строчками и эскизоподобным рисунком человеческого тела. Я многого не мог разобрать и злился на свои мизерные способности в чтении.

Гарретт непонимающе вернул лист.

– И что?

– Его обнаружили именно в таком виде. Спустя несколько дней мага Самуэля постигла та же участь. Он был последним, с кем Горан поделился найденной информацией.

– И он ничего не оставил, кроме этого? *Необычно* для Хранителя – оставить найденные им знания без подробного документирования.

Язвительность в голосе Гарретта не ускользнула от Артемуса.

– Думаешь, я что-то утаиваю от тебя? Это не тот случай. Я и так хожу по тонкому льду, принимая тебя здесь. Никто кроме меня, Первосвященника Маркуса и этого неопита не знает, с какой целью я тебя упрашиваю.

Он обернулся ко мне.

– Твой Господин Маркус, как и я, с самого начала придерживался мнения, что это дело очень намного важнее многих других.

Два последних слова были произнесены таким тоном, что нетрудно было догадаться, о каких „других“ делах шла речь. Потом он посмотрел на Гарретта очень серьезно.

– Сегодня Совет занимается проблемой, но нам кажется, что ничего путного из этого не выйдет. Все те же жалобы, дискуссии, расстановки сил и затыкание ушей. Я сам информирован ровно настолько, насколько это позволяет Первый Хранитель. Но ясно одно – мы топчемся на месте и скоро будет повод оплакивать новые жертвы. Противник разит нашим же оружием. Он наблюдает за нами, а тот, кто подбирается слишком близко к нему, умирает.

– И каким образом это связано с „нечестивым Пришествием“?

Артемус, вздохнув, поднялся, взял один том из преполненной книгами полки возле камина и раскрыл его.

– Это копия той старой рукописи, что навела нас на упоминание о проклятии. Прочитай хорошенько и скажи, что ты сам об этом думаешь. – С этими словами он положил книгу Гарретту на колени.

Я пытался кинуть взгляд на затейливые значки, но то, что удавалось увидеть, не имело никакого смысла для меня, как я ни старался. На этот раз причина была не в том, что я никудышный чтец, а в том, что письма были совершенно чуждыми. С изумлением я обнаружил, что Гарретт расшифровывал их вообще без труда, потому что спустя короткое время поднял голову и сказал:

– Понятно.

Мне припомнилось, что однажды во время занятия чтением в монастырской библиотеке на подставке лежала одна старая книга. Я заглянул в нее и Мастер Торбен со словами о том, что это Письмена Предков и только Старший достоин их читать, снова прогнал меня на место. Как вышло, что вор их знал? Он должен быть намного образованней чем казался.

– Ты сможешь нам?

– Поговорим о награде.

– Как я уже сказал, ни один из череполомов достаточно долго не потревожит твой покой. Маркус готов замолвить за тебя словечко у главы своего Ордена. У них на тебя заведен просто потрясающий список.

– Как и всегда, если они не находят мне применения.

Внимательно наблюдая за Гарреттом, пока они торговались о больших цифрах, я чувствовал, что у него снова пошла кровь. Это дело раздражало его и щедрое вознаграждение не играло при этом никакой роли.

– Я подумаю.

– Не мешкай долго, помни – время утекает.

– Оно всегда так делает.

Артемус поднялся, чтобы проводить нас до двери. Возле нее он остановился, коротко глянул на меня и спросил:

– А что с этим мальчиком?

– Я отведу его обратно в монастырь. Мне все равно нужно поговорить с твоим другом Маркусом, тем более что он сам умолял меня об этом.

Артемус улыбнулся, поскольку теперь был уверен, что его наживка проглочена. Я же вдруг почувствовал, что боюсь, хотя какое там – почти негодую, что история продолжится дальше уже без меня, и молча пялился в пол.

Казалось, Артемус читал мои мысли.

– Он прав, Тим – это слишком опасно. Было бы жаль найти тебя с вырванным сердцем где-нибудь на кладбище.

Я устался на него. Он улыбался, но глаза оставались серьезными.

– Это случилось с Хранителем Гораном и Самуэль умер таким же образом пару дней назад в Башне магов. Поверь, для тебя полезнее вернуться к братьям. Прощай.

С этими словами он отпер дверь и выпустил нас.

7

Весь обратный путь я молчал, мысленно разрываясь между боязнью описанных Артемусом ужасов, и отчаянным желанием узнать, что же скрывалось за всем этим. Нет, назад мне не хотелось! Не было никакого желания нести стражу в коридорах, держать проклятый боевой молот в правой руке, который так часто падал, потому что был слишком тяжелым для меня. А также не вызывало интереса слушать тупую набожную бормотню кого-то из братьев Ордена и смотреть на ползающих по окнам мух.

Но тут в мыслях возникла картина заброшенного, освещенного луной кладбища, и страшно изуродованного трупа, лежащего среди покосившихся могил и руин некогда великолепно украшенных склепов, и тогда мои мысли снова помчались в обратном направлении.

Может, жизнь в монастыре была лучшей альтернативой ужасной гибели в поисках страшных разгадок? А ведь всего неделю назад подобные сомнения не мучили меня. Ладно, пускай недовольство Торбена тяжело давило на душу, но стоило ли вообще рисковать головой, сунув нос в подобного рода историю? Лицо Торбена, глядящего с пренебрежением, вдруг возникло передо мной. Уж у него-то хватило бы мужества. Однако же никто не отсылал его назад в монастырь.

Тем не менее это запало мне в сердце и я снова чувствовал стойкое нежелание следовать решению Гарретта насчет пути назад. Так все и продолжалось, пока мы не пришли в его комнату, и я угрюмо уселся перед камином, чтобы снова разжечь огонь. Он насмешливо присматривался, как безуспешно (потому что мысли были далеко) я возился там, потом сам все сделал, отобрав у меня кочергу:

– Угли надо разгребать, а не гасить.

Я злобно глянул, а Гарретт отвернулся и сел на кровать. Немного помолчав, он сказал:

– Я не могу тебя взять с собой.

– А-а, ну да-а, знаю, это же сли-ишком опа-асно. – буркнул я, нарочно растягивая слова.

– И это правда.

Я глядел на огонь, пока не начали болеть глаза. А Гарретт между тем осторожно пытался снять плащ, раненая рука заметно его беспокоила.

– Между прочим, Вам пока рано в одиночку начинать серьезные дела, – поспешно зататорил я. – Когда надо действовать двумя руками, Вы ни на что не годитесь.

– Это ненадолго.

– Но он же сказал, что время утекает.

Невольно улыбнувшись, он снова посерьезнел.

– Тим, тебе не хватает сноровки. А постоянно быть твоей нянькой я не могу.

Вот, еще один сомневается, что я в состоянии что-либо сделать. Я был взбешен и уже готов был взорваться, но тут же слишком ясно понял, что таким способом мне не удастся уговорить его. На всем свете не было ничего, что заставило бы его втянуть меня с головой в это дело, разве что если отрубить ему обе руки. Поэтому я до крови кусал губы и помалкивал. В конце концов это зрелище подействовало на него и спустя достаточно долгое время Гарретт промолвил:

– Ты можешь помочь мне добраться до твоего Первосвященника, решив завтра кое-какие проблемы – ведь я не смогу свободно пройти через монастырские ворота.

– А где сможете? – ляпнул я и тут же пожалел о сказанном, но это никак не задело Гарретта. Он лишь скривился и пожал плечами.

С трудом пытаюсь опять говорить по-дружески, я пообещал открыть массивную заднюю дверь в сад, находящийся за стенами. Он не спросил, как найти покои Первосвященника, и я понял, что путь туда ему хорошо знаком. Несколько месяцев назад некоторые из ценнейших религиозных артефактов таинственным образом исчезли из монастыря, что, вероятно, не было для Маркуса такой загадкой, как он это преподнес своим собратьям.

Наступил вечер и я свернулся на своем месте у очага, в то время как Гарретт несколько часов был погружен в чтение книги Артемуса. В конце концов я уснул и снилась мне дикая мешанина видений залитых луной кладбищ, ходячих трупов и Горбена, качающего головой и говорящего, что я никогда не смогу нормально научиться читать.

Я проснулся несколько отдохнувшим при проблеске первого луча солнца.

8

– Давай-ка поторопимся, – сказал Гарретт. Мы были несколько часов в пути, оставив за собой Город, и шли той же дорогой, по которой в тот раз двигался я. Был пасмурный день, который все никак не хотел проясняться. Туман тяжело нависал над замерзшим пустынным ландшафтом. Должно быть, было уже за полдень, а мы были еще на порядочном расстоянии от монастырской деревни. Эти его слова были единственными сказанными за несколько часов, но я уже понемногу привык к такой необщительности. Больше беспокоило, что его голос звучал напряженно. Я огляделся.

Мы как раз пересекали участок леса с древними корявыми деревьями и непролазным подлеском. Еще по пути в Город мне бросились в глаза несколько полуразвалившихся стен, но тогда они не так угрожающе вырисовывались в тумане. Сейчас было видно, что это руины маленькой часовни, очевидно, часть огромной усадьбы, что стояла здесь очень давно. Лишь пара руин там и тут, покрытые мхом и плющом, усеянные всякой древесной порослью и побелевшие от мороза. Корни деревьев выворотили огоромные бурые камни и некая неведомая сила разбросала их во все стороны. Над всем застыла давящая тишина. Обычно в лесу полно звуков – трепет легких крыльев в ветвях, отдаленный щебет птиц или похрустывание валежника, а сейчас, наверное, все заглушал туман.

В этой полной тишине собственные шаги казались мне чересчур громкими. Я думал было спросить Гарретта, что его беспокоило, но, судя по его лицу, лучше было этого не делать. Он весь обратился в слух, глаза без устали обшаривали все кругом, здоровая рука легла на рукоять кинжала. Он даже снял с плеча свой лук, хотя было непонятно, как он вообще будет стрелять из него. Мы быстро шли дальше и чем дальше на нас давила эта тишина, тем сильнее мне хотелось умчаться прочь сломя голову.

И тут я тоже услышал то, что привлекло его внимание. Звук напоминал хриплое дыхание, сопровождаемое странными шаркающими шагами, словно кто-то или что-то двигалось, будучи не в состоянии поднимать ноги и переставлять их. Создавалось впечатление, что создание передвигалось медленно и с большим трудом, однако это было ошибкой, поскольку звуки приближались пугающе скоро и целеустремленно.

Я чуть не заорал от внезапного прикосновения, когда рука Гарретта легла мне на плечо. Он почти беззвучно отпихнул меня в сторону, прочь от дороги, толкнул меня за полуразвалившуюся стену и сам спрятался рядом. Я едва мог дышать.

Шаги затихли, как будто кто-то остановился, прислушиваясь. И снова воцарилась угрожающая стерегущая тишина. Потом я услышал гортанное бешеное урчание, что пробиравало до костей – ни один зверь не мог издавать таких звуков. Было похоже на буйнопомешанного человека, находящегося вне себя от ярости.

Гарретт, казалось, очень хорошо знал, кто подкарауливал нас в тумане. Кинжал в его руке сменился маленькой бутылочкой, что показалась мне странно знакомой. Это была святая вода, которой мои братья наполняли бутылки и продавали верующим за

символическую плату. Вор очень тихо снял лук с плеча и отдал мне. Я поглядел на него как на умалишенного, но потом рассудил, что лучше уж иметь на вооружении хотя бы одного отвратительного лучника, чем совсем никого, и схватил его. За луком последовали три удивительных стрелы, * уровень сложности - „Вор в законе“, не могу удержаться от комментария каких я прежде никогда не видел. Их наконечники были не из стали, а казались сделанными из красновато светящегося кристалла; при прикосновении к ним ощущалось слабое тепло.

Беспомощно наложив стрелу на тетиву, я с надеждой ждал, что эта жуть снаружи сама по себе уберется отсюда. Пробная попытка натянуть тетиву показала, что моих сил явно не хватало, таким образом, хорошо прицелиться не получится. Я нервно закусил губу.

Между тем опять стало тихо. Мы неподвижно выжидали, а сырая холодная пелена простиралась вокруг, вихрясь от легкого дуновения ветра и покалывая кожу ледяными пальцами. Мое сердце так отчаянно билось, что его, наверное, было слышно на дороге. Время шло и тишина начала угнетать меня. Уши не могли уловить ни единого звука, глаза безрезультатно пытались проникнуть сквозь матово-белый занавес. Рядом застыл как статуя Гарретт.

Вдруг с другой стороны стены шелкнула ветка, так близко, что я содрогнулся. И тут же оно набросилось на нас. Темная фигура выскочила из тумана, хотя и человеческая, но кошмарно изуродованная - ходячий труп, странно скрюченный и так машущий руками, точно они ему не принадлежали. Затем тварь с ужасающей скоростью и выражением беспощадной злобы на отвратительном грязном лице вытянула когтистые пальцы и изготовилась нанести ими Гарретту страшный удар. Но что-то разлетелось на куски, ударивши в грудь чудовищу, и оно с глухим воем внезапно исчезло, словно растворилось.

Глядя на эту сцену, ничего не соображая, я будто окаменел со страху и даже не поднял лук во время нападения. И теперь все снова стало тихо, будто нечто ужасное только что не бродило по лесу. Мой провожатый еще немного посидел, прислушиваясь, и лишь потом медленно поднялся, настроенно глядя в том направлении, откуда пришел зомби. Потом подал знак следовать за ним. Я было встал, чтобы пойти следом, как вдруг заметил внезапное быстрое движение в лесной чаще и испуганно осел обратно на землю. Глаза отказывались верить тому, что подобная тварь, несомненно некогда бывшая человеком, вообще могла существовать. Но тут моя рука вспомнила о зажатом в ней оружии. Я поднял лук и выстрелил, абсолютно не сознавая того, что делаю. Грянул оглушительный взрыв, когда огненный шар угодил фигуре прямо в грудь. Она покачнулась, взвыла и снова неукротимо пошла на меня. Своими дрожащими руками я попытался наложить следующую стрелу, но та соскользнула с тетивы, выскочила из влажных пальцев и свалилась на землю. В испуге я шарил вокруг, мысленно вознося молитву Строителю, а потом поднял голову, чтобы встретить ненавидящий взгляд пары мертвых глаз. В тот момент, когда тварь настигла меня, поскочивший сзади Гарретт атаковал ее, но то была безнадежная борьба. Едва ли кинжал причинял существу какой-либо вред и это был лишь вопрос времени, когда оно достанет его своими скрюченными руками.

Мои пальцы тряслись, а ладони были мокрыми от пота, когда я отчаянно попытался наложить стрелу. Гарретт отразил очередной удар, который наверняка раскроил бы ему череп, но было видно что он устал. Проклятая рана подорвала его силы. Каким-то чудом ухитрившись справиться с оружием, я выкрикнул его имя. Гарретт рванулся назад, когда я беспомощно выстрелил.

Сам Строитель направлял мою руку, ведь стрела опять угодила в цель, на этот раз нанеся смертельную рану, если так можно сказать о нежити. Горячая волна ударила в лицо и пронеслась над головой.

Потом было слышно лишь наше дыхание. Гарретт медленно выпрямился и я с облегчением увидел, что он не ранен. Он опустился возле меня, облокотившись о стену, и закрыл глаза. Мы просто сидели продолжительное время, при этом я судорожно сжимал последнюю стрелу, ожидая каждую минуту услышать шаркающие шаги зомби,

привлеченных шумом битвы. Но в этот раз больше ничего не случилось. В конце концов Гарретт встал, отряхнул грязь с одежды и сказал:

- Ну, это было не так уж плохо.

Я хотел отдать оружие, но он улыбнулся, покачав головой, и протянул мне впридачу еще и колчан, и я, раздуваясь от гордости, нес все это до самого монастыря.

9

Мне никогда не приходилось слышать про нежить, бродящую по лесам вокруг нашей деревни, не говоря уж о том, чтобы видеть. Конечно, всем было известно, что зомби существуют, но, хвала Строителю, встретиться с ними можно было лишь на заброшенных кладбищах или в древних катакомбах. Они без выбора нападали на все, что к ним приближалось, как будто сжигаемые неукротимой ненавистью ко всему живому.

Мои братья-хаммериты рьяно преследовали нежить, но никогда не удавалось искоренить заразу, потому что никто не знал, что заставляло мертвецов оживать и будило в них жажду убийства. Зомби всегда будет в избытке, пока есть трупы, разве что кто-нибудь выявит причину этого нечестивого воскрешения.

В Ордене считали, что корнем зла был все тот же Обманщик, а его приверженцы имели к этому отношение. Теория, которая устраивала многих, поскольку помогала настроить людей против чудовищных деяний язычников. Но вот уже продолжительное время Первосвященники пребывали в сомнениях, потому что мертвяки нападали на служителей Лесного лорда точно так же, как и на всех остальных, а сам Обманщик давно считался мертвым. Как бы там ни было, зомби попадались на протяжении многих столетий, однако внушало беспокойство, что эти двое шлялись по лесу так далеко от места погребения. Что если истории Беппо были не просто страшилками? Ведь про убийство-то все оказалось правдой.

Такие малоприятные мысли терзали меня во время переодевания в костюм неопита на ледяном ветру. Я отдал Гарретту лук и оставил ждать, а сам пошел открыть проход в монастырь. Зимнее солнце уже давно клонилось к закату на затянутом рваными тучами небе, туман густел и превращался в стылую непроницаемую хмарь, ведь холодная ночь уже нависла над миром.

Я поприветствовал братьев у ворот, когда входил. Мартен, как раз шедший на вечернюю молитву, радостно бросился навстречу, увидев меня.

- Ну наконец-то ты нашел время, чтобы вернуться.

Я чуть было не начал возбужденно рассказывать о встрече с ходячими трупами, однако соевременно смекнул, что не надо бы ему знать о Гарретте, а описание того, как я в одиночку разделался с обоими, вероятно просто рассмешило бы Мартена. Поэтому просто кивнул и сказал, что задержался из-за тумана.

- Ты идешь со мной в церковь? - спросил Мартин, будучи в отличном настроении. Представив себе превращающегося в ледяную статую Гарретта, ждущего у задней двери, я отрицательно мотнул головой.

- Знаешь, Мартен, я так здорово устал с дороги и кроме того страшно замерз. Мне бы сейчас поближе к пылающему камину. Думаю, Старшие проявят снисхождение, увидимся после.

Он слегка хлопнул меня по плечу и двинулся в направлении церкви. Я быстро прошел внутрь монастыря и грелся перед огромным камином во входном зале, почтительно кланяясь идущим на богослужение и ожидая, когда колокол возвестит о начале вечерней молитвы. Сейчас почти все братья были заняты, никто не встретился мне по пути через двор. Лишь бледные тени стражей на стене и ворот вырисовывались в сгущающейся тьме. Скоро они начнут обход с зажженными факелами, нужно было опередить их.

Незамеченным достигнув ворот, отодвинул тяжелый засов, стараясь, чтобы никто этого не услышал. Потом осторожно, так, чтобы петли не скрипели, открыл их. На стене позади возникло слабое мерцание - зажегся первый факел.

Гарретт проскользнул как тень в открывшийся проход и тотчас же растворился в темноте. Я быстро закрыл ворота и направился к главному зданию и чуть не столкнулся в дверях с одним из стражей, который собирался зажечь факелы во дворе.

– Куда это ты, Тим? Разве ты не должен быть в церкви вместе со всеми? – удивленно спросил он, когда я испуганно отступил назад.

– Я только что вернулся из Города.

Он вышел из дверей ко мне, высоко держа факел.

– А почему ты бегаешь тут в темноте?

Я заметил за его спиной тень, скользнувшую вдоль стены и проскочившую в дверь и притворно закашлялся, потому что страж хотел оглянуться, услышав легкое похрустывание гравия. Он снова слегка озабоченно посмотрел на меня.

– Там, за дверью, был какой-то шум. Я хотел посмотреть, что это такое. – быстро соврал я.

– Ну и?

– Всего лишь кошка, Мастер. * Гы-гы-гы, прямо как во французском фильме

– Давай заходи, а то, того и гляди, подхватишь воспаление легких.

Иногда это было преимуществом – выглядеть для всех наивным, братья при всем желании не могли представить, что я им лгу. Я прошел мимо него и вернулся к своему месту у камина. Гарретта было не видать. К тому времени мои братья начали возвращаться из монастырской церкви и мы все вместе собрались для ужина.

Мартен дотошно расспрашивал меня о событиях в Городе, а я всеми силами пытался сделать свой рассказ как можно менее интересным, чтобы он не заинтересовался какой-нибудь деталью и потерял к этому интерес, так в конце концов и вышло.

– Знаешь, Тим, Беппо думает, что видел зомби совсем неподалеку от деревни.

Сидящий тут же и набивающий пищей рот Беппо энергично кивнул, в надежде нагнать на меня страху.

– Собственными глазами видел жуткую женскую фигуру в лохмотьях там, в лесу возле часовни. Уж думал, пробил мой последний час, но она меня и не заметила, опять в лес ушла. Помчался назад как угорелый.

История выглядела намного более захватывающей, если бы он при этом не жевал и не демонстрировал свой набитый рот. А меня грызла забота, что часовня эта находилась всего в нескольких милях от моего родного дома. Я знал, что несколько лет тому назад там похоронили целую семью, умершую от оспы – из-за этого их не закопали возле деревни, не хватало ко всем несчастьям еще и эпидемии. Картина покрытой язвами ссохшейся фигуры в изодранном женском платье, бродящей вокруг часовни, никак не способствовала аппетиту. Но Беппо, кажется, уже совсем оправился от шока и, поглощая с видимым удовольствием ужин, описывал мертвячку так же красочно, как обычно делал, рассказывая о достоинствах фигур вполне живых женщин.

Я думал о том, что довелось пережить по пути сюда и знал, что Беппо не лгал, хотя, вероятно не он сам был главным персонажем его истории, а кто-то из друзей-собутельников. Но то, что зомби шатались возле деревни, было чрезвычайно серьезно. Я должен был рассказать обо всем тому, кто мог бы послать туда сильных братьев для устранения проблемы. Разумеется, не хотелось нагружать этим Первосвященника Маркуса, но я решил сразу после ужина попросить аудиенции у Мастера Урбана.

Когда все встали, я сказал Мартену, что должен доложить о прибытии Урбану (и это было правдой) и пошел к нему. Он как раз говорил с Мастером Лукасом и я остановился на почтительном расстоянии, чтобы дать закончить разговор, но тем не менее уловил несколько обрывков слов.

– ... ничего не нашли.

– ... Торбен, Дэниель и Гунтер прежде всего нужны здесь, с тех пор как...

– ... троих видели у леса с той стороны деревни...

Я знал, о чем речь. Проблема оказалась гораздо серьезнее.

Урбан попрощался с Лукасом и подошел ко мне.

– Вот и ты, Тим, как я вижу, цел и невредим.

– Я должен непременно поговорить с Вами. По дороге сюда кое-что произошло. – Я старался говорить как можно тише.

– Знаю, что ты имеешь в виду. Однако давай поднимемся вверх. Тебя хотят видеть.

В молчании я следовал за Урбаном в покои Старших, тем же путем что и в тот раз, когда я получил поручение. Маркус склонился над книгой, сидя в одиночестве за столом. Оглядевшись, я гадал, куда же девался Гарретт, и начал беспокоиться. Первосвященник взглянул на меня со своей дружеской улыбкой.

– Как дела, Тим?

– Благодарю, Господин, хорошо.

– Нечто камнем лежит у тебя на душе, правда ведь? – взгляд его, как и в последний раз, видел меня насквозь.

– Да, Господин. Кое-что случилось, когда мы шли в монастырь. На нас напали в лесу, примерно в трех часах ходьбы отсюда. Это были зомби, Господин.

Маркус и Урбан обменялись взглядами.

– Я знаю об этой твоей проблеме, Тим, она уже общеизвестна. Их все больше и больше.

– Беппо говорил, что видел одного возле той часовни. – мой голос срывался. – Господин, моя семья живет неподалеку!

– Мы уже готовы высунуть. – взгляд Маркуса стал серьезен. – Завтра первый отряд братьев отправится к часовне в лесу.

– Мы насчитали там примерно пять нежитей. – добавил Урбан.

Семья, похороненная в лесу, действительно была из пяти человек. Мурашки побежали по спине, когда я представил себе троих восставших из мертвых детей, возрастом от четырех до тринадцати лет. Полуразложившееся детское лицо с пылающими ненавистью мертвыми глазами было ужасной картиной. Тем не менее я быстро сказал:

– Я бы тоже хотел пойти!

Маркус тихо вздохнул.

– Не стоило бы тебе этого желать, Тим. Ведь на этот тебе, возможно, не повезет так, как сегодня днем.

Я спрашивал себя, откуда ему об этом известно, потом решил, что он наверное видел меня во время боевой подготовки, этого зрелища было вполне достаточно для подобного умозаключения. Но, несмотря ни на что, я решился. Пускай папаша упьется хоть до смерти, но чтобы он и Лот стали жертвами зомби, после того как одна из гнусных тварей Обманщика уже отняла жизнь у Миа и Джонатана? Нет уж, дудки.

– Я все равно пойду.

– Как тебе будет угодно, – тихо ответил Маркус и кивком головы дал понять Урбану, чтобы он оставил нас наедине.

– Тогда увидимся завтра утром, Тим. И не забудь свой молот. – Урбан одарил меня своей скупой улыбкой и ушел. Я несколько раз передохнул, радуясь тому, что не получил запрета на участие в боевом задании.

– Мне кажется, вор, нужно избавить его от того безрассудства, что благодаря Вам вселилось ему в голову, – произнес Первосвященник куда-то в глубину вроде бы пустой комнаты. Я ошарашенно оглядывался.

– Это его собственное решение, – ответил голос Гаррета. Когда он выступил из тени, показалось, что он просто материализовался из пустоты. – Но он прав, Тим, это чистой воды безумие.

Его лицо опять было бледным, как тогда, в день ранения.

– Речь идет о моей семье. Я не в силах сидеть тут и надеяться, что другие решат проблемы, касающиеся меня. Мои брат и сестра уже погибли! – слова прозвучали более резко, чем хотелось. Гарретт молча глядел на меня, при этом выглядя очень озабоченным. Но выражение лица мгновенно стало непроницаемым, когда он обернулся к Маркусу.

– Кажется, Вы хотели поговорить со мной.

Первосвященник жестом предложил нам присесть перед камином.

– Вы уже побывали у Хранителя Артемуса, поэтому нет смысла объяснять разные подробности. В нашей библиотеке найдется не так уж много книг о колдовстве, для этого нужно поискать у моих братьев в Городе.

– Где именно нашли первого убитого?

– На старом кладбище церкви Св.Квинтуса, что находится к северу от города на берегу озера. Здание уже давно не используется и очень сильно обветшало. Лучше туда не ходить, оно того и гляди обрушится.

– Я знаю эту церковь, – ответил Гарретт. – Что ему там понадобилось?

– Это никому не известно. Посланные братья обыскали все кругом, но не нашли ничего, кроме следов убийства. Странно, но там не было зомби, хотя это идеальное место для встречи с ними.

Так вот куда ездил Торбен. Эх, знал бы он, что я хотя бы сегодня не ударил в грязь лицом.

Маркус смотрел на Гарретта с усмешкой в глазах.

– Вы кажетесь измученным, а раненая рука доставляет беспокойство. Разрешите мне предложить Вам переночевать у нас, а завтра продолжим нашу беседу.

Готов поклясться, что секунду Гарретт был в смятении оттого, что Первосвященник прочел его тайные мысли, однако тут же снова взял себя в руки и молча кивнул.

– Ложись и ты, Тим, завтра тебе понадобятся все силы.

Встав и только сейчас ощущая, насколько устал за день, я поблагодарил своего Господина и хотел покинуть комнату, но Гарретт, привстав, вручил мне лук и колчан.

– С ним у тебя по-моему получается лучше, чем с этим уродливым молотом. А еще я хочу получить лук обратно.

Не веря такому счастью и беспрестанно благодаря его, я был в конце концов мягко выпихнут за дверь. Когда она закрылась за спиной, я еще немного постоял в опустевшем коридоре, все еще разглядывая этот временный дар.

– Осторожней, Гаррет, иначе сделаете его истинным героем, – немного насмешливо сказал Первосвященник. Вор промолчал.

– Возможно, идея оставить мальчика здесь кажется самым разумным вариантом. Однако по моему мнению он должен сопровождать Вас.

Я, наострив уши и подавив угрызения совести, в который раз уже начал подслушивать.

– Что?!

– Он играет определенную роль в этой истории, поэтому я послал к Вам именно *его*, а не кого-то другого.

– И что за роль – стать трупом?! – Гарретт и взаправду был взбешен.

– Вы заботитесь о мальчике, это очень хорошо, потому с Вами он в большей безопасности чем здесь.

– Чушь, он же будет мне только мешать, это ж ясно как день, – прорычал Гарретт.

– Он будет сопровождать Вас. Уже сегодня он пригодился, когда Вы ослабли и не были внимательны.

– Ему больше сопутствовала удача, чем помогал здравый рассудок.

– Но тем не менее вы оба живы, так? Как бы то ни было, он пойдет с Вами. Смириться с этой мыслью.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Сейчас у меня нет ответа, Гарретт, возможно это станет ясно позже. Он и без того в опасности, а Ваше общество не позволит нашему врагу быстро отыскать его.

Нет ответа. Я хорошо представлял себе выражение лица Гарретта и услышал, как зашуршало длинное одеяние Маркуса, когда он поднялся.

– Вам нужно отдохнуть. Следуйте за мной, я покажу комнату.

Понимая, что они в любой момент могут появиться в коридоре, я с колотящимся сердцем прошмыгнул в пустой кабинет Урбана и вышел с другой стороны.

Когда я пришел в нашу комнату, Мартен уже заснул. Как можно тише я добрался до кровати – не было никакого желания отвечать на его вопросы. Надо было подумать. Услышанное камнем давило на сердце. Если днем раньше я бы боролся как тигр за возможность сопровождать Гарретта, то сейчас много бы дал за то, чтобы вообще ничего не знать об этой истории. Долго и беспокойно ворочаясь с боку на бок, я наконец провалился в прерывистый сон, полный смутных видений.

10

Меня очень рано вытащили из кровати. Казалось, небеса обрушились на голову, когда мой мучительный сон прервал Мастер Лукас, который легонько тряс меня за плечо. Он подал знак вести себя тихо, чтобы не разбудить Мартена. Еще не пробило пяти часов и небо было по-ночному темным. Трясаясь от холода, я побежал во двор, чтобы умыться у колодца, и также быстро вернулся и надел платье. Ледяная вода оказала свое действие – через несколько минут сонливость испарилась, а ведь я чувствовал себя как избитый, когда проснулся.

В колчане, который стоял возле кровати, оставалось еще примерно двадцать стрел, однако не у всех были наконечники из тех уже знакомых, тепло-красных кристаллов. Иные заканчивались похожими, однако прохладными на ощупь голубыми кристаллами, одна-две – блестящими зелеными, но были и совершенно обычные с металлическими остриями. С легким беспокойством я подумал, сумею ли справиться со всем этим богатством? Но потом вспомнил о своей маленькой сестренке и забота сменилась болью и горечью. Не допущу больше, чтобы нечто подобное еще раз случилось с кем-то из близких.

Миа была моей любимицей со дня своего рождения. Едва научившись ходить, она сразу бежала ко мне, когда сама не могла с чем-то справиться. Для нее я был старшим братом, кем-то вроде героя, который мог запросто решить самые ужасные ее проблемы – от шрама на коленке до отвалившегося глаза-пуговицы лохматой куклы. Ее детское вопрошающее личико все еще стояло передо мной как живое – круглые зеленые глаза, растрепанные светло-рыжие волосы и усаженный веснушками курносый нос. Но когда она по-настоящему нуждалась во мне, я пришел слишком поздно.

Ясное дело, мало бы что изменилось, заметь я чудовище раньше и, вероятно, деревенское кладбище пополнилось бы тогда сразу четырьмя могилами с фамилией нашей семьи. И все же часто думалось о том, что могло быть, если мне хватило времени хотя бы на один бесполезный предупреждающий крик...

Я повесил колчан и лук на плечо с мрачной отрешенностью. Почти все бойцы уже собрались в столовой и молча ели. Все были подавлены и насторожены, потому что понимали, насколько велика опасность и что нельзя было ее недооценивать. Я пытался хоть что-нибудь проглотить, а наставник Мартена уселся тем временем напротив.

– Волнуешься? – ласково улыбнувшись, спросил он.

Мне всегда нравился Мастер Лукас, ведь он не был так строг и педантичен как Торбен и потому всегда располагал к себе нас, неофитов. Я молча кивнул.

– А где твой боевой молот?

Запоздало спохватившись, я глядел на него, ожидая выговора вроде того, что, дескать, молот – это дар Строителя и истинный хаммерит неразлучен с ним. Торбен бы возмутился и заставил взять кувалду с собой, но Лукас лишь провел рукой по искусно вырезанному луку и вопросительно посмотрел на меня.

– Я не очень искусен в обращении с молотом, Мастер. Мне не хватает силы.

– А с этим дела получше?

– Ненамного, – я пристыженно повесил голову.

– Очень красивый лук, Тим.

Тут я с ужасом понял, что не смогу объяснить, как завладел таким сокровищем, я не был готов сочинять правдоподобную историю.

– Спасибо, господин. – я едва осмелился взглянуть на него.

Но Лукас не пытался загнать меня в угол вопросами, хотя было очевидно – с этим оружием что-то не так.

– Что ж, если лук подходит тебе больше, используй его. Огненные стрелы очень ценны в бою. Вот зачем, собственно, тебе понадобились еще и моховые, для меня загадка, ну да ладно... А водяные стрелы могут повредить зомби лишь в том случае, если наполнить их святой водой. Ты ведь запасся ею?

Вот для чего нужны были стрелы с голубыми и зелеными наконечниками!

– Э... нет, господин. А как наполнить их святой водой?

– Самый простой вариант – благословить их у Урбана. А теперь ступай в церковь и возьми столько флаконов, сколько поместится в карманы. Они намного важнее любой стрелы.

Я вскочил было, но Лукас остановил меня и сказал:

– Ведь начиная с этого дня ты будешь более усердно упражняться с молотом, не так ли, Тимотеус?

– Да, господин!.. Спасибо!

Он заговорщицки улыбнулся и я с облегчением помчался в церковь.

Возвращаясь через несколько минут назад с карманами, полными флаконами со святой водой, я встретил Мастера Урбана. Он кивнул и, когда все были в сборе, обратился к нам со словами:

– Вам известно, братья, что сегодня мы должны пройти лесом, к северо-востоку от деревни. До многих из вас наверняка уже дошли слухи о появлении нежити. Наше задание – очистить от этой чумы окрестности деревни. Поселяне также сообщили, что вот уже несколько дней не видели смотрителя часовни. Надо выяснить, что с ним случилось, однако я предполагаю худшее. При встрече с чудовищами не мешкайте ни секунды, сразу разите, пусть даже перед вами стоит бывшее дитя. Эти бестии – лишь нечестиво оживленные тела прежде живых людей, и не заслуживают пощады.

Про себя я подумал о том, что скоро сам буду тем, кто станет просить о пощаде у тех, кому она неведома. Когда Урбан отдал приказ к выступлению, я остановил его у дверей с просьбой благословить стрелы. Он поглядел с изумлением на лук, однако снизошел к просьбе.

Братья вышли из ворот монастыря, я замыкал группу. Над горизонтом возникла светлая полоса – предвестник нового дня. Путь от монастыря до маленькой часовни был долог, уже почти рассвело, когда контуры здания обрисовались на фоне угрожающе темного леса. Все бесцельные разговоры мгновенно прекратились.

Не было никаких признаков жизни ни возле часовни, ни около маленького домика смотрителя. Оба строения казались покинутыми и царила та самая душная тишина, что и во время нашего с Гарреттом путешествия. Урбан велел остановиться и разделил отряд на три небольших группы. Я оказался вместе с Лукасом и нам нужно было прочесать местность справа. Две остальных группы углубились в лес в других направлениях, чтобы по возможности помочь избежать неприятных сюрпризов.

Мы приблизились к часовне, братья изо всех сил сжимали в руках свои молоты, а я наложил одну из освященных водяных стрел на тетиву Гарреттова лука. Возле низкой стены, огораживающей кладбище, были видны пять могил людей из той самой семьи, побелевшие от мороза надгробные плиты указывали на это. Но там повсюду царил страшный кавардак – земля была изрыта, свечи и увядшие цветы разбросаны во все стороны. Я видел, как ожесточенно нахмурились братья – все могилы были осквернены. Итак, предстояло иметь дело с пятью мертвяками. Как можно тише мы перелезли через ограду и приблизились к темному и окутанному тишиной дому смотрителя.

Многие из нас знали этого пожилого человека, ведь он заботился о часовне Ордена и зарабатывал этим деньги. Он всегда поддерживал здесь порядок, мне вспомнилось, что мы, будучи детьми, часто подшучивали над стариком, а он в острастку грозил нам вилами. Внезапно захотелось быть как можно подальше отсюда. Ветер гонял по земле несколько высохших листьев и швырял их через порог дома, вход которого зиял как темная пасть.

Дверь тихонько поскрипывала. То, что она была открыта, не сулило ничего хорошего. Я обхватил лук с такой силой, что побелели костяшки, когда мы приблизились к двери.

Было абсолютно тихо. Лукас приказал двум мужчинам жестом руки следовать за ним, а мне и остальным подал знак разделиться. Я осторожно подходил к разбитому окну, в то время как Лукас отворил с помощью молота дверь настежь и ждал.

Ничто не нарушало глубокой тишины. Когда порыв ветра заставил ставню хлопнуть, мы все разом вздрогнули как от удара кнута. Лукас дал знак своим спутникам охранять его и прыгнул внутрь, сопровождаемый обоими братьями. Тем временем я вплотную приблизился к окну и прицелился, заглянув в комнату. Там царил настоящий ужас – все было разгромлено, стены покрыты засохшей кровью, которая собралась в лужицы на полу. Несмотря на ледяной холод мухи слетелись на пиршество, наполняя дом отвратительным жужжанием. Не было и следа жильца, хотя было ясно, что это его кровь и ранение явно было смертельным. Я попытался представить, как старик был застигнут врасплох, от этого мороз шел по коже. Слышал ли он, как они выбирались из мерзлой земли? Или он почувствовал, что что-то не так, лишь когда была выломана дверь? А может, он заснул в кресле перед потухшим камином...

Я стряхнул эти мысли и попытался сконцентрироваться на действительности. Лукас и двое остальных обыскали тем временем жилую комнату и примыкающую к ней кухню, подавая нам знак через окно – следуйте за нами, после чего мы тоже прошли внутрь. Сладковатый металлический запах крови вызывал у меня дурноту, я справился с этим лишь через пару минут изатем более внимательно осмотрелся кругом. Здесь, очевидно, была смертельная схватка, а тот, кто пролил всю эту кровь, проиграл. Мы как можно тише продвигались вперед.

Внезапный шум в коридоре заставил всех оцепенеть. Дверь туда была приоткрыта на ширину ладони, а за ней господствовала темнота. Мы снова собрались и Лукас приблизился к двери, чтобы распахнуть ее быстрым ударом молота. Там ничего не было, лишь лестница вверх и спуск в подвал. Я испуганно глянул вниз – дверь в погреб казалась входом в ужасную пещеру. Оттуда не исходило ни звука. Я заметил тянущиеся в том направлении кровавые следы, Лукас тоже увидел их. Он зажег лампу на стене, вынул ее из скобы и направился вниз по лестнице, подав нам знак. В этот момент наверху что-то зашумело. Остановившись, мы посмотрели туда.

От вида фигуры, стоящей на лестничной площадке, мое сердце почти остановилось. Это была босая женщина в простом белом платье, но теперь оно было порвано и все перепачкано багровыми пятнами высохшей крови. Длинные темные волосы мягко спадали ей на плечи, странно контрастируя с отвратительным искаженным лицом – слабое воспоминание о прежней красоте. Мертвые глаза горели холодным пламенем, а полопавшаяся, похожая на пергамент кожа еще несла на себе страшные следы погубившей ее болезни. Все это мне удалось заметить в течение короткой секунды оцепенения, потому что в следующий миг она бросилась на нас как фурия.

Мчась и дергаясь при этом, как паралитик, она угодила прямо под ожидающий ее молот Лукаса. Удар отбросил бестию назад и она издала пронзительный, нечеловеческий визг, зазвеневший у меня в ушах. Мгновенно оказавшись на ногах, тварь с беспощадным упорством вновь попыталась раздробить Мастеру голову, но тому удалось увернуться, а братья мигом окружили зомби. Очнувшись от оцепенения, я поднял лук, натянул тетиву, высматривая цель, в то время как мертвячка свалилась от могучего удара на ступеньки, что, очевидно, ничего для нее не значило, потому что она снова атаковала с неиссякаемой яростью. Я по чувствовал, как затекла и начала дрожать рука в ожидании удобного момента.

Один из братьев попытался бросит в нее флакон со святой водой, но промахнулся, угодив в стену. Другой старался сбить ее с ног молотом, но женщина с такой силой ударила его в грудь, что он, пошатнувшись, отступил и налетел на меня, как раз когда стрела покинула тетиву, а я, споткнувшись покатился по ступенькам вниз.

Несколько бесконечных мгновений я был словно оглушен и не двигался. Хорошо еще, что приземлился достаточно мягко, но само падение было ужасно и я прикидывал,

сколько костей сломано. Наверху повисла полная тишина. Затем Лукас выкрикнул мое имя и на лестнице снова зажегся свет.

Я вновь почувствовал тот сладковатый отвратительный запах, но в этот раз намного сильнее, так что желудок выворачивался наизнанку. Лицо спустившегося Лукаса было искажено страхом. Повернув голову, я прямо перед собой увидел страшно изуродованное, покрытое коркой запекшейся крови лицо зрителя часовни, на чье изодранное тело я и свалился. Остекленевшие глаза старика были широко раскрыты. Испуганно подскочив, я очертя голову рванулся наружу.

На свежем воздухе дурнота потихоньку прошла, пока я, тяжело дыша и положив ладони на колени, смотрел на замерзшую землю. Мастер Урбан и его сопровождающие вывернули из-за угла дома и наткнулись на меня. Он положил мне руку на плечо, спрашивая, где остальные. Еще не в силах говорить, я мотнул головой в сторону дома.

Когда Урбан попытался войти, ему навстречу уже шли братья с серьезными лицами. Они вынесли покойного наружу и положили на землю. Урбан с окаменевшим лицом разглядывал его. Тем временем подросла третья группа и я был рад тому, что никто не казался серьезно раненым.

Урбан повернулся к Лукасу.

– Сколько?

– Только мать.

– Где она?

– Неофит обратил ее в прах своей водяной стрелой.

Урбан взирал на меня так же удивленно, как и я пялился на Лукаса. Потом сказал:

– Нам встретились двое детей в нефе церкви. Они здорово потрепали нам нервы. Их должно окропить святой водой либо сжечь, потому что они могут снова встать, если мы к ним приблизимся.

Он указал подбородком на мертвеца.

– Ему мы тоже должны приготовить ради безопасности огненную купель.

– Надо сжечь всю церковь, она теперь осквернена. Здесь никто уже не сможет возносить хвалу Строителю.

Урбан задумчиво поглядел на него.

– Возможно, Вы правы. Но пока не найдены двое остальных - отец и младший. Я опасаясь того, что они укрылись где-то в этом необозримом и непролазном лесу.

Я медленно поднял голову.

– Огонь может привлечь их, ведь они все время ищут живых... – собственный глос казался чужим.

Урбан взглянул на меня с еще большим удивлением чем раньше. Затем, подумав немного, отдал распоряжение Лукасу:

– Возьмите пару братьев и все подготовьте. Остальным оставться начеку! Мы будем ждать сумерек, чтобы огонь был хорошо заметен.

Я хотел помочь Лукасу, но тот велел отдыхать. Это было самым сложным, ведь я от мыслей места себе не находил, бесцельно болтаясь вокруг и настороженно поглядывая на часовню. Она была маленькой и просто обустроенной, всего десять метров в длину и пять в ширину. Однако ее высокую крышу подпирали искусно вытесанные деревянные колонны, а на противоположной стороне можно было различить хоры с кафедрой в нише, также огражденные изящно сделанными перилами. Винтовая вела на правое крыло. Поначалу я не замечал никаких следов детей-зомби, пока маленькая босая ступня, свисающая через перила хоров, не бросилась в глаза. Я быстро отвел взгляд.

Между тем свет разгорающегося дня просачивался через мозаичные окна, украшенные изображениями святых и вездесущим символом молота, и мягкими красноватыми лучами ложился на каменный пол. Позади кафедры находилось круглое оконце с пурпурными и синими вставками, которые образовывали затейливый симметричный узор.

Мне было очень жаль часовни, но Мастер Лукас был прав. Никто никогда не сможет забыть, что за ужасы здесь творились и что случилось со старым зрителем. В

любом случае часовне суждено было исчезнуть – либо разрушаясь со временем, либо в погребальном костре. Второй вариант казался более подходящим.

Чья-то рука опустилась на плечо и я испуганно крутанулся. Мастер Урбан.

– Это позор для нас.

Я кивнул.

– Тебе получше? Лукас рассказал, что это ты нашел старика.

– Да, господин, сначала только было немного трудно.

– Я слышал, что ты храбро сражался. Выходит, этот индивидуум оказал на тебя не только отрицательное влияние? – слегка улыбаясь, он кивком указал на лук.

Решив было сначала заступиться за Гарретта, я передумал, сочтя это не очень разумным, кроме того, было непонятно, шутит Урбан или нет. А он очень хорошо разглядел мою внутреннюю попытку перечить, потому как стал серьезен.

– Я знаю, что этот человек оказывает на тебя влияние, Тим. Но помни – чувство дружбы или истинного доверия ему неведомо. Ты никогда не должен полностью на него полагаться.

Я глядел в землю, не веря ему, но смел перечить Мастеру.

– Пойдем. Нужно еще справиться панихиду по нашему зрителю.

Я еще раз посмотрел вглубь так мирно выглядящего божьего храма, запоминая эту картину и затем попрощался с часовней. Мы положили тело старого человека на поленницу возле церковной двери и молились за него Строителю. В сумраке вечера вспыхнул огонь.

Маленький домик и часовня стояли в течение долгих минут целиком объятые пламенем. От вида лопающихся в огне изукрашенных мозаикой окон моя душа разрывалась. Но это было достойное прощание. Льдисто-голубое вечернее небо чуть посветлело от всполохов и этот пожар, словно гигантский факел, возвестил о конце существования часовни. Одновременно это было вызовом ходячим трупам, смысл которого едва ли могли распознать их разложившиеся мозги.

Мы стояли кольцом вокруг пламени, якобы глядя на него, однако все чутко прислушивались ко всякому звуку и руки братьев сжимали рукояти молотов. Очень долго сумерки позади нас безмолствовали и я начал уже сомневаться в своих расчетах. Затем шум с правой стороны круга вшзвестил о появлении четвертого зомби. Отец семейства выглядел так же ужасно, как и его жена. На нем был тот самый заботливо сшитый белый саван, в котором его похоронили, плоти на руках и ногах почти не осталось, а лицо, покрытое рытвинами оспы, превратилось в оскаленную физиономию мумии. Общими усилиями удалось швырнуть его в погребальный костер. Иссушенное тело сразу ярко вспыхнуло, но еще некоторое время бесцельно топталось возле пылающих часовни и дома, а затем развалилось, исчезнув в огне. Зрелище было диким, но дух мой после всего, что довелось пережить, уже никак не реагировал на абсурдность происходящего.

Было радостно от того, что на одного мертвяка стало меньше, однако внутренний голос напоминал, что где-то в лесу бродит другая тварь, и я снова весь обратился в слух.

Нступила ночь и после того как рухнули стены дома, а затем и часовни, мы бросили свою вахту. Возможно, младший член семьи был уничтожен зрителем, прежде чем другие зомби сокрушили его. Собравшись, мы приготовились к обратному пути. Мастер Лукас попросил меня убедиться, что бушевавший огонь не перекинулся на лес. Это было весьма маловероятно, потому что здание стояло на достаточном расстоянии от опушки, однако, как говорится - доверяй, но проверяй. Двигаясь по кругу вдоль низкой ограды, я внимательно все осматривал.

В медленно угасавшем пламени там и сям между деревьями металась тень. Слышно было, как неподалеку беседуют братья и это внушало чувство безопасности. Раздумывая, мог ли порыв ветра швырнуть мощный сноп искр, способный поджечь замерзший подлесок, я счел это маловероятным.

Уже поворачивая назад, я увидел ее между деревьями и в первый миг замер, словно оглушенный громом. Она выглядела совсем как Миа и рыжие волосы в отбесках пламени огненным венцом обрамляли лицо. Она была маленькой, хрупкой и издали выглядела

несчастливым потерянным ребенком. Тот же белый саван, который выглядел только вчера надетым, такой же, что был на Миа, когда я простался с ней. Сердце сжалось от мучительной боли воспоминания. Так хотелось броситься к маленькой фигурке и сжать ее в объятиях, защитить от ночной темноты!

Внезапно маленькие босые ножки быстро двинулись в мою сторону и эта шаткая походка быстро вернула меня к реальности. Вблизи ее лицо выглядело таким же мертвым, как и лица ее родителей и братьев. Я избегал смотреть ей в глаза – это было слишком непереносимо, остался стоять и выжидал. Когда девочка-зомби с громким визгом бросилась на меня, я швырнул оба флакона со святой водой, что сжимал в кулаках под плащом. Без единого звука она превратилась в ничто.

С поникшими плечами я возвращался к братьям, которые слышали дикий вопль и уже спешили на помощь, а теперь разом остановились, озадаченно глядя на меня. Я лишь промолчал, не поднимая глаз.

Измученные, мы вернулись в монастырь, где нас обеспокоенно ждали. Мартен с видимым облегчением ринулся ко мне и положил руку на плечо, разглядев мое усталое лицо.

- Ну и угораздило же тебя, дружище! Поди проголодался? Все ждут вас в столовой.

Через силу улыбнувшись, я поплелся за ним в сторону главного здания и вдруг почувствовал, что за мной наблюдают и посмотрел вверх. Темнота царил за окнами, но готов поклясться, что тень за одним из них слегка пошевелилась.

Вообще-то больше всего сейчас хотелось лечь в постель, но, войдя в обеденный зал и уловив аромат еды, я почувствовал, насколько проголодался. Те из моих братьев, что оставались в монастыре, уже отужинали и теперь, сидя в ряд, напряженно ждали. Они облегченно и радостно приветствовали нас, видя, что все вернулись назад. Тепло камина приятно согревало замерзшее тело и я опустил на свое место.

Первосвященник сидел во главе стола и ответил улыбкой на мой робкий взгляд. Потом для нас принесли ужин и Урбан доложил Маркусу о походе, а остальные между тем возбужденно обсуждали то, что довелось сегодня пережить. Настроение было радостным, так как никто из братьев не расстался с жизнью и угроза была полностью устранена.

Мартен с Беппо очень усердно вытягивали из меня всю подноготную, так что я был выжат как лимон и еле-еле отвечал им с полным ртом. Лишь историю о маленькой девочке я сохранил при себе, воспоминания были слишком мучительны.

11

Когда на следующее утро я открыл глаза, было уже совсем светло. Мысль о том, что я проспал утреннюю молитву (что каралось наказанием), заставила вскочить с постели. Мартен, сидевший рядом за стлом и читавший толстую книгу, встал и с гримасой уложил меня обратно.

– Можешь не суетиться, тебе разрешили поспать подольше. Думаешь, я бы допустил, чтобы ты проспал и тем самым заработал себе на орехи?

Я благодарно поглядел на него. Вчерашнее падение кубарем с лестницы очень ощутимо давало знать о себе – я едва мог пошевелиться. После недолгой дремы голод выгнал меня из постели. Найдя для себя в кухне кое-что и поев, я несколько растерялся, так как уже привык с утра получать какое-либо задание. День без заданий для свободного времяпровождения даже как-то беспокоил.

Я решил потренироваться в чтении, червячок совести время от времени напоминал о том, что в последние дни книга ни разу не была у меня в руках. Это разбудило мое честолюбие и заставило взять ненавистный том с подставка в комнате для занятий. Работавшие там братья кинули на меня короткий взгляд, мне также показалось, что они о чем-то шепчутся за моей спиной, когда я покинул комнату. Интересно, о чем?

Желая остаться в одиночестве, я прошел в дальнюю часть сада и уселся на освещенную зимним солнцем скамью. Лучики пронзали кусачий воздух и со слабым

теплом прикосались к моему красному неофитскому плащу. Этого места не было видно от зданий монастыря, оно стало моим убежищем, если хотелось побыть одному.

Я начал листать книгу, желая вспомнить где именно остановился и продолжить читать. По истечению некоторого времени я с изумлением осознал, что мне теперь это удастся значительно легче. Строгое лицо Торбена всегда во время занятий было как кость в горле, поэтому сконцентрироваться в его присутствии удавалось с трудом. Но теперь я мог читать почти что бегло текст со страниц. Настолько бегло, что благочестивое писание начинало надоедать.

Гарретт внезапно и беззвучно возник рядом, напугав меня до смерти. Вместо того чтобы позабавиться над этим, он обшарил цепким взглядом кусты и клумбы, ведь в случае появления одного из братьев ему нужно было тут же исчезнуть. Затем присел рядом.

– Ну что, несладко пришлось?

– Сойдет. Я сейчас принесу Вам лук из нашей комнаты.

– Сейчас в этом нет особой нужды, отдашь позже.

Кинув взгляд в книгу, он скривил лицо.

– Я упражняюсь в чтении, только и всего, – сказал я в свое оправдание, хотя к чему было оправдываться, ведь как-никак я был неофитом Ордена.

Он только пожал плечами.

– Есть книжки поинтереснее.

– Но не здесь.

Снова знакомая усмешка. Зачем он сюда пришел? Может, скука замучила до смерти? Он выглядел много лучше чем два дня назад, отдых пошел на пользу телу. А вот его беспокойный дух, судя по всему, просто метался от вынужденного бездействия.

– Что случилось вчера? – спросил он без обвиняков.

– А разве Старший не рассказал Вам?

– Официальную версию. А ты переменялся.

– В общем-то, это не было приятным уроком.

– Я не то имею в виду.

Откуда-то ему было известно, что нечто давило на меня сильнее, чем встреча со смертью и ее порождениями. Я долго молчал, а он не задавал вопросов. В конце концов я решился:

– Все дело в моей маленькой сестре. Она и мой брат были убиты одной из тварей Обманщика. Она взглядела точно так же, как... – слова застряли у меня в горле, но он все уже понял.

– То дитя, с которым ты справился в одиночку. И теперь страшишься того, что однажды точно так же встретишься со своей умершей сестрой.

Чувствуя себя несчастным, я уставился на землю. Ничего не скажешь, попал не в бровь, а в глаз. Гарретт немного помолчал, потом серьезно сказал:

– Так может случиться. Но ты уже будешь подготовлен. Это создание не будет твоей сестрой, пусть даже она посмотрит на тебя, и ты об этом прекрасно знаешь.

Затем он встал и ушел.

Я еще некоторое время смотрел на книгу ничего не видящими глазами, чувствуя себя лучше. Ведь он сказал мне правду, не пытаюсь успокоить ложью, от которой не было бы никакого толку. Это могло произойти и если бы так и случилось, я должен был сделать это для Миа. Буквы расплывались перед глазами и я был рад, что никто меня не видит.

Спустя полчаса, когда я снова вошел в главное здание, Мастер Лукас заговорил со мной.

– Ты поразил меня вчера, Тим. Я тобой доволен.

– Благодарю, Мастер.

– Я просил Урбана передать тебя мне, пока Торбен в отлучке, но у него, кажется, другие планы. Он хочет поговорить с тобой.

Снова поблагодарив его, я направился в кабинет Урбана. Он снова воззрился на меня поверх своих серебряных очков, когда я переступил порог.

– Все хорошо, Тим?

– Да, господин.

– Ступай прямо сейчас, Маркус хотел бы тебя видеть.

Отвесив почтительный поклон, я сделал, как было велено. Маркус встретил меня любезным приветствием.

– Я буду говорить с тобой, Тим. Ты снова должен будешь покинуть монастырь. Я хочу, чтобы ты помог вору выполнить его задание. Рана мешает ему.

Я знал, что причина крылась совсем не в этом, тем не менее кивнул.

– Ты доказал вчера, что кое-что в тебе скрыто. Но, ради Строителя, будь осторожен. Человек, который противостоит вам, несравнимо сильнее сраженных тобой бездушных тварей.

– Это он виновен в том, что зомби множатся, ведь так?

Первосвященник поглядел на меня с интересом.

– Отчего ты так думаешь?

– Я не знаю.

– Это может быть правдой, у нас недостаточно информации. Ты пойдешь завтра вместе с Гарреттом в Город, твоим братьям сообщат, что ты снова послан для поддержки нашего миссионера. Никто не должен заметить, что это не так.

– Да, Господин.

– Я бы с радостью разрешил тебе подольше отдохнуть, но мы вынуждены действовать. Кроме того, твой спутник лезет здесь на стену от безделья. – он улыбнулся и я невольно прыснул в ответ.

Потом я готовился к отъезду, как и несколькими днями раньше. Мартен был сильно расстроен, что меня опять куда-то посылают.

– Ведь ты же только что приехал.

– Ничего не могу с этим поделать.

– Не понимаю, зачем тебе велели вернуться? Чтобы спустя три дня отослать обратно?

– Я от этого тоже не в восторге, Мартен, – это была ложь чистой воды, ведь я даже радовался, что покидаю монастырь и иду вместе с Гарреттом. В связи с событиями последних дней у меня появилась вера в себя, даже если вспоминался весь ужас того падения в погреб.

Мартен недовольно уселся на край своей кровати.

– Без тебя здесь будет совсем скучно.

– То ли еще будет, Мартен, скучать тебе не придется, уж поверь мне.

Он вытаращил глаза, удивленный моими словами и серьезным тоном.

– Тим, ты так изменился. Что с тобой случилось в Городе?

– Ничего не случилось. Просто я озабочен из-за увиденного вчера.

Мартен был гораздо лучшим бойцом чем я, но был также и неопитом, а потому никто послал бы его к часовне, если бы он сам рьяно не напрашивался. Он еще ни разу не участвовал в настоящем бою. Но я знал, что Старшие задействуют даже неопытных новичков в случае сильной угрозы.

– Ты ведь не думаешь, что они полезут на нас с кладбища? – Мартен не знал, скорчить ему по привычке гримасу или нет.

– Если хочешь точно знать, то да.

– Ты же ведь это несерьезно, а? * фраза взята из нормальной озвучки „Возвращения Короля“

Я промолчал, поскольку серьезнее не мог сказать; кроме того было жалко его беспокоить, и потому перевел разговор в другое русло. Тем не менее действительность угнетала, заставляла беспокоиться обо всех – и об оставшихся в живых родственниках, и о моих братьях, ведь от монастыря до ближайшего большого поселения было несколько часов пешим ходом. Если случится худшее, братья станут первыми, кто лицом к лицу встретится с опасностью. А трое наших лучших бойцов уехали!

Никогда не мог себе представить, что прямо под моими ногами тихо дремлет неведомая и невероятно опасная сила. Мертвецы были повсюду и их становилось все больше. Но что – или кто – заставлял их пробуждаться с этим губительным мерцанием в

глазах и с какой целью? И как ощущаешь себя при этом ..? Находились ли эти останки, некогда бывшие человеком, в чьей-то ужасной власти, смутно сознавая при этом, что что-то не так, но неспособные четко это понять? Может, это как отвратительный сон, в котором совершаешь ужасные поступки и который мгновенно стряхиваешь с себя, проснувшись, с той лишь разницей, что в этом случае нет никакого спасительного пробуждения? Или все же это просто бездушные, одержимые марионетки, инстинктивно выполняющие некий дьявольский план и движимые безымянным злом?

Я пытался выбросить из головы подобные мысли, но за весь остаток дня мне так и не удалось это сделать. Во время вечерней молитвы вообще не смог сосредоточиться, так что Мартену пришлось несколько раз довольно ощутимо ткнуть меня локтем в бок, чтобы я окончательно не испортил песнопения. Мне не хватало способности других братьев - в любой ситуации возносить хвалу Строителю. Было ясно, что с определенного момента все они могли совершенно бездумно это проделывать и, вероятно, не имело никакого значения, находились ли они в нормальном или в бессознательном состоянии.

Ужин прошел без всяких событий, не считая новой идеи-фикс Беппо, который нашел в одной дородной молочнице из близлежащей деревни женщину своей мечты. Насколько я мог припомнить, речь впервые шла о настоящей любовной интрижке, ведь тетка имела поразительное телесное и духовное сходство со своими черно-белыми подопечными, была, как и Беппо, далеко не в юном возрасте, ну а что касается волос и зубов, то у нее с этим было лишь чуть получше. „Строитель всегда создает каждой твари по паре“, подумал я, украдкой улыбнувшись и внимая восторженной любовной воркотне Беппо, сопровождаемой такими недвусмысленными движениями рук, что даже Мастер Урбан метнул в нашу сторону предупреждающий взгляд.

Беппо сумел отвлечь меня от мрачных мыслей и этим вечером я относительно спокойно провалился в сон. На следующее утро, сразу после утренней молитвы и завтрака я, к великому негодованию Мартена, тронулся в путь. Удалившись на достаточное расстояние, я опять начал переодеваться по-городскому и был еще не готов, когда Гарретт как призрак вырос за моей спиной. И опять я, перепугавшись, чуть было не упал, держа в руках еще не одетый сапог и проклиная свою реакцию. Могу поклясться, что вор снова жутко развеселился, хотя не показал это внешне, а коротко поприветствовал меня, чтобы затем в темпе отправиться дальше.

Путешествие наше прошло почти без разговоров и без всяких событий, и к вечеру мы, насквозь промерзшие, достигли Города. Мой спутник меня оставил, чтобы пройти своим особым путем через ворота, а я, как и в первый раз, был впущен городской стражей. Сразу было заметно – здесь явно что-то изменилось, ведь в прошлый раз прохожие толкали меня со всех сторон. Однако сегодня в воздухе витало неясное напряжение, почти у каждого, у каждого на поясе блестело оружие, даже грубо сложенная тетка с огорошной плетеной корзиной имела при себе внушительного вида кинжал, хотя одного ее угрюмого взгляда было уже достаточно, чтобы обратить меня в бегство. Я уловил пару обрывков разговоров:

– ... больше обычного, намного больше, у них дел невпроворот...

– ... *посреди* Города...

Не нужно было прислушиваться дальше, чтобы понять, о чем дальше пойдет разговор. Очевидно, погребальные костры и здесь вошли в моду.

Гарретт возник возле меня и мы направились к убежищу. По его лицу было видно, что он тоже заметил перемены. Из-за быстрой ходьбы пришлось несколько раз подстраиваться под его шаг. Наверное поступь его казалась встречным весьма элегантной, а я, спотыкаясь позади, выглядел неуклюжим олухом.

Когда мы вошли в промерзлую комнату, количество его кошельков чудесным образом увеличилось втрое. Небрежным жестом швырнув их на стол, он не удостоил вниманием мой вопрошающий взгляд.

Разжечь огонь оказалось не так-то просто. Снаружи уже смеркалось и становилось ощутимо холодно. На маленьком окошке расцвели морозные узоры. Когда пламя в камине

в конце концов запылало, мы долго просто стояли перед ним, отогревая уставшие кости. Только спустя долгое время в комнате слегка потеплело.

Привыкнув к молчаливости Гарретта, я даже удивился, когда он вдруг произнес:

– Нужно разработать план. Мы не знаем, что именно ищем.

Я выжидающе глядел на него и, не выдержав продолжительного молчания, осторожно заметил:

– Первосвященник упоминал о Св.Квинтуса...

Он кивнул.

– А еще он позаботился устроить нам встречу с Магами.

Мне подумалось, что Гарретт не мог бы открыто постучаться к ним в дверь. Ведь судя по его тогдашнему замечанию он уже разок нанес Магам визит, причем явно без всякого *приглашения*. Я был убежден, что им после этого было о чем вспомнить.

Больше этим вечером мы никуда не ходили, спасибо и на этом. Не было особого желания так скоро посещать старые церкви и кладбища.

12

Когда утром меня разбудили яркие лучи зимнего солнца, огонь почти опять угас, понадобилась вся смекалка, чтобы вернуть его к жизни. Гарретт абсолютно незаметно покинул на рассвете свое жилище. Когда первые языки пламени начали лизать поленья, он вернулся. Я не спрашивал, где он пропадал, Гарретт как всегда молчал. Вскоре мы отправились в путь к церкви Св.Квинтуса. Когда же наконец проклятый, нависший над миром холод уйдет, уступив место весне? Солнце, бывшее сегодня скорее напоминанием о теплых днях, нежели источником тепла, стояло высоко в небе и сияло как-то льдисто.

Я яростно тер ладони, чтобы хоть чуть-чуть согреться, Гарретт натянул капюшон до самого носа, спрятав руки под плащом. Он носил кожаные перчатки, не закрывавшие пальцы, эта деталь намекала на необходимость наличия в его ремесле именно такого фасона. А у меня не было ни капюшона, ни перчаток для защиты от мороза и колючий ветер все время норовил пробраться с какой-нибудь стороны сквозь намотанный до ушей шейный платок. Ценнейшей деталью всего костюма были сапоги, ведь они на самом деле принадлежали мне. Однажды, в более лучшие времена, отец купил их где-то на рынке и привез мне. Тогда они были еще велики, но теперь в самый раз.

То самое неброское платье, выданное Орденом для маскировки, никак не защищало от холода, ничего удивительного, что я быстро подхватил легкую простуду и уже чихал, когда мы покидали дом. Гарретт, обернувшись, смерил меня скупым взглядом, который ясно говорил, что меньше всего на свете ему сейчас нужен кашляющий и сморкающийся спутник. Все мои мужественные попытки сдержать чих блестяще провалились, получалось только хуже.

Опять был ярмарочный день и на улицах кишмя кишел народ. Навстречу попадалось намного больше стражников, чем прежде, что не удивляло после услышанного вчера. Они зыркали по сторонам словно параноики, что не вызывало особой радости. Гарретт двигался осторожно, словно дикий зверь в лесной чаще, спасающийся от охотника, хотя сравненьице получилось никудышное – он отнюдь не был беззащитной добычей. При нем был лук с колчаном и, разумеется, длинный кинжал под плащом, с которым я уже имел удовольствие познакомиться. Для не особо серьезных ситуаций у него была припасена дубинка с утолщением примерно с кулак величиной, которая могла отправить противника в мир снов без всякого разрешения со стороны оного. А еще на внутренней стороне плаща находилась парочка карманов с совсем уж странными штуковинами, я таких сроду не видывал и даже расспрашивать про них не хотелось.

Итак, не слабость после ранения (от которого Гарретт уже почти оправился), а я был помехой и эта периодически кашляющая и чихающая помеха грозила превратиться в обузу. Он стоически реагировал на все это, а тем временем мы совершали довольно рискованный экскурс по рынку. К моему неопишуемому изумлению Гарретт купил для меня огромный темный плащ и перчатки. Тут уж было непонятно – то ли радоваться, став

владельцем такого богатства, то ли раздумывать, а за какие деньги было это все приобретено? Но теперь мне кажется, что тогда у него попросту не было выбора. Захворай я, и как тогда вор смог бы совместить работу няньки-сиделки с предстоящим выгодным дельцем? А если вещи ворованные, нужно было вести себя на рынке очень осторожно, ведь я не умел мгновенно и бесшумно пропадать.

Закутанный в новую одежду и несказанно благодарный за это, я последовал за Гарреттом прочь из Города. Мы вышли на северную дорогу и уже скоро находились очень далеко от населенных мест, лишь там и сям иногда попадалась пара дворов. Местность была немного холмистой, деревья, кусты и стебли трав застыли от мороза, словно само время остановилось. На востоке * где-то в районе Мордора / России клубились тучи, что было не к добру и мы никого не повстречали.

Церковь Св.Квинтуса располагалась у маленького озера среди холмов. Некогда она была частью древнего монастыря, но лишь эти стены выстояли в опустошительном пожаре несколько столетий назад. Только немногочисленные остатки могучих стен напоминали о былом великолепии. Церковный неф тоже уже разрушался, потому что сба десятки лет уже никто не приходил. Некогда украшенные цветными стеклами окна угрожающе зияли темными дырами, истончившаяся крыша местами опасно провисла, в ней летом гнездились птицы. Тяжелая деревянная дверь криво висела на петлях, словно хотела вырваться на свободу из старого здания, каменные ступени входной лестницы покрывал толстый слой прелой листвы. Некогда гордо вздымавшаяся в небо колокольня давным-давно лишилась крыши и опасно покосилась.

Церковь была окружена кладбищем. Столетиями здесь хоронили умерших братьев Ордена и когда монастыря не стало, жители окрестных деревень и усадеб заботились о ней и могилах, пока состояние построек не стало угрожающим. Уже несколько десятилетий здесь не было ни одного погребения. Надгробные плиты, кое-где еще стоящие прямо, украшали исключительно могилы братьев, ведь никто из деревенских пока ни разу не удостоился чести лежать после смерти под резным камнем. Лишь несколько надгробий раскололись и было невозможно точно определить, где прежде находились их могилы.

Озеро, покрытое толстым льдом, лежало неподалеку словно матовый серый диск. Находившееся на противоположной стороне маленькое поселение можно было заметить скорее благодаря дыму из каминных труб, чем пытаясь разглядеть стены домов, ведь они совершенно сливались с серым морозным ландшафтом.

Сойдя с дороги, вьющейся дальше вдоль берега по направлению к деревне, мы приблизились к церкви Св. Квинтуса и тут порыв ветра швырнул в лицо несколько филигранно-хрупких снежинок. Я держался возле Гарретта, потому что теперь воспринимал кладбище совсем по-другому, но все здесь было тихо и мирно. Возможно, земля настолько промерзла, что ни один мертвец не сумел справиться с таким препятствием, подумал я и холод вдруг показался мне не таким уж страшным. Я сам сознавал наивность этой надежды, ведь мерзлая почва не остановила тех мертвяков у часовни, их роющие скрюченные пальцы не ведали усталости и боли.

Гарретт зорко осматривал все вокруг, прежде чем подойти к церкви, потом мы обошли вокруг нее. Рядом с обветшалым зданием находилось несколько маленьких усыпальниц-мавзолеев, так Орден издревле чествовал достойнейших из умерших. Я пытался разобрать письмена, но даже с новыми способностями это не вышло – ветер с дождем постарались на славу, веками стирая буквы. Мой спутник тем временем что-то делал с надгробием одной старой могилы, а затем нечто тускло поблескивающее исчезло в его кармане. При виде такого святотатства во мне закипел было праведный хаммеритский гнев, но быстро уступил место здравой мысли – бесполезно отучать кошку ловить мышей. Он, занимаясь воровством, казался таким же невинным, как та бестия с мягкими лапками, что крапа припасы из нашей кладовки. Попытки отца отучить ее от этого не принесли успеха – кошка следовала зову своей натуры.

Гарретт прошел между склепами и вдруг резко остановился. Подходя, я уже знал, что предстоит увидеть. Это случилось тут, в самой дальней части кладбища. Холод с

отвратительной четкостью запечатлел следы убийства. Мне захотелось, чтобы сейчас вдруг повалил снег или, что еще лучше, хлынул проливной дождь. Земля была покрыта кровью, растекшейся широким кругом. Не было заметно отдельных брызгов, как в доме смотрителя, где старик встретил смерть после отчаянной борьбы и где зомби еще какое-то время волокли свою жертву по полу. Здесь все расходилось из центра, там где упало тело Горана. Твердая как камень земля не могла впитать потоков крови, а покатая поверхность дала ей свободно стечь, чтоб потом заledenеть на морозе. Лед был именно сочного багрового оттенка, потому что кровь застыла, не успев высохнуть и превратиться в бурые пятна.

Других следов на месте преступления не было. Тот, кто нанес кому-то такую страшную рану, сам должен быть весь забрызган кровью. Если бы он стряхнул ее с себя, то эти капли остались бы здесь, прекрасно сохранившись. Но не было видно ни единой капли и ни один кровавый след не вел прочь. Гарретт думал, видимо, о том же, рассматривая место убийства с разных сторон. Он нашел несколько сломанных травинок, но это мог сделать сам Хранитель Горан, когда шел через кладбище. След потерялся в пустоте.

Он тщательно осмотрел центр круга, затем, наморщив лоб, рукой откинул несколько красных кусков льда в сторону (на такой поступок я был просто неспособен). Земля на этом месте почернела – четко очерченное пятно с кулак величиной, как будто здесь что-то пылало. И ничего кроме этого. Гарретт остался явно недоволен такими скудными уликами, принявшись внимательно разглядывать ближайšie надгробия. Однако по кислому выражению лица стало понятно, что и здесь ничто не давало ключа к разгадке.

– Давай, осмотри все вокруг и почитай надписи. Потом скажешь, не показалось ли что-нибудь странным. – он показал на могилы за моей спиной.

– Но я...

Он оборвал мой вялый протест нетерпеливым жестом:

– Знаю, у тебя с этим не очень, но уж постарайся.

Проглотив комок в горле, я начал исследовать надгробие, прислоненное к мавзолею. Длилось это долго, но из всего прочитанного удалось выяснить, что упокоившегося здесь брата некогда звали Джонатан, но по воле Строителя он носил другое имя. Соседний камень лежал над могилой брата Никодемуса и прошло невероятно много времени, прежде чем я сумел разобрать одно только имя. При жизни Никодемус был настолько праведным, что братьям даже не пришлось в голову писать что-либо еще на его надгробии.

Дальше было то же самое, ни одна из могил не представляла никакого интереса. Обыскав все камни, мы решили, что вряд ли среди них скрывается какая-то важная для дальнейших поисков деталь. За этими могилами кладбище заканчивалось, дальше была лишь трава да пара кустов. Гарретт вторично осмотрел самые большие плиты, однако опять безрезультатно. Двери, ведущие в склепы, были частично разрушены – время не пощадило их, вандалы же и расхитители гробниц были тут не при чем. Ничего примечательного не было видно через широкие трещины, письма, начертанные некогда на дереве, теперь стали совершенно неразличимы. В конце концов вор пожал плечами и направился к церкви.

Запретив мне туда заходить, он сам сделал один-два осторожных шага внутрь, а я стоял у входа. Отсюда было уже нечего выносить, в нефе был только падавший через крышу мусор, зрелище этого разрушения производило грустное впечатление. Над головой ветер бился о сгнившие балки, его свист напоминал жалобный стон. Пара неразличимых надписей на стенах и полу свидетельствовали о былых славных днях. Каменные плиты под ногами были в том же плачевном состоянии что и крыша, зияющие повсюду провалы указывали на находившиеся внизу склепы. Что могло заставить кого-то придти сюда? С неприятным чувством я всматривался в зловещую тьму.

Гарретт осторожно крался дальше, дыхание перехватывало от того, что каждый его шаг мог стать последним, если провалится пол. Мысленно спрашивая самого себя, не вниз

ли он собрался лезть, я уже знал, что именно так и есть. Но каким образом? Из нефа в подземелье не вела никакая лестница, вход в ризницу, как было видно, тоже обрушился, завалив помещение внизу. Это же чистое самоубийство – даже просто приближаться к провалам.

Еще шаг – и часть каменного пола с оглушительным грохотом обрушилась прямо перед Гарреттом и где-то несколькими метрами глубже разлетелась на куски. Вор ловко отпрыгнул назад и теперь смотрел с края вниз, прикидывая расстояние, а меня прямо парализовало со страху. Дыра казалась слишком узкой, чтобы соваться туда, кроме того у него для не было ни оснащения для лазания, ни сил для этого. Конечно, я знал, что отговорить его не удастся, разговоры о ранении ничего не дадут. А еще я знал, что процесс лечения нарушился, потому что он не давал себе покоя, постоянно двигая раненой рукой, и она регулярно кровоточила. Ну и поскольку ничего нельзя было вбить в его настырную башку, приходилось стоически воспринимать всякие последствия и постоянно (вопреки его упорному сопротивлению) менять повязку, если вдруг проступали кровавые пятна.

Теперь вор осторожно ощупал край провала кончиками пальцев, а затем, резко поднявшись, с такой силой пнул его, что меня от ужаса едва не вынесло из церкви. Плита поддалась и, гроыхая, обрушилась в подземелье. Снова последовала сцена балансирования, каким-то чудом ему удалось не свалиться в дыру, ставшую сейчас размером со взрослого мужчину. Внимательно поглядев вниз, он оценивающе рассматривал потолочные балки. Здоровая рука ухватила лук.

Я не понимал, что он задумал, * а мы понимаем, правда здорово? наблюдая за всем со смиренной покорностью. Гарретт вытащил из колчан еще одну невиданную стрелу, без кристаллического наконечника, а с неким утолщением, напоминавшим клубень какого-то растения. С трудом удерживая лук, насколько позволяла больная рука, и поймав мой вопросительный взгляд, он с гримасой пояснил:

– Очень нужная вещица, подарок одной знакомой.

Затем, высоко подняв лук, сразу же выстрелил, наверно из-за боли не мог долго целиться. Стрела с тупым звуком глубоко вонзилась в одну более-менее надежно выглядящую балку, а затем вниз скользнула длинная, толщиной почти с руку лиана – слегка покачавшись над головой, она спустилась в темное отверстие на полу. Очень хотелось подбежать и потрогать эту вещицу, ведь она действительно выглядела как живое растение. Невероятно, как она могла так быстро вырасти из этого клубня?

Гарретт остался доволен сделанным выстрелом, схватился за лиану здоровой рукой и заскользил вниз. „Ну вот, вечером опять придется менять повязку“, со вздохом подумал я. Прислушивался, как он бродит там внизу, а еще очень надеялся, что этот шум не разнесся по темным закоулкам и что сейчас в склеп не ковыляют орды отвратительных зомби. „Ни в жизнь не полезу туда“, сказал я самому себе, а Гарретт как раз велел потихоньку следовать за ним, нетерпеливо спросив при этом, не прирос ли я к полу. Все во мне протестовало предстоящему действию, однако канючить и жаловаться не имело смысла. Осторожно, стараясь следовать его маршруту, я приближался к дыре, все время опасаясь провалиться сквозь пол в соседний склеп или быть раздавленным низко нависшей трухлявой балкой. Но старая церковь проявила милость к будущему хаммериту, и вот уже мои пальцы нерешительно ощупывают загадочную лиану.

Это и впрямь оказалось растением, притом весьма живым и даже *более живым*, чем обычные деревья и травы, стебель прямо-таки вибрировал от текущих по нему соков. Кем была, интересно, та самая подружка Гарретта, если могла подарить *такое*? Наверняка одной из ведьм-язычниц. Я знал, что мои братья и язычники находились в состоянии вечной войны и даже осознавал, почему решил стать хаммеритом – из-за ненависти к почитателям Обманщика. Раз они обожествляли Лесного лорда, значит, были виновны в смерти моих близких и нет им прощения.

Карабкаясь вниз по упругому жгуту (а это у меня хорошо получалось, потому что в детстве приходилось много лазать, да и стройное телосложение помогало), я иногда делал

перерывы – не потому, что устал, а из-за внутреннего напряжения и нежелания расстаться с ясным солнечным днем.

Понадобилось некоторое время, чтобы глаза привыкли к темноте, когда ноги вновь коснулись пола. Сквозь дыру падали мутные лучи, освещая выстроившиеся рядами саркофаги. Гарретт наверняка уже позаботился о том, чтобы очистить их от посмертных даров (если таковые еще сохранились). Он как раз изучал один из саркофагов, читая вычурную надпись. Тяжелые крышки казались нетронутыми из-за покрывавших их толстого слоя пыли. Не было ни малейшего признака того, что кто-то тут побывал и шарил внутри. Я вроде как немножко успокоился, но все равно внутри не засыпало чувство настороженности. Гарретту в этот раз не надо было меня ни о чем просить, я сразу же приступил к чтению, понятное дело – чем быстрее прочитаю, тем скорее выберусь из проклятого склепа. И потому отчаянно сражался с тусклым светом и затейливым шрифтом.

Здесь были похоронены самые достойнейшие из монастырских братьев. С одной стороны помещения, там где по моим расчетам находилась ризница, сквозь свалившиеся глыбы еще видна была маленькая винтовая лестница, ведущая наверх, а больше ничего особенного. Стены были гладкими, без украшений, лишь изображение молота на каждой. Прочитав множество незначительных надписей, я был вынужден остановиться и дать отдых уставшим глазам, облокотившись одной рукой о стену в пустой нише напротив лестницы, а другой массируя лоб.

Гарретт тоже был погружен в чтение текста на одном очень древнем саркофаге и выглядел очень сосредоточенным. Нечто смущало его и я не отважился спросить, что именно. Тем временем мои пальцы что-то нащупали на стене, некое углубление со множеством маленьких дырочек. Сначала я совсем неосознанно провел по нему рукой, потом осознал, что это не обычный разлом в стене. Тогда я выскреб из углубления всякий мусора и сдул оставшуюся пыль, которой накопилось так много, что вокруг образовалось облачко серого цвета, глаза заслезились и поначалу даже не хватало воздуха. Тогда стало видно, что находка имела четкую форму и была сделана не из камня, во всяком случае, я не встречал подобной разновидности. Пять небольших дырочек находились в углублении трапецевидной формы, чьи стороны были как бы втянуты и поэтому оно походило на звезду. Четыре отверстия располагались более-менее на концах лучей, а самое большое пятое – в середине. Я еще раз провел по ним пальцами, удивляясь свойствам материала – округлая вделанная в стену пластина величиной с ладонь, черная как эбеновое дерево и идеально гладкая.

Обернувшись, я чуть было не столкнулся нос к носу с уже стоящим за спиной Гарреттом. Он не заметил мою уже привычную полуобморочную реакцию и тихонько присвистнул сквозь зубы. Кончики его пальцев чутко ощупали символ, затем окружающую поверхность стены.

– Да, тот, кто это сработал, был мастером своего дела. Без ключа нам никогда не войти.

– Без ключа?

– Такая штукавина, что смогла бы отпереть обсидиановый замок.

– Обсидиан?..

– Этот черный камень. Видишь, здесь что-то вроде замка. Готов спорить на свою правую руку, это то самое, что разыскивал Хранитель Горан.

Мне стало дурно от мысли, что мы на шли то же самое, из-за чего вся кровь Хранителя оказалась на траве кладбища. Не требовалось много воображения, чтобы представить грядущие беды.

Однако Гарретт вовсе не выглядел озабоченным. Он надавил на символ, медленно провел по нему ладонью и обернулся ко мне:

– Вон тот саркофаг. Скажи-ка, это в обычае у твоих братьев – хоронить не принадлежащих Ордену рядом с достойнейшими мужами?

Я непонимающе посмотрел на него.

– Конечно, нет.

– Тут похоронен не хаммерит.

Я опять уставился на него, затем подошел туда и понял, что не смогу прочесть надпись на крышке, потому что это были письма Предков. Также отсутствие на ней изображения молота явилось бы святотатством для любого хаммерита. И еще – хотя саркофаг был изготовлен из того же камня, что и остальные, однако выглядел намного древнее. Я уже больше ничего не понимал.

– Думаю, он уже стоял здесь, прежде чем была возведена ваша церковь. Может, он даже стал той причиной, по которой основали монастырь. Либо он, либо то, что находится за дверью.

– Что тут написано?

– Лишь то, что покойника звали Аристайдес и он был Магом.

– Магом?

Гарретт подошел поближе, глядя на меня.

– Да. Давай-ка глянем, хорошо ли ему там.

На несколько долгих мгновений я просто потерял дар речи. Он уже взялся за крышку с другой стороны.

– Ну и чего ты ждешь?

Осквернение могил вообще было не моим призванием, я боялся страшного наказания в судный день. К тому же (и это, кажется, было основной причиной) мысль о том, что восьмисотлетняя мумия может вцепиться мне в глотку, внушала парализующий ужас. Но требовательный взгляд Гарретта было нелегко выдержать. Поэтому я ухватился за крышку в надежде, что Строитель смилостивится надо мной в виду необходимости данного поступка и мумия будет не очень раздражена нарушением ее покоя.

Плита была не такой толстой как остальные, но все равно казалось, что мой крестец сейчас треснет от натуги, когда наконец ее удалось оттолкнуть в сторону и она с глухим скрежетом соскользнула на землю. Было страшно заглядывать через край, но поскольку изнутри не исходило никаких звуков, я все же решился.

От великого Аристайдеса мало что осталось. Хотя идущий снизу холодный воздух препятствовал проникновению в саркофаг пыли, однако за столетия ее все же накопилось немало. Несколько бурых клочков материи были когда-то частью длинного балахона, а кучки костей образовывали контуры человеческого тела. Почерневшая кожа туго обтянула голый череп, из-за чего рот словно был открыт в немом крике под темной пустотой глазниц. Я хотел отвернуться, но Гарретт еще не закончил осмотр саркофага.

То, с какой естественностью и скрупулезностью он обыскивал жалкие останки человека, приводило в изумление. Например, древнее золотое кольцо, вроде бы совсем не имевшее никакого отношения к нашему делу, молниеносно и без всяких слов скрылось в его кармане, а Гарретт вопросительно взглянул на меня – мол, чего стоишь? – и продолжил работу. Переборов отвращение, я перегнулся через край и самыми кончиками пальцев начал разгребать прах. Мага похоронили вместе с цепью и невзрачно отделанным кинжалом. Я передал обе вещи соему спутнику, который их подробнейшим образом осмотрел. Цепь последовала вслед за прочими вещами куда-то под плащ, а вот кинжал вызвал больше интереса, вор провел по острию сложенными кончиками пальцев и на лице его отразилось немое восхищение.

Меня ужаснуло, когда он схватил то, что осталось от правой руки трупа, приложил костяной указательный палец к краю саркофага и провел по нему кинжалом. Лезвие прошло как сквозь масло, кости даже не шелохнулись, просто распались на две части, как будто не требовалось ни малейшего усилия, чтобы рассечь их. Теперь и меня охватило любопытство и я осмотрел оставшуюся часть пальца – снаружи она рассыпалась, но внутри была еще твердой. Как мог кинжал столько лет оставаться острым? Нет, как вообще он мог быть *таким* острым?

Гарретт бросил на пол отрезанную кость.

– Тебе еще повезло, что не наткнулся на лезвие, пока шарил там.

Еще хорошенько пощупав то место, где торчала рукоять кинжала, он извлек на свет божий ножны к нему, которые, если не принимать в расчет их запыленность, выглядели

как новенькие. То, что они были изготовлены не из обычной кожи, стало ясно сразу, но обе эти вещицы идеально подходили друг другу. Гарретт вставил кинжал в ножны и отряхнул их от пыли. Поскольку в склепе больше не было ничего ценного и уже начало смеркаться, мы вскарабкались наверх, я безо всяких усилий, он – с большим трудом, чего и следовало ожидать. Может быть, удастся уговорить его позволить более тщательно обработать рану. Сложным, заученным движением Гарретт выдернул из балки плущ-стрелу (как он сам ее называл) и лиана пропала, будто ее и не было. Я, конечно, имел полное право с презрением отвернуться, однако также не мог не поразиться языческой магии.

Мы вышли из церкви Св. Квинтуса и сразу оказались на снегу, который выпал за время нашей экспедиции и сейчас продолжал сыпаться из плотных облаков. Задержись мы с нашим походом сюда – и тогда все доказательства преступления скрылись бы под белым покрывалом и были бы смыты потоками воды во время оттепели. Но мне все равно было радостно оттого, что белые снежинки мягко ложатся на землю, скрывая следы чудовищного убийства.

13

На обратном пути Гарретт решил нанести визит Артемусу и показать найденный кинжал. Стражи у входа так же неприветливо впустили нас и я был рад повернуться спиной к их злобным взглядам. У Артемуса в комнате было довольно светло и я встал поближе к камину, в то время как Гарретт очень коротко и сжато поведал Хранителю о нашем походе.

– Совершенно ясно, что он не ожидал нападения. Кто или что стало причиной смерти – неясно, повсюду только его собственные следы за исключением лишь одного опаленного куска земли.

– Опаленного?

– Как раз в центре того места, где он лежал, аот такой величины. – она показал размер черного пятна с помощью большого и указательного пальцев. – Кто вообще его нашел?

– Несколько поселян с того берега озера. С тех пор они думают, что на церкви Св. Квинтуса лежит проклятие.

– Ну, тут они совершенно правы. Где сейчас тело?

Мне показалось, что я ослышался. Уж не хочет ли он осматривать труп двухнедельной давности? Но тут же вспомнил, что мы только что ворошили в останках восьмисотлетней давности и притих.

– Мы положили Горана в зимней кладовой во дворе. Почва настолько промерзла, что нет возможности похоронить его.

– Ага.

Хвала Строителю, труп хотя бы промерз насквозь. Я призывал на помощь все свое самообладание, чтобы не идти в кладовую и не участвовать в этом осмотре, прекрасно при этом сознавая, как мало значили мои желания. А Гарретт уже рассказывал о символе на стене склепа. Он описал его Артемусу, потом быстрыми уверенными штрихами изобразил на бумаге, воспользовавшись подставкой для письма. Артемус тщательно рассмотрел рисунок, однако был в недоумении.

– Не припоминаю, чтобы хоть раз видел нечто подобное. Надо будет посмотреть в библиотеке.

Кинжал же удивил Хранителя сверх всякой меры, он осматривал со всех сторон оружие и его ножны, потому что до сих пор не встречал подобной вещи.

– Кажется, вполне обычный кинжал, но выглядит так, словно был сделан только вчера. А клинок острее всего, что мне доводилось видеть. Никогда не читал о таком оружии.

– Оно не случайно было спрятано там внизу. Думаю, что все в этом склепе было не случайно. Выясни, что находилось прежде на месте монастыря.

– Прежде?..

– Мне кажется, Орден пытался таким образом защищать или охранять нечто.

Ариемус, некоторое время подумав, ответил:

– Вероятно, будет сложно раздобыть подробную информацию об этом времени.

Слишком мало книг сохранилось до наших дней, и еще меньше людей, способных их читать. Насколько я знаю, не сохранилось никаких хроник той эпохи, а если бы и существовали, то речь в них шла бы исключительно о сильных мира сего. Как тебе известно, Совет пытается отыскать собственное решение проблемы. Полагаю, они догадываются, что я пригласил тебя не из-за старой дружбы, и поэтому не одобряют такое самовольничество. Но до тех пор, пока у них на руках нет никаких доказательств, они будут мириться с этим. Тем не менее я уверен, что Первый Хранитель намеренно отказывает мне в получении информации определенного сорта.

По кислой физиономии Гарретта было ясно, что Первый Хранитель не принадлежал к почитаемым с его стороны персонам, но он промолчал и Артемус продолжил снова:

– Старая Библиотека в городском монастыре хаммеритов могла бы послужить хорошим местом для поисков. Но даже не всякому Мастеру открыт туда доступ, а еще ее охраняют как зеницу ока.

– Придется немного изменить правила, – вздохнул Гарретт.

Я сразу наострил уши, когда речь зашла о знаменитой Старой Библиотеке. Мартен рассказывал, что братья охраняли там неизмеримую кладезь самых различных знаний и только достойнейшие имели право там находиться. Любого чужака, посмевшего хотя бы прикоснуться к драгоценным книгам, немедленно казнили на месте. Смутное подозрение, что скоро я стану участником еще более мерзкого святотатства, заставило меня мысленно помолиться о спасении души.

Тем временем Гарретт и Артемус изучали кольцо с цепью и в конце концов пришли к общему мнению, что это вполне обычные, не таящие в себе никакой магии драгоценности. Однако Артемус изъявил желание оберегать их и куда-то запер. Кинжал остался у Гарретта.

– А теперь быстренько представь меня Хранителю Горану.

– Выйдет не очень хорошо, если нас увидят там. Ты же знаешь, во всех вопросах, касающихся тебя, Совет стоит не на моей стороне. Разумеется, на тайном пути ты можешь также использовать *обходной* путь. Но никто при этом не должен тебя видеть.

Я надеялся, что Гарретт снова начнет говорить, что с таким спутником ему это не удастся, но в этот раз не произошло ничего подобного. Может, он считал, что так я быстрее научусь регировать на внезапные обстоятельства, которых так и сяк было не избежать. Распрощавшись с Хранителем, он подтолкнул меня к двери, прекрасно зная, как мне не хотелось идти. Вот вам и железное решение – не ходить в кладовую вместе с вором.

Коридор за дверью был пуст, но Гарретт решил подстраховаться на тот случай, чтобы никто из соседних комнат не заметил, как мы вышли. Он затолкнул меня как безмозглого щенка в одну из нескольких ниш, тянувшихся вдоль прохода и в которых из-за наступающего вечера лежали густые тени. Хотя и было непонятно, к чему все это, я тем не менее все безропотно выполнял, потому что мог себе представить, насколько неприятен в обращении мог стать Гарретт в случае непослушания.

Спустя несколько коротких секунд все стало ясно. Стража пересекла коридор, не заметив нас. Я решил, что мы сразу рванемся с места, как только они скроются за дверью на другом конце, но его рука крепко сжала мне плечо при попытке шагнуть вперед. Мы опять неподвижно замерли. Стража вернулась из своего кругового обхода, снова исчезла, затем появилась. Понятно, он прикидывал то время, за которое они делали полный круг.

Когда стражники проделали все в четвертый раз, Гарретт легонько подтолкнул меня и мы тихо пробежали у них за спинами через дверь. В следующей комнате я снова был не особо вежливо втолкнул в темный угол, пока он не убедился, что дальше можно следовать незамеченными. Он чутко следил за тем, чтобы никто не оказался поблизости

во время наших марш-бросков, ведь я был просто не в состоянии так быстро и беззвучно передвигаться, как ни старался. Ноги заплетались, а одежда так громко шуршала, что создавалось впечатление, будто весь дом нас слышит.

Тем не менее мы тайком добрались до лестницы. Гарретт спрятал меня под подставкой для письма, загасив большим и указательным пальцами пламя горевшей там свечи и подал знак – не шевелиться, затем растаял среди теней и скользнул вниз по ступенькам. Я уперся спиной в стену, но в этом скрбченном положении скоро заболели ноги, пришлось обхватить руками икры, чтобы снять напряжение. Куда же он делся? Шаги стражей, за которыми мы следили, прогремели по лестничному пролету, потом, пройдя мимо, они чуть не задели подставку и едва не наступили на край моего плаща, который, к моему неопишуемому ужасу, выглядывал наружу. К счастью стражник не обратил на это внимания, потому как разозлился из-за потушенной свечи. Он что-то пробурчал про „проклятый сквозняк“ и болезни, которые можно из-за этого подцепить и потопап дальше. Я тут же рванул край плаща к себе.

Текли бесконечные минуты ожидания, я сидел, сгорбившись, едва осмеливаясь дышать и постоянно прислушиваясь, пытаюсь уловить какое-либо движение на лестнице, возвещавшее о возвращении Гарретта. Но тот, очевидно, наблюдал внизу за стражами, чтобы проложить дальнейший курс, по которому позже спокойно мог меня провести.

Затем послышались голоса – мужчина и женщина поднимались вверх по лестнице, и их лица внезапно оказались как раз на уровне моих глаз. Сердце екнуло в груди, когда я что было силы вжался в дальний угол своего укрытия. Но они были сильно увлечены своей беседой и ничего не заметили, остановившись перед подставкой. Я проклинал свое положение, мышцы на ногах готовы были лопнуть, скрюченное тело прижато к стенке, с огромным трудом, полностью сконцентрировавшись на осторожности, удалось сделать вдох. Обязательно надо было встать именно здесь и завести болтовню?

– Диву даюсь, как это ему еще разрешено приходить сюда, – сказал мужчина приглушенным голосом.

– Он всегда был очень полезен нам, – тихо отвечала женщина. – Кроме того, не стоит забывать, что упускать его из виду еще более опасно.

– Этого не произойдет, мы знаем о каждом его шаге.

– Но он усовершенствовал свое мастерство. Хранитель Сикстус сознался, что упустил его несколько дней назад. Даже не желаю знать, со сколькими из нас произошло то же самое, а они умолчали об этом. А если однажды мы не найдем даже следов? Ведь в его силах дать ход таким событиям, последствия которых даже нельзя себе представить.

Мужчина хотел было возразить, но оборвал себя на полуслове и они поприветствовали проходивших мимо стражников, после чего продолжили беседу.

– Вы, кажется, забыли, что он уже успел наделать. Его следовало бы раз и навсегда вывести из игры. Не вмешайся он тогда, Обманщик не обрел бы силу.

У меня перехватило дыхание. Это они про Гарретта? В желудке неприятно запульсировало и на мгновение я забыл про боль от скорченного состояния. Что у него общего с Обманщиком, который принес столько несчастий моей семье?

По всей видимости женщине не понравились подобные рассуждения.

– Вы же знаете, что так было предначертано. Только таким способом можно было навечно устранить Обманщика. И кроме того, он не ведал, какие последствия повлекут за собой его поступки.

– Он слишком часто вмешивается в разные дела и этим угрожает Равновесию.

– До сих пор он был именно тем, кто *удерживал* его, хотя сам и неподвластен Равновесию. Вам известно, что имя его фигурирует во многих пророчествах.

Мужчина вздохнул, тем самым признавая свое поражение в споре.

– Именно это меня и беспокоит.

Когда стража делала новый круг мимо моего убежища, эти двое тоже пошли дальше и я, измученный, смог наконец передохнуть. Гарретт, оказывается, все время был здесь. Когда лестница опустела, он выступил из тени и я на дрожащих ногах послушно поплелся вниз. До двора оставалось уже недалеко, но здесь патрулировали двое

стражников, от которых мой спутник сумел искусно уклониться, так что мы незамеченными выскользнули во тьму. Навстречу сразу же ринулся холодный воздух. Вроде бы во дворе никого не было, но Гарретт не доверял тишине. Целую вечность мы стояли, прижавшись к холодной мрачной стене и выжидая, а потом он, все время находясь в тени (совсем как Артемус при нашей первой встрече), проскочил за массивную деревянную перегородку. Я, стараясь быть как можно тише, крался по пятам. Достигнув двери, он знаками велел мне спрятаться в темном углу и не спускать со двора глаз, а сам, опустившись на колени, орудовал в замке каким-то причудливо выглядящим инструментом. Через секунду послышался щелчок и дверь сама собой отворилась.

Я было вытаращил глаза, но вор не дал времени на удивление, потащил за собой через дверь и запер ее. Внутри было еще темнее чем во дворе и мертвая тишина как бы напоминала о нашей цели. Маленькая заледеневшая кладовка не имела окон, в ней стояли только носилки с покойным. Гарретт зажег стоящую у изголовья свечку и я содрогнулся, потому что никогда еще не видел такой кошмарной раны. Грудная клетка мужчины, с тела которого Гарретт без проволочек стянул покрывало, была вся изодрана в клочья, словно тогда на кладбище на него напала свирепая хищная тварь. Даже мне было видно, что внутри кое-чего не хватало. Это не было похоже на работу клинка, скорее на воздействие некой невообразимой силы. Гарретт лишь коротко взглянул на весь этот ужас, снова подтянул покрывало и оценивающе посмотрел на меня. Удостоверившись, что я не падаю в обморок, снова повернулся к мертвецу. Лицо мужчины было искажено гримасой агонии, помутневшие глаза полуоткрыты, однако на пепельной коже нигде не было заметно обычных в этом случае трупных пятен, которые мне за свою короткую жизнь слишком часто довелось увидеть. Труп выглядел полностью обескровленным, что несколько не удивляло. Внезапно насторожившись, Гарретт нагнулся к мертвенно-бледному лицу. Казалось, он что-то обнаружил на лбу под волосами, потому что откинул их в сторону. Борясь с отвращением и одновременно сгорая от любопытства, я подступил ближе.

То был очень странный знак, напоминавший какую-то букву, но ни мне, ни Гарретту она была неизвестна. Нечто вроде косо стоящей „V“, при этом у одного из ответвлений примерно посередине под прямым углом отходил короткий штрих, так что получился неправильный зигзаг. * проще пареной репы – квадратный корень, поучились бы лучше алгебре у Бинка, чем по крышам лазить! Знак размером с ноготь моего мизинца казался выжженным на коже, находился высоко на лбу и был почти скрыт волосами.

Труп промерз насквозь и его конечности заледенели, поэтому Гарретту пришлось сесть на корточки, чтобы изучить его руки. Здесь снова было кое-что необычное – кончики пальцев и часть кожи ладоней почернели, как будто Горан уперся руками во что-то пылающе-раскаленное или пытался от этого защититься. Он осмотрел весь труп, но не нашел новых ран.

В конце концов вор загасил свечу и глаза долго привыкали к разлившейся чернильной темноте. Гарретт, чуть приоткрыв дверь, через щель выглядывал наружу. Лишь спустя несколько минут он счел ситуацию подходящей для обратного пути к входной двери. Прежде чем осторожно открыть ее, он долго прислушивался к звукам с той стороны. Комната позади была пуста, мы торопливо пересекли ее и, миновав лестницу, оказались в коридоре, ведущем к вестибюлю. Заслышав встречные шаги, я инстинктивно попытался шмыгнуть в темный угол, но вор с легкостью пресек эту попытку и абсолютно спокойно направился к выходу мимо стражника. Тот не уделил нам особого внимания, решив, что мы спустились по ступенькам, выйдя из кабинета Артемуса, после этого можно было беспрепятственно покинуть дом.

На обратном пути я все думал о подслушанном разговоре, от которого становилось тяжело на душе. Каким образом Гарретт, вольно или невольно, помог обрести силу Обманщику? Хотя Хранители не называли имени, я был почти уверен, что речь шла о нем. Неужто он тоже виноват в смерти моих родных и всех других людей?

Как обычно труся следом, я опустил глаза, не желая на него смотреть, зная, что вор заметил мою подавленность. Он также знал, что меня тяготит, хотя находился намного дальше от Хранителей во время беседы.

В каморке Гарретта я рассеянно принялся заниматься ставшим уже обязанностью делом - разжиганием огня в камине из гаснущих углей, потом мы молча поели. Кстати, съестные припасы уже заканчивались.

Когда он позже лег на кровать, устало закрыв на минуту глаза, я увидел, что повязка на плече вся пропиталась кровью. Поднявшись, я начал собирать принадлежности для обработки раны, затем без слов уселся на край кровати и стал снимать старые бинты. Он было дернулся от неожиданности, но затем без обычного сопротивления позволил себя осмотреть, наблюдая. Рана выглядела отвратительно – опять воспалилась и даже частично открылась. Когда я ее очистил и наложил остатки мази, Гарретт вдруг произнес:

– Они говорили обо мне, ты ведь из-за этого такой понурый, верно?

Я поднял глаза и посмотрел ему прямо в лицо. Казалось, он ждет от меня чего-то, проявления каких-то эмоций. Мне было страшно задавать вопросы, но еще больше ужасали возможные ответы.

Не дожидаясь слов (потому что опять все понял), он промолвил:

– Это правда. Он уже почти набрался сил, но именно я стал тем, кто принес ему нечто, окончательно восстановившее его былую мощь.

Я ждал оправданий или хотя бы объяснений, однако он счел их ненужными, снова молчал, глядя на меня.

– Зачем? – сумел выдавить я.

Молчание. Я заботливо перевязывал рану, когда он медленно выговорил:

– Это было ошибкой.

Больше ничего не было сказано, а я не пытался выспрашивать. Складывалось впечатление, что и сам Гарретт заплатил сполна свою цену. Я не знал теперь, что и думать. Не могу сказать, что он мне очень уж нравился, однако услышанное было хорошим поводом для настоящей ненависти и он это знал. Сев у огня, я смотрел на языки пламени, пока глаза не закрылись от усталости.

14

Проснувшись на рассвете, я задумчиво наблюдал за еще дремлющим Гарреттом. Судя по всему, ничего хорошего ему не снилось – на лбу собрались складки и он беспокойно ворочался. Я поднялся, тихо потряс его за плечо. Гарретт открыл глаза, уставился на меня незнающим взглядом, начиная потихоньку возвращаться к реальности. Потом провел рукой по лбу и снова ненадолго забылся, выглядя при этом очень уставшим, как будто сон еще больше измотал его.

Из жалких остатков той уймы съестного, что было куплено в прошлый раз, я сготовил скудный завтрак. Во время еды я сказал:

– Я хочу услышать всю историю.

По его быстрому взгляду стало понятно, что продолжения не последовало, попроси я об этом намного вежливее, но решил не сдаваться.

– Я должен услышать все, мои брат с сестрой погибли из-за этого!

– Знаю.

И тишина. Хотелось со всей силы стукнуть кулаком по столу, но чего этим добьешься? Толку никакого, как обычно. Как-то не верилось, что ему все так безразлично, как выглядело со стороны. Но пробить брешь в его защите было нелегко, потому я молча ждал. Он наконец вздохнул, откунувшись назад, и сказал:

– Как-нибудь расскажу, но только не сейчас.

Глядя на поверхность стола, я понял, что тема исчерпана, но позже я буду снова и снова задавать тот же вопрос, пока Гарретт не сдастся. Я просто должен был знать, что тогда произошло, ведь иначе я утрачу к нему всякое доверие, а этого почему-то не хотелось.

Мы в этот раз вышли наружу лишь за покупками. Наверное, выдался самый холодный за все прошедшие недели день и я даже радовался, что Гарретт не планировал сегодня никаких грандиозных экспедиций. Но это оказалось ошибкой – просто он не

хотел ничего предпринимать засветло и велел мне по приходу домой отдыхать, потому что ночью мы посетим Крепость Магов. Мысль о предстоящей прогулке морозной ночью мало согревала, хотелось чтобы вечер не наступил как можно дольше.

Гарретт сел за стол и что-то большее время записывал. В один из моментов он поднял взгляд и сунул мне в руки тяжеленную объемистую книженцию. На ее металлическом переплете красовался символ в виде шестерни. * Ага!

– Тебе еще много чего предстоит прочитать. Лучше поупражняйся-ка с этим, тебе должно понравиться. – он одарил меня странной усмешкой.

Прочитав всего несколько строчек, я с изумлением убедился, что это были записи предводителя Механистов – Карраса, название было „Книга новых догматов веры“. * ребята, не судите строго, я не помню, как это было в игре Я уже слышал о том, что эта секта придерживалась крайне экстремальных концепций, но считалось, что все существовавшие письменные формы их постулатов с годами были уничтожены.

Книги Ордена тоже были не особенно разборчивы в выборе слов, когда речь шла о наказании за грехи, о жизненном укладе верующих или о борьбе с еретиками. Но это творение, как мне скоро стало ясно, являлось исключительно порождением больного воображения безумца. Его тезисы были самыми радикальными из всех известных мне, он отрицал все естественное, дарованное от природы и с тупым упорством провозглашал абсурдную механическую реальность идеалом своей веры. Столько раз там воспевался абсолютный вздор о совершенном мире без живых существ! Я мог бы даже рассмеяться, если б не знал, как могуч и влиятелен некогда был этот человек. Последовательное воплощение в жизнь этих тезисов означало полное уничтожение человечества и вообще всего живого. Не удивительно, что Каррас был еще более чем мой Орден беспощаден к язычникам, потому что те обожествляли природу. Он с таким воодушевлением описывал кровавые расправы над ними, что даже мне, ненавидящему и презирающему слуг Обманщика согласно законам веры, это показалось отвратительным.

Орден и братьев он считал чем-то мелким, незначительным, ведь свои уставы казались Каррасу идеальными. Он самозабвенно восторгался механическими „детьми“, которые и были теми самыми совершенными существами. Именно с ними он намеревался пребывать в вечности.

Когда я ненадолго оторвался от книги, то убедился, что читаю бегло и без всяких проблем, и это почти целый час! Содержание было настолько увлекательно и одновременно пугающе, что трудности с разбиранием букв как-то сами собой позабылись.

В то время мы едва избежали беды, потому что поля вблизи Города опустели, а урожаи были намного хуже чем в предыдущие годы. Голод подступил уже совсем близко, но люди не разглядели в этом никакой связи с Каррасом, дела и так шли из рук вон плохо. Лишь теперь я осознал, в какие беды мог ввергнуть нас этот человек, хотя и не совсем было ясно, каким образом он планировал истребить все живое. Но его собственные высказывания касательного этого страшного плана казались успокоительно-самоуверенными, как будто Каррас нашел решение некой сложной „проблемы“. Человек, изготовивший толпы искусственных существ, в любом случае стал бы искать путь для уничтожения истинной жизни.

Итак, книга была примером того, на что способна слепая вера. Увлечшись, я сразу не заметил, что Гарретт следит за мной с легкой усмешкой.

– Занимательно, правда ведь?

– Не могу понять, почему многие полевовали этому учению. Ведь он вел своих последователей к их собственному уничтожению!

– Об этой книжице они ничего не знают даже до сих пор. Каррас написал ее незадолго до смерти.

Совсем сбитый с толку, я разглядывал металлическую обложку в своих руках. Неужто собственноручно Каррас написал сей безумный труд и данный экземпляр был единственным? А Гарретт, значит...

Он сразу же понял мой безмолвный вопрос.

– Да мы немножко повздорили. По какой-то причине я был для него как бельмо на глазу.

Да уж, легко было представить. Желая узнать об этом побольше, я как можно осторожнее (чтобы он опять не задернул шторы) сформулировал вопрос:

– Значит, он покончил жизнь самоубийством?

Усмешка Гарретта стала чуть-чуть ироничной.

– В принципе можно и так сказать. Он сам вызвал свою смерть, правда, не зная об этом.

– Откуда Вы все это знаете?

– Скажем так, я был к этому некоторым образом причастен.

– Здесь написано, что он хотел искоренить жизнь. Но как?

Вор глубоко вздохнул.

– Он и вправду мог это сделать с помощью изобретенного им разрушающего ядовитого газа.

Смутное подозрение о том, как погиб сумасшедший и кто тому был виной, зашевелилось у меня в голове. Гарретт опять вернулся к своему занятию, это означало конец разговора. Я же снова углубился в книгу, оставив его в покое.

Начало смеркаться и мы приготовились идти в Башню Магов. Гарретт очень серьезно велел мне быть осторожным, Маги – могучие соперники, возможно сильнейшие из всех. Они будут мало обрадованы нашим приходом в Башню, в особенности потому, что имели честь познакомиться с Гарреттом при других обстоятельствах. Лишь благодаря Первосвященнику Маркусу эта встреча стала возможной. Человека, ожидавшего нас, звали Езекил и он был *Магом Воздуха*, что бы это ни означало. Никто кроме него не знал о нашем участии в этих событиях.

Выйдя из дома, мы окунулись в густеющие сумерки. Улицы были пусты – жгучий холод разогнал людей по домам. А до цели было ой как далеко, насколько я помнил по первой прогулке через Город.

В том самом пустынном переулке, примыкающем к рыночной площади, стояли, прислонившись к стене, три малоприятных типа и я с ужасом узнал Крысью Морду, от которого с трудом удалось убежать после посещения старины Бинка. У всех троих были кинжалы и луки, и я был уверен, что они с удовольствием находят им применение. Кажется, Гарретт тоже знал бандюг, потому как на лице его не читалось радости от этой встречи, а правая рука нырнула в карман плаща.

– Глянь-ка, – прогундел Крысюк неприятным высоким голосом. – Ты теперь берешь себе учеников?

– Чего тебе? У меня дела.

– Ройбен приглашает тебя побеседовать. – Он произнес эти слова с такой угрозой, что я, совсем как малое дитя, уже хотел спрятаться за спиной своего спутника. – Пошли.

Я знал, что теперь неприятностей не миновать. Голос Гарретта не изменился, когда он ответил:

– Передай, что у меня нет на это времени. Кроме того, ответ по-прежнему „нет“ и он об этом знает.

Казалось, именно таких слов и ожидал Крысья Морда со товарищи. С видимой радостью он отлепился от стены, вытаскивая уже знакомый мне впечатляющий нож, то же самое проделали его дружки. Я пытался вытащить мой бесполезный кинжалишко, но со страху не мог даже пошевелиться.

Вожак хотел уже броситься на Гарретта и тут события начали разворачиваться с бешеной скоростью. Полыхнувшая яркая вспышка полностью ослепила меня на несколько секунд. Я слышал, как нападавшие сыпали проклятьями. Что-то плюхнулось на землю, суматошно подскакивая и странным образом пощелкивая. Рука ухватила меня за плечо и оттащила в сторону, я, беспомощно спотыкаясь, не сопротивлялся. Позади послышалось громкое шипение, а потом звук, как будто разом упали несколько тел. Зрение понемножку возвращалось ко мне и, обернувшись, я увидел, что Крысюк с друзьями весьма живописно распластались на земле. Они не были ранены, однако явно находились в стране грез.

Гарретт остановился, отпустил меня, затем направился к куче из человеческих тел. Он привычными движениями обыскал бандитов, попутно с завидной скоростью освобождая их от всего мало-мальски ценного и вернулся. Забрав у Крысюка лук и кинжал, он передал их мне, а я лишь растерянно таращился. Если бандит с крысьей рожей увидит меня со своим незаконным оружием, то приготовит из меня мелкий фарш. Однако гримаса Гарретта пресекала всякое желание спорить, я быстро пристегнул колчан с кинжалом и надел лук на плечо, а свой маленький кинжальчик положил рядом с грабителем. Крысюк закипит от бешенства, разглядев новое оружие. Даже несмотря на страх эта воображаемая сцена развеселила меня.

В спешке мы покинули переулок, потому что со стороны слышались чьи-то тяжелые шаги и наверняка поднялась бы суматоха, если бы кто-то наступил на бессознательные тела. Во время оставшейся части пути к Башне я задавался вопросом, как это Гарретту удалось разом вырубить троих здоровых мужиков, ведь он едва шевельнулся, стоя рядом. Любопытство раздирало меня, но вор был погруженным в раздумья и я решил дождаться подходящего момента. Исполинская Крепость Магов выросла перед нами и чем ближе мы подходили, тем массивнее она казалась. Она была отгорожена от внешнего мира непреодолимо высокой стеной, а охраняемые двумя стражами массивные деревянные ворота давали понять, что посетителей здесь не жалуют. Наверху, за деревянным ограждением в свете факелов можно было разглядеть силуэты других стражей на фоне ночного неба.

Не приближаясь к воротам, мы по широкой дуге обошли стену кругом. На обратной стороне Гарретт, защищенный тенью, остановился и огляделся, чего-то выжидая. Над нами слышались неторопливые шаги, наверное, стража на стенах делала очередной круг, затем они стихли. Тотчас же мой провожатый выпустил из лука вверх плющ-стрелу, которая точно угодила в деревянное ограждение и знакомая надежная лиана быстро спустилась к нам.

– Осторожнее, – прошептал мне Гарретт. – Если услышишь кого-нибудь там, наверху, замри и не шевелись, что бы ни случилось.

– Вы что, хотите вскарабкаться туда? Как же Вам это удастся? Ведь рука так никогда не заживет! – яростно прошептал я. Даже короткий подъем из того склепа в Св.Квинтусе свел на нет несколько дней лечения, а эти стены были вышиной с дом!

В полутьме он устало глянул на меня и, ничего не ответив, начал подъем. По неестественным движениям было заметно, с каким трудом и напряжением ему это удавалось, но он настойчиво лез дальше. Ему почти удалось добраться до настенного прохода, когда сверху снова слышались шаги. Тогда Гарретт замедлил движение и вжался в стену. Не знай я, что он там, ни в жизнь бы ничего не заметил.

Удалявшаяся стража тоже ничего не заподозрила. Последним мучительным он подтянулся и перелез через край.

Я без промедления двинулся следом. Но хотя и был отличным верхолазом, стена эта представляла трудное испытание даже для легковеса вроде меня – гладкая, без единой опоры для ног, а высота ее казалась бесконечной, когда поднимаешься вверх на шаг и при этом соскальзываешь на пол-шага вниз.

Когда наверху тяжело забухали сапоги, мне стоило немалых усилий приглушить свое загнанное дыхание и неподвижно замереть. К счастью, стража, ничего не услышав, прошла мимо. Было еще труднее снова начать продвижение и руки судорожно тряслись, когда я наконец достиг края стены. Гарретт, которому каким-то чудом удалось остаться незамеченным в тесном проходе, втянул меня за воротник через ограждение. Не дав времени на роздых, он потащил меня по темному коридору, мимоходом выдернув из стены свою нечестивую стрелу. Позади снова кто-то шагал и я всеми старался сдерживать дыхание и бежать как можно тише. Мы добрались до боковой лестницы и Гарретт толкнул меня в тени несколькими ступенями ниже, где я прислонился к стене, измученно хватая ртом воздух, а он осторожно озирался.

Отдышавшись, я тихо последовал за ним. Мы прошли через огромный сад - один из четырех, как выяснилось позже, ведь стены, лучами расходившиеся от Главной Башни,

образовывали возле каждой угловой свой собственный внутренний двор. Тут произрастали диковинные растения, вместе с высокими кустами образующие целый лабиринт из проходов и закоулков. От зажженных на стенах факелов было светло. Хруст покрытой тонким слоем снега травы известил о приближении новых стражей и мы юркнули под защиту кустов. Странно одетый мужчина прошествовал мимо, ничего не заметив. По виду он сильно отличался от стражников – его платье было темным с вышитыми блестящими красно-желтыми узорами, на поясе покачивалась связка ключей. Рука Гарретта коснулась моего плеча, это означало – оставайся на месте. Он беззвучно выскользнул из тени позади мужчины и спустя несколько секунд вернулся назад уже с ключами. „Это наверняка облегчит нам путь“, подумал я.

В этой части Крепости Магов стояла та самая Башня, которую в прошлый раз мне не удалось хорошенько разглядеть. Из чего же она все-таки сделана? Я даже не был полностью уверен в том, что этот материал – камень: гладкий, без всяких следов соединения блоков, сочного синего оттенка, кое-где с более светлыми вкраплениями.

Гарретт, проследив за моим взглядом, тихо шепнул:

– Каждая из Башен здесь посвящена одной из стихий. Это – Башня Воды. На твоём месте я бы туда не совался, там частенько случаются наводнения.

Я удивленно хлопал глазами больше оттого, что наконец-то услышал от него нормальную шутку, а еще знал, что сказанное было правдой. В полутьме зубы Гарретта сверкнули в кривой усмешке. Надо будет попозже попытаться подробно расспросить, были ли он уже внутри этой Башни и как все там выглядело. Теперь было понятно, что на западе находилась красная Башня Огня, южнее – Башня Земли глиняного цвета и, наконец, располагающаяся на севере белая должна была быть Башней Воздуха. Это и была наша цель?

Башня была отделена от сада высокой стеной с деревянными воротами, к которым со стороны вела лестница, поскольку ярко освещенный вход был расположен немного выше уровня земли. Свет исходил не от факелов, а от закрепленного наверху огромного кристалла. Я, разумеется, был поражен этим зрелищем.

В то время как мы тихонько сидели в засаде, еще один страж показался из двери и прошел через лабиринт зарослей. Он был одет так же, как и предыдущий, только на темной материи чередовались светло- и темно-синие узоры. Человек скрылся в Башне Воды.

Мне стукнуло в голову, что эти люди и есть Маги, а их способности различались тем, что каждый посвятил себя определенной стихии. Только что прошедший мимо мужчина был, очевидно, Магом Воды, предыдущий – Магом Огня, а на стенах караулили обычные люди.

В то время как я разбирал свои мысли, Гарретт зондировал сад и уже, видимо, примерно рассчитал время прохода туда и обратно часовых. Он весь подобрался, что служило сигналом и для меня. Оставив безопасное укрытие, мы быстро подошли по ступенькам к двери. Тут, в ярком свете, мы были легкой мишенью и если бы кто-то это заметил, сбежалась бы вся стража. Но, к счастью, в украденной связке было только четыре-пять ключей и второй подошел. Дверь открылась наружу и мы поспешно проскочили внутрь, ведь сзади уже кто-то приближался. Оказывается, я ошибался, приняв стену за часть здания, это была лишь узкая перегородка между двумя соседствующими садами. Широкая лестница вела наверх в верхние покои по направлению к Главной Башне, а напротив был другой вход. Маленький столик и пара стульев стояли у стены, кувшин с водой и пара кружек свидетельствовали о том, что караульные отдыхали здесь.

Было слышно, что на ступеньках кто-то был. Гарретт втянул меня под лестницу в темноту, как раз вовремя – вниз спустился лучник и пересек комнату. Немного постояв на месте и слегка при этом насвистывая, он снова удалился. Я предполагал, что мы выйдем через нижнюю дверь в другой сад, ведь там стояла Башня Воздуха, но у Гарретта, по-видимому, был намечен совсем другой план. Выйдя из укрытия, он схватил кувшин со стола, немножко наплескав на пол в направлении двери, из которой мы пришли, а потом,

выглянув наружу, швырнул посудину в близлежащие кусты, при этом целый водяной каскад обрушился на ступеньки.

Он опять вовремя скрылся под лестницей прямо перед очередным появлением стражника. Было слышно, как мужчина удивленно остановился, заметив широко открытую дверь и лужи на полу. Обнаружив пропажу кувшина, стражник в цветистых выражениях начал костерить „чертовых слуг“ и их проделки и, присматриваясь к брызгам воды, направился в сад. Мгновенно мы выскочили из-под лестницы и тихо избежали по ступеням. На полпути находилась охраняемая дверь, ведущая в Главную Башню, а лучник, находящийся этажом выше, наверняка обзревал через бойницу сад и ворота. Теперь стало ясно, что если бы мы последовали по выбранному мной пути, то стрела не миновала бы такой легкой цели – про бойницы на стенах я даже и не подумал.

Мы застыли на ступеньках, разглядывая охраняемую площадку перед дверью, которая освещалась настенным факелом. Гарретт, почти не целясь, пустил в него водяную стрелу, раздалось шипение и стало темно. Стражник у двери чуть не грохнулся в обморок от неожиданности, потом попытался наощупь найти факел, чтобы зажечь его снова. Гарретт спешил, ведь скоро должен был подойти лучник, да и другой часовой тоже не стал бы долго возиться. Мы прошмыгнули за спиной мужчины, который наткнулся на мокрую стену и страшно ругался, потом, вытащив оружие, начал искать незваных чужаков, правда двигаясь не в том направлении. Пока он в бешенстве бежал вниз по ступеням, Гарретт уже открыл дверь еще одним ключом из связки и заглянул внутрь, а я тем временем наблюдал за лестницей. Внизу яростно орали оба стражника. Я вздрогнул, когда Гарретт сдавил мое плечо и толкнул через дверной проем в Главную Башню. Комната, в которой мы теперь оказались, была огромна и там пока никого не было.

Мой спутник весьма невежливо задвинул меня в темный угол, запирая дверь. Еще секунда, и с другой стороны послышались громкие торопливые шаги и звук поворачиваемой ручки.

– Здесь вроде все в порядке! – крикнул стражник своему товарищу, затем шаги удалились. Гарретт, застывший рядом как изваяние, подал знак прижаться к стене и не издавать ни звука. Маг в зелено-коричневом облачении быстро пересекал зал, сопровождаемый мальчиком примерно тринадцати лет в точно такой же одежде. Они скрылись за одной из дверей и тогда мы продолжили свой тяжелый путь по помещению. В боковом проходе на гловокружительную высоту уходила освещенная бесчисленными факелами винтовая лестница. Кажется, лишь несколько стражей патрулировали внутри Башни, поэтому мы без препятствий поднялись двумя этажами выше.

Перед толстой деревянной дверью Гарретт остановился, прислушался и тихо повернул ручку, но та была заперта. Вор в спешном порядке проверял ключи из связки, а я начал волноваться. Внизу слышался какой-то шум и было страшно глядеть туда – вдруг заметят? Тихое чертыхание за спиной говорило о том, что ни один из ключей не подошел.

Тогда Гарретт, скорчившись перед дверью, начал орудовать в замке тем самым загадочным инструментом, что еще во дворе дома Хранителей вызвал мое недоумение. Щелчок в замке подтвердил, что вор на верном пути. Однако ничего пока не произошло, лишь щелкнуло во второй, а затем и в третий раз. Шаги снизу приближались.

Мои ладони взмокли от пота, когда я с тревогой смотрел на лестницу. Кто бы сюда ни шел, он сейчас находился всего этажом ниже нас. Осторожно глянув вниз, я разглядел рукав униформы стражника, который, скучающе вздыхая, поднимался выше. Меня буквально разрывало от противоречивых желаний – бежать ли без оглядки или же попробовать как-нибудь отвлечь стража, как уже много раз проделывал вор? Его быстрый взгляд подтвердил, что замок был сложнее, чем казался. Быстро приняв решение, я наугад выудил одну стрелу из колчана, еще недавно принадлежавшего Крысюку – самую обычную, с широким металлическим наконечником – и не глядя послал ее куда-то вниз, уже слыша дыхание приближающегося мужчины.

Шаги смолкли, вроде бы он прислушивался. Я молился, чтобы стражник клюнул на эту приманку. Через несколько бесконечных секунд шаги удалились в направлении раздавшегося звука. Я перевел дух и, обернувшись, увидел ехидно улыбающегося

Гарретта. Он в ожидании прислонился к косяку широко распахнутой двери. Я с досадой почувствовал, что краснею до ушей и последовал за ним.

Сейчас, наверное, мы угодили в личные апартаменты Магов и в этот поздний час длинный коридор пустовал. То, что здесь не было стражи, не говорило о недостаточных мерах безопасности, а лишь свидетельствовало о мощи самих хозяев. Это беспокоило намного сильнее, чем часовой возле каждой двери, а им не было числа. Я растерянно озирался, но Гарретт, видимо, точно знал, где искать Езекила. Он двигался по коридору быстрыми бесшумными шагами, так что я едва поспевал за ним, и целеустремленно направился к одному входу.

Мы почти добрались, как вдруг рядом со мной раздался внезапный шум и распахнулась дверь. Я застыл на месте, услышав строгий голос:

– Кто Вы такой и что здесь делаете?

Голос принадлежал обладательнице хрупкой фигуры, стоявшей в дверном проходе и недобро смотревшей на меня. Я совсем растерялся – с одной стороны потому, что так внезапно столкнулся с ней лицом к лицу, а мой спутник куда-то испарился, а самое главное, потому что ее красота очаровала меня с первой же секунды.

Она была примерно моего возраста и на целую голову ниже, что никак не вредило ее самообладанию. Судя по одежде, юная особа принадлежала к Магам Воздуха или являлась по крайней мере неофитом: белоснежное платье с тонким светло-синим узором, так странно контрастирующее с ее темно-кариими глазами и ниспадающими, матово поблескивающими каштановыми волосами. Кожа была белой как фарфор и вообще девушка казалась беззащитной и хрупкой. Но воинственный настрой и огонь ярости в глазах говорили о том, что впечатление это обманчиво и, кажется, она всерьез намеревалась доказать мне, что совсем не беспомощна.

Природа не наградила меня тем особым шармом, что был у Мартена, не говоря уж о заурядной внешности. Кроме того, весь мой опыт общения с противоположным полом ограничивался моими матерью и сестрой, поэтому одного ее взгляда было вполне достаточно, чтобы превратить меня в тупого быка с нашего двора. Я пытался ответить хоть что-то осмысленное и не особенно в этом преуспел, пробормотав бессвязную чушь. Она глядела на меня как на полного идиота, видимо решая, позвать ли стражу или прямо сейчас разнести меня в клочья.

– Все в порядке, Дана, * типа Скалли, в тексте Dana, тут еще сложнее чем с Зеей, так как я без понятия, как это произносил немецкий камрад – раздался голос позади. В том самом проходе, куда направлялся Гарретт, стоял Маг, успокаивающе подняв руку. – Я ожидал этого юношу и его господина.

Повернувшись ко мне, он промолвил:

– Входи.

И я вошел, хотя это выглядело как бегство – во-первых, было радостно от того, что с помощью магии меня не обратили в облачко безвредного пара, а во-вторых было ужасно стыдно. Просторная комната напомнила мне кабинет Первосвященника Маркуса – море книг, подстavec для чтения, письменный стол у высокого окна и несколько кресел вокруг камина. С легким негодованием я увидел, что Гарретт уже уютно расположился в одном из них. Он скорчил ироничную гримасу в ответ на мой упрекающий взгляд:

– Не хотел испортить тебе свидание.

Дана вошла следом за мной и теперь изучающе его разглядывала, затем, уперев руки в бока, выжидающе остановилась у стены. Езекил, дружелюбно посомтрев на меня, указал на место у камина. Это был старый высокий мужчина со светло-серыми глазами. Когда он улыбался, множество мелких морщинок появлялись вокруг глаз и рта, что характеризовало его как человека, который много и охотно смеялся. Мне он сразу понравился. Его огромные руки, сначала показавшиеся неуклюжими, постоянно находились в движении.

Заняв место рядом с Гарреттом, я избегал недоверчивого взгляда Даны, потому что ужасно стыдился своего комичного поведения.

– Дана моя Ученица и ей можно доверять. Поскольку она уже заметила вас, нет никакого смысла скрывать то, зачем вы пришли. – Езекил со вздохом уселся в крайнее кресло.

– Да теперь все равно, по-моему весь мир уже об этом знает, – резко ответил Гарретт, смерив Ученицу Езекила ядовитым взглядом. Но Маг не принял слова вора близко к сердцу.

– Она может пригодиться. Но давайте вернемся к нашей проблеме, если Вы не против. Маг Самуэль был убит несколько дней тому назад, причем *здесь*, в этой Башне, которую спокойно можно назвать надежным местом.

Гарретт приподнял бровь, что заставило Езекила рассмеяться.

– Человек с Вашими талантами, да еще и с учеником впридачу, разумеется, не в счет.

Мне отчего-то понравилось, что он принял меня за ученика Гарретта, хотя это и не было правдой.

– В действительности в этих стенах никогда не случалось краж, за исключением того единственного раза пару лет тому назад... – Маг многозначительно улыбнулся моему спутнику. – Но убийство? Нет, никогда прежде. Причем такого рода...

Я легко мог себе представить, что имелось в виду. Зрелище изуродованного трупа Хранителя Горана еще живо стояло перед глазами.

– Где его нашли? – поинтересовался Гарретт.

– В подвале, в комнате для экспериментов. Она находится...

– Я знаю, где.

– Прошу прощения. Вам там вряд ли что удастся отыскать, там хорошо прибрались.

„Хвала Строителю“, подумал я, однако затем последовал неизбежный вопрос:

– Где труп?

– В одной из урн нашего склепа. Вчера его сожгли.

Лицо Гарретта перекопилось от досады, а Езекил продолжал:

– С этим я не мог ничего поделать. Таковы традиции – тело Мага предается огню самое позднее через четыре дня после смерти. Но, возможно, описание ран Самуэля будет Вам полезно. Я все запечатлел в малейших деталях.

Поднявшись и подойдя к письменному подставцу, он вытащил из стопки бумаг нужный листок. Там были затейливо выведены буквы, а также красовался хорошо знакомый мне рисунок. Он изображал контур человеческого тела с пометками в области лба и сердца.

– Разрешите мне продолжить, – произнес Гарретт. – Сердце было вырвано и кровь каким-то образом полностью вылилась, хотя непонятно, как она после этого могла вообще течь. На лбу был маленький, будто бы выжженный символ. Жертва явно не двигалась после гибели, также не обнаружилось никаких следов убийцы. На полу под телом было обугленное пятно.

Езекил оторопело уставился на него.

– Все верно, за исключением того, что упомянутое Вами пятно на ходило не на полу, а на стене. – Я поймал заинтересованный взгляд Даны и тут же потупил взор.

– Я хотел бы осмотреть комнату.

– Есть еще кое-что. Дверь была закрыта и пришлось ее выломать, когда мы заметили сочащуюся из-под нее кровь. Ключ торчал с другой стороны.

– А что он там вообще собирался делать?

– Это никому неизвестно. В комнате был жуткий беспорядок. Все приборы были повреждены и опрокинуты, а между ними валялись дохлые крысы. Странно, здесь уже долгие годы было не видать этих бестий, ведь Магам Огня было разрешено применить против них Волшебный пожар. Может быть, он экспериментировал с крысами... Из его заметок я знал, что он общался с Хранителем Гораном. Они пытались разобраться с одной древней легендой.

– Где эти записи?

– В его комнате. Насколько мне известно, другие Маги ничего не трогали, лишь я осмотрел его имущество.

– Что Вам известно об этой легенде?

– Вполне обычная вещь.

– И что за обычная вещь?

– Примерно восемьсот лет назад, во времена возведения этого здания, произошла стычка между нашими Предтечами и неким Магом-отступником. Сказано, что он мог черпать огромную силу из некоего источника, что помогло ему добиться владычества над людьми. Он стал тираном и правил долгие годы, пока Братство Руки не сокрушило его.

– Были ли еще случаи, когда Ваше Братство открыто вмешивалось в политику?

– Нет. Вы правы, все это очень необычно. Возможно, решение было принято потому, что он был одним из наших.

– Как благородно. Мне думается, тут есть кое-что еще.

– Может быть, но очень сложно выяснить, так ли это. Нет никаких записей событий тех времен, во всяком случае таких, о которых я слышал. Все-таки почти тысячелетие минуло с той поры, то, что случилось на самом деле, наверняка обросло небылицами.

– Вам знаком символ, находившийся на лбу покойного?

– К сожалению, нет. * чистое Средневековье Но я буду усердно искать данные о нем.

– Как Вам это? – Гарретт достал кинжал и передал его Езекилу. Тот немонимаше разглядывал оружие.

– А что такое?

– Он из эпохи этого самого Тирана. Точнее из могилы Мага по имени Аристайдес.

– Аристайдес?.. Имя это мне о чем-то напоминает... Так, говорите, кинжал принадлежал ему? Но он выглядит как новый.

– В том-то и дело, он острый как бритва.

Езекил вытащил кинжал из ножен и проверил остроту клинка, но недостаточно осторожно и теперь удивленно рассматривал свой кровоточащий палец.

– И впрямь чудеса, наверняка оружие было изменено магическим образом. Но зачем?

– Понятно зачем, это же кинжал.

– Очень сложно так сильно изменить свойства оружия. Это никогда не делается без причины. Клинок был изготовлен с определенной целью. Откуда он у Вас?

– Из склепа Св.Квинтуса.

– Вы же сами сказали, что из могилы Мага?

– Верно.

– *Могилы Мага* в церкви хаммеритов?

– Вы сказали, что членов Братства после смерти сжигают. Этот обряд возник не так давно?

– Нет, это старая традиция. Мы верим, что тогда душа быстрее покидает тело, а покойный очищается и освобождается. Новое возрождение возможно лишь после уничтожения бранных останков.

– Возрождение, говорите? Тогда понятно, почему Аристайдес не был сожжен.

Пелена упала у меня с глаз, про это я как-то и не подумал. Езекил смотрел на Гарретта в еще большем изумлении чем прежде.

– Вы хотите сказать, что там вместо урны стоит саркофаг? Неслыханно. Это может лишь означать, что Аристайдеса хотели навеки связать с его мертвой оболочкой.

– Наказание?

– Да... и ужасное.

– Но это не выглядит как наказание. Труп погребен со всеми почестями, насколько можно судить.

– Я должен поразмыслить над этим.

– А я хотел бы осмотреть комнату для экспериментов.

– Я позабочусь о Вашем беспрепятственном пути туда.

Гарретт поднялся и я, покоряясь судьбе, тоже. То, что комната не была залита кровью и не нужно снова рассматривать еще один жутко изуродованный труп, обнадеживало. Но у Гарретта были другие планы на мой счет.

– Нельзя ли показать моему Ученику – это слово было произнесено с особой иронией – комнату и записи покойного?

– Само собой. Дана проводит его туда и поможет во всем.

У меня внутри все перевернулось. Остаться наедине с ней? Езекил кивнул Дана, которая отделилась от стены с непроницаемым лицом. Выглядеть более незаинтересованной в предстоящей процедуре было нельзя.

– Помни, что никто не должен его видеть, – добавил напоследок ее учитель и они с Гарреттом покинули комнату.

15

Остаться с Ученицей Езекила один на один? К такой ситуации я был подготовлен еще меньше, чем к нападению всех окрестных зомби. Она не удостоила меня взглядом, прошествовав к двери, на секунду выглянула – убедиться, что коридор пуст, а затем сделала подчеркнуто небрежный жест рукой, что означало „следуй за мной“.

Я сделал как было велено и она провела меня двумя дверями дальше в комнату, как две капли воды похожую на комнату Езекила. Там было холодно по причине давно нетопленного камина. Дана прошла кругом, зажигая потухшие светильники. Я оглядывал комнату, изо всех сил пытаюсь показать ей, что знаю в этом толк. Кажется, эти попытки с треском провалились – ее критический взгляд поверг меня в еще большую нерешительность. Она оперлась, как в прошлый раз, о стену возле двери и наблюдала. Это действовало на нервы и я злился сам на себя, потому что просто не мог сосредоточиться в ее присутствии.

Странное это было чувство – обыскивать комнату Самуэля, все равно как нагло лезть в жизнь постороннего человека. Самуэль был Магом Земли, как было видно по оставленной одежде, висящей на стуле и словно ждавшей его возвращения. Целая груда рукописей валялась на письменном столе у окна, перья заботливо вставлены в держатель, чернильница наполовину заполнена и тщательно закрыта. Также было множество книг, но все они, кажется, были посвящены Магии Земли. Я с умным видом открыл было одну, ни слова не понял и положил обратно. Как Гарретту вообще могла придти в голову идея, что мне удастся напасть на след колдуна? Мне требуется целая вечность, чтобы разобрать одни только заглавия книг. Собственно, теперь это было уже не так, но я все равно старался как можно медленнее осматривать полки (из чувства самосострадания).

На полке почерневшего холодного камина стояли два расписных кувшина, это к делу явно не относилось. Постель заправлена, рядом тоже не было ничего особенного. В сундуке покойного лежала только кое-какая одежда.

Тогда мое внимание снова обратилось к столу с кучей листов бумаги. Сразу было ясно – Самуэль был каллиграфом да еще и любителем разных вычурностей при письме. В основном в записках шла речь о всяких странных экспериментах с растениями, что мало о чем мне говорило. Какая разница, к примеру, что стебель фиалки рос спиралеобразно, а не прямо? Разумеется, я ничего не соображал в Магии Земли и ее первоосновах, однако воодушевления Самуэля в результате абсолютно бессмысленного изменения вида растения тоже не разделял. * генетика – псевдонаука

На какое-то время я даже забыл, что находился в комнате не один и потому перепугался, заметив рядом Дану. Ей, наверно, надоело демонстративно стоять у стены и она из любопытства неслышно приблизилась к столу, из-за моего плеча вглядываясь в написанное. Не хватало только еще одной персоны, беззвучно возникающей из ниоткуда!

– Довольно занудная бредятина, правда? – сразу же спросила она и я изумленно вытаращил глаза.

– Даааа...

Больше не знал, что и сказать. Мой мозг почему-то оказывался не в состоянии нормально работать в ее присутствии. Я определенно казался этой девушке полным идиотом. Однако она продолжала:

– Он тот самый, о ком все говорят?

А, так ее интересовал Гарретт. Что ж, ничего удивительного.

– Не знаю. А про что говорят?

– Несколько лет назад, как раз перед Восстанием Обманщика, кто-то пробрался сюда. Очень ценный артефакт пропал тогда из сокровищницы, находящейся под крышей Главной Башни. Никто не мог объяснить, кто это сделал и как ему это удалось.

Конечно тут не обошлось без Гарретта, тем более что и Езекил на что-то такое намекнул. Пока я задумчиво молчал, Дана продолжала:

– Я тогда еще не состояла в Братстве, раньше они очень редко брали к себе женщин. Но когда Механисты (точнее, Механистки) смогли доказать, что и мы обладаем недюжинной мистической силой, Маги немножко изменили свои правила. Лишь позже выяснилось, насколько мне известно, что один вор выкрал артефакт по заданию Обманщика.

Я уже знал, что Гарретт был причастен к возрождению бога язычников и маловероятно, что кто-то еще рискнул сунуться в Башню. Тем не менее не очень-то хотелось выкладывать ей всю подноготную, иначе Дана будет воспринимать моего спутника как врага. А почему, собственно, это меня волновало? Ведь он действительно все это проделал и должен был нести ответственность за последствия. Однако же он не рассказал мне, *почему* так поступил. Некий голос внутри убеждал, что должна быть причина, которая послужила бы оправданием (пусть даже и не полным). Я должен был сначала побольше узнать, чтобы делать выводы.

Помешкав, я ответил:

– Не знаю... возможно.

– А что Вы вообще ищете?

Радуюсь перемене темы, я поведал ей слухи о колдуне и о растущем количестве зомби, о Хранителе Горане и его общих делах с Самуэлем. Ее явная заинтересованность была так восхитительна, что рассказал и о наших приключениях в церкви Св.Квинтуса. Разговорившись, я боялся наскучить Данае своей болтовней, но она не перебивала и слушала очень внимательно. Когда повествование наконец завершилось, она сказала:

– Определенно за всем этим должен кто-то стоять.

Достав лист бумаги из стопки и прочитав его, она вытащила другой, я делал то же самое. В основном там описывались разные магические приемы, например получение торфа из глины или же превращение дикой розы в тыкву, как заставить траву мерцать синим светом или размягчить камни, но ни слова о тиране темных времен. Наконец все записи были прочтены, а найти так ничего и не удалось.

– А может, тут кто-то побывал, и теперь некоторых рукописей не хватает? – спросил я.

– Не думаю. Он должен был их где-то спрятать, раз это так опасно. Самуэль знал о гибели Горана и потому боялся.

Тогда я попытался представить себе, где бы сам припрятал информацию, представляющую угрозу для жизни. Дана между тем уже вытаскивала фолианты с полки и искала в них недостающие рукописи. Я осмотрел стол на предмет потайных ящичков и опорожнил сундук, чтобы прощупать дно, но тщетно. Ничего не отыскалось также ни в кувшинах, ни в каминном дымоходе. Посыпавшаяся на голову сажа давала понять, что никто, будучи в здравом уме, не стал бы прятать тут бумагу. Слегка пристыженно отряхиваясь, я вылез оттуда, чтобы лицезреть ироническую ухмылочку Даны. Затем уселся за стол и погрузился в раздумья.

Мой взгляд рассеянно блуждал по узорам кувшинов на камине. Как бы я поступил на его месте? Например, если бы *владел Магией*? Вопрос в том, насколько хорошо это делал Самуэль, так как записи его мало о чем говорили, а некоторые были настолько бесполезны, что невольно удивляла та целеустремленность, с которой он их вел.

Какой-то проблеск мелькнул у меня в голове. Каминная полка – лучшее место для тайного письма! Ведь никто сразу не кинется искать спрятанное на видном месте! Я выбрал опять ту же рукопись про спиралеобразную фиалку и скрупулезно осмотрел ее, не замечая ничего необычного, но разве это ничего еще не значило. Дана обыскала все книги и вопросительно глядела на меня.

– Слушай, а твои коллеги часто проводят бессмысленные эксперименты?

– Да, некоторые из них, становясь при этом объектом насмешек. Но они говорят так в свое оправдание: „Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь“ * в оригинале не так, конечно. Однако Самуэль был не из их числа, насколько мне известно, он пользовался уважением...

Тут она поняла, что я имею в виду, взяла лист бумаги и посмотрела его на свет. Ничего. Дана медленно провела пальцами по бумаге, а я тем временем разглядывал ее: морщинка сосредоточенности на лбу, волна мягких волос, нежно ниспадающих на плечи и касающихся стола, над которым она нагнулась, тончайшие волоски на фарфоровой коже... Пришлось сделать над собой усилие и вернуться к делам, ради которых мы сюда явились.

– Что-то здесь есть, но у меня маловато опыта, чтобы разобрать... – произнесла она, подняв глаза и тут же заметила мой взгляд, с излишней тщательностью откинув волосы назад. Да, за такое поведение можно было запросто схлопотать пощечину.

Как раз в этот щекотливый момент дверь открылась и вошел Езекил в сопровождении Гарретта. Он лукаво улыбнулся нам и Гарретт тоже лыбился, глядя на мою физиономию. „Почему он все время догадывается, что у меня в голове?“ – с невольной досадой подумалось мне.

– Ну, как успехи? – поинтересовался Маг и Дана ответила:

– В комнате нет ничего необычного, Господин. Но вот эти рукописи, во всяком случае некоторые, кажутся мне заколдованными.

Езекил взял бумагу и провел кончиками пальцев по письменам, совсем так, как прежде делала Дана, затем оглядел комнату и начал поочередно заглядывать в кувшины на каминной полке. Средний он с торжествующей улыбкой поставил на стол.

– Отличная работа, не уверен, что смог бы сам с этим справиться. Он изготовил особые чернила, которые размешивал в этом кувшине. Взгляни-ка внутрь, Дана. * а теперь она у меня ассоциируется с подружкой Гарри Поттера

– Эта желтоватая окраска?

– Да, высохшие остатки. Не требуется никакого волшебства, чтобы сделать написанное видимым, только чуть-чуть воды.

Дана, торопясь, принесла полный кувшин из комнаты Езекила и тот целиком окунул туда бумагу. Вода почернела, навсегда смывая записи Самуэля о фиалке. Когда Маг снова достал листок, тот был покрыт мелкими коричневатыми письменами. Он осторожно дал всем каплям стечь и положил рукопись на стол. Это были заметки в виде цитат, насколько мне удалось разглядеть из-за спин Гарретта, Езекила и Даны, и речь там шла о Катакомбах под городом и о давно утерянной книге. Больше ничего прочесть не получилось.

Теперь мы вместе макали в воду все рукописи со стола. В результате проверки обнаружили всего три страницы с тайным текстом, Гарретт и Езекил сообща разбирали написанное. На втором листке был изображен символ, находившийся на лбу Горана, внизу написаны слова „Руна, хамаен, терен, фонор, хален, саэнар“. Езекил сумел перевести три из них: „руна“ означало „змея“, „хален“ – „священник“ и „терен“ – „воин“. Но ни вор, ни Маг не имели понятия о том, что все это означало.

На третьем листе был перевод некоего текста на Языке Предков и еще на одном, неведомом мне. Самуэль вначале изменил буквы старого образца новыми, пытаясь перевести полностью непонятные мне слова, но не успел закончить работу. Первое слово означало „пять“, третье – „знак“. Прочие остались без перевода. Чуть далее значилось также слово „известие“ и больше ничего.

Гарретт взглянул на Езекила:

– Это ведь, кажется, таэлин?..

– Вы знаете Древний Язык? – изумился тот.
– Нет, просто знаю, что такой был.
– Он был языком ученых и моих собратьев, но канул в небытие почти тысячу лет назад, еще раньше Языка Предков.
– Вы можете перевести написанное.
– Нет. – с легкой усмешкой ответил Езекил. – Я не владею таэлином. Возможно Абсалом, Первый Маг, в состоянии сделать это, да и то без полного понимания.
– Ну, *его-то* уж я не смогу об этом попросить, – иронично улыбнулся Гарретт. Езекил глубоко вздохнул:
– Посмотрим, что мне удастся сделать. Но придется корпеть буквально над каждым словом. Наши познания в Древнем Языке скудны и неполны. Предстоит долгая работа.
– Пожалуйста, разрешите Вам помочь, – тихо сказала Дана и Маг благосклонно взглянул на девушку. Тем временем Гарретт свернул и спрятал оба оставшихся свитка.
– На днях мы совершим небольшую прогулку по Катакомбам, наверняка эта самая книга еще там. Общайте Вашу библиотеку и дайте знать, если выясните что-то стоящее.
Вот, еще один новый радостный сюрприз. И с чего это Первосвященник Маркус решил, что под опекой вора мне будет спокойнее чем в стенах монастыря? Всем загадкам загадка.

Глубокой ночью мы отправились восвояси, а Езекил, сопровождавший нас, здорово помог с возвращением, отвлекая на обратном пути внимание стражи. Это сейчас было самое главное, а то не сносить бы нам головы из-за моей невнимательности. В мыслях была одна только Дана, даже когда Башня Магов осталась позади и мы пришли домой. Греясь у камина, я ощущал взгляд Гарретта, в котором явственно читался беззвучный хохот. Подозреваю, что все это время бессмысленная улыбка не сходила с моего лица.

Но, к счастью, он вполне по-дружески воздержался от комментариев, а то глаза начали слипаться. В то время как он еще что-то записывал, я уже свернулся на своей лежанке.

16

Мне снился отвратительный сон. Снова я очутился на кладбище, но оно было гораздо больше чем возле церкви Св. Квинтуса. Стояла глубокая ночь. Я наткнулся на надгробия, пробираясь между могилами и не понимая, куда должен идти. Чувствовал опасность, не зная, откуда она исходила. Потом я увидел Торбена, Дэниеля и Гунтера, стоящими спиной ко мне перед одним древним мавзолеем. С облегчением я кинулся к братьям, окликнув их по именам. Торбен с Дэниелем никак не отреагировали, они просто двинулись вперед, но Гунтер обернулся. Грудь его была так же искромсана как у Горана, а кожа – мертвенно-бледной. Он вперил в меня ничего не выражающий мертвый взгляд и проговорил замогильным голосом:

– Я – Священник. Защити Камень.

Затем тихими шагами он прошел мимо в сторону, противоположную той, куда ушли двое остальных. Я стоял на месте, глядя ему вслед, и вдруг почувствовал, что нечто приближается – нечто чрезвычайно опасное. Охваченный паникой, я помчался вслед Торбену и Дэниелю, но тех нигде не было видно. Кладбище все никак не кончалось и не было оттуда выхода, а то, что меня преследовало, было все ближе и ближе. Его присутствие не давало дышать и будто бы ледяной рукой сдавило грудь.

– Мастер Торбен! Дэниель! – в отчаянии завопил я, но они попросту исчезли. Инстинктивно ощущая, что нечто ужасное уже за спиной, я знал, что мне конец, если посмею оглянуться. Из всех сил я мчался дальше, ни на шаг не продвигаясь, и тут чья-то рука схватила меня за плечо и я заорал как резаный.

Гаррет сидел возле лежанки и озабоченно смотрел на меня.

– Это всего лишь сон, Тим.

Он убрал руку с моего плеча. До рассвета было еще далеко. Тяжело дыша, я несколько секунд глядел на него, замерзший и мокрый от пота. Потом потихоньку

осознал, где нахожусь. Он наблюдал за мной с тем же выражением на лице, как в тот раз, когда мне взбрело в голову сопровождать братьев в походе к лесной часовне.

– Спасибо... – пробормотал я, измученно опустившись на лежанку. Он подтянул одеяло, которое я сбросил на пол во время дикого бегства, до самого кончика моего носа, что действовало по меньшей мере успокаивающе. Затем лег на свою кровать. Я проспал еще немало времени после этого пробуждения и не видел больше снов.

Поздним утром я, снова придя в себя, увидел сидящего за столом Гарретта. Усмешка играла у него на губах, когда я открыл глаза и быстро вскочил, массируя раскалывающиеся от боли виски. Кое-как, преодолевая боль в суставах, я добрался до умывального таза, вылив на голову целый кувшин ледяной воды. * знакомые симптомы, а? Ощущения были поначалу ужасными, но это принесло пользу. Одевшись и сев за стол, чтоб всего себя без остатка посвятить приготовленному куску хлеба с сыром, я увидел, как Гарретт выбирает стрелы для следующего приключения.

Пережевывая скромный завтрак, я с интересом разглядывал удивительные кристаллы. Там были уже знакомые водяные и огненные стрелы, те самые, которые Лукас назвал „моховыми“ и о чьих свойствах мне еще не было известно, а также две совсем новых. Одна была с беловатым кристаллическим наконечником, а к концу другой кто-то приклеил деревянную трубочку. С интересом я наблюдал, как Гарретт прикрепляет лежащие на столе кристаллы к древку и проверяет балансировку стрелы. Он казался полностью погруженным в свое занятие, однако чрез некоторое время ответил на незаданный вопрос:

– Зеленые – моховые стрелы. Они помогают тихо и быстро передвигаться по полу, по которому иначе невозможно пройти без звука. Эта вот, – подбородком он кивнул на стрелу с деревянным наконечником – создает сильный шум. Такие хорошо использовать на лестничных пролетах Главной Башни. – Гарретт скорчил рожу, увидев, как я покраснел. – Белая очень ценная, она содержит газ, усыпляющий твоих врагов. То же самое я проделал вчера с громилами Ройбена.

Теперь стало понятно, как все случилось. Но каким образом ему удалось так быстро выстрелить? Вопрос, наверное, так четко был написан у меня на лице, что Гарретт сразу ответил:

– Вчера у меня с собой такой не было. Ты видел в действии световую и газовую бомбы.

Он указал на свой висящий у двери плащ. Довольный от того, что удостоился чести рассмотреть поближе неведомое оружие, я, пошарив во внутренних карманах плаща, вытащил два небольших шарика.

– Поаккуратнее с ними.

С невероятной осторожностью я разглядывал эти штуковины. Они были удивительно легкими и казались прочными, но было件нятно, что активировать их можно простым нажатием. Я положил бомбы обратно. Гарретт закончил свою работу со трелами и теперь задумчиво смотрел в мою сторону.

– Тебя кто-нибудь учил обращаться с оружием? С чем-то, кроме молота?

Я покачал головой, потому как хотя и умел худо-бедно пользоваться луком и стрелы даже зачастую попадали в цель, но не имел никакого понятия, как это получается. Применение кинжала в бою тоже было тайной за семью печатями и даже регулярные интенсивные тренировки с молотом не принесли своих плодов. Короче, воин из меня был никудышный.

– Возможно, нам придется туго в Катакомбах. Там шляется куча мертвяков, их намного больше, чем тебе до сих пор довелось повидать. Поэтому экономь стрелы и целься точнее. Лучше всего, конечно, проскочить незамеченными.

– А зачем нам туда?

– Самуэль нашел упоминания об одной древней летописи. Она должна лежать где-то там, в одной из невероятно древних хаммеритских могил.

Я лишь тихо вздохнул. Гарретт поднялся, доставая лук Крысюка.

– Время дорого.

Затем всучил мне оружие.

– Этот тип убьет меня, если заметит со своим луком, – отважился я на протест.

– А, и вот еще его кинжал, – невозмутимо продолжал вор. – Тебе также надо научиться быть незаметным и в случае опасности уметь постоять за себя.

Как тут можно спорить? Почти весь день мы провели в полях за Городом, пытаюсь сделать из меня мало-мальски пригодного лучника. К вечеру я хотя и не стал таковым, однако приобрел некую уверенность в этом деле и уже знал, как летят разные стрелы. Водяные, например, немножко уклонялись вниз по дуге, моховые, обыкновенные и плющ-стрелы перемещались по сравнительной прямой траектории. При использовании огненных нужно было целиться несколько ниже выбранной мишени, в этом случае получался максимально эффективный взрыв. Газовые, по словам Гарретта, вели себя сходным образом. Меня поразила магия моховых стрел, которые молниеносно образовывали толстый зеленый ковер в радиусе примерно трех метров от центра попадания, независимо от вида поверхности. Мох неудержимо разрастался даже на чистой белизне снега и по этой мягкой подушке можно было абсолютно бесшумно двигаться. Гарретт учил, что таких стрел всегда нужно брать с собой побольше.

А потом он занялся нелегким трудом – начал растолковывать мне основы искусства оставаться невидимым и неслышимым. Я был безнадежен, но у вора имелся изрядный запас терпения.

Он рассказал мне про световую бомбу, которую уже довелось увидеть в действии, и каким образом ее можно активировать. Наполненный газом маленький шарик, который так эффективно обезвредил Крысюка с друзьями, функционировал примерно также. Гарретт велел при использовании этого вида бомбы моментально покидать радиус ее действия.

К вечеру мы оба проголодались и замерзли как собаки, каждая кость у меня болела. Мы вернулись в Город в сумерках, повторив обычную процедуру с воротами. Уже проходя под аркой, я заметил, как взбудораженно и испуганно выглядели горожане. Наверняка что-то случилось. Я с удивлением заметил, что инстинктивно прячусь в тени домов. Две женщины разговаривали неподалеку, совершенно не замечая моего присутствия.

– Это, наверное, был один из хаммеритов... – прошептала одна. Другая согласно кивнула:

– Они больше никого не пускают внутрь. Это воистину ужасно. Я слыхала, что вроде бы он... – она что-то шепнула на ухо подруге, и та быстро закивала головой:

– Думаю, это все проклятые зомби. Дошло до того, что они уже открыто бродят по улицам. А городской страже нет до этого *никакого дела*.

Я, как обычно, не увидел и не услышал подкрававшегося Гарретта. Но поскольку не ожидал ничего другого, в этот раз не выскочил со страху из собственной шкуры. Он положил мне руку на плечо, дав таким образом понять, что находится рядом и мы осторожно начали пробираться к дому – повсюду торчали ошалелые стражники, с безумным видом озирающиеся по сторонам. Когда половина пути осталась позади, мы внезапно натолкнулись на патруль, остановившийся рядом с двумя часовыми у ворот. Мы поспешно нырнули в тень подъезда одного из домов. Физиономии у парней были сегодня хмурые, а руки сжимали оружие. Угодить сейчас им в лапы было равносильно самоубийству, они по-моему только и ждали какого-нибудь нарушителя спокойствия, чтобы наброситься на него. Старший патрульный обратился к стражам-привратникам:

– Ну как тут, все тихо?

– Да вроде ничего особенного.

– Если что-нибудь подозрительное заметите – сразу же зовите нас. И разным подозрительным личностям спуску не давать!

– Вы ведь с кладбища, да ?..

– Ага. Своими глазами видели всю эту пакость. Скажите спасибо, что вас туда не послали. Так, ладно, всем за дело, некогда попусту трепать языком.

Стражники вытянулись в струнку, а патрульные зашагали дальше.

С нехорошим предчувствием сотрел я на лицо Гарретта. Судя по всему, пока можно было смело забыть о растопленном камине, ужине и теплой лежанке. Без всяких слов он двинулся в другую сторону, мимоходом швырнув камень, чем отвлек внимание стражников, а потом мы направились в сторону кладбища.

Там было не прорваться от вооруженных патрулей и толпящихся зевак. Кладбище было полностью оцеплено по периметру, я даже не мог предположить, как Гарретт собирается туда проникнуть. Кажется, городская стража имела твердое намерение осмотреть в поисках преступника буквально все – от надгробий до гравия на дорожках. Сама идея сунуться туда сейчас казалась мне самоубийственной, но разве это что-нибудь значило для моего спутника? Он повел меня к дальней стороне кладбища, огороженной высокой стеной, где стоял один-единственный стражник. Тут Гарретт начал стремительно действовать – велел мне стоять на месте, а сам быстро и незаметно подкрался к часовому. Я уловил молниесное движение в тени и страж, охнув, начал оседать, но прежде чем бессознательное тело с шумом рухнуло на землю, его подхватили и уволокли в темноту. Затем вор приблизился к старой и ветхой на вид стене. С удивлением я заметил в ней маленький потайной (не для Гарретта, разумеется) проход, скрытый заиндевевшим плющом и колыми кустами, отодвигающаяся плита открывала путь. Кому и для чего когда-то понадобилось пробираться таким образом на кладбище? Но вор в этот раз проигнорировал мой любопытствующий взгляд, поскольку сосредоточенно наблюдал через дыру в стене за происходящим на той стороне. Потом он бесшумно проскользнул внутрь и я как можно тише последовал за ним. Мы присели на корточки у стены, из-за кустов разглядывая открывшуюся картину. На кладбище было светло от факелов и здесь, в самой старой его части, целая толпа стражников старательно обыскивала все кругом.

Одна группа стояла за надгробиями, оттуда доносились тихие разговоры. Не нужно было мучить себя догадками, что представать полную картину случившегося. Кровь на замерзшей траве сразу бросалась в глаза – колдун забрал свою третью жертву. Гарретт рядом со мной выпустил водяную стрелу в ближайший факел и он, шипя, потух. Никто не обратил на это внимания. Используя плиты как прикрытие, мы проскочили поближе к месту происшествия. Я притулился возле Гарретта к огромному, скрытому кустарником надгробию. Уже здесь было несколько пятен крови. Со всей осторожностью я глянул за угол. Сердце, екнув, чуть не остановилось. Торбен с Дэниелем, оба с застывшими лицами, стояли на некотором отдалении от места трагедии, изредка обмениваясь парой тихих слов. Я с дурными предчувствиями всматривался в распростертое на траве тело.

То был Гунтер – глаза устремлены в пустоту, грудь – одна сплошная рана. Даже отсюда виднелся символ-ожог на лбу, а чуть-чуть вывернутая наружу ладонь выглядела опаленной. Судя по всему, он даже не успел взмахнуть боевым молотом. Вокруг кровавой лужи не было ни отдельных капель, ни каких-либо следов, как будто в момент смерти никто не находился рядом. Я отполз назад и закрыл глаза под внимательным взглядом Гарретта. Он потянул меня за рукав и мы медленно и осторожно покинули место происшествия тем же путем, что и пришли. Снаружи Гарретт остановился и спросил:

– Ты ведь знал его, правда?

Я лишь кивнул, слов не нашлось. Он, по-видимому, не ожидал ничего другого и кратчайшим путем направился домой. Сегодня ночью кому-то вроде него (и меня) опасно было покидать свое убежище.

17

– Он из нашего монастыря, Первосвященник Маркус послал его на поиски колдуна. – Я сидел у камина, глядя на пламя. Гарретт не задавал никаких вопросов, просто нужно было поговорить с кем-то по душам. Он ничего не ответил. Тогда я продолжил:

– Его звали Гунтер и он был одним из лучших бойцов, но даже не успел воспользоваться оружием...

Развернувшись, я поглядел на Гарретта, тот встретил меня молчанием.

– Я хочу в конце концов знать, кто или что скрывается за всем этим. Это нужно прекратить...

– Тогда ступай в городской монастырь и поговори с теми двумя уцелевшими.

– С Дэниелом и Торбенем?..

– Если их так зовут.

– Они ничего мне не скажут, потому что считают никчемным дураком.

– А они правы, как ты считаешь?

Я снова уставился в огонь. Да, так оно в общем-то и было. Рядом с Гарреттом моя уверенность в себе многократно возростала, но при взгляде Торбена все снова рассыпалось в прах. Я так ничего и не ответил. Спустя некоторое время он сказал:

– Если и вправду хочешь прекратить все это, то нужно выяснить, что именно случилось сегодня. Тебя безпрепятственно впустят в монастырь, где ты можешь, ни у кого не вызывая подозрения, задавать вопросы. Так используй этот шанс.

Глядя в пол, я молчал – боялся опростоволоситься в таком деле.

Длинные пальцы Гарретта играли странным кинжалом, найденным в склепе. На обоюдоостром клинке багрово вспыхивали отблески пламени.

– Я видел сон об этом... – еле выдавил я, опасаясь его насмешек. – Прошлой ночью. Я видел Гунтера с этой самой раной и он кое-что сказал мне... – мой голос сорвался.

Гарретт разом весь подобрался, в его взгляде не было и тени насмешки или недоверия. Набравшись мужества, я рассказывал дальше:

– Он сказал, что он Священник и что я должен защитить Камень... ну или что-то вроде этого. А потом я спасался бегством от чего-то ужасного.

– Это первый сон такого рода?

– Да ... хвала Строителю.

– Хммм... – встав, он поглядел в свои записи. – „хален“ – Священник...

Я сразу же вспомнил об переводе этого слова Самуэлем.

– Что бы это значило?

– *Если* твой сон был вещим, и Гунтер тот самый Священник, то другие тоже должны стать жертвами... шестеро... Но Змея как-то не подходит сюда, к тому же слово это находится несколько в стороне от остальных. * еще бы она туда подходила

Первое переведенное с таэлина слово было „пять“. Значит, пятеро станут жертвами? А что произойдет *после* ?

Гарретт, подойдя к столу, отыскал то самое, сделанное им изображение замка из обсидиана. Я встал рядом, рассматривая начерченные на рисунке пять углублений. Задумчиво проведя по листу пальцами, он вдруг схватил перо, соединил четкими штрихами точки между собой, и перед нами возник знакомый символ, выжженный на лбу убитых. И вдруг меня будто осенило. Ведь я уже видел его один раз, когда сопровождал брата Бонифациуса во время его исследований в комнате высоко под крышей нашего монастыря, подавая ему нужные книги. Он был астрологом * а это сочетается? Хотя в Оскверненном соборе тоже был телескоп, типа хобби в свободное от молитв время и проводил долгие часы, наблюдая за ночным небом с помощью странной трубы со множеством линз и отыскивая на нем предзнаменования Строителя.

– Похоже на какое-то созвездие, – сказал я. Гарретт с некоторым удивлением поглядел на меня, потом кивнул.

– Ты не глуп, – вот все, что послышалось в ответ, но моя вера в себя сразу же выросла на несколько сантиметров. Я решил, что пойду и поговорю с Торбенем и Дэниелом.

Что и предпринял следующим утром, надев свой неофитский костюм и не взяв в этот раз лук, чтобы он никому (особенно это касалось *Крысюка*) не бросился в глаза. И вообще настроился на удачу. Гарретт тоже покинул убежище – уладить кое-какие срочные „дела“. Думаю, он решил сбуть товар Бинку или другому скупщику краденого, а потом позаботиться о пище. Я надеялся, что он не угодит в том переулке в лапы ройбеновских громил и успокоил себя мыслью, что ему не привыкать выкарабкиваться из подобных ситуаций. Однако не стоило забывать, что Крысюк наверняка будет мстить за свой позор.

Чем ближе я подходил к монастырю, тем меньше оставалось уверенности в себе. Вечно недовольное лицо Торбена снова и снова появлялось перед глазами. Он никогда бы не доверился мне. Но, может, что-то удастся вывести окольными путями? Кроме того, нужно было придумать правдоподобную историю о причинах моего визита. Может, кошмарный сон сможет в этом помочь.

Я как раз дошел до массивных ворот, когда первые снежинки начали свой безмятежный танец, а небо угрюмо нахмурилось. Стражам возле маленькой проходной двери явно было холодно. Подойдя ближе и услышав знакомое приглушенное бормотание – „Молот принесет нам пламя...“, *импровизация типа я невольно улыбнулся. Возможно, это как-то помогало им согреться. Со всем должным уважением я поприветствовал братьев и они пропустили меня внутрь, когда узнали, что Торбен мой Мастер. Оказавшись в огромном дворе, я замер в немом восхищении. Монастырь был поистине гигантских размеров и такой же древний как сам Город. Высокие стены окружали просторный внутренний двор, где вздымалась навстречу зимнему небу могучая старая церковь. Медленно густеющие снежные хлопья оседали на ее изящных колоннах с изысканно сделанными фронтонами, а отблески теплого света пробивались через овечьими легендами окна из цветного стекла. Прямо позади располагалась во всем своем великолепии знаменитая Библиотека. Это была по сути дела богато украшенная восьмигранная башня, немного ниже и примерно в два раза шире церковной колокольни. Ее высокие, тяжелые ворота охранялись двумя стражами, выглядящими не очень склонными к дружеской беседе. Сразу над аркой находилось огромное круглое окно, чья мозаика изображала легендарного основателя монастыря и предположительно строителя башни Мастера Радомила. * имя-то какое красивое. Держа в одной руке молот, а в другой книгу, он стоял на фоне стилизованного очертания Библиотеки, строго смотря сверху на своих последователей. Больше не было видно ни одного окна, но я слышал, что вся крыша здания была сделана из цветного стекла и днем лучи всевозможных оттенков освещают все этажи, спиралью поднимающиеся вверх. В невероятной вышине виднелся крытый подвешенный мост, соединяющий хоры церкви с Библиотекой и наверняка предназначенный только для братьев высшего ранга. Сад был очень просто обустроен и сейчас мало-помалу исчезал под пушистым белым покрывалом. Вблизи стен божьего дома находилось кладбище, некоторые надгробия и мавзолеи с первого взгляда казались весьма древними. Но не было ни одной заброшенной могилы, ведь братья постоянно ухаживали за ними, поэтому даже самые старые письмена еще читались.

Жилые помещения и фабричные здания братьев расположились в каре вокруг церкви. В нашем монастыре была лишь одна маленькая литейня, но тутошняя поражала размерами. Я знал, что для моего Ордена изготовление металлических молотов являлось религиозным обычаем. Ранее это осуществлялось на радость Строителю и для обеспечения братьев привычным для них оружием. Сумасшедшие Механисты со своим пророком-самозванцем Каррасом так повлияли на первоначальную доктрину Ордена, что хаммериты начали использовать свои знания для изготовления других деталей из металла. Ведь это новый чрезвычайно популярный культ лишил Орден многих последователей, так что боевых молотов стало значительно больше чем бойцов. Многие части механизмов, что прежде вытаскивались из дерева, теперь отливали из металла. Это было выгодно и экономически – спрос населения на хаммеритскую технику с падением Механистов снова повысился и ее продажа кормила всех нас, ведь не каждый новообращенный был наследником огромного состояния (как Мартен, к примеру).

Судя по состоянию монастыря, можно было смело утверждать, что Орден сейчас снова находится на пике своего расцвета. Тяжкие испытания последних лет остались в прошлом, многие из братьев-отступников снова были приняты в ряды хаммеритов, а умные учителя нашли новых последователей, таких как я. Однако при всем этом великолепии некая неуверенность не оставляла меня. Хочу ли я вернуться к прежней жизни неопита, когда все будет позади? Ведь так трудно будет расстаться с этой удивительной новообретенной свободой. Мысль о встрече с Мастером Торбеном также не способствовала разрешению дилеммы. Выражение его лица жгло воспоминания, маячило

в сознании мрачным обелиском, мысленно отделяя мой облик от облика истинного хаммерита.

Без всяких происшествий миновав стражу у входа, я вошел в жилые помещения и обрадовался теплему воздуху вестибюля, который исходил от горящего камина. Вообще-то я думал, что окажусь в огромной, заставляющей оробеть приемной зале, где и летом-то никогда не бывает совсем тепло. А вместо этого очутился в относительно маленьком помещении с потемневшими от времени стенами, гобеленами с символом молота и большим камином – превосходным источником живительного тепла. Деревянные полы были достаточно новыми, точно также как и разбитые на группы столы со скамьями у огня. Ремонт старого здания наверняка стоил моим братьям много пота и нервов, но, по всей видимости, они справились с этой проблемой.

В помещении было несколько выходов, куда я бросал настороженные взгляды. Дверная арка напротив входа вела к лестнице на верхние этажи. Там находились спальни и кабинеты, разделенные согласно рангу братьев. Выход направо приводил в большой обеденный зал с деревянными столами и кухней, налево располагался общий коридор с комнатами, уставленными полками с книгами, пультами для чтения и столами со скамейками. В одной из таких комнат Торбен отчаянно пытался обучить меня чтению и письму. Когда я робко заглянул в одну из них, то увидел там точно такого же неопита, сидящего за столом и страдальчески вздыхающего над книгой, один только объем которой уже действовал угнетающе. Я подошел ближе и тогда он оглянулся. Юноша был моложе меня, круглое лицо сплошь и рядом покрыто веснушками, а глаза добродушно и немного наивно глядели из-под спутанных кудрявых волос.

– Привет, – поздоровался я. – мое имя Тимотеус. Я ищу своего Мастера Торбена.

– О, привет. А меня зовут Бенедикт. Ты ведь из деревни, правда?

– Точно.

Он посмотрел на меня знакомым взглядом Беппо, с чем я мысленно себя поздравил. Так, замечательно, парень не из молчунов и, кажется, не прочь немножко поболтать о разных произошедших событиях. Может, удастся вытянуть из него всякие необходимые сведения. И я ухватил быка за рога, доверительно понизил голос.

– Ужас что творится, так ведь?

Бенедикт согласно кивнул. Щеки его порозовели и несколько секунд он оглядывался по сторонам, желая убедиться, что его Мастера нет поблизости, затем ответил:

– Я до сих пор напуган. Он был таким *приятным* человеком.

Все ясно, он не то что ни разу не разговаривал с Гунтером, но даже и не знал, что он был за человек и о ком вообще сейчас речь. Характер Гунтера, между прочим, весьма сложно было оценить, поскольку он мало говорил. Но я не перебивал Бенедикта – пускай войдет в раж, что и произошло.

– Они здесь всего пару недель и вдруг такое! Это же *ужасно* и никто не знает, как все случилось.

– А разве его товарищей не было рядом?

– Отчего же, были, но они просто находились в стороне и не смогли ему помочь.

Мне показалось сомнительным, что они сумели бы как-то помочь, будь у них этот шанс. Бенедикт скрестил пухлые пальцы, довольный собственными словами.

– Они искали призрака или кого там еще. Рылись целыми днями в Библиотеке, а выходили оттуда только чтобы поесть или поспать. Эх, парень, как бы я хотел тоже там побывать! Но эти даже одним глазком глянуть не разрешают.

– А что, туда разве нельзя войти? – я всюду разыгрывал удивление. – Ведь говорят, что церковь как-то соединяется с Библиотекой.

Бенедикт явно наслаждался беседой. Как его вообще угораздило стать хаммеритом? Таким больше подходит хозяйничать в какой-нибудь таверне, облокотившись на стойку. Он откинулся на своей скамейке и проговорил:

– Да туда можно только Старшим. Вход наверху охраняется точно также, как и ворота снизу. А нам, неопитам, запрещено даже *приблизиться* к верхнему этажу церкви.

Он засопел, досадуя на такую несправедливость.

– Мой Мастер, поди, *убил* бы меня, окажись я в молельне Старших.

– Так у ваших Старших есь отдельная комната для молитв? А у наших нету.

Бенедикт важно выпятил грудь.

– У Старших наверху есь садик и маленькая часовенка. Но этого всего мне пока видеть не доводилось – нельзя и все. Парень, они жутко щепетильные. Вот гляди, я разок забыл, что нельзя напрямую обращаться к Старшему, и что? Отрутали и семь дней после этого вкалывал в литейке, а ведь всего-то навсего спросил – будет он доедать свою баранью ляжку или нет, и на тебе... * во симпатия

– Но ведь там, наверху, можно пройти в Библиотеку? – перебил я его, не давая отклониться от темы.

– Ну да, если ты Старший.

Я с деланным сожалением скорчил кислую мину, а он в ответ охотно изобразил ту же гримасу. Потом, грузно пригнувшись, сказал, понизив голос:

– Да, там наверху есь мост, но, говорят, отыскать его не так-то просто. А еще, – он поднял свой пухлый указательный палец, чтобы подчеркнуть важность рассказываемого секрета, – шепчутся о том, что будто бы туда есь тайный ход из покоев Первосвященника. Но учти, я тебе про это ничего не говорил.

Я постарался выглядеть впечатленным, потом опять повернул разговор на Гунтера.

– Когда его будут хоронить?

– Не знаю. Они все еще никак не могут понять, что вообще произошло. Он сейчас там, в подвале – ужас, правда? Как подумаю, что он может стать зомби и делать вот так... – он разыграл целую сцену, сооротив рожу и скрючив как когти свои розовые ладони, у него это вышло скорее смешно чем угрожающе.

– А что же, другие вообще ничего не видели?

– Ну... – он опять нагнулся – болтают, что вроде бы там что-то было, но...

– Бенедикт! – прозвучал обвиняющий голос за спиной моего собеседника и мы оба испугано подскочили. В комнату незаметно вошел старый хаммерит, очевидно Мастер Бенедикта. – Я, кажется, дал тебе задание.

Розовые щеки Бенедикта на мгновение совсем потеряли свой цвет.

– Да, мастер. – он с вытаращенными от страха глазами снова повернулся к книге.

– Кто ты? – строго спросил меня Мастер.

Я склонился перед ним в покорной позе, про себя отмечая, что не так уж впечатлен видом этого властного старика, однако, желая выглядеть подавленно, ответил запинаящимся голосом:

– Пожалуйста, простите, господин. Я не из Города и Ваш ученик был первым, кто мне повстречался и кого я мог расспросить. Мой Мастер Торбен сейчас в этом монастыре и мне хотелось бы его видеть.

Он ответил, слегка смягчившись:

– Хорошо, я отведу тебя к нему. Ты знал покойного?

Когда я молча и подавленно кивнул, он сказал:

– Ты, наверное, сильно испуган и Мастер твой также очень расстроен. Кстати, мое имя Урсус. Следуй за мной.

Уходя, я бросил на Бенедикта прощальный взгляд, на который ему украдкой удалось ответить. Урсус вел меня вверх по ступенькам, потом по темному высокому коридору со многими дверями. Возле одной он остановился и постучал. Несколько секунд ничего не происходило, затем дверь чуть приоткрылась и я увидел бледное лицо Дэниеля.

– Неофит Мастера Торбена хочет видеть своего господина, – доложил Мастер Урсус.

– Тимотеус? – Дэниель изумленно взглянул на меня, потом кивнул, впуская меня и я несколько скованно переступил порог. Урсус, попрощавшись, ушел и дверь тут же закрыли на замок. Комната оказалась кабинетом, двери двух смежных спален были открыты. Торбен сидел у окна за заваленным книгами и рукописями столом, взирая на меня как на привидение.

– Откуда ты взялся?

– Я был послан Первосвященником Маркусом в Город, господин, чтобы помогать нашему миссионеру. Услышал о том, что произошло, и хотел спросить – может, сумею чем-нибудь помочь...

Торбен по-прежнему смотрел так, словно не мог понять ни слова. Дэниель сел за стол, предложив мне сделать то же самое.

– Ты хороший мальчик, Тим, – его слова опередили ответ Торбена, – но не думаю, что ты сможешь помочь. Это слишком опасно для тебя.

– Откуда ты узнал, что это был кто-то из наших? – недоверчиво осведомился Торбен.

– Весь Город только и говорит о том, что убитый был хаммеритом. И потом, у меня было предчувствие... – я подчеркнул последнее слово и по их вопросительным лицам понял, что это подействовало. – Дело в том, что мне приснился удивительный сон...

Торбен и Дэниель обменялись быстрыми взглядами.

– Когда? – спросил Торбен.

– Как раз в ночь убийства. Я видел кладбище, Вас, Дэниеля и Гунтера. Но он был... у него на груди была ужасная рана, когда он повернулся ко мне...

Дэниель побледнел еще сильнее, но Торбен все еще смотрел с недоверием. Подождав немного, я продолжил:

– Он сказал мне, что он – Священник. А потом я остался один и что-то гналось за мной... – неизвестно почему я умолчал про последние слова Гунтера.

– А что гналось за тобой? – тихо спросил Дэниель.

– У меня не хватило храбрости обернуться. Но было жутко страшно. Какой-то непонятный холод...

Торбен с шумом перевел дыхание.

– У тебя раньше были такие сны? Сны, которые позже стали реальностью?

Я испуганно глядел на него, словно еще не сообразил, что мой сон был явным отображением случившегося с Гунтером несчастья.

– Нет, господин. – отвечал я как можно правдоподобнее. – Вы хотите сказать, что... что его сердце?..

Торбен многозначительно поглядел на Дэниеля. Я же тем временем изображал, будто нахожусь в шоке. Это легко удалось, ведь вчера так оно и было. Но затем попытался снова вернуться к не дающей покоя теме.

– Но кто или что это сделало?

Теперь уже вздохнул Дэниель. Оба хранили продолжительное молчание.

– Мы не знаем, Тим, – наконец медленно проговорил Дэниель. – Нас не было рядом... Он находился на расстоянии от нас, когда на него напали.

Я недоуменно вытаращился, не произнеся ни слова из осторожности.

– Он даже не вскрикнул... – голос Дэниеля дрогнул, дальше он не мог говорить. Мне было очень жалко его.

– Нечто находилось возле него и над ним, но оно было бестелесным... словно какая-то тень, – закончил рассказ Торбен подчеркнуто-спокойным тоном, это лишний раз доказывало, как близко к сердцу он это принял.

– Было холодно. – Глаза Дэниеля вдруг стали двумя бездонными колодцами, настолько сильно они потемнели. – Оно пронеслось мимо меня, неся чудовищный холод, такой же как в твоём сне.

– Призрак?

– Не думаю, во всяком случае, нам неизвестна такая их разновидность, – Торбен сложил руки на столе.

Потом на несколько минут братья погрузились в тягостное молчание. Я знал о существовании призраков и про то, что некоторые из них совершенно безвредны, а иные весьма опасны. Но имела одна общая черта: они все выглядели как бледное отражение некогда живших людей. А про бесформенную тень, описанную Дэниелем, мне никогда не приходилось слышать от Беппо и ему подобных. Тут меня как обухом стукнуло – ясно,

почему я так боялся оглянуться назад в том кошмаре. Ведь это мертвенно-холодное Ничто было намного страшнее любого перекошенного от ярости лица призрака, имевшего хотя бы отдаленное сходство с лицом живого человека.

– Что теперь с ним будет? – наконец задал вопрос Дэниель.

Он, разумеется, имел в виду меня. Однако теперь мне самому стало предельно ясно, что Первосвященник был прав, говоря о связи между мной и происходящими событиями. Я убежал от тени и это лишь отчасти являлось кошмарным сном.

Торбен вздохнул и задумчиво поглядел на меня. Обычное в этих случаях презрительное выражение исчезло с его лица.

– Нужно празмыслить над этим...

– Я должен вернуться к моей работе, если Вам не нужна моя помощь. Если увижу еще один такой сон, сразу дам Вам об этом знать. – не очень хотелось, чтобы они решили оставить меня при себе.

– Возможно, это лучший вариант... Я напишу Первосвященнику и попрошу его обдумать этот вопрос.

Я поднялся из-за стола, несказанно обрадованный решением Торбена.

– Надесь, Вы отыщете убийцу, Мастер Торбен.

Кивнув на прощание Дэниелю, я спешно покинул помещение, опасаясь их вопроса о месте моего пребывания в Городе. А если Торбен напишет Маркусу, у него не возникнет никаких подозрений. Я промчался вдоль коридора, затем вниз по ступенькам. Трава снаружи уже полностью скрылась под толстым белым покрывалом. Снежинки вихрились в воздухе, при каждом шаге раздавался хруст. Поспешно покинув монастырские стены, я направился обратно в свое пристанище, обхватив от холода себя руками и с тоской вспоминая про новый плащ.

18

Войдя в комнату, я обнаружил вора сидящим за столом: он оценивающе рассматривал несколько разложенных там ювелирных изделий. Не желая ничего знать об истории их появления, я уселся рядом, вытянув в сторону камина посиневшие от холода пальцы рук и ног. Снаружи крутились снежные вихри, затмевая свет дня. Через несколько часов по улицам нельзя уже будет пройти, не увязнув в сугробе.

– Ну как? – его пальцы в свете очага вертели медальон, с виду ужасно дорогой.

Я выложил все добытые сведения – про Библиотеку и предполагаемый тайный ход в нее, про тень, увиденную Торбеном и Дэниелем. С большой неохотой рассказал также, что труп Гунтера сейчас в подвале монастыря – очень не хотелось переться обратно сквозь снег и ветер для его осмотра. Но Гарретт не высказал такой идеи, он серьезно глядел на меня.

– Ты и в самом деле чувствовал, будто нечто преследует тебя?

Кивнув, я поразился тому, что разговор снова перешел к событиям из сна.

– Может, ты знаешь, почему оно это делало?

Его слова и тон навевали жуткое беспокойство.

– Нет...

Взгляд Гарретта стал задумчивым, потом, еще раз оглядев медальон, он взял другое украшение, сказав:

– Будь осторожен, Тим.

Тут уж я не знал, что и ответить. Как спрятаться от того, что ищет тебя и пытается настичь в собственных снах? * „О сны, эти маленькие кусочки смерти“, помните откуда? Как укрыться от этого Нечто, если каждый день приближаешься к нему?

Вор снова погрузился в свое обычное молчание, а я наблюдал за снежинками, беснующимися за стеклом. Огонь в очаге тихонько потрескивал.

Я оторвал взгляд от окна и посмотрел на вора. Тот рассеянно разглядывал украшения, озабоченность читалась на его лице. Но это выражение мгновенно исчезло,

лишь только он почувствовал мой взгляд. Поднявшись, Гарретт подбросил дров в огонь. Собрав волю в кулак, я сказал:

– Я знаю, что Вы взяли меня с собой не из-за больной руки и знаю, что Вам этого не хотелось.

Он не обернулся, лишь молча глядел на пламя.

– И я слышал, что говорил Вам Первосвященник. Но совсем не понимаю, от чего нужно меня защищать.

Не знаю, было ли разумным рассказывать ему про подслушанный разговор. Просто было очень неприятно от того, что мы скрывали правду друг от друга. В ответ на дальнейшее молчание Гарретта я выпалил то, о чем как раз думал:

– И вообще не думаю, что Вы знаете как защитить меня.

Гарретт наконец-то обернулся. Он был очень серьезен.

– Это верно.

– Тогда научите меня защищаться, ведь вчера мы уже начали заниматься.

– Не уверен, что смогу сделать это лучше твоих братьев, Тим.

– Вы же видели Гунтера. У него даже не было времени чтобы поднять молот, а ведь он один из наших лучших бойцов. Как сумеют защитить меня Горбен с Дениэлем? Оружие, кажется, здесь вообще бесполезно.

– Тим, мне потребовались *годы*, чтобы овладеть всем этим... – он говорил очень тихо.

– А какой у меня выбор? Если эта... *тварь* найдет меня, я покойник. – мне было ясно, что эти слова – правда. Нужно во что бы то ни стало в случае опасности научиться делаться невидимым, как это умел делать он.

– Наверное, не стоило втягивать тебя в эту проклятую историю.

– ... чтобы когда-нибудь оно могло настичь меня?

Гарретт огорченно молчал. Было ясно, что ему никогда не приходило в голову бросить меня на произвол судьбы. Он сел рядом и снова устремил взгляд на поверхность стола. Я знал, что мы почти подружились за это время и не донимал его вопросами.

От царящей в комнате тишины становилось муторно на душе. Долгое время я молча ждал, когда Гарретт оторвется от своих мрачных размышлений. Потом взял медальон и, перебрасывая его из руки в руку, попытался разрядить обстановку:

– Хотите отнести все это Бинку?

Вор только неопределенно пожал плечами. Моя попытка растормошить его блистательно провалилась. Внезапно он поднялся, сказав:

– Тебе многому нужно будет научиться.

Итак, если вчера во время тренировочной стрельбы Гарретт олицетворял само терпение, то сегодня он был по-настоящему безжалостен. Ни один лишний шорох не ускользал от него, каждое неправильное движение сопровождалось строгим выговором. После упражнений в умении совершенно неподвижно замирать (кто бы мог подумать, что это может быть так тяжело!) у меня ныл каждый мускул. Но мой учитель не успокоился, устроив тренировку по ближнему бою с кинжалами, вот тут уж силы окончательно покинули меня.

Остаток дня пролетел как одно мгновение. Когда Гарретт наконец отпустил меня, за заснеженным окном было уже совсем темно. За ужином мои веки сами собой закрывались и вор, видя это, не мог сдержать усмешки. Я был донельзя измотан, однако радовался оттого, что выражение мрачной заботы исчезло с его лица.

Утром я чувствовал себя так, словно по мне пробежало целое стадо бурриков. Было уже довольно поздно, Гарретт давно расхаживал по комнате. Я с трудом разлепил веки и сел, протирая глаза. Он слегка улыбался, потому что прекрасно знал, каково мне сейчас.

– Готов встретиться с врагом лицом к лицу? – спросил он.

Разумеется, ведь на сегодня у нас была запланирована экскурсия в Катакомбы. Нерадостная перспектива. С мученическим стоном я плюхнулся обратно. Вор швырнул мне кусок хлеба, отчего я снова мгновенно вскочил.

– Вставай! Или ты предпочитаешь спуститься туда ночью?

Я послушно встал и начал одеваться, про себя задавая вопрос – какая разница в том, когда лезть в это гиблое место?

На улице нас ждал ледяной ветер. Я как можно плотнее завернулся в плащ, закрыв лицо капюшоном. Гарретт не сразу двинулся к кладбищу, а сначала свернул в тот самый переулочек, где обитал скупщик краденого. За ночь тучи рассеялись и сейчас небо приобрело льдисто-голубой оттенок. Снег в переулочке уже подтаял и возле дома Бинка образовалась настоящая топкая трясины. Я шлепал по ней следом за Гарреттом до той самой двери, где меня накрыл Крысюк с компаньонами. Неприятные воспоминания. Да, собственно и встреча с Бинком тоже не больно радовала. Гарретт постучал и дверь через некоторое время открылась. Я радовался, что смрад из его рта, от которого цветы вяли, как-то повыветрился у меня из памяти, но сейчас этот густой аромат неприятным образом освежил нехорошие воспоминания.

Бинк чрезвычайно обрадовался приходу Гарретта, однако при виде меня его радость немножко поутихла. Наверное оттого, что он по-прежнему считал меня опасным психопатом, угрожающим ножом законопослушным гражданам. Эта перемена настроения, естественно, не ускользнула от Гарретта и он поглядел на меня, вскинув бровь. Я же едва сдерживал смех – спектакль мне очень нравился, а кроме того, сам вор был в этот раз некоторым образом удивлен. Бинк снова ощерился в отвратительной улыбке, обдавая нас вонью изо рта, и залезил:

– Гарретт! Какая приятная неожиданность! А это что же – Ваш ученик?

Два взгляда почти разом скользнули по моему окаменевшему лицу – явно нервный Бинка и недоуменно-вопросительный моего спутника. Когда Гарретт вместо ответа высыпал украшения на прилавок, скряга тут же забыл обо всем на свете, алчно роясь в куче золотых побрякушек.

– Хорошо, очень хорошо. Прелестно, прелестно. А я вот слышал, что Вы вроде как повздорили с мальчиками Ройбена?

– Я бы не назвал это ссорой.

– Проклятая Гильдия. Все время норовят попортить жизнь нашему брату. И товар сбывают только своим, а если и принесут чего, так полное барахло.

Держа своими сосископодобными пальцами медальон, он вертел его и так и эдак. Я бы не удивился, если он бы еще попробовал куснуть украшение – не фальшивка ли. Правда, эта проба могла стоить Бинку одного-двух зубов. Положив медальон обратно в кучу, он бодро продолжил:

– Да, еще прошел слушок, будто бы эти ребятки сумели где-то раздобыть одну весьма интересную штуковинку. Если вдруг она *абсолютно случайно* попадет Вам в руки, дайте знать.

– Что еще за интересная штуковина? – в голосе Гарретта не слышалось любопытства. Однако Бинк олицетворял само воодушевление. Понизив голос, он нагнулся к нам. Я, опасаясь навеки утратить обоняние, отступил на три шага назад.

– Амулет. Но весьма особенный. Какой-то редкостный драгоценный камень. Больше ничего не знаю, только каждый скупщик в Городе спит и видит его у себя на прилавке. Но поскольку у Вас с Ройбеном уже обострились отношения, то, наверное, Вас это не заинтересует...

– Сколько, Бинк? – задумчиво прервал его словоизлияния Гарретт, подбородком указав на украшения.

– Двести пятьдесят, – ответил тот. Гарретт презрительно ухмыльнулся.

Я предоставил им торговаться, погружившись в собственные мысли. Что, интересно, сейчас делает Дана? Может, ходит по библиотеке Магов с кучей книг в руках? И вообще, вспоминает ли юная волшебница о ком-то вроде меня ?.. Да ну, ерунда. Я быстро отбросил подобные мысли. Как говорится, выше головы не прыгнешь, мы с ней совсем не пара. Тем не менее она все время была у меня перед глазами. Может, сейчас она склонилась над книгой в комнате ее Мастера, а слабый солнечный свет переливается на шелково поблескивающих волосах?..

– Эй, Тим, ты меня слышишь?

Дернувшись от неожиданности, я увидел, что Гарретт уже у двери и собирается выйти наружу. Бинк пялился на меня как на буйнопомешанного, погруженного в свои мрачные кровавый фантазии. Наверное, боялся, что я останусь и еще немножко побеседую с ним.

Я развернулся и невозмутимо вышел вслед за Гарреттом. Он ни о чем не спрашивал, хотя куча вопросов вертелась у него на языке, а повел меня к другой двери, смутно маячившей в глубине узкого переулочка. Не стучась, он сразу вошел туда.

В изумлении я понял, что оказался в огромной лавке, скрывавшейся за неброским фасадом. Здесь было все, что уже довелось увидеть, и даже больше. На полках вдоль всех стен невысокого помещения груды лежали стрелы всех сортов, странные газовые и световые бомбы и им подобные штуковины. Одна группа сосудов оказалась ничем иным как флаконами со святой водой – таких же, что использовали братья, в других находилась некая маслянистая субстанция. Но помимо это в лавке находилось целое множество никогда не виданных мной предметов, а кроме того, за прилавком лежала солидная куча разного оружия и прочих защитных средств.

Тут всем заправляла, точнее сказать – владычествовала грубо сложенная торговка с хитрыми маленькими глазками. Если она и в молодости, по всей видимости, не блистала красотой, то с возрастом не осталось никакого намека на привлекательность – тетка выглядела поистине устрашающе. И это заставило меня поневоле проникнуться уважением к ней, я бы даже не удивился, если бы в одной из задних комнат над огнем весело булькал огромный котел с маленькими детишками. Хозяйка, благосклонно глянув на Гарретта, сказала:

– Чем могу служить, красавчик?

Вот тут я просто обалдел от того, насколько ее прекрасный серебристый голос сочетался с грубой внешностью. Если бы глаза мои были завязаны, то готов биться об заклад, что слышу эти слова от женщины дивной красоты. * вот вам еще одно подтверждение тому, что некрасивых женщин не бывает После такого мысли о котле в задней комнате сами собой испарились. Она внимательно разглядывала меня, Гарретт посвятил все внимание содержимому полок, а я неловко переминался с ноги на ногу.

– Что-то мне этот лук кажется знакомым, – каждое слово было сладким как мед. Женщина улыбнулась, показав находящиеся в ужасном состоянии зубы, даже бинковским было далеко до них.

– Всего лишь щедрый подарок, – ответил Гарретт где-то позади меня. Он брал всякие бутылочки с полок, разглядывал их и ставил на место.

– Я слыхала об этом... А не помогла ли получить подарочек одна из моих газовых бомб?

– Да. Мне понадобится парочка новых, а еще световые. И, кстати, нет ли у тебя водяных стрел для моего спутника?

Она весело прищелкнула языком, направляясь к полкам за стрелами и прочей утварью. Ступни у ней были самыми громадными, что мне доводилось видеть у женщин: они были скошены наружу, так что хозяйка косолапила при ходьбе. Малюсенькие глазки добродушно поглядывали на меня.

– Я и не знала, что у тебя теперь есть ученик. – фраза повисла в воздухе, как нежная туманная дымка, потихоньку опускавшаяся к полу.

Гарретт, не отвечая, положил на прилавок пригоршню всяких флаконов. Большинство из них были мне знакомы – сосуды со святой водой.

– Там, куда ты собираешься, понадобится парочка огненных стрел и мин, красавчик, – сказала она, взглядом знатока окинув выбранные Гарреттом предметы. Он кивнул и указал на одну из странных металлических тарелок, которую хозяйка достала с полки позади прилавка. Вор очень осторожно обращался с этой штукой, стало ясно, что она совсем не то, чем кажется на первый взгляд. Я хотел было взять одну такую же и внимательно рассмотреть, но, уловив предупреждающий взгляд Гарретта, отказался от этой идеи.

– Убери подальше пальчики, малыш, – раздался нежный голос торговки. Подняв голову, я лицом к лицу встретился с ее „чудесной“ улыбкой, что снова заставило меня разрываться между удивлением и отвращением. А она отвернулась и принесла несколько огненных стрел с задней полки.

Гарретт отложил в сторону несколько металлических тарелок вместе с водяными стрелами и флаконами и теперь придиричиво разглядывал огненные. Они тихо мерцали в его пальцах во время этого осмотра. Оставшись довольным товаром, вор положил несколько штук вместе с остальными вещами. В то время как они с хозяйкой спорили о цене, я внимательно рассматривал витрины, обнаружив множество инструментов подобных тому, с помощью которого мой спутник мог открывать запертые двери. Продаваемое здесь оружие тоже имело одну особенность – оно было легким и удобным в обращении, броня тоже выглядела не тяжелой и не стесняющей движений. Если сначала было не совсем понятно, что за клиенты навещали эту лавку, то теперь это казалось очевидным, *городская стража* уж явно сюда не заходила.

Гарретт уже договорился с торговкой и подтащил меня поближе, ухватив за колчан. Он вложил туда несколько водяных и пару огненных стрел (в то время как я немного сопротивлялся такому детскому обращению), отпустил меня и сунул в руки две световых бомбы вместе с пригоршей флаконов святой воды. Остаток он забрал себе, рассовывая по карманам прочие принадлежности, и подтолкнул меня к выходу из лавки.

– Удачи вам, – бархатным голосом произнесла женщина на прощание.

И мы, не мешкая, отправились на кладбище.

Придя туда (на этот раз через главные ворота) я с удовлетворением отметил, что следы случившегося позавчерашней ночью полностью скрыты выпавшим снегом, свежие и древние могилы тоже мирно спали под белым одеялом. Кроме нас здесь не было ни одной живой души и нигде не виднелось недавних следов. Пришлось долго пробираться по направлению к дальней части кладбища, где произошло убийство Гунтера. Было довольно-таки тяжело лезть по густому снегу и я прямо обрадовался, когда впереди выросла та самая стена, через дыру в которой удалось проникнуть на кладбище в прошлый раз. Здесь не было новых могил. Большие и маленькие мавзолеи и надгробия стояли уже долгие десятилетия. Большинство уже обветшало, надписи стерлись, но тем не менее там и тут можно было различить следы былого великолепия. Прозрачные сосульки свисали с остатков изящной резьбы, а снежные наносы как белая пудра покрывали растительный орнамент на том или другом камне. Сегодня кладбище не выглядело устрашающим. Как хотелось остаться тут наверху, среди снега! Но Гарретт со знанием дела направился к одному из самых старых мавзолеев и, пригнувшись, вошел в узкий дверной проем, чья решетка уже давно приказала долго жить.

Характерный запах заплесневевшей от времени каменной кладки ударил в нос, когда я последовал за ним. Внутри было очень тесно и при всем желании непонятно, где же находится вход в городские Катакомбы. Гарретт тем временем надавил на одну из плит, казавшуюся частью пола. Я надеялся, что на этом месте не развернется бездонная дыра, как в Св. Квинтусе. Но ничего подобного не произошло – плита не проломилась, а легко отошла в сторону, просто нужно было знать, куда нажать. Глазам открылась какая-то шахта, я решил что это все, что осталось от древнего колодца. Волосы на затылке встали дыбом. Нет, я ни за что не спущусь туда! Ни на метр!

А Гарретта занимали проблемы другого рода: он разглядывал шахту и ругался сквозь зубы. Искоса поглядев на меня, он проворчал:

– Кто-то тут уже лазил, причем недавно. Гляди – ни паутины, ни пыли.

Не уверен, что должен был горевать из-за отсутствия этих атрибутов склепа. Сама необходимость спускаться вниз мало радовала, а стряхивать с себя при этом сотни восьминогих бестий и их кружева казалось еще менее привлекательным. Но выражение лица Гарретта было мрачным.

– Возможно, там внизу мы встретим кое-кого.

Вздохнув, он запахнул плащ, подтянул лук и начал спускаться в шахту – плотно прижимаясь спиной к одной стене и упираясь ногами в противоположную, при этом

осторожно сползая вниз. Я спрашивал себя, почему бы не воспользоваться этой самой знаменитой плющ-стрелой, но потом увидел, что здесь негде было закрепить ни веревку, ни даже волшебную лиану.

От вида исчезающего во тьме Гарретта мой желудок переворачивался. Чего я здесь собственно делаю? Я был хаммеритом, а не осквернителем гробниц! – Вообще-то я всего лишь зеленый неофит. Но все равно никто не в праве заставлять меня лезть в эту дыру, ведущую, казалось, в никуда! – Да, Первосвященник Маркус ожидал, что я буду сопровождать вора. Но никто не предупредил, куда может привести эта экскурсия!

– Ты идешь или как? – нетерпеливо прогремел голос Гарретта откуда-то снизу. Моя сопротивлению вновь было сломлено. Нерешительно бормоча, я упирался спиной в стену шахты, карабкаясь вниз. Это оказалось довольно просто, нужно было лишь не дать панике завладеть собой. Слабый дневной свет растворился где-то наверху и теперь еле-еле можно различить лишь контуры стен. Тут внутри они были холодными и гладкими, но хотя бы не сырыми.

В конце концов стало совсем темно. Я чувствовал себя заживо погребенным, а внутри рос животный страх, затруднявший дыхание. „Только без паники“ – бормотал я про себя, но уже не контролировал собственные действия. Почувствовав судороги в ногах, попытался остановиться, чтобы дать отдых ноющим мышцам, но вместо этого беспомощно соскользнул на несколько метров вниз, и лишь небольшой выступ спас меня от падения. Задышавшись, я вцепился разламывающимися от боли пальцами в камень, а ноги со всей силы упирались в противоположную стену шахты.

– Чего ты там застрял? – послышался снизу голос Гарретта. Очень хотелось сказать в ответ что-нибудь едкое, но надо было беречь дыхание, чтобы не свалиться. Руки и ноги тряслись.

Лишь спустя некоторое время я снова был в состоянии карабкаться дальше. Наконец-то снизу пробился тоненький лучик света, это придало мне мужества. Достигнув выхода из шахты, я очутился рядом со своим спутником. Мы стояли на нескольких досках, которые на головокружительной высоте кое-как образовывали перекрытие над огромным помещением, между ними зияли огромные дыры. Ненадежные опоры под нами прогнили насквозь и покрытылись плесенью, так что было жутко там находиться – я все время опасался падения. Но Гарретта абсолютно не волновало состояние ветхих стропил, он на моих глазах уселся на них, болтая ногами над пропастью. Не было особого желания следовать его примеру, когда он безмолвно указал вниз. Однако я, борясь со смертельным страхом, все же подполз поближе, заметив обычную насмешливую улыбку.

Удивительное дело – внизу горело несколько факелов, освещая обширное пространство, усеянное гробницами. Несомненно, эти захоронения раньше выглядели роскошно, но беспощадное время не пощадило их. Стены раскрошились и кое-где грозили провалиться внутрь. Эту часть Катакомб занимали могилы членов богатых торговых семей и на их обустройство было потрачено огромное количество денег. Каждый саркофаг представлял собой каменный шедевр, даже было жалко того, что подобная красота скрыта под землей от посторонних глаз.

Я вопросительно поглядел на Гарретта, не поняв сразу, что вызвало его внимание, пока он не показал вниз. Там, в полутьме, возле гигантского саркофага распласталось человеческое тело. Мужчина лежал, уткнувшись лицом в землю, а его конечности нелепо торчали в разные стороны, как у сломанной куклы. Однако было непохоже, что он свалился отсюда, сверху, ведь его рука по-прежнему крепко сжимала меч, а увидев ясно различимые даже с такого дальнего расстояния раны повергли меня в ужас, вызвав в памяти воспоминания о мертвом смотрителе лесной часовни. Я боролся с диким желанием немедленно развернуться и выкарабкаться по шахте наружу, сейчас на всем свете не было ничего милее этого темного лаза с его паучьими сетями.

Гарретт поднялся с шаткого настила и мы, пригнувшись, подошли по доскам к выступу, от которого вдоль стены тянулся узкий карниз. Должно быть, прежде на него опиралась крыша. Проблема заключалась в том, что ее как таковой уже давно не существовало, поэтому продвижение этим путем казалось заданием для отряда

смертников. Выступ был едва ли шириной со ступню и уводил прямо вниз. Гарретт, ни на секунду не останавливаясь, крался вдоль стены как кошка, а я, застыв без движения на балках, испуганно глядел с высоты. Казалось, что какие-то невидимые руки тянут меня вниз. Я еле успел отпрыгнуть от края, чуть не потеряв равновесие. Вор между тем был уже на другой стороне помещения и теперь выглядывал из пролома в стене. Я был словно парализован, никак не мог заставить себя последовать этим же путем. Он посмотрел мне в лицо без своей обычной насмешки.

– Не раздумывай ни секунды. Просто беги ко мне и не смотри вниз, – очень спокойно сказал он, выжидательно глядя на меня.

Неуверенно разогнув спину (сидеть тут на корточках казалось более надежным), я невольно бросил взгляд вниз и зашатался. Рука лихорадочно искала опору на стене. Подняв глаза, я встретил невозмутимый взгляд Гарретта, наблюдающего за каждым шагом и, сделав глубокий вдох, рванулся вперед, не дав здравомыслию завладеть собой. Перебравшись на ту сторону (как ни странно, живой и невредимый) я готов был скакать от радости, если бы не безрадостная картина, миготом отбившая это желание – новый страшный обрыв с другой стороны дыры. Здесь было не лучше, чем в помещении рядом, нет, в сто раз хуже – не было никакого выступа, а лишь одна-единственная потолочная балка, протянувшаяся над огромным помещением к следующей темной дыре в противоположной стене. Контуры саркофагов едва угадывались в свете одиноко горящего факела и могу поклясться, что различил в тенях возле него какое-то движение.

Гарретт движением руки велел оставаться на месте, что я с большой охотой сделал, а сам уверенным шагом пробалансировал до середины балки, где присел на корточки. Его рука молниеносно рванулась за плечо (мне подобный трюк наверняка стоил бы жизни) – и вот уже отсвечивающая золотом огненная стрела наложена на тетиву лука. Вор целился куда-то в темноту. Я вглядывался в тени, но при всем желании больше не мог различить никакого движения. Было совершенно тихо, если не считать далекого потрескивания одинокого факела и тихого выжидającego гудения натянутой тетивы.

Вцепившись в стену, я напряженно ждал, пока Гарретт выстрелит. Стрела прочертила светящийся след в темноте и с огромной разрушительной силой взорвалась внизу. В яркой вспышке на долю секунды удалось различить контуры сгнившего, превратившегося почти в скелет человеческого тела, а затем тварь разнесло на куски. Эхо взрыва металось еще пару секунд по гигантскому темному залу, затем снова сделалось темно и тихо. Новая стрела уже очутилась на тетиве гарреттова лука, но он не натягивал его, а застыл в ожидании. Я уже научился достаточно сносно вот так цепенеть, пока не будет получена команда „вольно“. Прошли минуты, а снизу не доносилось ни звука. Наконец мой спутник поднялся, обернувшись, и я с ужасом понял, чего он от меня ждет. Он понимающе, но без всякой насмешки, улыбнулся и прошел по балке в другой конец помещения. Там было так темно, что вор почти исчез в тени. Мне совсем не улыбалось лезть следом, но тут вдруг перед глазами явилось лицо Гарретта и на нем застыло то же выражение, какое часто принимало лицо Мастера Торбена, когда он был разочарован мной. Я совсем не мог этого переносить, не желал опростоловеть перед ним. Поэтому встал и двинулся вперед со всей скоростью, насколько позволяла узкая балка, ни разу не глянув вниз, не думая ни о чем кроме твердого намерения добраться до другой стороны и оказаться там, едва сознавая, что сделал это. Даже Гарретт глядел на меня в изумлении, потом, скривив рот, исчез во тьме.

Было слышно, как он спрыгнул с балки и приземлился где-то не очень далеко внизу. Слепо нащупав стену на другом конце ненадежного моста, я сделал то же самое (правда, с приглушенным чувством того, что сейчас, наверное, падаю в бездну), но, к своему удивлению, оказался на твердом полу. Мои глаза постепенно привыкли к окружающему нас мраку и я смог различить галерею, в которой сейчас находился. Она, к моему облегчению, казалась сделанной из массивных каменных блоков и достаточно широкой, чтобы по ней можно было без опаски передвигаться. Пробежав вдоль галереи, мы добрались до уводящих в пустоту ступенек. Там было не видно ни зги. Целая орда зомби, оставаясь незамеченной, могла поджидать нас там. От подобных мыслей я

беспомощно замер на месте. Гарретт снова вытащил свой лук и огненную стрелу. В слабом свете кристалла он начал медленно спускаться вниз, готовый в любой момент выстрелить. Мои ладони были мокрыми, когда я доставал из кармана флакон со святой водой, следуя за ним.

Понадобилось некоторое время чтобы спуститься, но вот наконец мы стояли на полу зала. Здесь, внизу, он не был таким темным, как казалось поначалу и я в восхищении разглядывал гигантский склеп. Тут стояли всего два больших саркофага, украшенные по бокам диковинными статуями птицеподобных существ. Но Гарретт не удостоил их вниманием и не дал мне времени на восхищение. Он устремился в соседний зал, где лежал тот самый мертвец. Я быстро отвел взгляд от перевернутого трупа мужчины и отважился взглянуть на него лишь через несколько секунд. Глаза покойного казались до сих пор наполненными ужасом, хотя смерть исказила черты лица. Он носил при жизни темную одежду и был вооружен коротким луком с парой стрел, бездарно сделанным мечом и длинным кинжалом. Гарретт быстро обыскал мертвеца – не с целью забрать себе его жалкое добро, а чтобы выяснить, кто он такой. В руках вора появился смятый кусок пергамента и кольцо, оглядев которое, он тихо сказал:

– Один из людей Ройбена. Еще теплый. – от этих слов мороз прошел по коже. Гарретт просмотрел пергамент и тихо выругался.

– Оказывается, не мы одни ищем ту могилу. Пошли.

19

Мы вернулись в зал с двумя статуями и подошли к лестнице. В темноте я разглядел незамеченный ранее проход, ведущий в узкое темное помещение, от которого по обе стороны находились небольшие комнаты со стенными нишами. В них лежали частично сохранившиеся человеческие скелеты, некоторые были закутаны в остатки саванов. Некоторые ниши были закрыты каменными плитами со стершимися символами и надписями, но большинство стояли раскрытыми и осколки их крышек валялись повсюду на полу. Тут тоже горел факел, который Гарретт снял со стены, прежде чем мы двинулись дальше. Из любопытства я хотел рассмотреть поближе человеческие останки в стенных захоронениях и подойти поближе, но он задержал меня и указал на несколько незаметных отверстий в стене справа. Затем, нагнувшись, поднял кусок крышки и швырнул его перед гробницами. Я с удивлением услышал шелканье, заметил, как плита чуть-чуть вдавилась в пол, и тут из отверстий справа вылетели две стрелы. Пронзив пустоту, они с силой ударились о противоположную стену и упали на пол. Я стоял как громом оглушенный, а Гарретт, улыбнувшись в полутьме, сказал:

– Ничего здесь не трогай, ладно?

Привстав на цыпочки, я заглянул в нишу позади ловушки:

– Не понимаю, для чего эта защита. В могиле же нет ничего ценного.

– *Теперь* уже нет... – услышал я приглушенный голос Гарретта, поднимающегося по низкой лестнице в соседнее помещение. Все понятно, он уже явно бывал здесь и наверняка оприходовал эти ниши. Поспешив вдогонку, я уже с опаской наступал на плиты пола.

Из следующей комнаты, как казалось на первый взгляд, не было выхода. Там, как и в предыдущей, находилось множество ниш и пара статуй, угрожающе взиравших на нас в свете факела. В пыли на полу лежал какой-то предмет, показавшийся знакомым. Осторожно подойдя поближе, я увидел боевой молот – оружие моих братьев. Он выглядел ужасно старым и было неясно, как он сюда попал и самое главное, где же его владелец? Кончиком ступни я боязливо коснулся молота, словно страшась того, что он сейчас оживет и набросится на меня. Мой спутник, откровенно забавляясь, наблюдал за всем этим. Я сконфуженно отдернул ногу.

– Его владелец был давным-давно погребен в одной из ниш. Но, видно, он чувствовал себя одиноко и потому покинул ее, чтобы отыскать себе подходящую компанию.

Я испуганно вытаращился на Гарретта. Разумеется, умершие братья тоже могли стать ходячими трупами, как и прочие люди. Но я всегда усиленно гнал прочь подобные мысли.

– Он был... Он ходил по этим комнатам, когда Вы в прошлый раз сюда спускались?

– Ага.

Больше вопросов с моей стороны не последовало. Наверное, в ответ на них последовала бы история о точно пущенной огненной стреле или метко брошенном флаконе святой воды. Теперь я смотрел иным взглядом на пыль у себя под ногами.

Гарретт поставил факел в держатель и ухватился за веревку, которую я не заметил, потому что она висела прямо у двери, спускаясь в маленькое четырехугольное отверстие в полу. Он повис на ней и без всяких слов скрылся в глубине. В который раз проклиная судьбу, я подошел к отверстию. Слабый свет снизу еще раз доказывал, что кто-то до нас здесь уже побывал, а еще стало совершенно ясно, что шахта достаточно глубока, чтобы дважды разбиться насмерть при падении. Взявшись за веревку, я с недоверием разглядывал ее. Вроде бы она казалась надежной, по всей видимости висела здесь не очень давно и к тому же крепилась к потолочной балке несколькими внушительными узлами. Ну конечно, тот, кто зажег факелы, наверняка использовал и эту веревку. Послав Строителю краткую молитву, я медленно полез вниз. Веревка оказалась очень шершавой, так что перчатки весьмагодились. Я пытался не смотреть вниз и немножко тормозил для равновесия при спуске, упираясь ногами в гладкие стены.

Очувтившись в маленьком переходе со скошенным потолком, содинявшим два помещения, я в который уже раз за сегодня с радостью ощутил под подошвами твердый пол. Гарретт уверенно потянул меня в левую сторону. Там находился однажды бассейн, но вода давно иссякла, лишь зеленоватый налет на стенках напоминал о ней. Вор без малейших проволочек прыгнул туда и через широкий темный лаз заполз в водопроводную систему. Без всякого удовольствия я лез следом по запутанной паутине изгибов и ответвлений, пока мы снова не оказались в другом просторном бассейне, разделявшем комнату на две неравные половины. Одна была просторная, украшенная статуями и настенными росписями, другая – скромно обустроенная, узкая и на первый взгляд пустая. Машинально я начал карабкаться ну ту половину, что выглядела более привлекательной, но он остановил меня и потянул на другую сторону. Лишь теперь бросились в глаза знакомые мелкие отверстия в боковых стенах возле статуй, куда меня чуть было не занесло. Выбравшись из бассейна, я поспешил за Гарреттом, а незаметная ниша у стены радостно встречала нас новой бездонной шахтой. К счастью в этот раз на внутренней поверхности имелась закрепленная лестница. Вор начал быстро спускаться, а мне после беглого взгляда вниз оставлось лишь покориться судьбе – ничего утешительного, все та же темная бесконечная глубина. Скрепя сердце и стараясь не заострять внимание на расшатанных скрипящих лестничных скобах, я полез и в эту шахту. * что-то однообразно, уже не хватает никаких синонимов Гарретт, поджидавший внизу, тотчас же рванул меня за рукав, оттаскивая в сторону, едва мои ноги соскользнули с последней перекладины. И вовремя: раздалось не предвещавшее ничего хорошего щелканье уходящей в пол плиты и что-то открылось на внутренней стенке шахты. Несколько увесистых булыжников тяжело грохнулись на то самое место, где еще секунду назад находился я, а потом сползли в торону по покато́й поверхности плиты. С безобидным щелчком она вернулась в прежнее положение, поджидая новую жертву. Камни выглядели очень внушительно. На полу в отдалении валялось еще несколько и я невольно задался вопросом, сколько раз должна сработать ловушка, прежде чем закончатся эти смертоносные снаряды? Как видно, Гарретт прыгнул с лестницы, не коснувшись плиты, в противном случае мне во время спуска был бы слышен грохот. Подняв один обломок, он внимательно его разглядел – в слабом свете на камне виднелись темные пятна.

– Кто-то был недостаточно осторожен, – констатировал вор, потрогав булыжник в этом месте. – Еще не совсем высохло.

Конечно же пятна оказались кровью, на полу тоже осталось несколько капель. Тот, кто угодил в эту ловушку, в общем-то родился в рубашке, так как смог уйти отсюда своими ногами.

Помещение, в которое вела шахта с лестницей, было очень просторным и неправильной формы. В мелькающих тенях я различил стены, сложенные из массивных светло-коричневых блоков. Наверное, понадобилось бы с десяток взрослых мужчин, чтобы лишь сдвинуть один такой с места. Не вызывало бы никаких сомнений, что эти стены воздвигнуты здесь на веки вечные, если бы не одна из них, находившаяся как раз напротив нас и павшая жертвой прошедших столетий. Обрушившись, она открывала ранее скрытый и оберегаемый от посторонних глаз проход. Тут бы и конец нашему пути, если бы не отверстие, пробитое кем-то справа от места обвала. Нет, не пробитое – слово *выкопанное* подходило куда больше. Дыра выглядела как исполинская мышьяная нора и была так велика, что туда не сгибаясь мог пройти взрослый человек. По той уверенности, с какой Гарретт направился туда, стало очевидно его знакомство с этой пещеркой. Я же немного мешкал, поскольку догадывался о том, кто проложил этот ход и не особенно жаждал встречи с кем-то из строителей.

На свете было *лишь одно* животное, которое рыло подобные норы и отнюдь не славилось своим безобидным нравом. Я еще ни разу не видел вблизи живого буррика и не жалел об этом. Мать говорила, что они отдаленные потомки драконов из темных времен, о которых рассказывали некоторые наши легенды. Буррики были ростом выше человека, весили примерно так же, как взрослый, хорошо откормленный бык и передвигались на задних ногах, пригнувшись и скрючив на груди маленькие передние лапки. Безволосое тело сплошь и рядом, как у большой змеи, усеивали чешуйки. Маленькие зеленые глазки находились по бокам головы, а в огромной пасти наверняка торчали длинные и острые как ножи зубы. Кроме того они могли выдыхать огонь, так мне рассказывал Беппо. Я не больно-то доверял его байкам, но при виде такой здоровенной вырытой в камне дыры мой скепсис куда-то пропал, сменившись боязнью.

Гарретт не стал брать с собой факел и я уже приготовился плестись в кромешной тьме, но, как оказалось, ошибался. Сперва было темно хоть глаз коли, но затем тут и там стены норы тускло замерцали зеленым. Осторожно подойдя поближе, я с удивлением убедился, что призрачное сияние исходило от росших там грибов. В их свете легче было продвигаться вперед по норе. Воздух тоже изменился – прежде сухой и прохладный, теперь он стал теплее и словно овеивал мое лицо чьим-то сырým дыханием.

Никакие плюющиеся огнем ящеры не поджидали нас за поворотом, когда мы достигли выхода из норы. Я быстро вышел наружу, радуясь тому, что не попал в зубы буррикам. Рука Гарретта вовремя ухватила мой плащ и рванула назад от зияющей глубины внезапно разверзшегося впереди ужасного обрыва. Попятившись, я пораженно посмотрел вниз. Там тоже светились грибы, неустанно рассеивая мрак своим мерцающим ярким сиянием. В ста пятидесяти футах под нами сверкала глянцево-черная поверхность воды, а над головой распростерся гигантский скальный купол. Отвесно падающая противоположная стена вся была испещрена многочисленными норами, полыхавшими зеленым светом. Наверное, в них рос какой-то особый вид мха. * почему мха? Мне показалось, что в одной норе что-то шевелится. Я пытался разглядеть получше, но ничего не вышло.

Мы стояли на узком балконоподобном выступе, соединявшим покинутый нами выход с точно таким же слева. Я молился о том, чтобы Гарретт не решился на головоломный прыжок через обрыв и молитва эта была услышана. Он уже нетерпеливо волок меня дальше. Быстро пройдя по следующей норе, мы оказались в зале с высоким потолком, подпираемым массивными, искусно украшенными колоннами. Я понял, что нахожусь сейчас с обратной стороны обвалившейся стены. Здесь тоже кто-то зажег факел, а свет грибов и теплый воздух остались в туннелях бурриков, опять стало зябко.

Зал поражал своим великолепием и заставлял робеть. В стенах находилось огромное множество ниш, большинство закрыто тяжелыми плитами с тонко выгравированными и изъеденными временем символами. Тишина стояла почти

торжественная и потому наши тихие шаги по зеркально отполированному полу казались страшным шумом. Здесь было нечего опасаться бурриков, но в тени между колоннами мог скрываться кто угодно. Я держался поближе к своему спутнику, с неприятным чувством оглядываясь кругом.

Движения Гарретта вдруг замедлились и стали более осторожными – он что-то уловил. Я каждую секунду ожидал от него знака – укрыться в тени и вести себя тихо. И вдруг в голове мелькнула жуткая мысль: а что будет со мной, если с воров что-нибудь здесь случится? Ведь без него мне сразу крышка – угожу в следующую ловушку или стану обедом буррика, если прежде мертвяк не разорвет меня в клочья или встретившиеся бандюги не учинят надо мной быстрый и кровавый самосуд. Я злился на самого себя – во-первых, из-за неспособности побороть беспомощность, во-вторых из-за собственного эгоизма и, наконец из-за того, что верно оценил свои шансы на выживание, поскольку целиком зависел от Гарретта. В который раз захотелось узнать – как он вообще согласился взять на себя такую обузу? Ведь я все время болтался возле него как приклеенный и наверняка ужасно мешал.

Его рука сжала мне плечо, это и было сигналом. В мгновение ока я как можно тише шагнул в тень, спрятался за колонной и не шевелился, крепко сжимая флакон со святой водой. Гарретт тоже куда-то скрылся. Напрягая слух и безуспешно пытаясь поймать те звуки, что встревожили вора, я каждую секунду ожидал услышать бешеный рев, который был мне уже так хорошо знаком, но случилось другое. Фигуры, вынырнувшие из-за угла, были более чем живыми, но от них у меня по спине пробежала дрожь, словно от вида надвигающегося и до отвращения сгнившего зомби.

Крысюка я сразу узнал уже по походке. Когда он оказался в свете факела со своими бессменными напарниками, без которых его пока еще не доводилось видеть, стало заметно, что бандит просто клокотал от бешенства.

Я задержал дыхание, крепко прижав к груди бесполезную бутылочку, как будто ее содержимое могло превратить Крысюка в пыль. И куда только спрятался Гарретт? Как сквозь пол провалился.

– Черт побери, Лестер, ты ведь совсем не знаешь, где этот вход, так уж и скажи! – прошипел Крысюк своему спутнику-амбалу. Тот выглядел несколько растерянным, вертя так и эдак в свете факела клочок бумаги.

– Да погоди чуток, сейчас...

– Ты уже два часа говоришь „сейчас“ – проныл второй член крысючьей „свиты“, держась за голову. Он был бледен, передвигался неуверенно, а на виске запеклась кровь. Да, это именно ему посчастливилось ощутить на себе действие каменной ловушки.

– Заткни пасть, болван! – злобно цыкнул на дружка Крысюк. – Хочешь, чтобы вся местная дрянь сползлась сюда? Сколько нужно времени, Лестер?

– Ага... Мы должны... пойти вот так.

Что-то шевельнулось в тени позади Крысей Рожи, он ничего не замечал. Я думал, что это Гарретт, но внезапно раздавшийся неистово-яростный рев все расставил на места. Все трое вздрогнули, заметавшись.

– А, проклятье! – заорал Крысюк, совсем неизящно сдергивая лук с плеча (уж не знаю, у кого он его отобрал), его спутники выхватили мечи. Они, пятясь, отступали от существа, устремившегося к ним с неукротимой злобой. Не думаю, что когда-нибудь смогу привыкнуть к виду мертвяков. Некогда это был мужчина, а сейчас зомби, едва прикрытый ислевшими лохмотьями, имел лишь самое отдаленное сходство с человеком. Одна глазница зияла пустотой, мышцы давно высохли и съежились, из-за этого рот монстра перекосялся в гротескной гримасе. Оголенный череп кое-где еще покрывали лоскуты кожи. Вытянув свои почти лишенные плоти костяные руки, тварь пыталась схватить ими громил. Крысюк выстрелил в него обычной стрелой, промахнулся в спешке, чертыхнулся и полез за новой, а его кореша уже удирали во все лопатки. Эхо отвратительного сиплого рева зомби гулко разносилось по залу, это наверняка привлекало внимание всей шляющейся поблизости нежити. Нужно было как можно скорее уносить

отсюда ноги, чтобы не угодить в серьезную передрагу. Всего лишь через несколько секунд в отдалении послышался ответный яростный рев, ему вторил еще один.

Я не знал, что делать. Со всех сторон приближались знакомые шаркающие шаги. Мой инстинкт внушал мне, что нужно бежать, мчаться изо всех сил, но рассудок заставил меня оцепенеть, замереть на месте. Гулкие удары сердца отдавались в висках. Крысюк с компаньонами скрылись посреди всего этого шума, а их преследователь, неуклюже ковыляя, устремился за ними следом.

Не смея вздохнуть, я прижался спиной к колонне, беззвучно молясь. Тут в свете факела появился первый из услышавших рев мертвяков, за ним второй и третий. Они некоторое время стояли неподвижно, точно прислушиваясь, затем зашагали по следам трех осквернителей гробниц. Только я решился с облегчением передохнуть, как поблизости что-то зашуршало. Духу не хватало, чтобы повернуть голову и посмотреть, а шум раздавался совсем рядом. Уголком глаза я покосился в сторону и оторопел, увидев мумифицированную ногу, до которой при желании ничего не стоило дотянуться. Но самым худшим была полуразложившаяся ступня, придавившая край моего плаща к полу.

С отчаянием утопающего, хватаящегося за соломинку, я сжимал бутылочку дрожащими пальцами. Если бросить ее сейчас, это привлечет внимание других мертвяков. Если промедлить, может оказаться слишком поздно. Тошнотворная вонь гниющей плоти смрадно ударила в нос, я едва не лишился чувств, задержал дыхание и покосился вверх. Тварь уставилась своими пересохшими мутными глазными яблоками в направлении удаляющегося шума. „Ну, ступай же“, – мысленно умолял я ее, – „Давай, беги за ними!“

Но мерзкое создание даже не шелохнулось, а все так же стояло рядом. От его прерывистого сиплого дыхания сердце готово было остановиться. Медленно, очень медленно зомби повернул голову в мою сторону и я начал прощаться с жизнью.

Вдруг гулкое эхо грянувшего где-то вдалеке сильного взрыва заметалось между колонн. Наконец-то Крысюку удалось найти огненную стрелу. Мертвяк развернулся в сторону раздавшегося шума и, шатаясь, заторопился туда. Я же, полностью обессиленный, остался на месте, пытаюсь успокоить бешено прыгающее в груди сердце, которое готово было разорваться. Через несколько минут у меня хватило мужества обернуться. Вновь обнаружив возле себя чью-то ногу, я чуть было не заорал во все горло, но нога оказалась обутой в хорошо знакомый сапог. Гарретт, глянув на меня сверху вниз, подал знак – следуй за мной.

Снова многоголосое эхо взрыва прокатилось по древним гробницам. Послышался вой зомби и торжествующий крик Крысюка. Гарретт так же поспешно вывел меня из зала с колоннами в узкий проход, мы прошли мимо нескольких башнеподобных камер-гробниц, где друг над дружкой громоздились встроенные в стену саркофаги, а потом в огромный зал с широкой лестницей, ведущей в находящееся наверху помещение. Он долго наблюдал за ним из темноты, прежде чем выскочить из прохода и взбежать по длинному каменному пути. Мы уже почти добрались до верхней площадки, как вдруг сзади вновь раздалось знакомое урчание. * и мы его знаем: „И-и-и-и... Уххх... ууухх!“ Не останавливаясь, вор с силой потянул меня за собой (ведь я, замерев на месте, уже начал оборачиваться) налево в следующий узкий коридор.

Отверстие с правой стороны прохода выводило в высокую комнату с множеством установленных друг над другом саркофагов. В надежде отыскать укрытие я ринулся было внутрь, но Гарретт, затормозив мой бег, сам на мгновение остановился. Сзади быстро приближалось шлепанье мертвых ног. Я с трудом удерживался от сумасшедшего бегства. Гарретт подал мне знак – не шевелиться, а сам юркнул в комнату с саркофагами и, едва оказавшись там, быстро отскочил в сторону. Огненный шар, промчавшись по помещению и вылетев как раз через проход, с шипением ударился о стену рядом со мной. * последняя

надежда, что Катакомбы и Бонхард – две разные вещи, угадала Я проклинал строителей этих гробниц и их разнообразные чертовы ловушки. А вор тем временем выжидательно поглядывал на меня из комнаты. И чего это он хочет? Чтобы я попытался повторить безумный трюк и поджарился, как поросенок на вертеле? Но послышавшийся пугающе близко хриплый вздох подействовал весьма убедительно. Промчавшись через дверь со всей возможной

скоростью, я поспешно отпрыгнул с линии огня. Еще один шар пронесся по комнате, угодив в стену.

Я видел, что ловушка скрыта в стоящей напротив двери статуи. Она плевалась огнем из маленького отверстия, когда что-нибудь двигалось перед ней. Интересно, что за Магия была здесь использована? Гарретт выдернул меня из оцепенения, потащив вперед. Мы подошли к статуе и встали по обеим ее сторонам, чтобы нас хорошо стало видно. Я ничего не мог понять.

– Они не очень сообразительны, – прошептал Гарретт и спустя секунду все стало ясно. Преследовавший нас мертвяк без всякого промедления проковылял в комнату, хотя безусловно должен был видеть шар, пущенный в меня ловушкой. Новый клубок огня мгновенно поразил его в грудь. Зомби громко взвыл и несколько секунд стоял словно оглушенный, за это время ловушка как раз перезарядилась. Второй выстрел прервал его нечестивое существование.

Стараясь не попасть в поле зрения статуи, мы покинули комнату тем же путем, каким зашли, но сначала Гарретт убедился, что в коридоре никто нас не поджидает.

На верхнем этаже уже не было того великолепия, что царило в залах внизу. Признаков присутствия жутких обитателей этих мест тоже было не видеть, очевидно благодаря огненной ловушке. Деревянные мостики соединяли между собой соседние камеры, порой от них ответвлялись боковые ходы. Я очень быстро запутался в этом лабиринте и потерял чувство направления, следуя за Гарреттом. Здесь было очень темно и мы постоянно куда-то поворачивали. Но он прекрасно знал, куда и когда нужно свернуть и при этом ни разу не остановился. Оставалось только гадать, откуда ему так хорошо знакома схема Катакомб. Я вот, например, даже если бы раньше разок и побывал тут, все равно бы не смог столь уверенно ориентироваться в всех этих залах и переходах.

Теперь мы стояли в коридоре перед массивной металлической плитой с выгравированными символами моего Ордена. Неподдалеку находился низкий вход в гробницу. Ее ярко освещал огромное сияющее изображение молота на потолке, создавая при этом на полу свою точную световую копию. Все выглядело так, словно слабые лучи солнца лились в помещение через матовое стекло. Но как это было возможно, ведь мы находились глубоко под землей? Махнув на все рукой, я откровенно восхищался этим чудом и просто млел от разливающегося по комнате яркого света после постылой тьмы подземелий.

– Не выходи на свет, Тим, – Гарретт неподвижно замер у границы образованного лучами символа.

Споткнувшись на полушаге, я снова заметил те же самые мелкие дырочки в стенах впереди и сзади. Братья, построившие склеп, позаботились о ловушках, не желая того, чтобы посмертные дары попали в руки гробокопателей и мародеров. Но здесь уже вроде и не было ничего ценного, и Гарретт, по-моему, имел к этому некое отношение.

В каждой стене квадратной комнаты виднелась ниша с каменным саркофагом. Три каменных мостика, крестообразно расходясь от центральной площадки с сияющим символом молота, вели к ним. Внизу, должно быть, находилась еще одна комната-гробница – все три пути не имели ограждения и можно было взглянуть вниз (или свалиться, проявив неосторожность). Мне ужас как хотелось узнать, кто же нашел здесь свое место упокоения, но Гарретта не интересовали саркофаги. Уверенно прокраившись по узенькой полоске пола между символом и зияющими отверстиями в стене, он очутился на другой стороне комнаты. Там вела вниз выглядящая ненадежной лестница.

С гораздо меньшей элегантностью пришлось пробалансировать следом. Скобы лестницы угрожающе шатались, поэтому, спустившись вниз, я безумно радовался. Помещение было довольно низким и, как и верхнее, не особенно просторным. Через отверстия в потолке проникало достаточно света, чтобы оглядеться вокруг. Посередине находился большой саркофаг, чью крышку уже давно кто-то сбросил, ее околки валялись рядом. Внутри было абсолютно пусто. Я озирался с беспокойством, ожидая встречи с жинерадостно кровожадным владельцем гробницы, но мы были тут одни. В маленьком стенном углублении стояла пустая чаша со святой водой. Это казалось единственной

деталью интерьера комнаты – никаких других могил или гробниц, не говоря уже о давно утерянной летописи.

Гарретт разглядывал обломки крышки. Я, оцепенело замерев у стены, некоторое время наблюдал за ним, затем перевел взгляд на чашу и замер в изумлении. Она была совсем не такой, какие мне доводилось видеть раньше – очень древняя и не так скромно сделана, как в нашем монастыре. Края ее украшала изящная, едва различимая в скудном свете резьба. Я не мог понять, что она собой представляла, поэтому ощупал ее пальцами, удивленно отметив отсутствие пыли. Затем глянул через плечо на своего спутника, услышав его вздох.

– Могила слишком свежая. Самуэль наверняка не ее имел в виду – этой всего лет четыреста. Чего ты там делаешь?

– Чаша не такая, как у нас в монастыре. Более старая. – опасаясь его насмешки, я поспешно добавил. – Она не такая запыленная, как все здесь.

Гарретт не засмеялся. Подойдя вплотную, он внимательно рассматривал чашу.

– Не могу точно сказать, насколько она древняя, но то, что выполнена в другом стиле чем саркофаг, это однозначно.

Присев на корточки, он водил по узору пальцами и вдруг замер.

– Таэлин. Я не могу это прочитать.

Очень тщательно Гарретт ощупывал углубления и выпуклости на камне, пытаюсь отыскать среди них скрытый переключатель, но безуспешно. Его указательный палец медленно прошелся по внутренней поверхности священного сосуда.

– Выглядит так, словно ей совсем недавно пользовались.

Вытащив одну из водяных стрел, он сильным ударом разбил кристалл о край чаши. Теперь в ней была маленькая лужица, но никакого успеха это действие не принесло.

– Как поступили бы твои братья, Тим, чтобы спрятать потайной ход?

Я долго размышлял.

– Думаю, они бы позаботились о том, чтобы только кто-то из наших смог его открыть...

Мой взгляд блуждал по комнате, пытаюсь отыскать что-нибудь в форме боевого молота, но наткнулся на пустоту. На стенах не было никаких надписей. Ничего, кроме чаши и саркофага. Я напряженно думал, пытаюсь найти решение.

Внезапно в голову пришла одна идея – дурацкая, но все лучше чем ничего. Молот мог носить с собой кто угодно, но произнести благословение Строителя, превратив обычную воду в оружие против нежити, умел не каждый. Однако мне, скромному неوفиту, не по силам подобные деяния. Тогда я вытащил флакон святой воды и вылил его содержимое в чашу. Реакция последовала незамедлительно: ближайшая стена с тихим лязганьем отодвинулась в сторону и перед нами открылся темный проход.

Я прямо оцепенел. Гарретт, бросив на меня быстрый взгляд, осторожно вошел внутрь, ощупывая стены. Мне было боязно соваться туда – вдруг опять какая-нибудь скрытая ловушка? Потом послышался его тихий смех.

– Давай, заходи. Но смотри не наступи на третью от входа плиту.

Последовав этому совету, я очутился в маленькой гробнице с новым саркофагом. Он выглядел ужасающе древним. В боковые стены были вделаны тяжелые, черные как ночь плиты с рельефным изображением символа моего Ордена, а на противоположной находилась еще одна из того же материала, сплошь покрытая письменами.

В потайной комнате царил ужасная вонь. Гарретт, опустившись на колени, что-то разглядывал на полу и я содрогнулся, увидев лежавший там труп мужчины. Он находился здесь явно меньше восьми столетий, ведь на теле были видны только первые признаки разложения. Одежде и кольцо на распухшем пальце указывали на то, что это один из молодчиков Ройбена. В спине торчали сразу три стрелы.

Я обогнул по широкой дуге третью плиту, выглядевшую вполне нормально и присел рядом с Гарреттом. Разумеется, в стене напротив входа находилось маленькое отверстие и вылетевшая оттуда стрела без сомнения поразила бы свою цель, наступи я на скрытый рычаг. А почему же тогда у трупа их было три?

Гарретт, поднявшись, изучал саркофаг.

– Тут кое-чего не хватает, – слегка раздраженно произнес он. Подойдя ближе, я разглядел, что кто-то поработал над крышкой, наплевав на красоту ее каменной отделки. Она была чуть сдвинута, а поверхность в одном месте грубо обколота. Немногие уцелевшие кусочки окантовки говорили о том, что выломанный предмет напоминал по форме четырехлучевую звезду и был по всей видимости плоским.

Гарретт резко вдохнул воздух.

– Придется сделать приятное Ройбену и нанести ему визит, – Помоги-ка, Тим, сдвинуть крышку. Берись здесь, за короткую сторону.

Мне не оставалось ничего иного, как послушно подчинился, хотя в голове кружились тысячи вопросов. Он подошел к саркофагу со стороны головы покойного, я – с противоположной. Это был тяжкий труд, ведь крышка оказалась почти неприподъемной. Однако отодвинуть ее удалось лишь таким путем – при малейшем перемещении с обеих сторон сыпались стрелы. В первый раз я испуганно втянул голову, но они не задели меня. Теперь становилось понятно, как расстался с жизнью этот парень на полу и почему крышка все еще оставалась закрыта, хотя молодчики Ройбена отыскивали потайную комнату. Наверное, они были вдвоем; один из них погиб при попытке открыть саркофаг, а другой, неспособный справиться в одиночку, вернулся к Ройбену с докладом о частично выполненном задании. Теперь здесь оказался Крысюк, чтобы довести дело до конца (если его вместе с друзьями еще не задрали мертвяки).

Тяжеленная плита наконец подалась и соскользнула в сторону, с глухим грохотом приземлившись на каменный пол. Поток стрел тут же иссяк. С большой осторожностью Гарретт склонился над открытым саркофагом, а я ждал его знака, что все в порядке, не решаясь пошевелиться. Он вытащил кинжал, осторожно коснувшись внутренней стенки. Ничего не произошло. Лишь тогда он перегнулся через край, исследуя содержимое гробницы.

Я отважился кинуть туда взгляд. Как и в случае с Аристайдесом, по останкам усопшего мало что можно было понять. От темно-красного тяжелого одеяния одного из наших Первосвященников теперь остались лишь рассыпающиеся в пыль клочки. Однако сразу бросалась в глаза тяжелая книга с металлическими закладками и символом молота на переплете, которую покойный однажды прижимал к груди. От грудной клетки, продавленной за века огромным томом, сейчас мало что осталось.

Мне очень хотелось знать, почему Гарретт обследует внутренние стенки саркофага, вместо того чтобы сразу взять книгу. Но я уже достаточно знал его и понимал, что это зачем-то нужно. Его лицо казалось недовольным. Очевидно, вор был уверен, что здесь скрыта ловушка, но не мог ее отыскать.

В конце концов он подал мне знак отступить на шаг в сторону, а сам, взяв из колчана стрелу с широким наконечником (поскольку кинжал оказался коротким для этой цели), попытался дотянуться до книги, не нагибаясь над каменным гробом. При этом он еще чуть-чуть отпихнул меня в сторону. Раздалось громкое шипение и в то же время дверной проем позади начал с лязгающим звуком закрываться. Комната быстро наполнялась невидимым едким газом, от которого болели глаза и жгло легкие. Задержав дыхание, я рванул назад, перепрыгнув через вызывающую ливень стрел плиту. Мне хватило времени, чтобы втиснуться между закрывающейся дверью и стеной и что есть сил упереться в нее. Казалось, что гибель неизбежна и меня раздавит в лепешку, но тут механизм с неприятным скрипом застопорился. Давление немного ослабло, но я чувствовал, как закрывающаяся дверь, неуклонно, миллиметр за миллиметром продвигается вперед. Тем временем газ полностью нас окутал. Я с трудом сдерживал дыхание, глаза слезились, грудная клетка готова была разорваться от боли.

Гарретт как раз быстрым рывком достиг двери и затормозил спиной потайную дверь. Это позволило мне выскочить наружу и дрожащими от напряжения руками удержать открытым путь к свободе. Он выбрался как раз в тот момент, когда силы окончательно покинули меня и дверь с тупым гулом захлопнулась. Полуослепшие и спотыкающиеся, мы бросились прочь от потайного хода, пока не почувствовали, что в

воздухе больше нет едкого запаха. Возле саркофага в передней комнате мы рухнули на пол и лежали так, пока дыхание не восстановилось. Когда мои глаза наконец перестали слезиться, я увидел в руках Гарретта книгу, которую он с присущим самообладанием выхватил из могилы Первосвященника, прежде чем покинуть потайную комнату. Он все еще прижимал ее рукой к груди, потом положил рядом, чтобы протереть рукавом глаза, и поглядел на меня.

– Все нормально?

Я в ответ лишь кивнул. Очень хотелось как можно скорее убраться прочь отсюда. Хотя легкие еще болели при каждом вздохе, но, кажется, обошлось без серьезных повреждений. Гарретт с некоторым усилием поднялся и направился к лестнице, зажав под мышкой книгу. Как ни крути, это был том внушительной величины и толщины, его никак не спрячешь под плащом.

Он вскарабкался наверх, я лез следом. Мы уже почти добрались до прохода с металлической плитой, как вдруг услышали приближающиеся голоса. Я обеспокоенно посмотрел на Гарретта, заметив, как изнуренно он повел глазами. Вор быстро втолкнул меня обратно в гробницу, мимо символа молота на полу, а потом мы затаились в одной из стенных ниш рядом с саркофагом и, скорчившись во тьме, ждали.

В это невозможно было поверить, но Крысюку с друзьями действительно удалось выйти невредимым из стычки с зомби. Эта победа, однако, не улучшила его настроения – он все так же безжалостно подгонял своих напарников.

– Ну гляди, если это опять не тот проход, я тебе ухо отрежу, клянусь! – прорычал Крысюк, года они вошли в комнату.

– Да нет, я ж говорил! – ликовал парень с картой. – Это здесь!

– Повезло тебе. Смотри внимательней, ты, придурок с мозгами буррика, свет – это ловушка! Крэйвен про это много раз говорил!

Из своего укрытия мне удалось разглядеть, что бандит, к которому сейчас обращался крысомордый, уже не выглядел полностью здоровым – тоже спотыкался и часто останавливался, как и его раненый в голову дружок.

– Так, стой здесь и караул проход, понял? – гаркнул на него Крысюк. – Хватит с меня на сегодня сюрпризов. Если там чего-нибудь двинется, пустишь ему огненную стрелу в кишки.

Оставив одного из мужчин на страже, он начал спускаться по лестнице, его спутник обреченно шел следом. Громила-часовой, вытащив огненную стрелу и изготовив лук, нервно поглядывал в темноту коридора. Гарретт взглядом предупредил меня вести себя предельно тихо – слишком опасно было предпринимать попытку бегства.

Внизу Крысюк продолжал поиски, шныряя по помещению. Затем комната внизу огласилась шквалом отборных похабных ругательств – наши следы были обнаружены. Я слышал, как отворилась потайная дверь и бешеная ругань возобновилась с новой силой.

– Она исчезла! Крышка открыта! – орал Крысюк срывающимся голосом. – Кто, черт побери, это сделал?! Вода еще не высохла, они не могли далеко уйти!

Ошалев от бешенства, он выскочил наружу, а следом – его бледный от потери крови компаньон.

– Ну, чего стоишь и пялишься на меня?! Нужно найти их и отрезать им путь! Пошли, вперед!

Бандиты спешно покинули камеру. Гарретт долго поле этого выжидал, потом расслабился.

– Надо отыскать другой выход. Наверняка они станут караулить шахту и стрелять во все, что высунет оттуда голову.

На мой обеспокоенный взгляд он только улыбнулся.

– Не бойся, наружу есть еще один выход. Только он, как бы это сказать... не самый удобный. Что ты знаешь про бурриков?

Проглотив комок в горле, я рассказал то, что мне было известно. Вор начал тихонько смеяться.

– Плюются огнем? Это что-то новенькое. Они выдыхают не огонь, а газ, наподобие того, что был в потайной комнате. Если ты вдохнешь его, то можешь упасть без чувств или в худшем случае отравиться. А клыков у них вообще нет. * Урага права – буррики действительно лапочки Буррики не питаются мясом, насколько мне известно. Однако чужаков они не жалуют и вблизи могут неслабо драться когтями, хотя эти крошки и не особенно большие. Но вообще-то лучше к ним не приближаться.

– Мы должны будем спуститься с обрыва, мимо которого проходили? – мне становилось не по себе при воспоминании о стене, отвесно возвышающейся над подземным потоком.

– Нет, насколько я знаю, норы с той стороны не выводят на поверхность. Большинство этих тварей обитает там, но некоторые расселились по верхнему уровню Катакомб. В общем, будь поосторожней.

С нехорошим чувством в желудке я выходил из гробницы. Гарретт передвигался и разглядывал открывающиеся за поворотом коридоры с повышенной внимательностью, прежде чем туда свернуть. Крысюку могла придти в голову идея оставить здесь одного из своих дружков часовым или установить на нашем предполагаемом пути мину. Но, как видно, он пришел к выводу, что мы уже ушли достаточно далеко, потому что следов налетчиков было не видно.

От того пути, по которому мы пришли в гробницу, ответвлялся узкий, ведущий наверх деревянный помост. В мерцающем свете зажженного Гарреттом древнего факела я увидел, что нахожусь в высоком как башня помещении. Помост заканчивался на кольцеобразной площадке, проходящей вдоль всей стены. На противоположной стороне вел наверх еще один, а в вышине виднелся третий. Стены были испещрены странными символами и барельефами, зловещие тени кружили вокруг нас во время подъема. Отсутствие каких-либо перил на узеньком мостике, соединяющем две площадки на головокружительной высоте, очень сильно действовало на нервы и я благоразумно старался не смотреть вниз.

Очевидно, третий ярус был нашей конечной целью. Раздавшееся в отдалении фырканье возвестило о чешуйчатых обитателях верхнего этажа, слоняющихся где-то рядом. Я спрятался за спиной своего спутника, который укрепил почти полностью сгоревший факел в настенном держателе.

– А что, буррики не боятся огня? – прошептал я с некоторым скептицизмом. Разумнее было бы не оставлять факел здесь, а забрать с собой, чтобы отпугивать им зверюг.

– Еще как. Именно поэтому они начнут выдыхать свой яд изо всех нор, если увидят факел. – прошептал он в ответ.

С этими словами вор проскользнул вдоль стены в проход, чей деревянный пол выглядел очень ненадежно. В исчезающем свете было заметно, что балки в некоторых местах обвалились, открывая вид на почти бездонную глубину нижних залов. Удрученно поглядев туда, я поднял глаза, чтобы тут же увидеть внезапно возникшую в угольно-черной тьме прохода гигантскую тень. Страх заставил меня оцепенеть.

Гарретт уже остановился, вжавшись в стену. Я поспешно последовал его примеру.

Фигура впереди издала громкое фырканье с помощью могучих легких и, приняв хиваясь, задрала вверх свою малопривлекательную голову. * кому как Затем животное нагнуло шею и снова с шумом выпустило воздух из ноздрей. Несколько минут ничего не происходило. Существо стояло, переминаясь с одной лапы на другую, но не двигалось с места. Вроде бы оно не заподозрило ничего дурного, однако пока эта туша загораживала проход, о продолжении пути не могло быть и речи.

Так мы и ждали, без движения прижавшись к стене, а моя правая нога начала потихоньку затекать. Глаза немного привыкли к темноте и уже можно было отчетливее различить контуры буррика. Он был примерно на голову выше Гарретта, но только в том случае, если выпрямлялся во весь рост (а это случалось, когда животное нюхало воздух). Стоя на двух сильных задних лапах, он прижимал, словно ручки, маленькие передние к своему тяжелому телу. Длинный, похожий на ящеричий хвост помогал сохранять

равновесие при наклонах. Сходство с ящерицей-переростком добавляла также продолговатая голова с маленькими глазами по бокам и чуть-чуть выступающими ноздрями. В широкой пасти, насколько я видел, не было заметно ничего похожего на клыки. В общем, буррик выглядел почти безобидно, не будь он таким массивным. С пещерными монстрами, о которых со вкусом рассказывал Беппо, у него была лишь одна общая черта – чешуйчатая кожа.

Левая нога тоже начала затекать и мой страх перед бурриком начал постепенно перерос в раздражение. Уперся и не двигается, понимаешь, словно бык с нашего двора, когда он не хотел тянуть плуг. Гарретт тоже потерял терпение: я чувствовал, как он осторожно движется.

Очень медленно он прокрался вдоль стены к задремавшему животному. Мне было интересно, как же ему удастся проскользнуть мимо, ведь зверь заполнил весь проход своей массой. Но это не входило в его намерения, ведь, приблизившись к морде буррика, он сделал быстрое движение рукой. Послышался звук тупого удара и животное с ужасным ревом рухнуло на пол. Мне показалось, что старое дерево сейчас разлетится в щепы и оглушенный буррик найдет внизу свою смерть, когда тяжелое тело с силой шлепнулось на дрожащие доски.

– Быстрей! – прошипел мне Гарретт, пряча под плащом дубину. – Его собратья наверняка все слышали.

Я все еще не мог придти в себя от того, что вору удалось оглушить буррика. Послышавшееся в отдалении взволнованное фырканье и прозвучавшее в ответ ему еще более дальнее возвестили о приближении обеспокоенных собратьев по виду. Быстро перепрыгнув через валяющуюся тушу, я припустил следом за Гарреттом вдоль прохода. Мы проскочили через небольшую комнату, с которой соединялось несколько других, и нырнули в один из боковых коридоров, когда раздавшийся из темноты яростный трубный вопль дал понять, что мы обнаружены. Позади слышались быстро шлепали тяжелые лапы. Гарретт не останавливался ни на секунду, мне пришлось напрячь все свои силы, чтобы успевать за ним. Вдруг он замер, стремительно пригнулся к полу и боком протиснулся в низкую дыру в стене, которую я ни в жизнь бы не заметил, случись мне оказаться здесь совсем одному. Несмотря на тяжеленную книгу он очень шустро скрылся в темноте. Я слышал приближающихся преследователей и тоже полез внутрь. Пролом в стене оказался достаточно большим, чтобы вместить скрючившегося человека и уводил в низкий туннель, где можно было пробираться только ползком. Я наивно полагал, что буду здесь в полной безопасности, когда Гарретт издал велел мне пошевеливаться. Потом раздался звук, словно кто-то смачно и от души рыгнул и меня мгновенно окутала едкая вонь. Хотя байки об огнедышащих бурриках оказались вымыслом, однако они очень даже умели постоять за себя, защищаясь от злостных нарушителей спокойствия. Желто-зеленое облако газа тяжелой пеленой растеклось вокруг и мне пришлось судорожно задержать дыхание, ведь при первом же неосторожном вдохе все поплыло перед глазами. Лихорадочно уползая дальше по проходу, я никак не мог вырваться из зловонного густого тумана.

С той стороны снова и снова раздавались рыгающие звуки, оповещавшие о новых газовых атаках. Я полз на животе, а вонь в узком проходе стала просто непереносимой. Руки и ноги начали трястись, силы иссякали, глаза закрывались сами собой. Мои легкие горели огнем, требуя глотка воздуха. Если я сейчас потеряю сознание, то вдохну достаточно газа, чтобы никогда уже не проснуться. Эта ужасная мысль заставила меня с новой силой бороться за жизнь.

Мне не удалось выбраться. Тусклый свет обозначил выход из проклятого крысиного лаза, но он вдруг расплылся мутным пятном перед глазами. Я чувствовал, что теряю сознание и ничего не мог с этим поделать. Потом что-то темное впереди закрыло свет. Сильная рука, ухватив меня за шиворот, потащила дальше, и вот тут-то я окончательно вырубился.

Когда я очнулся, Гарретт сидел рядом и спокойно ждал. Мне понадобилось много времени, чтобы прийти в сознание и сбросить парализующую оцепенелость. Чувства постепенно восстановились и я обнаружил, что нахожусь в маленьком мавзолее наподобие того, через который мы пробрались в Катакомбы. Внутри скрывался огромный саркофаг, на его уступе вор дожидался моего возвращения к реальности. Сквозь маленькое круглое оконце на двери просачивался тусклый свет. Из-за сильного холода я сразу же начал мерзнуть, хотя, как оказалось, был укутан плащом. С большим усилием мне удалось приподняться.

– Ну как, живой? – тихо спросил Гарретт с легкой ухмылкой.

Подняв голову, я кивнул, борясь с новым приступом головокружения. Легкие были словно объаты пламенем, а горло превратилось в шершавую терку.

– Это скоро пройдет, ты не очень сильно надышался, – он говорил все еще приглушенным голосом.

Я обхватил себя руками, чтобы хоть немножко согреться. Постепенно мне становилось лучше. Маленький туннель, через который мы спасались бегством, заканчивался сразу за саркофагом. Гарретт отодвинул каменную плиту, скрывавшую выход. С глубочайшим недоверием я рискнул глянуть внутрь – с той стороны царила тишина.

– Думаю, что могу встать, – сказал я. Очень хотелось уйти отсюда. Гарретт предостерегающе приложил палец к губам. Снаружи раздались тяжелые шаги, вот они уже достигли мавзолея и вновь удалились.

– Нам нужно побыть здесь еще немного, – сказал вор тихо. – По крайней мере, пока не стемнеет.

– Они ищут нас там, снаружи? – прошептал я, имея в виду рыскающую по кладбищу команду Крысюка.

Гарретт улыбнулся, покачав головой.

– Когда я говорил, что этот выход не совсем удобен, то имел в виду *не только* бурриков.

Не совсем уверенно поднявшись, я сел рядом с ним, только сейчас разглядев символ молота на саркофаге. Теперь стало понятно, куда нас занесло и почему Гарретту не очень нравился выбранный путь. Ведь этот мавзолей находился на территории кладбища городского монастыря хаммеритов, со всех сторон обнесенного мощными стенами и бдительно охраняемый моими братьями. Интересно, сколько времени я провалялся без сознания? Казалось, все тело превратилось в сплошную ледышку. По моим расчетам, оставалось не так уж долго ждать вечерней темноты. Гарретт оказался прав, скоро я чувствовал себя совсем хорошо, вот только легкие по-прежнему были воспалены.

Я тихонько сидел, кутаясь в плащ, чтоб не мерзнуть, и прислушивался к шагам стражей за дверью, а падающий сквозь маленькое оконце свет между тем становился все слабее и слабее. Гарретт раскрыл добытую книгу и погрузился в ее изучение. Как и многие другие рукописи, она была написана на неведомом мне старом языке. Рисуя кончиком ступни круги на пыльном полу, я думал о Дане. Так удалось промечтать довольно долгое время.

Внезапно дверь мавзолея распахнулась от мощного удара и я, окаменев, увидел перед собой физиономию Крысюка. Стоя в дверном проеме, он смотрел на меня ничего не выражающим взглядом. Парализованный страхом, я ожидал немедленного нападения, ждал что вскочивший на ноги Гарретт начнет защищаться и разгорится настоящий бой, но с ужасом обнаружил, что нахожусь в мавзолее совсем один. Вокруг царил мертвая тишина, как будто на всем белом свете остались лишь мы с Крысюком. Суматошно попытавшись вытащить кинжал, я вдруг осознал, что стоящий напротив мужчина не может быть живым: бледный как полотно, мутные глаза смотрели куда-то сквозь меня, а одежда кровавыми клочьями свисала вокруг ужасной раны на груди.

Я так и замер, не в силах пошевелиться. Крысорожий внимательно поглядел на меня и затем произнес бесцветным голосом:

– Я – Воин. С Камнем ничего не должно случиться.

Развернувшись, он ушел и дверь мавзолея со скрипом захлопнулась.

Я дернулся и подскочил на месте. Гарретт, по-прежнему сидевший рядом и читавший, вопросительно посмотрел на меня. Снаружи уже совсем смеркло, а я этого и не заметил. Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что это был всего лишь сон. Однако обычное в этом случае облегчение, когда человек просыпается от жуткого кошмара и осознает, что все это не на самом деле, почему-то не приходило. Слишком реальной казалась эта сцена и слишком похожей на видение о смерти Гунтера.

Было ясно, что об этом сне нужно как можно скорее рассказать Гарретту, но я чувствовал себя таким взбудораженным, что не находил для этого сил. Он ничего не спросил, поднялся и чуточку приоткрыл дверь, чтобы выглянуть наружу. Проникающий сквозь окно и эту щель свет возвещал о скором приходе вечера. Греза о теплой лежанке у горящего камина, я только сейчас ощутил, насколько проголодался и устал. Желудок утвердительно заурчал и мой спутник метнул на меня полувеселый-полунервный взгляд. Действительно, что за ирония – преодолеть все опасности Катакомб и быть обнаруженными стражей монастыря из-за громкого бурчания в животе! А вообще-то не совсем ясно, как Гарретт планировал улизнуть отсюда. Пока мы находились здесь, через одинаковый промежуток времени один из стражей проходил мимо мавзолея, а в отдалении уже звучали шаги идущего следом. Кроме того, в свой прошлый визит сюда я заметил одну нехорошую привычку массивных входных ворот – они были постоянно крепко заперты. Вор снова закрыл дверь.

Колокол зазвонил, возвещая о вечерней молитве. Это означало, что большая часть братьев сейчас соберется в церкви. Мы слышали, как они прошли мимо. Затем опять стало тихо, лишь стражи без усталости вышагивали наружу.

Теперь свет дня быстро угасал и мы дождались полной темноты. Лишь когда перед дверью замечались трепещущие тени (это братья начали зажигать факелы), Гарретт открыл ее и мы украдкой стали пробираться между надгробий, стараясь оставлять как можно меньше следов на снегу, в котором был протоптан маршрут стражей. Присев, мы наблюдали, как братья делают круг, особенно зорко осматриваясь возле Библиотеки. Внутри башни полыхал беспокойный огонь, заставляя светиться большое круглое окно над входом. Из церкви доносились приглушенные слова общей молитвы. Мне было известно, что вечерняя служба не длится очень долго. Осторожно выглянув из-за надгробного камня, служившего нам укрытием, я увидел то, что ожидал: ворота были захлопнуты, тяжелые засовы намертво задвинуты и маленькая калитка тоже заперта. Оставалось либо лезть через стены (что казалось малопривлекательным и не сулило особого успеха), либо незаметно открыть калитку. Но как?

К этому моменту Гарретт уже рассчитал время прохождения стражей и легонько коснулся моего плеча.

– Спрячься возле ворот. Когда стража покинет свой пост, отодвинь запор и выбирайся. Прежде чем выйти, – он сунул мне в руку одну из газовых бомб – швырни ее наружу. Там должен стоять хотя бы еще один охранник. А потом мчись так быстро, как только сможешь.

Он опустил капюшон мне на лицо.

– А как же Вы?

– Не имеет значения, главное – выберись наружу. Жди меня в переулке перед воротами, понял?

Я с неохотой кивнул – не хотелось бросать его одного. Гарретт всучил мне огромную летопись, не замечая моего протестующего взгляда, и почти беззвучно скрылся среди могил.

До ворот монастыря было еще довольно далеко, а подобраться к ним незамеченным казалось почти невыполнимой задачей. На кладбище я хотя бы имел укрытие, но на открытом пространстве, приходилось вести себя крайне осторожно. Легко

можно было себе представить, с какой силой может ударить боевым молотом дюжий хаммерит, обходивший могилы по кругу. Я дождался, пока силач пройдет мимо и на несколько секунд повернется ко мне спиной, а затем проскочил между надгробиями, стараясь наступать в уже оставленные следы и укрылся за самыми крайними камнями от стражей, патрулировавших пространство между воротами и церковью.

Перед самой аркой стояли двое других охранников с угрюмыми лицами. Одного из них я сразу узнал: это был Бенедикт, зябко подергивающий мясистыми плечами и от холода переступающий с ноги на ногу. Его веснушчатое лицо раздумялось от стужи и он печально глядел прямо перед собой, кутаясь в свой бледно-красный просторный неофитский плащ и низко надвинув капюшон на глаза. Цвет кожи странно контрастировал с окраской грубой материи. Я обрадовался, увидев Бенедикта на страже ворот, потому что проскочить мимо него было намного проще, чем мимо кого-нибудь другого из монастыря.

Грянувшее из церкви приглушенное песнопение подсказало мне, что время на исходе – еще немного, и последует заключительная молитва. Выходящим из церкви братьям я буду виден как на ладони. Моя рука судорожно сжала книгу.

Позади на кладбище послышался звук тупого удара и чей-то стон, затем все смолкло. Оглянувшись, я заметил, что обходящий могилы богатырь-хаммерит пропал.

Пространство перед воротами ярко освещали три симметрично укрепленных на арке факела, их отсвет достигал даже моего укрытия. Чтобы достичь спасительной тени, надо было пересечь с краю световую зону. Использовать водяные стрелы, чтобы попробовать потушить один из факелов, тоже не имело смысла: при моем искусстве стрельбы я скорее попаду в одного из стражей или еще лучше – сразу на обоих сверху обрушится каскад воды, как во время ливня.

Чем дольше я ждал, тем меньше оставалось шансов успеть совершить задуманное, прежде чем Гарретт предпримет одному ему лишь известный отвлекающий маневр или прежде чем братья выйдут из церкви. Мне было предельно ясно, что он не станет этого дожидаться. Итак, время почти что вышло.

Внимательно наблюдая за Бенедиктом, я заметил, что он опустил глаза. Его товарищ уже давно не смотрел в мою сторону. Стража, совершавшая круг между воротами и мной, прошла мимо. Я ждал момента, пока они удалятся на достаточное расстояние и не смогут ничего услышать, и тогда помчался пригнувшись в тени у стены, находясь в поле зрения Бенедикта. Мои расчеты в отношении этого неофита полностью оправдались – окрика не последовало, с выражением самосострадания на лице он все так же пялился на носки своих сапог, шаркая ими по снегу.

Прижавшись спиной к спасительной стене, я успокаивал свое лихорадочное дыхание. Здесь в какой-то степени было безопасно – довольно темно и стража проходила в стороне. Снег заглушал шаги и здесь так натоптали, что мои следы вряд ли у кого-то вызвали подозрение. Вновь дыша спокойно, я вдоль стены подобрался почти к воротам, к самой границе освещенной территории. Как раз вовремя – метко пущенная из темноты стрела потушила факел над головой Бенедикта, основательно окатив его водой. Юный неофит, столь бесцеремонным образом вырванный из своих мечтаний, вскрикнул скорее жалобно чем взбешенно. Средний факел погас и товарищ Бенедикта встревоженно схватился за молот, и тут с шипением потух последний факел.

– Эй, где вы прячетесь, мошенники? – в ярости крикнул старший хаммерит, а Бенедикт уже мчался сломя голову звать на помощь братьев. Далеко уйти он не смог – нечто, просвистев в воздухе, с шипением врезалось в него. Бенедикт свалился на землю и не шевелился. Его товарищ с гневным криком ринулся в направлении выстрела. Вторая газовая стрела, пущенная вором, не попала в охранника.

Я беспокоился за Гарретта, но помнил его указания и знал, что лишь наврежу, если попытаюсь вмешаться. Поэтому просто выскочил из укрытия и отодвинул запор на калитке.

– Что там случилось? – раздался голос с другой стороны.

Поспешно выхватив газовую бомбу, я активировал ее, как учил Гарретт, распахнул калитку и швырнул в проем маленький шарик. А сам быстро отскочил назад, чтобы не

угодить в облако газа, с шипением разливающегося снаружи. Послышался вздох и звук падения тела. Я с радостью просунулся было в дверной проем и замер на полушаге, оторопев от раздавшегося с внешней стороны ворот негодующего крика. Отпрыгнув в панике назад, я с колотящимся сердцем отполз как можно дальше от входа.

Очевидно, снаружи караулили двое братьев, но обезвредить удалось лишь одного из них. Дверь распахнули с такой силой, что она с грохотом ударилась о каменную стену. Огромный бородатый хаммерит с грозно поднятым боевым молотом вломился во двор и, прищурившись, озирался вокруг, ища нарушителей. Мне никогда не нравилось традиционное оружие моего Ордена, а перспектива испытать его действие сейчас и на собственной шкуре заставила испугаться. Опытный боец мог переломать своим молотом кости противнику и с легкостью размозжить череп. Сам вес кувалды уже внушал ужас, лучшим защитным маневром было уклонение от удара, ведь тяжелым оружием нельзя быстро нанести удар.

Мужчина, в ярости пытавшийся отыскать меня, с пугающей легкостью размахивал молотом. Несколько секунд он ошарашенно глядел на открывшуюся перед ним картину, затем с угрожающим видом устремился на поиски. Двинувшись поначалу в сторону могил, он вдруг через пару шагов резко развернулся, направляясь прямо в сторону моего укрытия. Я скользнул вдоль стены как можно дальше, но это не могло продолжаться бесконечно – там уже падал свет другого факела, укрепленного высоко наверху.

Разгневанный брат остановился, прислушиваясь и пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте. Нас разделяло всего несколько метров. Я положил летопись на снег и, стараясь не шуметь, снял с плеча лук. Потом наощупь попытался отыскать ту самую стрелу, издающую (со слов Гарретта) адский шум. Наконец мои пальцы ухватили нужное древко, я рванул ее из колчана и со всей возможной скоростью, насколько позволяли заостренные от мороза пальцы, наложил на тетиву. Бесприцельно посланная стрела исчезла где-то между надгробий, с силой врезавшись в одно из них. Тотчас же на этом месте будто бы разразилась небольшая гроза – шум и треск наполнили воздух. Мой преследователь, мгновенно обернувшись, помчался в ту сторону. Я знал, что этот обманный маневр будет скоро раскрыт и потому, не мешкая, схватил книгу и поспешил к двери и уже протискиваясь в нее, услышал за спиной гневный крик. Тут уж пришлось взять ноги в руки, ведь умение бегать быстрее многих других было моим единственным верным способом защиты.

Выпрыгнув за дверь, я широкими скачками пересек площадь перед монастырем, слыша позади громкий топот моего преследователя. Несмотря на тяжелый молот парень на диво быстро бегал. Сделав крюк, я кинулся в маленький боковой переулок, а он по-прежнему догонял меня. Мне не хватило смелости оглянуться. Задыхавшись, я попытался отыскать в кармане световую бомбу, но это не удалось. Тут рука ухватила мой сползший капюшон и с силой рванула назад. Не сумев выскользнуть из своего плаща, я втянул голову в ожидании сокрушительного удара.

Этого не случилось. Осторожно бросив взгляд назад, я увидел, что за моей спиной стоит не хаммерит, а Гарретт. Мне так радостно было снова видеть его, что даже обычная насмешливая ухмылка не задела в этот раз моего самолюбия. Он отпустил мой капюшон, забрал книгу и мы молча отправились домой, беспрепятственно вернувшись в комнату Гарретта.

Когда огонь в камине наконец жарко разгорелся, я в изнеможении опустился на свою лежанку и уже почти заснул, когда вор, напугав меня, сунул в руки огромный кусок хлеба. С благодарностью ухватив его, я опять сел, а мой желудок мгновенно отреагировал на пищу громким урчанием.

Во время еды (я на лежанке у камина, он – за столом) Гарретт задумчиво разглядывал книгу.

– Нам нужен артефакт, который сперли эти сорви-головы.

Мне вдруг вспомнился Крысюк из моего сна.

– Я кое-что видел, пока мы ждали в склепе.

Не выходя сильно удивленным, вор требовательно воззрился на меня и я рассказал о своем сне.

– Ты уверен? – только и спросил Гарретт.

Я кивнул, припомнив, что слово „терен“ из самуэлевых записей переводилось как „воин“, это означало, что сон снова был вещим. „Я – Воин“, именно это сказал Крысюк.

– Тогда тем более нужно будет заскочить к ловцам счастья. Мне не слишком жалко этого парня, как и тебе, но сидеть и бездействовать мы тоже не можем.

– Что, прямо сейчас? – разочарованно спросил я, ведь сил у меня почти не осталось.

– Мы пойдем туда завтра. Кстати, твой предыдущий сон сбылся только днем позже.

Я с облегчением кивнул.

Он еще немного почитал летопись, а я задумчиво смотрел на огонь. Когда Гарретт наконец улегся, я заметил, что его плечо между делом вполне хорошо зажило. Он снял перевязь, а новая, по-моему уже не требовалась. Я устроился на своей лежанке и закрыл глаза. Всю ночь меня преследовали смутные, не поддающиеся осмыслению видения.

21

Ранним утром я проснулся. Через замерзшее окошко с улицы проникал слабый свет. Гарретт, разумеется, уже поднялся. Устало приоткрыв один глаз, я решил еще чуток полежать. Сидя за столом, Гарретт что-то делал, не замечая моего пробуждения.

Я снова закрыл глаза, свернувшись под теплым одеялом. Однако сон уже не возвращался. В конце концов надоело жмуриться и я увидел, что Гарретт держит нечто в руке. Так как он сидел вполоборота ко мне, видно было не все. Вроде бы он наливал некую жидкость из флакончика в маленький шарик. Поставив бутылочку в сторону, он взял со стола странный хрупкий инструмент, которым начал что-то делать. Я не понимал, зачем все это ему нужно и сел на лежанке, потягиваясь после сна. Тут мне пришлось испуганно застыть.

Маленький шарик в руке Гарретта был хорошо мне знаком. Он слегка повернул его, чтобы поработать с обратной стороной. На противоположной я смог различить неясное зеленое мерцание. Итак, передо мной был искусственный глаз. Вор закончил работу, протерев его тонким платком, а затем поднес к лицу. Я не мог видеть, что именно он сделал, но его руки оказались пусты, когда вор снова положил их на стол.

– Доброе утро, – с легкой улыбкой обернулся ко мне Гарретт, а его зеленый глаз блестел интенсивнее серого. Стыдясь своего подглядывания, я смущенно потупил взгляд, понимая теперь, что означал рубец на щеке. С таким ранением выживали немногие, хороший лучник терял при этом как минимум средство к существованию. Да, жизнь сурово обошлась с Гарреттом. Интересно, кто же это его так изувечил?

Вор опять повернулся к столу, собирая инструменты и заботливо раскладывая их по местам.

– Есть хочешь? – спросил он.

Смущенно кивнув, я встал и уселся рядом, стараясь не глядеть ему в лицо во время еды. Гарретт долго молча листал оставленную вчера на столе летопись. Она была искусно сделана и, судя по своей древности, представляла исключительную ценность. На переплете виднелись вписанные друг в друга символы, но что их значение было выше моего понимания.

– Надо отдать ее Артемусу и Езекилу, у меня нет времени вникать во все это, – неожиданно произнес Гарретт. – Хорошо хоть написана не на Древнем Языке, иначе прочитать ее было бы почти невозможно.

– Вам удалось вчера найти что-то интересное?

– Так, мелочи, не имеющие отношения к нашим поискам.

Мой взгляд уперся в Гарретта, в ожидании следящего за мной. Зная, чего он ждет и в общем-то не желая развивать эту тему, я тем не менее спросил:

- Кто Вас так ранил?
- Приспешница Обманщика.

Я подозревал, что это имеет отношение к богу язычников, и радовался тому, что на довольно долгое время позабыл про вмешательство Гарретта в эти события. Не уверен, что мои уши были готовы в этот момент выслушать всю историю, но мне этого хотелось, нет, я просто должен был знать.

- Что тогда произошло?

Его пальцы с длинными суставами скользили по изящным линиям переплета летописи.

– Мне было поручено выкрасть один ценный меч, принадлежавший помешанному на искусстве богачу по имени Константин. Моя работодательница назначила за это более чем выгодную цену.

При слове „работательница“ его пальцы на секунду замерли, а затем продолжили свое движение по обложке книги.

– Когда я принес меч, оказалось, что сам Константин заказал это ограбление. Вся операция была в некотором роде проверкой.

Ошарашенно глядя на Гарретта, я боялся задавать вопросы. Еще ни разу не удавалось услышать от него подобной связной истории. Отодвинув фолиант в сторону, он в упор поглядел на меня. От обычной иронической насмешки не осталось и следа, лицо вора выглядело усталым.

– Он предложил фантастически-безумную цену за артефакт, находившийся во враждебном всему живому месте. Мне хватило дури отправиться туда, но, откровенно говоря, выполнить это задание было нелегко.

Тихо вздохнув, Гарретт опустил глаза, глядя на сомкнутые кончики своих пальцев.

– Когда наконец мне удалось достать ту штуковину – драгоценный камень, и принести ему... – он запнулся, с трудом подыскивая слова. Наконец его взгляд встретился с моим. – Он оказался не человеком.

Я уже понял: под маской Константина скрывался никто иной как сам Лесной лорд. Разумеется, он просто так не отпустил Гарретта, заполучив артефакт. Я медленно кивнул, а он не стал вдаваться в подробности того, как удалось выпутаться.

– Камень был ключом к его первоначальной силе. Чтоб активировать его, Обманщик забрал мой глаз. – в голосе вора не слышалось никаких эмоций, словно речь шла о чем-то обыденном. Но именно эта бесцветность дала мне понять, что все случившееся было поистине ужасно.

– Вы что-то сказали о его приспешнице... – осторожно вставил я.

– Женщина, договаривавшаяся со мной о первом заказе. Она тоже не была человеком.

– Как же Вам удалось спастись?

– Хранители помогли мне.

– И этот... камень вернул Обманщику всю его былую силу?

Он лишь кивнул и затем поднялся. Я понял, что разговор окончен и смотрел, как вор проверяет свое снаряжение. Облегчение в душе сменялось пораженным удивлением. Значит, Гарретт не ведал, с кем связался, поэтому было легче простить ему приключившееся с моей семьей несчастье. Он ничего не прибавил, но я-то понимал, что все произошедшее оставило раны не только на его лице. В голове мелькнула внезапная мысль:

– Пожалуйста, можно задать еще вопрос?

– Да? – отозвался вор не оборачиваясь.

– Обманщик... Как Вы думаете, он и вправду мертв?

Выглядев немного сердито, он поглядел на меня.

– Ты в этом сомневаешься?

– Говорят, что члены моего Ордена противостояли Лесному лорду и одолели его, но непонятно, почему никто не знает их имен. Хаммериты ведь всегда высоко оценивали

героизм отдельных братьев. А тут повержен наш самый главный враг, однако никаких имен... – я надеялся, что Гарретт не высмеет меня.

– Он в самом деле мертв, уж поверь мне, – последовал ответ.

Я долго просто сидел и молчал. С души словно камень свалился, потому что этот человек был единственным, кому я безоговорочно верил, сам не ведая почему.

Вскоре мы вышли, что бы навестить Артемуса. Гарретт не хотел сам изучать тонкие пергаментные страницы летописи, сплошь покрытые вычурными и непонятными мне символами. Намного проще послать Артемуса вместе с книгой к Езекилу, чем самим опять идти к Магам. Мне было немножко жалко, что не получится встретиться с Даной. Что она делала все это время и вспоминала ли хоть раз обо мне?

Улицы покрывал грязный, жесткий как камень снег. Хотя небо было в этот раз чистым, значит, можно не опасаться новой метели. Однако и облака, как одеяло нависавшие над землей, бесследно исчезли, а это в свою очередь сулило возвращение трескучего мороза и леденящего холода. Я поплотнее запахнул плащ, когда оказался на улице. Лук остался в комнате, потому что Гарретт сказал, что этот вид оружия будет только мешать во время сегодняшней операции. Он вручил мне несколько газовых и световых бомб, велел использовать их только в крайнем случае. На поясе под плащом висел боевой кинжал Крысюка, я возлагал на него большие надежды – может, криминальные личности, заметив эдакий тесак, поостерегутся сразу бросаться на меня.

Без всяких приключений мы шли к Хранителям, правда повсюду в Городе царило напряжение. Мне удалось уловить обрывки болтовни прохожих, разговоры вертелись все время вокруг одной темы: дескать, городская стража вместе с хаммеритами выбивается из сил, пытаюсь остановить возрастающий поток зомби, рыщущих среди живых людей. Хорошо, что этой ночью наш путь не лежал через городское кладбище, иначе пришлось бы иметь дело либо с шатающимися там мертвяками, либо с марширующими батальонами стражников (сопровождаемых моими братьями в качестве поддержки), либо и с теми и с другими сразу.

Артемус тоже выглядел озабоченно, когда мы вошли в его кабинет.

– Я ждал тебя. – он без всяких обиняков провел Гарретта к своему подставцу для письма. – Это пришло от Езекила.

Свиток оказался в руках вора и тот быстро пробежал его глазами, при этом лицо его омрачилось.

– Он что-нибудь добавил? Это весь текст или чего-то не хватает?

– Это все, что сумел выяснить Самуэль, но они пока не нашли источника этой информации.

– А время истекает. Если Тим прав, то сегодня в списке появится покойник номер четыре.

Артемус изумленно глянул в мою сторону.

– Что ты имеешь в виду?

Под требовательным взглядом Гарретта, заставшего меня врасплох, я не находил что сказать, затем, покорно опустив глаза, попытался в нескольких словах описать свои видения.

Теперь направленный на меня взгляд Артемуса стал озабоченным.

– А раньше тебе снилось что-либо подобное, Тим?

Я молча мотнул головой. Не знаю, откуда вообще взялись такие похожие на явь сны, которые к тому же еще и сбываются. Тайком, хотя Крысюк был крайне неприятным типом, я все же надеялся, что заблуждаюсь и последняя греза не имела абсолютно никакого значения, являлась плодом чистого воображения. Может, и вообще ничего такого не произойдет.

– Что могло стать причиной для этого? – Артемус, похоже, задал этот вопрос прежде всего самому себе.

Гарретт лишь пожал плечами и раскрыл летопись, которую по приходу положил на письменный пульт. Он кратко описал Артемусу события последних дней, упомянув при

этом мои соображения по поводу схожести символа на лбу жертв и созвездия. Потом сказал:

– Отнеси книгу Езекилу. Думаю, это будет верным решением, если вы вдвоем попытаетесь выудить из нее нужные сведения. Мне же в первую очередь интересно, что скрывается под церковью Св. Квинтуса и как туда проникнуть. А еще хотелось бы знать, с чем мы вообще имеем дело.

– Что ты собираешься делать?

– Мы должны посетить логово джентльменов удачи. * не знаю точного русского эквивалента для аглицкого словечка *Downwinder* – какие-то «ловцы ветра», почти как у Пехова что ли? Поэтому перевозку по-разному Мне кажется, что артефакт, о котором рассказывал Бинк, играет в этом деле важную роль. Уверен, что они принесли его именно из той гробницы, где находилась летопись – из крышки саркофага что-то было выломано.

Артемус кивнул и поглядел в мою сторону.

– Ты должен быть очень осторожен, Тим. Держись поближе к Гарретту, понятно?

Надо же, как будто я надумал что-то иное! И сейчас уже совсем не нужен был еще кто-то, намекавший, что моя жизнь находится под угрозой. Кивнув, я уловил озабоченность в быстром взгляде моего спутника. Но она так же быстро испарилась как и возникла.

Выйдя из кабинета Хранителя, я долго в молчании трусил за воров и лишь когда мы оказались снова на улице, спросил:

– Что удалось выяснить Езекилу?

Гарретт бросил быстрый взгляд через плечо.

– Он перевел тот текст на таэлине, насколько можно точно. „Пятеро под знаком Змеи известят о моем возвращении“. Четвертый умрет сегодня, если твой сон имеет какое-то значение.

– Под *знаком* Змеи? А может быть, „Змея“ – это созвездие?

Он остановился, глядя мне в лицо.

– Возможно. Символ на лбу жертв напоминает по форме змею с раскрытой пастью. Мы расспросим об этом Езекила, как только уладим сегодняшнее дельце.

Потом он двинулся дальше, а я погрузился в раздумья, пытаюсь как-то связать между собой Змею, Священника, Воина и Камень, но ничего не получалось. Столько раз уже встретившийся нам символ можно было нарисовать, соединив пять точек. Обсидиановый замок имел также пять выемок ... а в Крепости Магов было пять Башен. Я хотел было поделиться с Гарреттом этими мыслями, но его вид не располагал к долгим познавательным беседам. Да и „лучшие“ кварталы Города остались позади, а судя по усилившейся вони и возросшему количеству оборванцев на всех углах мы приближались к Докам. Здесь патрулировало гораздо меньше стражников, что, разумеется, облегчало путь.

В переулке возле маленькой площади мой спутник остановился, притаившись в темном углу, откуда открывался хороший вид. Там вроде бы не было ничего, достойного внимания, кроме повидавшего лучшие времена большого трактира. Однако мне сразу бросилось в глаза, что в здание никто не входил и никто не выходил оттуда, чего не скажешь про всякие подобные заведения. Хотя при описании посетителей здешних гостинных дворов слова „входить“ и „выходить“ можно было смело заменять на „плестись, еле переставляя ноги“, „вползать нетвердой походкой“ или даже „стремглав вылетать наружу“.

Я думал уже, что заведение не работает, как вдруг какой-то мужчина, подойдя к двери, постучался, что-то коротко сказал открывшему и вошел внутрь. Оставалось только удивиться странной сцене. Гарретт, тоже внимательно наблюдавший за всем, обернулся ко мне:

– Трактир всего лишь прикрытие. За фасадом находится игорный зал и вход в помещения Гильдии воров. * эх, опять им по пещеркам ходить... Здешним посетителям слишком хорошо известна моя личность, поэтому наше присутствие может вызвать у них

подозрения. Не говоря уже о том, что оба главаря так настойчиво убеждали меня примкнуть к ним...

Нарочито подчеркнутое слово „убеждали“ заставило почувствовать, что искусство убеждения джентльменов удачи – понятие весьма растяжимое. Для них Гарретт был настоящим бельмом в глазу, ведь он работал в одиночку и не платил Гильдии никаких взносов. И к тому же наверняка частенько утаскивал у них из-под носа какой-нибудь лакомый кусочек (как совсем недавно в Катакомбах).

– Откуда они провели про летопись и тайную гробницу?

– А вот это уже третья причина, почему мы здесь. Я хочу знать, кто их заказчик.

– Вам уже приходилось бывать в Гильдии?

На этот вопрос последовал ответ в виде легкой усмешки. Даже подобные Гарретту не были застрахованы от его планов.

– Трактир весьма обширен. Есть два входа – один здесь, другой со стороны двора. С тех пор как я нанес мальчикам визит, задний тоже охраняется. В это время питейная не работает и там должны находиться от одного до трех сторожей. Тебе надо бы отвелечь их.

– А как?

– Придумай чего-нибудь, но смотри не переборщи, они, как бы это сказать... легко раздражаются.

– А что, если один из них узнает меня?

– Маловероятно. Но если что, убегай, причем изо всех сил. – он скорчил мне гримасу.

Спорить дальше не имело смысла. С отвратительным ноющим чувством в животе я покинул переулок и вышел прямо к зданию. В голове не вертелось ни малейшей идеи, как отвлечь внимание гильдийцев. Прошлявшись без всякой пользы возле ступенек, я заметил еще одного приближающегося мужчину. Подождав, пока тот постучится и дверь откроется, я, пробормотав извинение, с вполне самоуверенным видом протиснулся внутрь. Оба гильдийца на мгновение просто потеряли дар речи. Затем на меня обрушился шквал проклятий и ругани, который мне удалось выдержать, удивленно выпучив глаза и сохраняя на лице идиотско-невинное выражение. Не двигаясь с места, я далдонил с крестьянским упорством, что всего лишь хотел съесть чего-нибудь горячего и выпить пива. Вот это уже по-настоящему их разъярило. Крики привлекли внимание обоих часовых из входного коридора и не успел я оглянуться, как уже был окружен четырьмя мрачными типами, чей вид говорил о том, что даже такой круглый идиот не уйдет отсюда безнаказанным.

Вспомнив совет Гарретта – не перегибать палку – я повел себя перед собравшимися преступниками более разумно, будто только что осознав, к чему может привести глупость вполне нормального человека. То обстоятельство, что гильдийцы приняли меня за обычного деревенского простофилю, сыграло мне на руку и не привело к серьезным последствиям. Не почувяв ничего подозрительного, преступники просто-напросто грубо вышвырнули меня на улицу. Скотившись вниз по ступенькам, я потопал своим путем, скроив на лице выражение, перенятое у Беппо – дескать, что с меня взять, коли я в стойле родился. Несколько прохожих, оказавшихся свидетелями происшедшего, только качали головами.

Повернув за угол и немного обождав, я стал высматривать дорогу к задней стороне трактира. Как и ожидалось, дверь черного входа была чуть-чуть приоткрыта. Тихонько проскочив внутрь, я вошел в маленькую кладовую. Гарретт сидел там на ящике, поджидая меня и странным образом ни о чем не беспокоясь. Поглядев на пол, я все понял, не удержавшись от злорадной улыбки. Парень, спустивший меня с лестницы, валялся без сознания возле ящика, а немного подальше еще один тип. Наверняка по этому этажу уже никто не шатался.

– Да, наделал ты тут звону. Помоги мне связать их.

Он бросил мне кожаный ремень. Мне прежде никогда не доводилось связывать людей, и Гарретт, со вздохом оглядев мою работу, переделал все по-новой.

– Их было четверо, – сказал я тихо, когда разглядел лежавших на полу трех охранников.

– Четвертый спустился вниз. Надо уносить отсюда ноги, прежде чем кто-нибудь хватится этой троицы.

Выйдя из кладовки, мы попали в просторную кухню. Там было пусто и огонь в печи не горел. Гарретт вел здесь себя как дома, направившись к левому выходу, он выводил в просто обустроенный маленький коридор со множеством проходов. Вор осторожно потянул за ручку массивной деревянной двери, оказавшейся наглухо запертой. Невозмутимо вытащив увесистую связку ключей, позаимствованную у одного из охранников, и начал пробовать открыть ими замок. Четвертый по счету ключ подошел и распахнувшаяся дверь открыла вид на уходящую вниз лестницу. Гарретт дал мне понять специальным жестом, вести себя тихо и оставаться позади него (мог бы и не напоминать, и так все было понятно). В голове не укладывалось, что все это проделывалось с целью спасения Крысюка, чтобы он смог при следующей встрече лишить меня жизни.

Я ждал в темноте лестничного пролета, пока вор бесшумно спускался вниз и проверял примыкающий коридор. Он пропал из моего поля зрения и через несколько секунд потушил горевший на стене факел. Я тихо пошел следом. В некотором отдалении раздавались чьи-то голоса.

Кажется, тут никто не ожидал вторжения – в коридоре не было охраны. Две двери вели налево, а в конце располагалось маленькое, отходившее под прямым углом помещение. Гарретт внезапно вынырнул рядом из тени, нагнав на меня страху. Коснувшись моего плеча, он велел оставаться на месте, и я в ожидании прижался к стене. Взяв первый ключ из связки охранника, он начал медленно и тихо проверять их. В конце концов замок с сильным щелчком открылся.

– Кто там? – послышался голос с другой стороны. Гарретт неподвижно замер около косяка. Шаги приблизились, дверь распахнулась и поток света выхватил из мрака большой кусок коридора, а заодно и мое укрытие. Стоявший на пороге стражник сразу же увидел меня и уже в бешенстве вытаскивал меч. Но эта атака сразу же захлебнулась, лишь только его голова высунулась из двери – дубинка Гарретта глухо стукнула мужчину по голове и вор тут же подхватил оседающее тело, предотвращая ненужный шум. Он уволок обезвреженного гильдийца в темноту, снова закрыв замок. После того как оглушенный и связанный собственными кожаными шнурками бандит остался на лестнице, Гарретт открыл дверь в конце и до меня дошло, зачем он вырубил охранника. Там находилось огромное помещение, а срединная стенка и еще две боковых делили его на четыре части. Здесь повсюду стояли игровые столы. Поскольку в этом нижнем помещении не было окон, лишь свет нескольких ламп да пара факелов рассеивали окружающий мрак. Отведенные под игры места находились под наблюдением охранников, несших вахту в находившемся рядом специальном караульном помещении с большим оконным проемом без стекла. Сейчас оно пустовало, так что мы смогли беспрепятственно проникнуть внутрь. В это время в казино никого не было, за исключением еще одного охранника, со скучающим видом обходившим по кругу срединную стенку. В темноте у выхода мы дождались, покуда он не скроется на другой стороне, а потом, устремившись следом за гильдийцем, тихо свернули за угол. Тут стояли несколько столов для игры в рулетку и располагались другие караульные помещения (пока что пустые). Гарретт быстро толкнул меня под ближайший стол и сам скользнул в тень у стены. Скорчившись, я вел себя тише воды ниже травы, прислушиваясь к приближающимся шагам охранника. Вот уже показались его ноги, когда он проходил мимо моего убежища. Удивительное дело – я совершенно не волновался, а ведь всего несколько дней назад трясся бы от испуга. Приятные, хотя и совсем не случайные перемены в характере. Тем не менее мне было пока не под силу сразиться с опытным тренированным противником, поэтому я чувствовал себя в обманчивой безопасности. Но присутствие Гарретта сильно успокаивало.

Словно в подтверждение моих мыслей лихой джентльмен удачи, охнув, осел на пол, а потом его тело бросили прямо под мой стол. Я помог Гарретту, связыв оглушенного, вывести из сегодняшней игры, а затем мы продолжили путь уже

через совсем опустевшее казино. Гаррет ненадолго заскочил в караулку (поскольку знал, что там находится определенная часть выручки после удачных игр). Не став возиться с замком, он махнул через низкую перегородку и вернулся тем же путем назад, явно довольный содержимым вынутаго из потайного ящика кошелька.

Пересекая эту часть комнаты, он остановился у притулившейся в углу и казавшейся сломанной рулетки. Я хотел спросить, где же вход в Гильдию, но на мой шепот он отрицательно замотал головой, прислушиваясь к чему-то. Странно, здесь не было ничего кроме голых стен и старого стола. Но вот его рука рассеянно коснулась механизма рулетки, а потом энергично крутанула колесо. Оно завращалось с оглушительным треском, красные и черные цифры слились в один пестрый вихрь. „Неудивительно, что эту рулетку списали“ – мелькнула мысль у меня в голове и тут прямо перед глазами кусок стены отъехал в сторону. От страха и неожиданности я чуть было не свалился в открывшийся узкий, ведущий вниз ход. Гарретт толкнул меня туда (это вряд ли помогло сохранить равновесие) и потайная дверь закрылась у нас за спиной.

Теперь волей судьбы я оказался в погребах и протекающих под зданием канализационных каналах. Мой спутник передвигался весьма осторожно, уже одно это служило предупреждением. Я остался без всяких предупреждений ждать в проходе, пока Гарретт проверял помещение в конце, исчезнув из поля зрения. Тяжелые шаги возвестили о приближении нового охранника. Я съезжился в углу, считая секунды. Шаги все приближались, их звук уже совсем отчетливо раздавался в проходе, и внезапно затихли. Спустя несколько мгновений вор знаком поманил меня вниз. Я очутился в огромном погребе, состоявшем из малых и больших отделений. Голые стены из красного кирпича смыкались с полом из светлых каменных плит. Тут было бесчисленное множество проходов, дверей и встроенных в стены тяжелых металлических люков, снабженных мощными запирающими механизмами. Абсолютно не ориентируясь во всей это путанице, я шел за Гарреттом, который быстро и практически беззвучно двигался по подвалу.

Освещение было довольно ярким и спрятаться не представлялось возможным – как это сделать в абсолютно пустой комнате? Вор, несомненно, точно знал, куда надо идти, но его осторожность от этого не уменьшилась. Я держался рядом, отказавшись от разговоров и стараясь ступать так же тихо, как он (что, само собой, не удавалось). Возле некоторых проходов он замирал, прислушиваясь, прежде чем быстрым шагом направиться туда.

Перед одним узким дверным проемом он вдруг резко остановился и одна его рука попятнулась за дубинкой, в то время как другой он отпихнул меня к стене. Я лихорадочно искал укрытие, но здесь невозможно было укрыться ни мне, ни ему. Теперь уже были слышны поспешно приближающиеся шаги. Гарретт вжался в стену возле прохода – с поднятой дубинкой, готовый в любой момент ударить. Видя его сосредоточенное лицо, я представлял, какими могут быть последствия, если удар окажется неточным и охранник побежит за подмогой. Здесь нам ни как не уйти от стаи разъяренных гильдийцев.

Кто-то подошел совсем близко, но шаги звучали странно – они были слишком легкими для вооруженного человека. Затаив дыхание, я замер у стены. Мальчишка примерно моего возраста вышел из прохода, не заметив нас. Мелькнула дубинка и парень кулем свалился на пол. Гарретт поспешно отнес бессознательное тело в маленькое помещение рядом, спрятав его за несколькими пустыми ящиками, затем, оценивающе оглядев меня, буркнул: „Должно быть в пору“. С этими словами он стащил с юного гильдийца его темную жилетку и серый капюшон и протянул вещи мне (попутно сорвав с пальца мальчишки кольцо). Теряясь в догадках, к чему это все, и не задавая никаких вопросов, я напялил на себя воровскую одежду. Жилет подошел превосходно, темно-серый капюшон пришлось низко надвинуть на лоб, а плащ надеть сверху. Гарретт протянул мне снятое кольцо – на нем был тот же символ, что и на перстне трупа из Катакомб. Побрякушка с трудом налезла на палец, потому что оказалась мне мала.

Вооружение парнишки состояло из обычного кинжала и дубинки, очень похожей на гарреттову. По настоянию вора я прицепил ее к поясу. Оглядев меня, он ухмыльнулся. Подойдя к проходу и проверив, нет ли кого поблизости, Гарретт тихо сказал:

– Тебе нужно кое-что узнать про гильдийцев. Подобно братьям твоего Ордена они берут себе учеников. Этот малый – как раз один из них. Если проявишь достаточно сноровки, то сойдешь за своего. Кольцо на пальце также будет свидетельствовать об этом. Если возникнут какие-нибудь непонятки, покажи его и скажи, что ты новичок. У гильдийцев нет какой-то определенной формы одежды, но большинство носят такие же шмотки как этот паренек. Поэтому достовернее ты бы выглядел именно в его платье, но вообще-то плащ снимать не обязательно.

У меня возникло неприятное подозрение, что Гарретт устроил весь этот маскарад в качестве нового отвлекающего приема. Я сегодня и так уже достаточно искушал судьбу, придурясь перед мокрушниками, и потом там, наверху в Городе, был хотя бы какой-никакой путь для бегства. А здесь вообще не на что рассчитывать, если меня раскроют. Тот мужик, мимо которого пришлось проскочить у парадной двери, наверняка узнает мое лицо, не говоря уже о Крысомордом и компании.

Молча прислушивающийся к чему-то Гарретт тихонько толкнул меня за ящики. Охранник пересек помещение, скрывшись в лабиринте ходов и кладовых. Спутник мой пождал, пока шаги затихнут, и сказал:

– Гильдией управляют два главаря. Один из них Ройбен, второго звать Донэл, и оба – весьма малоприятные ребята. Дом Донэла, через который мы проникли сюда, находится на юге, совсем близко к поместью Властителя Фэнси. Ройбен живет в северной части, чтобы попасть к нему, нужно миновать все эти погребя, а потом еще довольно долго пробираться по каналам. Гильдия делится на две части и жилища ее членов располагаются в подвалах возле домов их господ.

Гарретт поднялся на ноги.

– А разве мы его не свяжем? – спросил я.

– Когда паренек очнется и обнаружит, что полураздет и кольцо его пропало, то сначала обдумает, стоит ли сразу звать на помощь. Ведь в этом случае над ним весь день будут потешаться. К тому же, когда он придет в сознание (а произойдет это весьма скоро), мы удалимся на достаточное расстояние.

Осторожно миновав дверь, мы продолжили путь. Немножко попетляв по погребам, Гарретт открыл большой люк. Мы вышли к длинному, источавшему малоприятные ароматы каналу.

– Поосторожнее, – предупредил вор. – Тут, знаешь ли, пауки водятся.

Само собой он имел в виду не ту обычную мелочь, что обычно снует под ногами в подобных местечках. Я слышал, что Обманщик создал тварей величиной со взрослую собаку. В общем-то они не представляли большой опасности, потому что были очень редки, прятались в пещерах или темных норах в диких местах и пожирали всякую мелкую живность. Однако в последние годы гигантские паучищи сильно расплодились в городской канализации и (как нам не без злорадства поведал Беппо) время от времени лакомились домашним питомцем какого-нибудь чванливого аристократа. Хотя все имеет свои преимущества – по крайней мере горожане заметили, что количество крыс значительно снизилось. Еще Беппо болтал, будто особые виды пауков обладают слабой Магией и могут убивать, стреляя в своего обидчика сгустками чистой энергии. Вот в это я никак не мог поверить – фантазия у старика иногда зашкаливала. Но лучше уж сейчас повстречаться с целой стаей крыс чем с одним-единственным паучищем.

Напряженно всматриваясь в темноту у бортика канала, вдоль которого мы сейчас двигались, я прислушивался к каждому звуку. Темной вонючей протоке не было конца. Я благодарно перевел дух, когда Гарретт наконец остановился перед массивным люком. Чуть-чуть приоткрыв заслонку, вор навалился на нее всем телом, прислушиваясь к звукам на другой стороне.

Мы опять пришли в погребя, абсолютно такие же, как и на южной стороне канала. Здесь было довольно темно и мне удалось немного передохнуть, пока Гарретт как можно тише снова закрывал люк. Инстинктивно забившись в угол, я наблюдал за дальнейшим поведением вора, как вдруг ледяной поток воздуха пронесся у меня над головой. Гарретт уже хотел выйти из спасительной темноты, чтобы подняться по ведущему влево и чуть

вверх проходу. Тут я схватил его за руку, с силой потянув назад. По выражению его лица мне стало понятно, что выгляжу я по-настоящему испуганным. Вор застыл без движения.

Что-то находилось рядом с нами, я это чувствовал. Нечто беспощадно-холодное, гораздо холоднее трескучего зимнего мороза. И оно медленно приближалось.

Я изо всех сил удерживался от того, чтобы не закричать и не ринуться сломя голову куда глаза глядят, как это было в том сне. Ноги словно приросли к полу, дыхание остановилось, рука уперлась в холодные камни. Вор слился с тенями так, как мог это делать только он. Если бы я все еще судорожно не цеплялся за рукав Гарретта, то мог бы запросто удариться в панику, подумав, что он бросил меня.

Сейчас Нечто должно было находиться как раз перед нами, но комната выглядела абсолютно пустой. Не раздавалось ни единого звука, кроме падающей с потолка воды в одном из проходов. Холод стал нестерпимым. Неопределенная, жуткая угроза исходила из пустоты, и я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом.

Внезапно это замерло прямо передо мной. Сердце словно остановилось – мне показалось, что оно обнаружило нас. Но затем я почувствовал, как сковывающие ледяные объятия слабеют, ощущение угрозы начало таять и в конце концов пропало.

Переведя дух, я на несколько секунд закрыл глаза, лишь теперь заметив, с какой силой вцепился в руку Гарретта. Тут же выпустив ее, я поглядел извиняющимся взглядом на вышедшего из теней Гарретта.

– Что произошло? – тихо спросил он.

– Разве Вы не почувствовали холод? – ошарашенно прошептал я.

Вор покачал головой, глядя на меня со смешанным выражением озабоченности и интереса.

– Я видел лишь твою реакцию, но *чем* она была вызвана, не имею понятия.

– Кто-то... что-то прошло рядом, вон там. Нечто неопишимо холодное и... угрожающее.

– Нам надо торопиться.

В первый момент нашего осторожного подъема по проходу я пытался молить Гарретта о возвращении, затем опять взял себя в руки. Все убежать от этой твари никак не удастся, но, оказывается, от нее можно спрятаться. Итак, нам нужно первыми разыскать Крысюка и дать ему скрыться. Возможно, жуткий призрак ушел, не сумев в положенное время заполнить свою следующую жертву.

22

Я отчетливо сознавал, насколько малы шансы своевременно предупредить Крысью Морду об опасности. Монстр совершенно спокойно шлялся по всем здешним помещениям, при этом никто его не замечал и не оказывал какого-либо сопротивления (чего нельзя было сказать о нас). Но если он был невидим для всех, то почему я мог ощущать его, причем даже на некотором расстоянии? А если Гарретт ничего не чувствовал, то как он защитит меня от чудовища? Тогда именно ему, а не мне, грозит большая опасность. Мы ни в коем случае не должны находиться порознь. Дурнота подкатывала к горлу, когда я представлял себе невыносимо страшную картину своего нового сна – мертвенно-бледное лицо Гарретта с глядящими в упор и ничего не видящими глазами.

Моего же спутника не грызла подобная забота, он находился в своей среде. Он сосредоточенно выглядывал из-за угла, когда мы достигли конца прохода и подошли к просторному помещению. Его патрулировали двое охранников. Гарретт жестом запретил следовать за ним. Мне не хотелось оставлять его без защиты, пусть даже он удалялся всего на несколько метров. Однако рассудок подсказывал мне, что не Гарретт сейчас был целью нашего противника и незачем было лишний раз мешать ему действовать, ведь я и без того все время крутился под ногами. Поэтому я просто ждал, пока вор на свой обычный манер не сделает проход через помещение безопасным.

Через низкую дверь мы прошли в мрачный узкий проход, ведущий к другим кладовым. Вор быстро втянул меня с освещенного участка в темную стенную нишу. Я тут же почувствовал, что недавно проскользнувший мимо фантом сейчас здесь. Комнаты казались давно покинутыми и холодными, хотя они были ярко освещены и протоплены, а в камине возле входа потрескивал огонь. Я же, трясаясь от холода, снова ухватил гарреттову руку. Он все понял без слов и обернулся.

– Оно здесь? – прошептал Гарретт.

– Было недавно, но мне кажется, что оно ушло отсюда.

– Тогда это означает, что ему либо не удалось найти искомое...

„... либо оно уже управилось с делами“ – мысленно завершил я предложение. Должно быть, мы сейчас находились в квартирах ройбеновских молодцов. Это оказался невероятно огромный комплекс разных подвальных комнат, более-менее освещенный факелами. Большинство помещений отапливалось каминами, возле которых находились лежанки гильдийцев, зачастую состоявшие из пары одеял или шкур. Попадались также полки сундуки, один-другой ветхий расшатанный стул, но роскошными эти апартаменты назвать было нельзя. В квартирах стояла тишина – многие молодчики отдыхали, готовясь к работе в ночную смену. Кое-где одиночные охранники без особого воодушевления несли свою вахту. Даже для меня не составило особого труда проскользнуть мимо незамеченным вслед за Гарреттом, который явно не искал здесь Крысюка. Спустя немного времени я понял почему – кладовые остались позади и началась другая часть погреба. Тут уже жили с намного большим шиком – повсюду стояли кровати, шкафы и резные сундуки, некоторые члены Гильдии в одиночку занимали целую комнату.*и тут тоже классовое неравенство Мой вопросительный взгляд не ускользнул от вора, когда мы, притаившись в углу, высматривали, сколько охранников здесь патруливали .

– Тут, видишь ли, спят „особо одаренные“ ройбеновские ребята, – шепнул он, скорчив кислую мину, предельно четко выразившее его отношение к этим самым талантам. – Те, другие квартиры, для обычных карманников и учеников.

Почуввав в некотором отдалении чье-то незримое присутствие, я снова вздрогнул. Гарретт, конечно же, это заметил. Беззаботно насвистывающий охранник протопал мимо, пропав за поворотом длинного коридора, кроме этого ничто не нарушало тишины. Постепенно перестав ощущать холод, я снова немного расслабился и прошептал:

– Ушло.

На лице вора читалась сосредоточенность, когда он кивнул в ответ на мой шепот, наблюдая за маршрутом охранника. Тот, очевидно, совершал полный круг, потому что его свист снова раздался из того же направления. Скучно освещенный факелами коридор имел квадратную форму, по обеим его сторонам располагались многочисленные комнаты с тяжелыми дверями из темного дерева. Гарретт оценивающе разглядывал гладкий плитчатый пол. Мне хватило приобретенных знаний, чтобы классифицировать его как „шумный“. Это означало невозможность попытки быстро и бесшумно подкрасться по такому полу к кому-то сзади. Гарретт должен был вывести охранника из игры каким-то иным способом.

– Я мог бы его отвлечь... – услышал я свой собственный голос и тут же поспешно прикусил язык. Слишком поздно – Гарретт взглядом одобрил такую идею. Поскольку пути назад не было, я твердо решил хотя бы сохранять присутствие духа, встав посреди коридора с дверями квартир привелигированных воров, пытаюсь унять дрожь в коленях и сделав растерянное лицо. Вывернувшийся из-за угла и едва не сбивший меня с ног охранник страшно перепугался от неожиданности.

– Какого черта... Чего ты тут потерял?

– П-прошу прощения, господин, – заикаясь, промямлил я, пятясь ко входу в коридор, прямо мимо гарреттова укрытия. – Я здесь новичок, а все проходы такие одинаковые...

Гильдиец внимательно рассматривал меня, его взгляд скользнул по кольцу на руке. Наконец он нашел мой вид слишком наивным для недобрых замыслов и уже более дружелюбно спросил:

– А куда тебе надо?

– Я из людей Донэла, господин, вот заблудился, потому что никогда тут не был... а возле канала сидели гигантские пауки и я просто помчался от них сломя голову...

Что-то чрезвычайно медленно шевельнулось в тенях позади гильдийца, мне пришлось сконцентрироваться, чтобы не смотреть мимо него и не вызвать подозрения. Мужчина начал уже что-то объяснять, когда дубинка огрела его точно по макушке и охранник опрокинулся прямо на меня. Рефлективно подхватив тело, я не удержал его веса и бухнулся на колени. Тут на помощь подоспел криво ухмыляющийся Гарретт и оттащил охранника в тот самый угол, где до этого прятались мы.левой рукой он быстро освободил гильдийца от всех его ценностей, потом по его знаку я двинулся по коридору. Вор стоял возле каждой двери, прислушиваясь, прежде чем открыть ее и осторожно заглянуть внутрь. В некоторых комнатах мертвым сном спали в своих кроватях джентльмены удачи, другие были пустыми (а после нашего посещения опустеют еще больше, потому что Гарретт мимоходом заботился о денежных средствах на будущие дни – он забирал всякие мелкие и легкие вещицы, потому что не было времени возиться с громадными сундуками, чьи тяжелые замки не являлись помехой для вора, а лишь разжигали в нем азарт).

Крысюка нигде было не видать. Обыскав почти весь коридор, мы наткнулись на одну крепко запертую дверь. Многозначительный взгляд Гарретта объяснил мне, что сейчас начнется работа по взлому замка. Я внимательно оглядывал коридор, чутко прислушиваясь к каждому движению вокруг. После знакомого шелканья дверь поддалась и мы вошли в комнату. Там никого не оказалось, лишь на стуле висел плащ Крысюка. Он в одиночку занимал целую комнату – то ли из-за большего удобства, то ли из-за вороватых манер нежелательных соседей. А может, и то и другое, не знаю. Итак, Крысорожий был владельцем кровати, стула, маленького столика и тяжелого деревянного сундука с металлическими набойками. * луйдоров и пиастров звон Гарретт открыл его меньше чем за минуту, но взгляд его стал разочарованным, когда он поднял крышку и заглянул внутрь. Оружие, пара предметов одежды и никаких следов пропавшего артефакта из склепа. Пока он копался в сундуке, я беспокоило переминался с ноги на ногу, прислушиваясь к звукам в коридоре.

На одной из плит пола валялся показавшийся странно знакомым свиток. Это была карта, точно такая же как у того мертвого гильдийца в Катакомбах. Изображала же она во всех деталях гробницу братьев моего Ордена, сбоку еще что-то нацарапал Крысюк. Мне понадобилась уйма времени, чтобы разобрать эти каракули (от красоты почерка бандюги волосы становились дыбом), но потом удалось прочитать какое-то имя – „Азаран“. На расшифровку остального сейчас не было времени, поэтому я сложил пергамент и спрятал в карман. Основательно обыскавший сундук Гарретт обернулся ко мне.

– Он не настолько глуп, чтобы прятать артефакт здесь.

Когда он поднялся с пола, то носком сапога зацепил одну из бутылочек со святой водой из крысюковского арсенала и она подкатилась мне под ноги. Я машинально нагнулся, чтобы подобрать маленький сосуд. Мне показалось, что на долю секунды что-то мягко блеснуло под столом, вздохнув, я полез туда. Стена там лишь на первый взгляд казалась прочной – многие камни давно расшатались и в зависимости от угла зрения сквозь тонкие щели можно было различить золотой блеск. Так и сяк я пытался расшатать камни, как вдруг рука Гарретта предупреждающе коснулась плеча. По его взгляду стало понятно, что Крысомордый наверняка предпринял кое-какие меры для защиты своих богатств.

Я уступил вору место, тот отодвинул стол и тщательно изучил стену. Пробормотав „Нет времени на вс эту чушь...“, он за рукав оттащил меня на другую сторону комнаты. Потом наложил стрелу на тетиву лука и пустил ее прямо в расшатанные камни. Стрела громко ударила о стену и за ней что-то громко шелкнуло. Услышав столь знакомое шипение газовой мины, я поспешно задержал дыхание. Слабое жжение в глазах дало понять, что мы имеем дело с каким-то агрессивным газом, вроде того, от которого мы убегали из гробницы. Но сейчас стена находилась довольно далеко от нас, поэтому не было риска отравиться. Мы ждали, пока рассеется едкий запах и тогда Гарретт снова

выстрелил в тайник Крысюка. Ничего не произошло, только один из камней с шумом грохнулся на пол и я оцепенел от страха. Показался маленький металлический ящик, спрятанный в стенной нише. Гарретт вытащил его и поставил на стол, велел мне отойти на безопасное расстояние, и быстрым движением кинжала откинул крышку.

Крысюку не пришло в голову подстроить еще одну ловушку. Внутри лежали несколько украшений, некогда принадлежавшие какой-то очень богатой, высокопоставленной даме и теперь уже во второй раз менявшие владельца, а также маленький крепко завязанный кошель из грубой льняной ткани. Гарретт без всяких колебаний разрезал завязки и наружу выпал медальон или нечто сильно на него похожее. Его форма в точности повторяла выломанную из орнамента саркофага деталь. Прежде чем предмет скрылся в кармане Гарретта, я успел разглядеть украшавший его символ, так часто встречавшийся нам в последнее время при крайне неприятных обстоятельствах.

Вор прислушался возле двери и тихо отворил ее. Мы направились по коридору в том же направлении, откуда пришли, как вдруг послышались звуки приближающихся шагов нескольких человек. Следом за Гарреттом я быстро юркнул за ближайшую дверь, которая тут же была заперта. Комнату, слабо озаряемую единственной свечкой, наполнял раскатистый храп, доносившийся из одной койки. Я молился о мирном, лишенном кошмаров сне ее владельца. Снаружи голоса стали громче, Гарретт ловил каждое слово доносившихся снаружи разговоров. Я тоже приложил ухо к двери и сразу узнал отвратные итонации крысючьего голоса. С одной стороны это принесло облегчение – бандит до сих пор был невредим, с другой беспокоило то, что меня от него отделяла сейчас только дверь. Как нам удастся убедить Крысюка укрыться в безопасном месте, оставалось для меня полнейшей загадкой. Но почему-то казалось, что Гарретт не собирается спрашивать у него на это разрешения.

В коридоре одновременно беседовали два или три мужчины. Поначалу было совсем ничего не разобрать, потому что гильдийцы говорили наперебой. Потом Крысья Морда, давась от злости, пообещал разобраться с проблемой и добыть книгу. Очевидно, та самая „проблема“ сейчас стояла рядом со мной, внимательно слушая разговор с насмешливой ухмылкой на лице.

Властный низкий голос произнес, что дела не должны были зайти так далеко. Что Крысюк вел себя как зеленый юнец и теперь стал посмешищем для всей Гильдии. Поскольку Крысорожий в ответ на эти слова не взорвался, а промолчал, то это означало лишь одно – головорез имел честь беседовать с кем-то гораздо выше его по воровскому рангу. * с воров в законе, разумеется Но я хорошо представлял себе, как у него внутри все клокочет от ярости. Голоса удалились в направлении крысюковской комнаты и мне было прекрасно известно, что они собирались там найти и насколько бесполезны их поиски. Сейчас здесь начнется настоящий ад, а нам даже негде спрятаться. Гарретту это тоже было ясно, он отскочил от двери и приблизился к спящему. Дубинка свистнула, оборвав храп безмятежно дрыхнувшего в своей кровати гильдийца. Теперь ему уже не проснуться во время заварушки. Вор знаком поманил меня :

– Залезай под одеяло!

Я вытаращил глаза – спятил он что ли? Но взгляд Гарретта не допускал никаких возражений. Пришлось отпихнуть оглушенного к стене и лечь в его койку, сразу же захотелось зажать нос – от гильдийца не слишком приятно пахло. * постельная сцена В этот момент где-то раздался бешеный вопль. Гарретт накрыл меня одеялом, а сам исчез в темноте возле входа. В коридоре поднялся настоящий гвалт, потом целый отряд гильдийцев затопал по гладкому полу, загремели отворяемые двери, через секунду наша тоже с треском распахнулась. Сев, я полуприкрыл лицо одеялом и смотрел на крысюковского подельника Лестера, выпученными глазами осматривавшего полутемную комнату.

– Эй, подымайся, у нас тут незваные гости! – крикнул он мне.

Притворяясь ничего не соображающим после сна, я зашевелился, якобы вставая. Лестеру этого вполне хватило – он повернулся и помчался дальше. Дверь закрылась и рядом в полутьме мелькнула ироничная физиономия Гарретта. Я поспешно вылез из

кровати – куда угодно, лишь бы подальше от этого парня. Мой спутник опять прислушивался к звукам снаружи.

Кажется, Крысюк и мужчина с властным голосом все еще находились в комнате с тайником, мы слышали их яростный приглушенный спор. Я во все глаза глядел на Гарретта – может, у него правда не все дома? Мы что, так и останемся здесь? Заметив мой взгляд, он тихо сказал:

– Ройбен не будет все время там находиться. Когда он останется один, мы его схватим. Вообще-то это даже на руку – вся Гильдия ринулась на наши поиски, а здесь вполне безопасно.

Итак, тот мужчина оказался одним из главарей преступного мира Города, этим объяснялась странная вежливость Крысюка. Я слышал, как Ройбен разом оборвал словоизлияния головореза коротким гневным вскриком:

– Господин мой, ничего не желаю больше слушать. Я хочу, чтобы Вы его убили и хочу заполучить артефакты. И не возвращайтесь, пока не исполните мой приказ, иначе сильно пожалеете об этом.

Я испуганно поглядел на Гарретта, тот лишь сморщился:

– Каждый раз одна и та же песня.

В этот момент меня охватил смертельный холод и я с ужасом понял, что мы опоздали. Гарретт, заметив выражение моего лица, мгновенно посерьезнел. Быстрым бесшумным движением он потушил свечу, оттолкнув меня прочь от двери, в темноту. Фитилек предательски тлел несколько секунд, потом пропал и этот последний отсвет, а вокруг сгустились спасительные тени. Вор отвел меня в дальний конец комнаты и я, парализованный страхом и неспособный от него освободиться, скорчился в углу. Мой спутник замер рядом, словно часовой, край его плаща скользнул мне по ноге. Без всякого света было ясно, что он держал наготове свое оружие. Однако, как бы я не боялся, все равно понимал – опасность мне сейчас не грозит и не меня должен защищать Гарретт. Я знал, куда направлялась тварь, чувствовал, как она неотвратимо приближается к Крысюку.

То, что случилось потом, трудно описать словами. Если до этого я продрог как никогда в жизни, то теперь холод резко и поистине чудовищно усилился. Мне даже казалось, что все застыло – биение сердца, воздух, само время остановилось. Откуда-то из невероятной дали доносился чей-то панический, все никак не прекращающийся крик. То был не голос Крысюка и я знал, *почему* он молчал, ощущая словно во сне подступившую вплотную мертвящую леденую волну. Терпеть стало просто невозможно, мое безвольное тело опустилось на пол, а пронзительные крики растаяли в пустоте.

Передо мной стоял Крысюк. Он не открывал дверь и не зажигал свет, однако я его отлично видел. Его глаза уставились на меня, но в то же время казались абсолютно слепыми. Черты лица ничего не выражали. Потом без всяких слов он двинулся ко мне. Я отводил взгляд от раны на его груди, отчаянно пытаюсь отодвинуться, но по-прежнему сидел скорчившись в углу и мне некуда было ускользнуть. Я закричал, когда он приблизился вплотную, а Крысомордый просто прошел насквозь. Сумасшедшие картины, мешанина из разрозненных воспоминаний и обрывков сновидений переполняли меня и где-то там маячила тень, некий облик, как будто бы знакомый и ускользавший от меня. Я пытался настичь, схватить его, но он исчез, а вместе с ним и Крысюк. Холод сдавил легкие и тут я ощутил угрозу, вскочил и понесся без оглядки. Вокруг не было ничего кроме тьмы, ни стены, ни двери не препятствовали моему сумасшедшему бегству. Не оглядываясь, я все мчался и мчался – задыхающийся, переполненный страхом, а потом упал и падение это все никак не прекращалось...

Мне каким-то образом удалось снова прийти в себя. Гарретт склонился надо мной и хотя я не мог видеть в темноте лица, но знал, что это он. Все было позади. Над бесчисленными комнатами-убежищами нависла гнетущая тишина.

Я чувствовал, что весь промок от пота и лежал распростершись посреди пола. Гарретту, видимо, пришлось вытащить меня из угла. Я неуверенно приподнялся, услышав озабоченность в голосе вора, когда он тихо спросил:

– Тебе лучше?

– Да, – шевельнулись мои губы, а сам я все не мог унять дрожь, с облегчением понимая, что мерзну из-за мокрой от пота одежды. То, что незримо находилось здесь, исчезло без следа.

– Как тихо... – сказал я.

Он ответил не сразу. Спустя пару минут Гарретт вымолвил приглушенным голосом:

– Ройбен со своим телохранителем должны были все это видеть воочию. Он орал как резаный.

– Я слышал...

– Думаю, теперь они не доверяют этому месту – все в панике покинули убежище. Нельзя упускать такой шанс.

Я согласно кивнул. Разумеется, он стал бы для ошалевших от страха гильдийцев превосходным козлом отпущения, застань они нас здесь. Хотя в душе почтенные джентльмены удачи сознавали, что Гарретт не мог ни подстроить, ни совершить это убийство, но тем не менее с удовольствием отправили бы его к праотцам.

Вор приоткрыл дверь и свет, до сих пор робко проникавший во мрак комнаты, сейчас широкой полосой озарил пол, ослепляя глаза, так что даже пришлось их сощурить. Снаружи было тихо как в могиле.

Мне с трудом удалось подняться на ноги. Гарретт беззвучно отворил дверь настежь, взглядываясь в коридор, потом вопросительно обернулся ко мне.

– Ты все еще чувствуешь холод? – прошептал он. Я отрицательно покачал головой.

Прямо по коридору он проскользнул к двери в комнату Крысюку, а мне не оставалось ничего другого, как беспомощно топтать за ним. Я увидел, как вор остановился в проходе, с непроницаемым выражением на лице заглядывая внутрь, поневоле пришлось к нему приблизиться. Уже знакомое отсутствие эмоций у Гарретта должно было подготовить меня к открывшейся перед нами картине. Однако я все равно испытал шок от увиденной сцены.

Здесь побывала та же злая сила, что расправилась с Гунтером, только в этот раз на полу лежало тело Крысюка, его мертвые глаза незряче глядели в пустоту, а комната вся была залита кровью бандита. Я пытался не замечать разливавшийся в спертом воздухе тошнотворный металлический запах. Перевернутый стол открывал тайник, развороченный то ли незримым монстром, то ли самим Крысомордым. С трудом мне удалось отвести взгляд, чтобы не видеть застывших черт лица гильдийца, не успевшего достать свое оружие. Я ненавидел и боялся этого типа, но теперь испытывал к нему жалость и корил себя за то, что ничего не смог сделать.

Гарретта подобная сцена тоже не оставила равнодушным, хотя он никак этого не показывал (или *потому что* он никак этого не показывал). Казалось, он старается запечатлеть ужасную картину в памяти, затем наморщил лоб и я проследил за его взглядом. На полу отпечатались кровавые следы, большинство оставили люди, без сомнения Ройбен и его телохранитель, они вели к выходу. Но был и третий – слабый, резко отличавшийся от других след. Некто невозмутимо подошел к тайнику Крысюка и затем покинул помещение. По этому следу, начинавшемуся возле трупа бандита, трудно было о чем-либо точно судить, но скорее всего его оставил мужчина. Не было никаких свидетельств того, что этот третий вошел в комнату, когда пол уже заливала кровь.

Между тем Гарретт через увеличительное стекло сосредоточенно разглядывал величину и форму загадочных отпечатков, не пропуская ни одного из них. * вот как хотите, а в воздухе пахнет детективом Гарретом из славного города Танфера Наблюдая за его работой и прислушиваясь, я ломал голову над загадками: почему в этот раз загадочный убийца оставил следы и с какой стати Крысюк снова появился в моем видении? Отдаленный тихий шум возвестил о возвращении стражи и прервал ход моих мыслей, а Гарретт, уже давно все услышав, быстро шел к двери. Возбужденные голоса и торопливые шаги нескольких мужчин между тем приближались. Мы миновали почти половину пути по коридору, когда мой спутник вдруг снова нырнул вместе со мной в одну из боковых дверей. Там точно никого не было – все гильдийцы кинулись искать лазутчиков и очень скоро их внимание привлекут

бренные останки Крысорожего. Повезло, что Ройбен вместе с телохранителем видел случившийся кошмар – поскольку нас не обнаружили, то гильдийцы, возможно, не сразу догадаются, что ограбление и убийство не связаны друг с другом. Может быть, они поймут, что имеют дело с противником гораздо опаснее Гарретта и из осторожности замнут эту историю.

Несколько человек торопливо протопали по коридору мимо нашей двери. Гарретт не мешкал – осторожно выглянув наружу, он поспешно выскользнул из убежища. Мы без всяких помех шли по воровским квартирам – теперь подвальный комплекс совсем обезлюдел. Мой провожатый не повел меня обратно тем же путем, а углубился в сводящий с ума лабиринт проходов и кладовых, в которых нам никто не встретился. Когда в конце концов мне начало казаться, что выбраться отсюда уже не удастся, Гарретт остановился. Испытующе глядя на меня, он тихо сказал:

– Сумеешь объяснить вон тем ребятам, что на совести призрачного убийцы теперь еще одна жертва? – и указал на проход впереди.

Я даже ощутил как побледнел со страху, исподтишка разглядывая двух типов весьма отталкивающей внешности, стороживших дверь. Уже один вес их впечатляющего вида оружия мог сломать меня пополам, при этом физиономия одного из них была густо украшена рубцами, а у другого весьма забавно и абсолютно бесконтрольно дергался глаз. Думаю, Гарретт многое понял из моего взгляда.

– Нам повезло, их обычно четверо, – невозмутимо продолжал вор. Ни черта он не понял и уж на этот раз я решил сопротивляться. Ни за что в жизни не пойду туда, и весь сказ! * воля Мастера закон для ученика вообще–то Если надо, буду упираться руками и ногами! Плевать, что он на это скажет или каким взглядом посмотрит. Я открыл рот, собираясь произнести что-то вроде: „Ну уж нет, мне пока жить не надоело“. Его взгляд стал выжидающе-вопросительным. „Скажи «Нет!»“ – нашептывал мне рассудок. „Ты полная тряпка, если пойдешь туда. Скажи наконец «Нет!»“.

В глазах вора замерцала знакомая, пока еще не коснувшаяся губ насмешка. Заранее поди знал, что я сдрейфлю. А зачем тогда спрашивает, черт возьми?! Я в бешенстве прошипел:

– Раз надо, значит сделаю!

А он пусть потом собирает с пола мои потроха! Но ухмылка никуда не испарилась – наоборот, становилась тем насмешливее, чем сильнее разрасталось мое негодование. Презрительно фыркнув, я сорвался с места и уже пробегая через дверь осознал, что собственно собираюсь сейчас проделать. „Я же говорил, скажи ему «Нет!»“ – прозвучал в голове слабый голосок рассудка, прежде чем меня охватила паника. Но пути назад не было – оба охранника со смесью удивления и недоверия вытаращились на мчащегося прямо к ним олуха. Их руки сами собой потянулись за оружием. Уверен, что на моей физиономии в этот момент был написан настоящий ужас, но причиной для него служило не очередное нападение ледящего монстра, а как раз эти самые парни. Весь дрожа, я остановился перед, и бормоча какую-то белиберду, показывал назад.

– Ты кто и чего тебе нужно? – навис надо мной охранник с дергающимся глазом.

– У-ученик... Донэл... Там, в комнате, убийство... – дрожащим пальцем я указал за спину.

– Убийство?

– Там все... в крови... – выдавил я.

Наверное у меня был действительно впечатляюще-испуганный вид – они мгновенно поверили моим словам. Когда громилы с мечами наголо пронесли мимо, я немного постоял, чтобы унять дрожь в коленях. На плечо тяжело опустилась чья-то рука. Я судорожно крутанулся, готовый изо всех своих жалких силенок защищаться. Гарретт коротко кивнул мне и занялся дверью. Он копался с замком дольше обычного, но в конце концов она поддалась. Втянув меня внутрь, вор принял в этот раз некоторые меры предосторожности – снова запер дверь, а потом мы очутились в плохо освещенном подвале. Он выглядел иначе, чем тот кирпичный погреб, через который пришлось пробираться в самом начале – стены из серого бутового камня, вымощенный темными

плитами пол. Здесь размещались несколько расположенных рядом друг с другом кладовых, которые разделяли решетчатые двери, а напротив прохода, через который мы вошли, находился коридор.

– Ну, и куда они все подевались? – пробормотал Гарретт себе под нос. Погреба казались покинутыми – всюду царила абсолютная тишина. Я осторожно шел следом по полу с там и тут чуть выпирающими булыжниками. Вор подал знак – жди, и заглянул в проход. Я послушно прислонился к стене с дверью-решеткой, напряженно вслушиваясь в тишину – ни единого шороха. Гарретт пропал в полутьме коридора.

Внезапно рядом раздался слабый, странный шум. Сначала я подумал, что поблизости бегают крысы, но это не было похоже на возню грызунов в нашем амбаре. Звук раздавался не так отчетливо, к тому же кто-то семенил лапками гораздо быстрее серой бестии. Вот все затихло, словно существо замерло в движении, через пару секунд шорох прозвучал уже ближе. У меня появилось очень неприятное предчувствие. Я прислушивался, пытаясь определить источник звука и обдумывая, как предупредить о нем Гарретта. Кто же все-таки ползал вокруг? Опять все окутала подстерегающая тишь.

Быстро глянув через плечо, я увидел лишь пустую комнату. Коридор впереди тоже казался пустым – нельзя было разглядеть ни Гарретта, ни кого-либо еще. Я снова напряженно прислушался. Кто бы это ни был, размерами это создание превосходило крысу. Но где же оно? Сильный шорох раздался совсем рядом и я в ужасе отпрянул от стены, столкнувшись с идущим назад Гарреттом, не заметив его возвращения. Мне чудом удалось подавить испуганный вскрик и желание броситься ему на шею – я был так рад тому, что теперь не один в этой тьме.

– Тут что-то есть... – зашептал я, но он оборвал мои слова нетерпеливым жестом и подбородком указал на решетку в стене, возле которой я только что стоял. Кладовая за этой дверью оказалась темной пустой камерой, внутри ничто не шевелилось. Я осторожно приблизился – что-то неразличимое слабо белело в тенях у дальней стены. Мне не удалось рассмотреть это точнее. Поэтому я уже решил вплотную подойти к прутьям, но тут Гарретт предупреждающе ухватил меня за шиворот и остановил на месте. В этот момент мне удалось наконец различить, что у стены лежали кости – большие кости. Заглушая в душе нехорошие подозрения, я пытался представить себе крупного зверя, которому они могли бы принадлежать, как вдруг странное щебетание с той стороны решетки привлекло мое внимание.

Я испуганно смотрел на огромную тень, повисшую на потолке. Затем она неуловимо быстрым движением нырнула во тьму, скользнула вниз по стене и на секунду застыла на полу камеры. Я напряг зрение, чтобы получше рассмотреть. На свет выбрался самый большой паук из всех, что мне до сих пор довелось увидеть, и он тоже разглядывал меня с не меньшим вниманием, но не из чистого интереса, а с совершенно другими намерениями. У него было круглое мохнатое туловище, по высоте достающее мне до бедра, и длинные сильные лапы. Передние он вытянул в мою сторону, как бы ощупывая воздух. Во мне боролись заинтересованность и отвращение. Пауцище вновь испустил свое чириканье и стремительно приблизился. Не столько его внешность, сколько неуловимость этого движения испугала меня и заставила отскочить назад. Но тварь, очевидно, и не думала нападать, она тоже внезапно замерла и снова протянула вперед свои передние лапы, словно стремясь уловить мой запах или учуять исходящее тепло. Жест этот был не агрессивным, а скорее проверяющим, почти что вопросительным. Сейчас паук стоял прямо напротив и я рассмотрел, что волоски на его брюшке были не черными, а зеленоватыми и при этом тускло светились. Кончики передних лап находились всего в пятнадцати сантиметрах от меня и чуть-чуть, почти незаметно подрагивали, словно что-то ощупывая. Несколько бесконечных секунд вообще ничего не происходило, а затем создание молниеносно уползло во мрак своей тюрьмы.

– Сдается мне, ты ему не по вкусу, – на лице вора обозначилась полуулыбка. – Нужно идти дальше, скоро тишина здесь будет нарушена. Пошли.

Мимоходом обернувшись на камеру с пауком, я размышлял, с какой стати животное так внимательно разглядывало меня, не пытаясь напасть. * а я этого паука шлепнул, мне так

нравится их предсмертный крик Мой взгляд скользнул по решетке противоположной комнаты и мурашки побежали по спине: там находилась дыба вместе с „железной девой“. Да, Ройбен был чрезвычайно недобрым малым.

По коридору и поднимающейся вверх лестнице Гарретт привел меня в какой-то господский дом, большой и богато обставленный. По зеркальным полам из полированного камня оказалось абсолютно невозможно двигаться без шума. Из комнаты за наглухо закрытой двустворчатой дверью приглушенно доносились обрывки суматошного разговора. Удалось расслышать слова „дух“ и „привидение“. Похоже, там шла ожесточенная дискуссия и внутри собралась почти вся ройбеновская шайка – дом обходили лишь одинокие дозорные, чьи шаги можно было услышать еще издали. Гарретт по ходу дела „изъял“ одну маленькую, но чрезвычайно дорогую вазу, занимавшую почетное место на высокой полке. Украшавшие ее драгоценности ярко сверкнули, когда она исчезала в недрах плаща.

– Вазы – одна из слабостей старого доброго Ройбена, – сказал тихо вор и в его голосе ощущалась лишь одному ему понятная насмешка. Я смекнул, что эта ваза далеко не первая из тех, что успел позаимствовать Гарретт у „старого доброго Ройбена“.

Чутко прислушиваясь к вышагивающему где-то вдалеке стражнику, мы как можно тише поспешили к большой деревянной двери, ведущей судя по всему во внутренний двор или в сад. Сквозь находившееся рядом темное окошко я увидел, что тусклое солнце уже зашло.

Дверь оказалась крепко запертой, нам даже пришлось притаиться в темном углу и дожидаться, пока пересекающий помещение стражник не отойдет на приличное расстояние. Потом Гарретт продолжил работу, а я прислушивался к стуку сапог по гладкому полу и голосам в соседней комнате. Судя по всему, собрание подошло к концу – было слышно, как отодвигают стулья и гомон гильдийцев начал перемещаться в нашу сторону. Это меня сильно обеспокоило, но тут одна из ручек подалась и с целчком опустилась.

Гарретт выпихнул меня на свободу и запер следом дверь как раз в тот момент, когда распахнулась другая и коридор наполнился шумом и гамом. Мы стояли в маленьком внутреннем дворике, огороженном с трех сторон флигелями главного здания, а с четвертой высоченной стеной. Пока здесь не было стражников, но это не продлится вечно – скоро ройбеновские парни возьмут себя в руки. Гарретт направился прямо к стене, вытаскивая из колчана плющ-стрелу.

Как бы плохо я не думал про язычников, но этой штуке цены не было. Такая мысль пришла в голову, когда прочная живая лиана снова опустилась сверху. Как вообще стрела смогла пробить такую толстую каменную стену? Меня мучил этот вопрос, а Гарретт велел карабкаться вверх. Что я и проделал и теперь сидел верхом на стене, тяжело дыша и дожидаясь своего спутника. На этот раз он поднимался по лиане намного лучше чем пару дней назад, хотя все же с некоторым усилием. Пока Гарретт карабкался, я внимательно рассмотрел стрелу. Она и в самом деле не пробила насквозь стену, а подобно ползучему растению выпустила массу корней, густой паутиной зацепившихся за камни и с легкостью разломавших заполненные раствором швы между ними. Залезший наверх Гарретт ухватил лиану и перекинул ее на другую сторону, чтобы тут же начать спуск. Я поспешно устремился следом, потому что услышал, как открылась дверь и во двор вышел и в этот же момент откуда-то из дома донесся громкий вопль. Не совсем понятно, что именно орал Ройбен, но слово „ваза“ разобрать удалось.

Мы сейчас находились совсем не в Доках, а в одном из „лучших“ кварталов возле Рынка, как я определил по ближайшим зданиям. Стена отделяла владения Ройбена от узкого мрачного переулка, соединявшего две широких, ярко освещенных фонарями улицы. Здесь, где сходились задние стороны разных домов, мы были совсем одни (если не считать ошивавшейся тут же бездомной кошки), в то время как слева и справа царил обычная городская суета – вечер только наступил. Гарретт освободил из стены языческую стрелу, * интересно, как? Крутя пальцами лиану толщиной почти в руку или по хитрой науке Виктории? закутался в плащ и низко нахлобучил широкий капюшон. Я не сделал того же самого – две одинаковых

замотанных фигуры могут привлечь чье-нибудь внимание, а так мой безобидный вид вообще никому в глаза не бросался. Поспевать за широким шагом Гарретта – тяжелый труд, однако мне кое-как это удавалось и мы невредимыми добрались до его пристанища, когда первые снежинки начали свой танец на притиших улицах Города.

23

Когда мы немного согрелись и отдохнули, Гарретт начал тщательное изучение медальона через увеличительное стекло, а я наконец привел в порядок свои мысли, сидя на своей лежанке и разглядывая огонь в камине. Образ Крысюка все время всплывал в памяти. Что же такое я увидел, прежде чем свалился без чувств? Мне не давала покоя та смутно знакомая фигура из видения, сейчас странный образ опять ускользнул и я так и не сумел понять, кем же он мог быть.

В конце концов надоело про это думать и мысли мои сосредоточились на домашней зверушке Ройбена. Паучище на самом деле не испугал меня, но вряд ли потому, что был миролюбиво настроен или из-за разделявших нас толстых прутьев решетки. Люди определенно входили в его меню, например персоны, стремившиеся как-то навредить Ройбену (это доказывали остатки последнего обеда твари). Однако я откуда-то знал, что животное не напало бы даже в том случае, если бы стояло прямо напротив меня. Интересно, почему?

Почувствовав на себе взгляд Гарретта, я обернулся:

– Зачем кому-то понадобилось держать дома такого *питомца*?

Он лишь пожал плечами:

– Наверное, паучок экономит Ройбену кучу времени, заботясь о трупах – не нужно тащить их вниз, к Докам. А еще он умиляется, разглядывая свою зверушку.

Ройбен был мне ненавистен.

– Эта тварь не должна там находиться!

Вор воззрился на меня с некоторым удивлением. Ясное дело, его сбивало с толку, почему я беспокоюсь о судьбе маленького чудовища, а не о его жертвах. Помолчав несколько секунд, он сказал:

– Он вел себя необычно.

Я вопросительно глянул на Гарретта, но тот опять погрузился в изучение артефакта. В принципе было ясно, что он хотел этим сказать – у него также не нашлось объяснения странному поведению паука. Немного поглядев на пламя, я поднялся и сел за столом, чтобы рассмотреть загадочный медальон. Весьма простой с виду, он казался сделанным не из золота, а из какого-то серебристо-белого металла, сохранившего свой блеск вопреки пролетевшим столетиям. Хотя вещица была сделана в форме ромба, каждая ее сторона была так сильно вогнута, что получалось странное подобие четырехлучевой звезды. В середине каждого луча находился маленький и черный как ночь камень, а в центре еще один, тоже непроглядно-черный и блестящий, точь-в-точь как удивительный замок, обнаруженный нами в церкви Св. Квинтуса. Вплавленная в неведомый металл тонкая золотая линия соединяла камни до боли знакомым образом. На обратной стороне артефакта были выгравированы изящные неведомые письмена.

– Думаете, это ключ?

– Возможно.

– Значит, завтра идем в Св.Квинтус?

– Нет. Только в том случае, если узнаем, что тут написано. – Пальцем он провел по гравировке. – И не ранее, чем выясним точнее, что нас там ждет. Сначала спросим Езекила.

Мое настроение улучшилось из-за перспективы снова увидеть Дану. Повернувшись к камину, я без всяких мыслей глядел на пляшущие языки, пока Гарретт, поднявшись, проверял свое снаряжение. Немного погодя он снова сел рядом, придирчиво рассматривая некоторые стрелы. Положив на стол несколько световых и газовых бомб, вор убедился в

их исправности. Те, которое успешно прошли проверку, были убраны в сторону, а с другими он начал кропотливую работу.

Взяв в руки плющ-стрелу, не вызвавшую у Гарретта никаких нареканий, я внимательно разглядывал невиданную вещицу. Ощущения при соприкосновении с ней моей ладони были совершенно иными, чем от других стрел. Казалось, она пульсирует, дрожит от переполняющей ее странной энергии, которая стремится высвободиться. Странно, что в столь небольшом предмете скрывалось так много жизни. Я снова вопросительно взглянул на Гарретта. Подобую стрелу ему могла дать только очень могущественная волшебница.

– Кем была Ваша подруга, сделавшая такой подарок?

Он как раз чистил спусковой механизм бомбы-вспышки и замер, глядя на стрелу в моей руке. Вопрос был для Гарретта не то чтобы совсем неожиданным, а скорее казался неприятным. С секунду он обдумывал, как бы уклониться от ответа, затем вздохнул и положил бомбу на стол. Взяв у меня стрелу, он осторожно, почти с нежностью провел кончиками пальцев по темно-зеленому древку. В глазах застыло то же самое неопределенно-печальное выражение, как и во время рассказа истории с Обманщиком. Вор по-прежнему молчал и я решил тихо добавить:

– Она, наверное, была невероятно могучей колдуньей.

– О да, и даже намного больше. – Узкий указательный палец скользнул по острию стрелы. Ее изготовили не из металла, но неведомый материал был тверже стали. – Это ей я обязан вот этим украшением. – указал он на свой искусственный глаз.

– Приспешница Обманщика?

И каким же чудом она оказалась его „подружкой“? Гарретт отлично понимал, что творится сейчас у меня в голове и сказал:

– Мы и вправду были врагами. Но потом положение дел изменилось.

– Каким образом?

– В игру вступили Механисты. Что ты о них знаешь?

– Это была секта, отколовшаяся от Ордена моих братьев. Их догматы веры отличались крайним радикализмом...

Вор скорчил насмешливую гримасу – он считал братьев ненамного либеральнее приверженцев Карраса. Я проигнорировал его поведение и продолжал:

– Они хотели смести с лица земли все связанное с язычниками. Творения природы были им противны. Их предводитель Каррас выдавал себя за пророка Строителя и создал все эти машины...

Я видел несколько таких штукотин во время поездок с отцом в Город. Тяжелые, выше человеческого роста, целиком из блестящего металла, они на первый взгляд напомнили мне огромных стальных уток, потому передвигались вразвалку на двух ногах, прикрепленных к шарообразному брюху. Головы механических созданий походили на человеческие, но эти отливающие медью, гладкие лица абсолютно ничего не выражали, а единственный сияющий синим глаз неприятно мерцал. Из корпусов поднимался пар, тяжелые шаги были настолько громкими, что их звук еще долго раздавался даже на расстоянии. Они постоянно жестяными голосами восхваляли Карраса и Строителя, а горожане старательно обходили их стороной. Мне тоже был неприятен вид детей Карраса, особенно отверстие величиной с голову ребенка сбоку их круглого тела-корпуса, откуда они могли выстрелить смертоносным снарядом, способным разорвать в клочья взрослого мужчину. Я не любил языческую магию, однако технические хитрости Механистов внушали еще меньше доверия. Уже тогда казалось странным, зачем слуге Строителя потребовалась целая армия, по численности далеко превосходившая городскую стражу. После чтения „Книги новых догматов веры“ мне теперь стало ясно, как близка была ужасная катастрофа.

Откашлявшись, я сказал:

– Он окончательно помешался и умер в своем Соборе. Говорят, что он покончил с собой. Так пришел конец секте Механистов. Она не выдержала борьбы за власть между

ближайшими сподвижниками Карраса и все больше распадалась, пока последние ее остатки не канули в безвестность.

– Если хочешь объединить двух противников, найди им общего врага, – произнес в ответ Гарретт. Я не сразу понял.

– Каррас? Почему?..

– Почему я был ему как бельмо на глазу? Да вот, знаешь, лично у него как-то не получилось об этом спросить. С самого начала старик воспринимал меня как угрозу.

Что впоследствии блестяще подтвердилось, судя по предыдущим высказываниям Гарретта. Каррас на свою беду предпринял „меры безопасности“ против мастера-вора.

– А как же здесь замешана эта женщина?

– Она не была женщиной... по крайней мере в *человеческом* смысле слова. До сих пор точно не знаю, что же она собой представляла. – Он сомкнул пальцы вокруг острия плющ-стрелы, не боясь пораниться. – Ее звали Виктория, во всяком случае так она сама себя именвала в человеческом обличьи. После смерти Обманщика она стала богиней-защитницей язычников и потому одним из главных противников деяний Карраса. Но ее мощь не была беспредельной.

Он снова рассеянно умолк. * эх, все-таки любил он ее, лешую!

– Значит, Вы заключили с ней союз?

Подняв глаза, он лишь молча кивнул и, поднявшись, положил стрелу обратно в колчан. Я молча глядел на огонь, * ух, мальчик либо уже был, либо от суровой жизни сделался пироманом размышляя над окончанием истории. Гарретт жил, а Каррас был мертв, ясно, кому досталась победа. Но мне доверили лишь часть правды, нечто важное осталось невысказанным. Я вглядывался в лицо Гарретта, снова занимавшегося бомбой, глаза его по-прежнему были серьезны.

– Где же она теперь? – осторожно спросил я. Вор не прекратил работы и не поднял глаз.

– Пожертвовала собой в борьбе с Каррасом. – последовал краткий ответ. Я видел, что спусковой затвор бомбы был уже давно чист и не стал задавать других вопросов.

24

Этой ночью я увидел перед собой церковь Св.Квинтуса. Она не лежала в руинах – застекленные окна переливались оттенками красного, колокольня гордо и прямо поднималась к небесам. Темные тучи, проплывая мимо, отбрасывали вниз тени и я увидел, как несколько моих братьев вышли из ворот. Их одеяние говорило об окончании панихиды, но кто же был погребен? Желая приблизиться, я сделал один шаг по ступеням, но тут картина расплылась перед глазами и впереди снова возник пустой, брошенный остов разрушенной церкви. Внутри не было ни души, лишь усевшиеся на балках вороны оглашали воздух своим карканьем, а жалобно плачущий ветер гнал по небу свинцовые облака. Темно-красный цветок, проросший сквозь трещины в ступенях, трепетал от порывов безжалостной бури.

Дрожа от холода, я был разбужен тонкими лучами солнца. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя со сна. Потом я встал, чтобы подбросить дров в почти угасший очаг, стараясь при этом не разбудить еще спящего Гарретта.

Непрекращающийся мороз все сильнее проникал сквозь стены дома, поэтому в комнате становилось так холодно, если огонь гас. Укутавшись в свой плащ, я уселся перед камином и задумчиво прислонился лбом к холодному облицовочному камню, ощущая на лице первые волны тепла от разгорающегося пламени. Вдруг мои пальцы наткнулись на какой-то предмет в кармане. Несколько сбитый с толку, я вытащил измятый кусок бумаги – ту самую рукопись, что подобрал с пола в комнате Крысюка. Видок у нее был весьма потрепанный.

Передо мной лежала идеально нарисованная карта Катакомб. Как, интересно, сумел там заблудиться этот болван Лестер, обладая подобным шедевром? Разглядев неаккуратные надписи поверх рисунка, я с тайным удовлетворением отметил, что

Крысорожий не был силен в письме, у меня и то выходило лучше. Разобрать его закорючки оказалось почти невозможно. Тем не менее я все же попытался соединить вместе понятные куски текста и в конце концов слова обрели смысл. Крысюк сделал пометки о медальоне и летописи, которые в основном описывали внешний вид обоих артефактов. Имя „Азаран“ стояло чуть в стороне, а сразу под ним „Книга Праха“, еще слово „Энджелуотч“, пара каких-то чисел и неизвестное мне название улицы.

Ну, понятие „Энджелуотч“ было известно даже мне. Так называлась штаб-квартира Механистов, там они чаще всего собирались, если не считать огромного Собора, по слухам лежащего сейчас в руинах. Энджелуотч был самым высоким зданием Города – башнеподобное и почти целиком сделанное из металла, оно впечатляло и одновременно действовало угрожающе на каждого, кто еще издали видел его, приближаясь к Городу. В то время, когда Энджелуотч еще населяли Механисты, я с крайним недоверием разглядывал эту громаду. Давящее величие и несоразмерная высота вызывали в душе чувство, что честолюбие (или же откровенное безумие) ее создателя являло собой насмешку над трудами Строителя и оскорбляло его, хотя сами члены секты утверждали совсем противоположное.

В Энджелуотче Каррас воплотил попытку поставить себя на один уровень с творцом всего сущего. И это вызывало страх – я боялся божьего гнева, хоть и не был образцовым представителем моего Ордена. Но что связывало летопись и медальон из древнего склепа с исполинской башней, ставшей теперь обителью богачей и некоторых зажиточных горожан, оставалось полнейшей загадкой.

Услышав позади глубокий вздох, я обернулся. Гарретт открыл глаза, коротко глянул на меня и встал с кровати. Камин между тем прогрел маленькую комнату и я, умывшись и одевшись, пошел приготовить что-нибудь к завтраку.

– Это я нашел вчера, – сообщил я за едой, положив кусок бумаги на стол. Гарретт бросил на него взгляд, подтянул поближе пальцем, чтобы прочесть.

– Неплохо.

– Не могу понять, о чем тут речь.

– Да нет, ты как раз помоги продвинуться нашему делу. Тот, по чьему заказу гильдийцы выкрали медальон, назначил место встречи на этой самой улице.

– Что он имел в виду под этим именем и названием книги?

– Имя „Азаран“ о чем-то мне напоминает...

Гарретт безо всяких мыслей вертел в руках бумагу, а я, не желая мешать, помалкивал. Потом, опять поглядев на меня, вор произнес:

– Азарон – тот самый сумасшедший из Башни Некроманта.

– Башня *Некроманта*? – уже само слово вызывало отвращение. Не знаю, что оно означало, но явно как-то было связано со смертью.

– Однажды я ее... посетил. Хозяин-гений с безумной страстью увлекался нашими новыми друзьями-мертвяками и всячески с ними экспериментировал. Думаю, что однажды он принадлежал к Братству Руки.

– Так *он* и есть причина всей этой дряни! – воскликнул я.

– Маловероятно.

– Но...

Гарретт нетерпеливо махнул рукой.

– Он мертв уже много лет.

Я осекся, удивленно вытаращившись на него.

– Но если мертв, почему им интересуется Гильдия?

– Спросим у Езекила. – пожал плечами Гарретт. – Он-то уж точно должен был знать Азарана.

– Значит, сегодня ночью мы опять вторгнемся в Башню Магов?

Он снова рассеянно уставился на бумажку и лишь покачал головой в ответ, не поднимая головы. Кажется, вор пока не собирался посвящать меня в свои планы. Тогда я оставил его в покое и погрузился в собственные мысли, немножко разочарованный тем, что мы не пойдем сегодня в Крепость Магов.

Мне вновь хотелось повидать Дану. Конечно, любой благочестивый хаммерит должен гнать от себя подобные мысли, однако за это время стиль поведения послушного новичка-неофита почти стерся из моей памяти. Я уже не знал, смогу ли – и самое главное, хочу ли вернуться. Не стоило попусту тратить время, размышляя об этом. Какой у меня собственно оставался выбор? Без моего спутника я не продержусь долго в Городе, его образ жизни мне не по душе, да к тому же у меня и в помине нет его талантов и способностей. Я родился крестьянином и желание стать хаммеритом уже казалось невероятно огромным рывком из повседневной реальности. Зачисление в ряды Ордена означало для меня большое счастье и надо быть совсем уж неблагодарной свиньей, чтобы теперь раскаиваться в принятом решении.

Однако я, вспоминая о Данае, невольно мечтал о вольной жизни вместе с ней, прекрасно сознавая, насколько это невозможно. Ведь даже если отбросить тот факт, что такую девушку вряд ли может заинтересовать кто-то вроде меня, все равно она принадлежала к Братству Руки, а это накладывало свои ограничения. И все же...

Гарретт поднялся, вздохнув.

– Не будем терять время.

Он собирался что-то предпринять, так и не посвятив меня в свои планы. Я без всяких слов встал, схватив на ходу плащ и оружие.

Холодный ветер гонял по улицам мелкие снежинки, все еще сыпавшиеся с зимнего неба. Через некоторое время стало понятно, что мы опять держим путь к дому Хранителей.

Как и в прошлый раз нас встретили у входа кислые физиономии стражей, я старался не глядеть на них. Артемус пребывал в своей комнате и не удивился нашему приходу.

– Я уж было начал беспокоиться...

– Из-за чего?

– У Ройбена вчера произошла какая-то заваруха... Кажется, никто точно не знает, что там случилось. Но вся Гильдия гудит как потревоженный улей. Надеюсь, это не из-за тебя?

– Просто невероятно.

– И так?..

Я согревался у камина, пока вор поведал Хранителю о новых событиях и показал ему медальон. Артемус срисовал символы с обратной стороны артефакта. Снаружи становилось все темнее, вьюга усиливалась. Ветер злобно бился в маленькие окна кабинета. Наконец Гарретт завершил свой рассказ.

– Ты получил известия от Езекила?

– Пока еще нет.

– Мне с ним надо встретиться. Сегодня.

– Я позабочусь об этом. Но здесь вам нет смысла долго оставаться. Я не хочу вести тебя к Магам под чьим-нибудь пристальным наблюдением. Да и у некоторых членов Совета с некоторых пор чудесным образом обостряется слух, когда речь заходит о твоих участившихся визитах сюда.

– Ну, раз так... Выясни, что означает надпись на обратной стороне медальона.

– Что ты собираешься делать?

– У нас назначена встреча.

Я оторопело вытаращил глаза. Гарретт достал из кармана найденную мной записку и отдал Артемусу. У того был несколько растерянный вид, когда он ее читал.

– Азаран Жестокий? Он покончил с собой несколько лет назад.

– Что вы знаете о нем?

– Мы знаем больше чем достаточно – он находился под наблюдением как источник возможной угрозы. Несчастный был одержим идеей получить власть над смертью и обрести бессмертие. Он экспериментировал с зомби самым отвратительным образом, так что Братство Руки просто вышвырнуло его вон и Азаран жил в одной из башен во внутренней части Города. Люди всегда обходили это место стороной, после того как он там поселился. Азаран давно был безумен, когда совершил самоубийство. Перед этим он

оставил путаное прощальное письмо, в котором шла речь о Книге Праха. Он вообразил себе, будто отыскал ее.

– Книга Праха?

– Всего лишь миф. Может, она и существовала когда-то, но если так, то даже об этом нужно забыть. Книга якобы содержала могучие заклинания Некромантов. Раздобудь ее Азаран, и он бы достиг своей цели. Но такая важная находка не ускользнула бы от наших глаз.

– Предположим, она существовала. С какой целью ее вообще написали?

Артемус внимательно посмотрел на Гарретта.

– Я понимаю, к чему ты клонишь. Это верно, ее написали примерно во времена колдуна-тирана. Но ничто не указывает конкретно на ее существование – лишь слухи да пара неясных намеков в той или иной книге. * сколько же хороших книжек попортили – Книга Праха, Велесова книга и т.д.!

– Братству Руки не очень бы понравилось, если подобного рода шедевр получил бы широкую известность.

– Полагаешь, они столетиями скрывали доказательства существования Книги Праха?

– Азаран и вправду покончил с собой?

– В этом никто никогда не сомневался.

Гарретт молчал и я заметил задумчивость на лице Артемуса. В окна билась лютая вьюга. Мне очень не хотелось в такую пору покидать обитель Хранителей, но спутник мой уже шел к двери.

– Выясни то, о чем я тебя просил, – бросил он напоследок Артемусу. – Если появится что-то новое, мы должны знать об этом.

Затем он посмотрел на меня взглядом командира, не терпящего пререканий. Мне ничего не оставалось, кроме как с неохотой накинуть плащ и трусить следом.

Свистящий за стенами ветер оказался еще безжалостнее, чем я себе представлял. Он швырял в лицо пригоршни колючего снега, пришлось пригнуть голову, чтобы хоть как-то смотреть вперед. Если во время нашего похода к Хранителям улицы уже обезлюдели, то теперь тут едва ли можно было сыскать хоть одну живую душу. Все, кто сумел, попрятались от снежной бури.

Я с неудовольствием убедился, что Гарретт не выбрал путь, ведущий к дому. Он куда-то очень сильно спешил, а мне в муках приходилось его догонять. Ледяной воздух неприятно колотил легкие. Низко опустив голову, я видел лишь каблуки сапог Гарретта да край развевающегося плаща и не особенно следил за дорогой. Потому для меня стало полной неожиданностью, когда он резко остановился, а перед нами вдруг возвысился чудовищный фасад Энджелуотча.

Внешне башня почти не изменилась со времен падения Механистов. Даже исполинская медная статуя ангела, распростершего свои металлические крылья высоко над городскими крышами, была все на том же месте. Я различил ее контуры на фоне серого неба сквозь мешанину снежных вихрей – фигура нависала над нами как мрачная тень.

Мне было известно, что Энджелуотч возвышался на семь этажей, и все равно размеры его просто подавляли. Внутри размещались просторные квартиры – на каждом уровне жила одна из родовитых семей. Мартен рассказывал, что последним криком моды среди богатых горожан и низшей аристократии стало именование населяемого этажа своей собственностью. Высшая знать лишь морщила нос, возмущаясь нарушением традиций.

Мы с Гарреттом скрылись от посторонних глаз под защитой небольшого навеса возле одного из зданий напротив башни. Энджелуотч защищал хорошо вооруженный частный гарнизон, получавший жалование и пропитание от его жильцов. Сейчас как раз у главной двери стояли два стражника, которые, похоже, очень сильно мерзли. Я видел, как они, переступая с ноги на ногу, растирали окоченевшие ладони.

Мне волей-неволей пришлось согреться во время нашего быстрого марш-броска к башне Механистов, но здесь холод пронимал до костей. Прижавшись к стене возле моего спутника, я пытался спастись от бешеных порывов ледяного ветра. Гарретт выудил из кармана записку и как будто внимательно читал ее. Скосив глаза, я вглядывался в кусок бумаги из-за его плеча, но начерканные там цифры ни о чем мне не говорили. Вор же производил впечатление весьма беззаботного человека – он опять спрятал рукопись и, спокойно привалившись к стене, наблюдал за входной дверью. Мне не было видно под капюшоном его лица и оставалось неясным, чего мы вообще ждем. Ветер с жалобным воем носился вокруг башни и наметал на улице прямо возле ног целые сугробы снега. Я с опаской поглядел на небо, которое из грязно-серого очень быстро становилось черным. Сейчас был примерно полдень, но непогода словно стремилась раньше времени похитить свет солнца. Словно в подтверждение слышались приглушенные, тонушие в снежной буре раскатистые звуки – на башне во внутренней части Города двенадцать раз ударили в колокол.

Разъяренный шквал из колючих льдинок, больно жалящих щеки, ударил мне в лицо. Даже стало жаль тех бедняг на противоположной стороне улицы – из-за вахты они даже не могли отвернуться от ветра. Гарретту не собирался покидать своего поста наблюдения, поэтому я поплотнее завернулся в плащ, натянул капюшон до самого подбородка и спрятал ладони под плотной материей. Это не очень-то помогло. Ноги сильно зябли и я поочередно возил ими, отчего в снегу получились две маленьких колеи.

После нескольких минут ожидания, длившихся целую вечность, Гарретт начал проявлять признаки беспокойства.

– Пунктуальным его не назовешь. – тихонько пробурчал он.

– Кого?

– Увидим, если он вообще покажется.

Я скептически оглядел входную дверь башни. Там не было видно никого – только двое стражников и абсолютно пустая безлюдная улица. Наверное неизвестный, назначивший Крысюку здесь встречу, побоялся выйти из-за бури. А может, мастер-вор допустил ошибку, неправильно рассчитав место и время встречи. Но я тут же отбросил подобные мысли, потому что Гарретт весьма редко ошибался.

Внезапно картина на другой стороне улицы резко переменялась. Из входной двери вывалился стражник и, не обращая внимания на своих озадаченных товарищей, стремглав понесся вниз по улице. Мне бросилось в глаза его лицо – лицо до смерти перепуганного человека.

Парочка у двери обменялась вопросительными взглядами, но тут наружу вышли еще двое, что-то быстро говоря часовым. По их поведению было ясно: случилось нечто чрезвычайное. Когда дверь снова закрылась, стражники завели тихий обеспокоенный разговор. Обернувшись, я обнаружил, что Гарретта рядом нет. Меня как громом ударило. Я лихорадочно осматривался кругом в его поисках. Следы вора быстро заносило снегом и мне не оставалось ничего другого, как торчать здесь и ждать его возвращения. Именно так, торчать на морозе и злиться – на Гарретта, за то что бросил меня здесь и на самого себя из-за невнимательности. В расстройстве я носком сапога разломал прочерченный ранее в снегу узор. И тут холод охватил все мое существо и заставил замереть на месте. Ни ветер, ни снег не могли породить этого чувства. Забившись как можно дальше под навес, съезжившись и закрыв капюшоном лицо, я благодарил Строителя за ниспосланную им непогоду. Все во мне ощущало, что нечто, ставшее причиной этого окоченения, приближается. Скоро уже стало невозможно пошевелиться. Задыхаясь, я мысленно молился о том, чтобы Гарретт, покинувший наше укрытие, не вернулся сюда именно сейчас.

Оно находилось теперь где-то передо мной. Чувствуя его движение, я боязливо поднял голову. Нечто пришло по всей видимости прямо из Энджелуотча и стражи у ворот ничего при этом не заметили. Я пытался различить что-нибудь в пляске снежных вихрей, одновременно что есть силы прижимаясь к стене. От страха накатила тошнота. Оно стояло совсем рядом, прямо напротив меня, но ведь там ничего не было, или все же ?..

Я сопротивлялся страшному желанию умчаться отсюда поскорее, но почему-то знал, что наверняка привлеку этим внимание загадочного создания и выдам себя. Но что, если оно уже давно меня заметило? Тогда бегство – мой единственный шанс, прежде чем тварь успеет меня схватить. В отчаянии я искал хоть какой-то признак того, где могло находиться это нечто, но из-за ветра, швыряющего снег в лицо, все плыло перед глазами. Оно подступило ближе и мне стало ясно, что бежать поздно, раз тварь меня уже обнаружила. Склонив голову, я закрыл глаза, шепча молитву Строителю.

Нахлынувший холод перекрыл дыхание, словно кто-то с силой ударил меня в живот. Затем ледяная пустота отступила, пройдя совсем рядом. Я открыл глаза и робко повернул голову, успев разглядеть на снегу неглубокие, едва заметные человеческие следы, тут же уничтоженные ветром. Они сворачивали в боковую улочку рядом с моим укрытием.

По сравнению с медленно отступавшим, цепенящим душу холодом хлещущий ветер и снег казались приятно теплыми. Потихоньку мне удалось расслабиться и наконец-то перевести дыхание. Когда рука Гарретта (как и всегда, абсолютно неожиданно) опустилась на плечо, я буквально взвился, едва не издав сумасшедший вопль. Он, сбитый с толку, поглядел на мою физиономию. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы замешательство через долю секунды сменилось озабоченностью. Спотыкаясь и следуя поданному знаку, я зашагал позади вора. Уже радовало хотя бы то обстоятельство, что мы не пошли в направлении, куда уводили призрачные следы, а направились вдоль по тянущейся мимо Энджелуотча улицы. Свернув в маленький перулок Гарретт остановился у заднего входа одного господского, но несколько обветшавшего дома. Без колебаний он взломал замок и мы тихо скользнули внутрь.

Еще одна маленькая и абсолютно пустая кухня, однако потрескивание очага и бульканье кастрюль говорили о том, что здесь совсем недавно здесь кто-то хозяйничал. Моему спутнику не было нужды объяснять мне положение дел – я машинально втиснулся в темный угол возле полок. Как обычно, требовалось ждать условного знака, чтобы выбраться из убежища. Сам Гарретт пропал, я и не заметил, куда он делся.

В этот момент в дверь протиснулся неотесанного вида слуга, неся полный черепков поднос. Поставив его на буфет, он озирался вокруг с багровым от злости лицом.

– Куда ты подевался? – в гневе заорал он.

– Секундочку, – ответил тоненький голосок, прозвучавший где-то у меня под ногами. Затем из открывшейся в деревянном полу высунулась лысая голова тщедушного мужчины.

– Что такое? – спросил он, карабкаясь наружу. На дохляке была поварская одежда. В руках он держал полуощипанного мертвого фазана.

– Госпожа устроила мне настоящий ад, идиот! Из-за твоих промахов должен страдать я! Ты же знаешь, что у нее от тимьяна и розмарина появляется ужасная сыпь и начинается тошнота!

– Но я клянусь, что ничего такого не добавлял к блюду из зайца!

– Предупреждаю – если врешь, то горько об этом пожалеешь!

– Но ведь это правда!

– Как бы там ни было, готовь дичь к столу! А за зайца госпожа отвесила мне затрещину.

– Но фазан же для ужина...

– Никаких „но“! Или ты хочешь, чтобы она оставалась голодной до ужина?

Хлопнув дверью, слуга вышел из кухни. Повар еще некоторое время глядел ему вслед, потом швырнул ощипанного фазана на стол, щедро посыпал птицу розмарином и тимьяном, заглушив сильный запах всякими другими приправами и с довольной улыбкой поставил ее в печь. * ай молодец! Маленькая, но приятная месть, своего рода опасное хобби. Кто там из форумчан мечтал быть слугой? Но долго радоваться ему не довелось – дубинка Гарретта хрястнула худенького мужичка по затылку и тот мешком свалился на пол, все еще сохраняя на лице глумливую ухмылку. Не очень вежливо „сопроводив“ повара в погреб с припасами, вор тщательно запер откидную дверцу. * и повара убьем столовой ложкой

По сигналу я вылез из угла. Гарретт несколько секунд прислушивался возле двери, через которую прошел слуга, и затем аккуратно отворил ее. Мрачная прихожая, заканчивавшаяся у широких ступеней каменной витой лестницы, простерлась перед нами. Здесь никого не было.

– А чей это дом? – прошептал я.

В ответ он только передернул плечами. Быстро миновав прихожую, мы устремились вверх по лестнице. Там нетвердой походкой маршировал по коридору стражник – сразу было видно, что парень только что изрядно набрался. Даже мне не составило труда проскочить мимо, когда он повернулся спиной, и догнать поднимавшегося на второй этаж Гарретта. Но и тут вор не задержался. Правда, у него хватило времени, чтобы срезать кошелек с пояса безо всякого удовольствия шатающегося туда и обратно стражника, когда тот, ничего не подозревая, протопал мимо. Пройдя еще один лестничный пролет, мы оказались под самой крышей. Здесь располагались скромно обставленные апартаменты немногочисленных слуг, а стражников и в помине не было. Из одной комнаты доносились приглушенный разговор и смех двух женщин, прочие, кажется, пустовали. Гарретт выбрал самую последнюю дверь, в конце узкого прохода. Она оказалась незапертой, а в комнате уже давно никто не жил. Вор быстро запер дверь и распахнул окно. Резкий порыв ветра промчался по небольшому помещению, закружив вихрем пыль и паутину. Высунувшись наружу, Гарретт бросил наверх оценивающий взгляд, потом, не мешкая, выкарабкался из окна и пропал. Глядя ему вслед, я проклинал тот день, когда „случайно“ подслушал разговор моего Первосвященника с Артемусом.

Однако другого выбора не было – волей-неволей пришлось выглянуть из окна. Скошенный скат крыши находился примерно на расстоянии метра от верхнего края. Там висели сосульки, а ветер с воем снова и снова бросался мириадами ледяных кристалликов.

Оглядываясь в поисках опоры, на которую нужно было поставить ногу, прежде чем карабкаться наверх, я обнаружил только отвратительно узкий карниз под окном. Тремя этажами ниже смутно вырисовывались улица и другие постройки. Ступив на узкий карниз, я едва было не подскользнулся, а это неизбежно привело к падению. Сердце бешено стучало где-то у самого горла, пальцы что есть сил вцепились в раму. Без всякой надежды я поглядел наверх.

Я просто не мог этого сделать.

Лицо Гарретта показалось над краем крыши. Он хотел что-то сказать, но в этот момент дверь в комнату резко распахнулась и в дверь просунулся тот самый стражник, чей кошелек похитил вор. Парень вытащил клинок из ножен и в бешенстве глядел на меня:

– Ну, ты мне *за это* заплатишь...

Мой страх перед падением как ветром сдуло. Я выскочил из окошка, прежде чем он успел приблизиться и со всей возможной скоростью зашагал по карнизу, крепко вцепившись правой рукой в раму, а левой выискивая какую-нибудь неровность на стене, чтобы ухватиться за нее. Стражник взмахнул мечом, чтобы рубануть по моей правой руке и мне пришлось ее отдернуть. Тут же я осознал, что потерял свою единственную опору и, с ужасом пытаюсь сохранить равновесие, сделал тщетную попытку рывком достать край крыши. Но тут Гарретт крепко схватил меня за запястье и вытянул наверх.

Я дрожал всем телом, даже ощущая относительно твердую поверхность под ногами. Внизу орал стражник – вне себя от гнева, однако не решавшийся последовать за нами. Гарретт оттащил меня от края и пополз дальше. Не могу сказать, что следовал за ним по скату с большим удовольствием – я неуверенно карабкался, пытаюсь утихомирить свое неистово бьющееся сердце.

С покатой крыши мы вылезли на плоскую соседнего дома. Лишь тут Гарретт позволил сделать маленькую передышку. Съежившись, я пытался спрятаться от ветра, а тот без устали хлестал нас вихрями крошечных острых льдинок.

– Куда Вы хотите попасть? – слова, словно снежинки, сразу уносило ветром.

– Нам надо в башню. На четвертый этаж, если быть совсем уж точным.

Я с сомнением поглядел на Энджелуотч, маячивший громадной темной тенью в снежной кутерьме. Очень интересно было бы узнать, как и для чего Гарретт собирался пробраться внутрь, но он уже повернулся в сторону плоской крыши соседнего дома. Покачав головой, я тоже поднялся.

Так, борясь с бурей, мы и передвигались дальше по крышам. Я считал за лучшее не думать ни о чем другом, кроме как о каждом следующем шаге. Местами крыши были гладкими как зеркало, кое-где приходилось двигаться исключительно на четвереньках. Внезапные мощные порывы ветра не делали путь легче. Я с облегчением вздохнул, когда мы добрались до плоской, со всех сторон окруженной невысокими стенами крыши. Казалось, прямо рядом с ней вздымается ввысь Энджелуотч.

Недолго думая, я хотел перелезть через край, но Гарретт силой удержал меня.

– Раньше там был сторожевой пост.

Под этим „раньше“ он, разумеется, подразумевал время своего противоборства с Каррасом. Вор вел себя так уверенно во время похода по крышам, что не стоило труда догадаться – он уже успел побывать в Энджелуотче. Кивнув, я остался на месте, а Гарретт осматривал соседнее здание и очень скоро подал знак – все в порядке. Новые обитатели башни были не то менее осторожны, не то просто пожадничали, но никакого сторожевого поста там сейчас не оказалось.

С крыши к одному из козырьков на фасаде гигантского строения вела лестница. Ее перекладины так были выстужены на морозе, что даже перчатки к ним прилипали. Взглянув наверх, я встретился взглядом с медным ангелом. На самом деле статуя была еще больше, чем казалась с улицы. Тело и крылья покрывали сосульки, несомые бурей белые вихри вились вокруг лишенного выражения медного лица. А вокруг завывал и плакал ветер.

Гарретт добрался до козырька и стряхнул рукой снег, из-под которого показалась крышка металлического люка. Вроде бы она была незаперта, но я сомневался, что после всех этих многонедельных морозов получится ее открыть. К моему величайшему изумлению тяжелая металлическая штуковина легко отворилась.

– Некоторые их изобретения оказались весьма полезными, – сказал Гарретт, заметив мое удивление.

Люк вел в шахту, наполненную сырым холодным воздухом, там рябило в глазах от всяких перекрестков и ответвлений. Я держался рядом с Гарреттом, а он, судя по всему, отлично знал дорогу. В конце концов мы добрались до лестницы, очевидно соединявшей между собой все семь этажей, потому что она уходила вниз и тянулась наверх. Рядом на стене располагалась табличка с цифрой „пять“, а несколькими метрами дальше – забранное решеткой небольшое отверстие, сквозь которое виднелась часть ярко освещенного и элегантно отделанного коридора. Я различил доносившиеся оттуда шаги и голоса.

Воздушная шахта * так и хочется перевести «воздуховодка» или «вентиляционная шахта» на манер Half-Life четвертого этажа выглядела точно так же, как и находившаяся выше, здесь из-за решетки тоже было видно коридор. Несколько человек разговаривали там нервно-взволнованными голосами. Спутник мой, скорчившись возле решетки, заглядывал в коридор, а я в ожидании примостился рядом.

Совсем рядом с нами горячо спорили несколько мужчин. Но если в голосе одного звучала неприкрытая властность, то другого он был слезливым и дрожащим. Какая-то женщина беспрестанно всхлипывала, а еще несколько человек тихо бормотали.

– Еще раз и с самого начала. Когда ты нашел своего хозяина? – сказал мужчина с повелительными нотками в голосе.

– Примерно в двенадцать часов, господин, – жалобно отвечал слуга. – Да, именно так, я слышал, как вдалеке пробили часы...

– А где ты был до этого и что делал?

– Я ведь уже сказал, господин, что был на кухне. Мой хозяин требует, чтобы обед подавался точно в двадцать минут первого, зачастую в библиотеку. Я занимался блюдами...

– Чтобы потом заняться поварихой?

Женщина лишь тихо всхлипнула в знак протеста. Голос слуги, и без того жалостный, возвысился на целую октаву, когда он, сыпя словами, начал уверять власть имущего, что ничем подобным в жизни не занимался.

– Так, все, уймись, мне нет до этого никакого дела, – повышенный тон мгновенно заставил умолкнуть слугу с поварихой. – Как ты нашла его?

– Он лежал точно так же, как и теперь, господин! Сначала я подумала, что он заснул, но потом заметила посиневшие губы и кровь... – мрачную картину повариха подкрепила усиленными рыданиями.

– И что потом?

– ... как и положено, позвала охрану, господин.

– Не заметила ли ты кого-нибудь, вошедшего или покинувшего квартиру твоего хозяина? Все ценности по-прежнему на своих местах?

– Не знаю, господин, я их никогда не разглядывала...

– Сюда есть еще какой-нибудь другой путь?

– Никогда о таком не слышала, господин. Входную дверь стерегут днем и ночью.

Гарретт, многозначительно поглядев на меня, покинул свой пост наблюдения. Как никогда вовремя – именно в этот момент слуга сказал:

– В коридоре есть проход к воздушным шахтам...

– Где?

Как можно быстрее и тише мы вскарабкались наверх, затаившись в крошечном боковом ответвлении на пятом этаже. Внизу уже скрипели шарниры отодвигаемой решетки.

– По-моему, ее давно уже никто не трогал... – донесся голос снизу. – Да тут настоящий лабиринт!

– Да, господин, я и сам не знаю, где выход.

– А есть кто-нибудь, кто знает? Техник или домоуправитель?

Решетка, лязгнув, закрылась и голоса отдалились. Обождав немного, мы ступили на лестницу, чтобы снова спуститься вниз.

Осторожно прищурившись, я разглядел сквозь решетку, как два представителя городской стражи вели по коридору мужчину. Его правая рука висела как мертвая и гротескно болталась при ходьбе. Следом шли тощий, очень расстроенный слуга и плачущая пухлая женщина в сопровождении высокорослого мужчины со строгими чертами лица, и еще несколько стражников. Кто-то погасил светильники и стало совсем тихо. Гарретт выжидал какое-то время, прежде чем очень медленно поднять решетку. Вокруг не было слышно ни звука.

Прислушавшись, вор выбрался в коридор, еле различимо и тихо скользя в полутьме. По привычке я ждал, пока Гарретт не разведает обстановку и не подзовет меня. Спустя немного времени он как обычно подал мне знак. Мы шли по опустевшему жилищу, которое было очень просторным и поистине необозримым. Бесконечные двери располагались по сторонам длинного, изгибающегося коридора. Изящно украшенные металлические стены придавали всему холодную, отчужденную красоту, которая была мне не по душе. Пол устилал толстый темно-красный ковер. Деревянные столики и стеклянные витражи, попеременно появлявшиеся возле стен, явно не принадлежали прежним владельцам башни. Я знал, что Механисты никогда не стали бы использовать дерево в качестве материала – все выросшее естественным образом в их глазах не имело ценности.

Гарретт открыл одну из дверей. В комнате за ней не было окон, поэтому там царил непроглядная темень. Он что-то нащупал на стене рядом, раздалось жужжание и к моему величайшему изумлению разом вспыхнули несколько светильников. Хотя я слышал о том, что Механисты творить свет без пламени, но никогда не видел такого чуда в чьем-то жилище. Так освещались городские улицы, да и то только в богатых кварталах.

Проходя в дверь следом за Гарреттом, я до смерти перепугался, заметив темную фигуру в находившейся рядом нише. Но, к моему облегчению, это оказалась еще одна

медная статуя ангела из времен Механистов. Рукой я провел по ее гладкому, блестящему лицу. Оно было красивым и очень холодным.

Комната за дверью выглядела странно – круглая и весьма большая. Пол и потолок были сделаны из тяжелых и темных деревянных балок. Это наводило на мысль, что подобное архитектурное новшество соорудили намного позже. По-видимому, раньше тут находился огромный, тянувшийся через многие этажи купол. Ведущая будто на балкон входная дверь только подтверждала мою догадку.

Сейчас здесь размещалась прекрасно обустроенная библиотека – металлические полки, повторяя форму изогнутых стен, стояли по всему периметру, в середине этот круг разрывался – на противоположной стороне находился большой камин. Повсюду было множество книг, некоторые из них специально выставили напоказ, чтобы продемонстрировать красоту узорчатых переплетов. Новый обитатель башни оказался поклонником искусств * Константин-2 ? – его жилище просто ломилось от бесчисленных шедевров и разных диковинок. Притом хозяин был весьма придирчив в своем выборе – каждая вещь сама по себе казалась бесценной.

Широкий письменный стол, некогда явно принадлежавший Механистам, стоял в середине помещения на круглом деревянном подиуме, огражденном искусно изтовленными металлическими перилами. Наверх вели три ступени. Там стояла большая, удивительная лампа – ее свет находился внутри синего кристалла, казавшегося целым. Но и без нее комната каким-то образом освещалась. Я не сумел найти источников – лучи исходили из стен между полок и выхватывали из сумрака прекрасные полотна и несколько причудливых масок. Повсюду стояли скульптуры – каждая была заботливо установлена именно в таком положении, в каком на нее открывался самый лучший вид. Я с трудом удерживался от того, чтобы не застыть с разинутым ртом перед этими шедеврами, разглядывая их и позабыв о времени.

Тут мне бросился в глаза валявшийся на полу возле ножки стола кубок, возле которого уже давно сохла лужица темно-красного вина. Несколько капель попали на стоявшую рядом мраморную статую нимфы, грубо запятнав ее белоснежное прекрасное лицо. Гарретт, ни на что не глядя, поднялся по трем ступеням к письменному столу и теперь сосредоточенно читал лежавшие там рукописи. Многие он просто отодвинул, чтобы потом снова аккуратно положить на место.

Владелец квартиры был любителем порядка – вся его корреспонденция была строго рассортирована, что очень облегчило работу моему спутнику. Гарретт быстро отыскал то, что хотел найти. Его лицо омрачилось при чтении некоторых писем, лежавших аккуратно сложенными в специальном отделении.

– Что мы вообще здесь делаем? – осмелился спросить я.

Он глянул на меня несколько раздраженно и мне пришлось прикусить язык. Но потом выражение лица вора несколько смягчилось:

– Имя жившего здесь человека – Бартоломеус Крэйвен. Не самое незнакомое имя. Коллекционер и знаток искусств, имел дело с некоторыми старинными артефактами. Он и был заказчиком гильдийцев. Сначала я лишь предполагал это, но вот это, – он поднял руку с письмом, – прямое доказательство. Но и сам он в свою очередь выполнял чье-то задание. И кое-кто ответит на парочку моих вопросов...

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду – Гарретт опять погрузился в чтение рукописи, потом спрятал ее и начал обстоятельно разглядывать полки. Здесь тоже господствовал строгий до тошноты порядок, книги были отсортированы по алфавиту. Вор не нашел, за что зацепиться взглядом и обернулся ко мне.

– Крэйвена убили совсем недавно, правда ? Тут кое-что побывало, пока я отлучался подслушать разговоры стражников у ворот, не так ли?

Я кивнул.

– Последней ночью тебе ведь не снилось ничего особенного?

– Нет.

– Потому Крэйвен и отошел к праотцам более мирным путем чем остальные. Ладно, нам не следует долго здесь задерживаться.

После этих слов Гарретт направился к выходу, по понятным причинам не взяв с собой ничего кроме писем. Все ценности из коллекции Крэйвена были настолько уникальны, что их наверняка многие узнали бы с первого взгляда. Тогда на нас пало бы подозрение в убийстве, если бы на скупщика краденного надавили стражи порядка.

* представляете, господи, вот такая миссия – забраться в библиотеку лорда Крэйвена, но ничего не брать кроме компромата. А там везде ценности: на полках, на столе, на полу... Чего-нибудь схватишь стгоряча – все, черепок, «Миссия провалена». А лут собрать надо, но исключительно в других местах – например, грабя стражников в коридорах домов, по чьим крышам идешь к Энджелуотчу, или обшаривая комнату госпожи (и саму госпожу), страдающую аллергией к тимьяну и розмарину

Мы покинули башню тем же способом, что и вошли. Но зато после Энджелуотча Гарретт предпринял исключительно опасный обратный путь – все время по крышам домов, чтобы таким образом сразу оказаться в своем квартале. Хорошо хоть буря немного поутихла и снег не так сильно мел, когда мы наконец спрыгнули с низкого козырька на задний двор рядом с жилищем вора. Возвращение сильно потрепало мне нервы, поэтому я был несказанно рад ощущать ногами твердую землю, бредя по сугробам вслед за Гарретом к его пристанищу.

25

Мы ввалились в каморку, оба промокшие до костей. Я отряхнул снег с плаща и заботливо повесил его сушиться, вытер как мог кинжал, лук и стрелы, а Гарретт напугал меня – перевернул с кислой гримасой мой колчан, откуда при этом вылился целый шквал ледяной воды.

Съездившись, я удобно устроился у огня, разглядывая свои синевато-красные пальцы на ногах, а тепло постепенно и с неприятным покалыванием разливалось по телу.

Между тем было уже далеко за полдень, слабый свет дня почти угас, а снежинки бились о стекла маленького оконца. Гарретт дал мне немного времени, чтобы отогреться, читая за столом корреспонденцию антиквара. Но долго пребывать в блаженном бездельничаньи мне не пришлось – закончив с письмами, он велел мне взять кинжал и атаковать его как противника, тем самым показав, насколько хорошо я усвоил технику боя. Оставшись недовольным результатами, он в жесткой форме освежал мои воспоминания примерно в течение двух часов. Лишь когда я уже валился с ног от усталости, Гарретт отпустил меня. Как здорово было упасть на свою лежанку и закрыть глаза! Но тут какая-то отяжелевшая металлическая штука брякнулась прямо на мое одеяло. Непонимающе глядя на стоящего рядом Гарретта, я взял странную вещь в руки. Это оказался замок, один из тех, что обычно врезают в двери. Я лишь беспомощно вертел его в руках, снова и снова разглядывая со всех сторон.

Вор протянул мне те два изящных инструмента, с помощью которых он устранял со своего пути различные пустяки вроде наглухо закрытых дверей.

– Открой его. Но смотри не сломай отмычки!

А сам опять как ни в чем не бывало уселся за стол, оставив меня один на один с самым невыполнимым на свете заданием. Скептически оглядев оба металлических шупа, я попытался правым глазом рассмотреть запирающий механизм изнутри. Раньше меня никогда не интересовало, как устроены всякие там замки, так же трудно было представить, как это можно открыть без подходящего ключа.

Наудачу воткнув одну железку внутрь механизма, я попытался поворачивать ее в разные стороны. Ничего. От другой тоже было никакого толку. Пытаясь догадаться, как с ними управлялся Гарретт, я вдруг вспомнил, что он одновременно использовал обе отмычки, вставил узкую над широкой и старался их повернуть. Что-то сдвинулось внутри замка, но инструмент соскользнул и деталь с щелчком вернулась на старое место. Я делал все новые и новые попытки, пока не научился сдвигать и задвигать обратно эту самую часть механизма. Ну а что дальше? Я осторожно повернул второй шуп, но он не сдвинулся с места. „Если сейчас эта дрянь опять соскользнет, придется начинать все заново“ – мелькнула вызывавшая отчаяние мысль у меня в голове. Очень осторожно я

вращал отмычку и когда раздался отчетливый щелчок, выпустил со страху из рук тонкий щуп, который теперь глубже сидел в замочной скважине.

Краем глаза мне было видно, как Гарретт с чуть насмешливой ухмылкой наблюдает за моими трудами.

– Ага, один готов. Их всего тут три.

Поднявшись, он показал мне, как надо правильно работать отмычками. Хоть теперь я и знал, в чем дело, но из-за неуверенности движений потратил почти целый час, чтобы открыть замок. Гарретт объяснил мне, что замки состоят из отдельных стержней, которые поднимаются вверх и освобождают путь, поворачивая механизм и перемещая задвижку. Просто надо точно знать, где следует надавить. Тот замок, с которым мне довелось помучиться, был одним из самых простых. Обозленный на собственную неумелость, я тренировался как одержимый, пока в конце концов Гарретт не забрал у меня отмычки, сказав при этом, чтобы я не пытался с налету пробить головой стену.

Тем временем снаружи совсем смеркло и мой голодный желудок вспомнил о себе. Я встал, чтобы приготовить нам ужин, как вдруг в нашу дверь тихо постучали. У меня прямо руки опустились. Кинжал Гарретта сам собой оказался в его руке, однако вор не выглядел слишком обеспокоенным. И тут я вспомнил, что он ожидал прихода Езекила, а это означало, что сейчас за дверью могла стоять и Дана?..

В этот момент голос Езекила тихо произнес, что это он и что сюда привел его Артемус. Гарретт сперва чуть приоткрыл дверь, глядя на гостей сквозь узенькую щелку, и лишь затем впустил в комнату три укутанные в плащи фигуры. Самая высокая откинула капюшон и я узнал Мага Воздуха. Он дружелюбно улыбнулся мне, а я в ответ вежливо кивнул. Стоявший рядом Артемус тоже скинул свой отсыревший плащ, проговорив:

– Кажется, сегодня погода сошла с ума.

Когда третья, самая изящная фигура отбросила капюшон, мое сердце болезненно дрогнуло. Кожа Даны казалась еще прозрачней чем при нашей первой встрече, и от этого девушка выглядела очень хрупкой. Темные глаза задержались на мне на одно мгновение, но тут же ее взгляд скользнул прочь, а рука убрала с лица намокшие волосы. Я заметил, что стою как вкопанный, бессовестно пялясь на Дану, покраснел и быстро опустил глаза. Потом, усевшись на один из стульев, попытался вести себя так, словно сам был каким-нибудь предметом мебели и старался не поддаваться глупому желанию спрятаться под столом.

– Придется теперь переехать, – вздохнул Гарретт, глядя на трех наших посетителей и указав им на остальные стулья, а сам остался стоять, прислонившись к стене.

– Нам есть о чем побеседовать, – с радостным воодушевлением сказал ему Езекил.

– Слушаю.

– Нам удалось сделать сносный перевод тех рукописей из комнаты Самуэля. Ваши догадки, о которых сообщил нам Артемус, оказали неоценимую помощь в раскрытии тайного смысла надписей, особенно эта идея с созвездием. Работа с летописью была очень тяжелой, но продвинула наши исследования: там упоминается Аристайдес.

Езекил рассеянно скрестил пальцы особым образом, от которого у меня мурашки по спине побежали. Как и в прошлый раз, его большие руки находились в непрерывном движении. Дана с внимательным видом прислушивалась к его словам, не отрывая глаз от своего Мастера. Я поймал себя на том, что снова и снова украдкой бросаю на нее взгляды. Юная волшебница выглядела усталой. Езекил же, расцепив пальцы, продолжал:

– Тот текст на таэлине, найденный нами в комнате Самуэля, не что иное как вид предупреждения или пророчества...

Гарретт закатил глаза и Маг посмотрел на него в некотором замешательстве.

– Ничего, ничего, продолжайте... Пророчества – моя специальность.

– Текст сообщает, что пятеро жертв под Знаком Змеи возвещают о чем-то возвращении. Больше ничего не удалось понять – остаток так путанно написан, что можно лишь гадать о скрытом там смысле. Речь там идет о некоем Страже и Предательстве, но что охранялось и кто был предан, разобрать невозможно.

Езекил ненадолго умолк, а затем сказал:

– То, что еще удалось мне выяснить, просто ошеломляет. Знак Змеи – одно из созвездий Предков, имевшее ранее огромное ритуальное значение. Пришлось приложить усилия и покопаться в библиотеке, чтобы отыскать взаимосвязь, но, кажется, это то самое созвездие, что мы теперь называем Малым Драконом. Оно и сегодня играет важную роль, но мне было даже невдомек, как сильно связан наш Орден с этим расположением звезд. В текстах есть места, касающиеся верований Предков. Змея – *Руна* – символизировала начало и конец, замкнутый жизненный круг. По древним поверьям она обвивалась вокруг Вселенной, охраняя вечный круговорот энтропии. Использование силы Змеи означало власть над жизнью и смертью. Этот знак скрывается почти во всех ритуальных предметах и понятиях нашего Ордена. Даже контур Крепости смутно напоминает по форме созвездие...

Споткнувшись на полуслове, он взволнованно огляделся. Гарретт молчал, Артемус тоже не имел намерения перебивать Мага, поэтому он продолжал:

– Не могу понять, как могла кануть в безвестность квинтэссенция учения Братства Руки. Как будто все указания на нее внезапно и мгновенно исчезли... Как бы там ни было, есть наблюдения, что Малый Дракон каждые восемьсот лет приближается настолько сильно, что доминирует в северном небе. Во времена колдуна он находился так же близко как и теперь. И это совсем не случайность.

– А что с этими словами, выписанными Самуэлем?

Маг энергично закивал.

– Также весьма интересно. Каждое имя соответствует одной из звезд, образующих Дракона, или Змею в нашем случае. Мне удалось отыскать их перевод. *Хален* означает „священник“, *Фонор* – „ученый“, *Терен* – „воин“ и *Саэнар* – „алхимик“. *Хамаэн* же выпадает из этой последовательности: одно значение этого слова – „душа“, а другое обозначает саму *квинтэссенцию* Жизни, такую, как ее себе представляли Предки. Так называется яркая звезда в центре. Смысловое значение – гладкий, и тогда и сейчас очень редкий камень, вроде найденного вами обсидианового украшения.

– Значит, жертвы – одно из проявлений этого расположения звезд?

– Да, и что самое главное: один из покойных хаммерит – Священник, другой Хранитель – Ученый и еще Алхимик – Маг...

– ... и вор в роли Воина... – задумчиво пробормотал я.

Все разом обернулись ко мне. Я испуганно затих. Артемус дружелюбно спросил:

– Что сбивает тебя с толку, Тим?

Смущенно глядя на крышку стола, я проговорил:

– Эти сны... Они оба говорили о Камне, который надо защитить.

– Итак, кто же пятая жертва? – Маг оглядел всех, словно спрашивая ответ.

Чувствуя на себе взгляд Даны и почувствовав, что краснею, я опустил голову.

– Все равно мне кажется, что колдун выбирает себе в жертву тех, кто приближается к нему слишком близко, а не подыскивает заранее нужного человека, – вставил Артемус.

– Ну, об этом можно поспорить... – начал было Езекил.

Гарретт, оттолкнувшись от стены, жестко посмотрел на Мага.

– Зачем Первому Магу Абсалому понадобилось нанимать Гильдию для поисков летописи и медальона? Объясните мне это, будьте столь любезны.

Езекил на секунду онемел, потом пробормотал:

– Мне об этом ничего не известно.

Взор Гарретта по-прежнему оставался полон сомнения, когда он положил письма из дома антиквара на стол перед Езекилом. Маг Воздуха, не веря своим глазам, прочел их и только беспомощно покачал головой.

– Ничего не понимаю.

– Вам говорит о чем-нибудь имя „Азаран“?

– Разумеется. Он был позором Ордена и мы его изгнали. Его эксперименты вызывали отвращение, а побуждающие к этому причины всем казались более чем сомнительными.

– А доводилось Вам слышать о „Книге Праха“ ?

– Да... и как раз в связи с Азараном. Он был одержим идеей отыскать ее. Хотя известно, что подобной книги никогда не существовало, но безумец не верил этому. Он был убежден, что ее веками скрывало могучее заклятье Братства с целью не дать узнать о ее содержании человечеству.

– Он говорил о том, что надеялся прочесть в этой книге?

– Он считал ее ключом к великой власти в сфере заклинания мертвецов. Некромантия привлекала Азарона самым омерзительным образом.

– Как думаете, мог он и вправду отыскать книгу?

Езекил пожал плечами:

– Я не видел его с тех пор, как он переселился из Крепости в свою зловещую башню внутри Города. Как говорят, Азарон совершил самоубийство.

Гарретт повернулся к Артемусу, явно собиравшемуся что-то сказать:

– Как он это сделал?

– Я проверял – отравление. Он оставил напоследок полное ненависти прощальное письмо... кроме прочего там утверждалось, что Книга Праха найдена.

– Ты запомнил содержание?

– Намного лучше – я его переписал.

Поднявшись, Хранитель достал из плаща маленький свиток. Гарретт пробежал глазами строки и бросил рукопись на стол. Пытаясь разобрать текст, я перегнулся вперед, едва не столкнувшись лбом со сделавшей то же самое Даной, и отдернулся как ошпаренный. От меня не укрылась улыбка девушки и сердце снова екнуло в груди. Делая над собой усилие, чтобы ничего не замечать, я попытался сконцентрироваться на проклятом письме:

Кем бы ни был ты, нашедший эту рукопись, говорю тебе «Прощай!», ибо недолго мне осталось пребывать в вашем царстве вонючей плоти. Моя душа теперь и навечно останется в земле, подальше от всякого страха и пламени. Будь благословен тот час, когда я прочел Книгу Праха, это овеянное легендами сокровище, которое много лет назад я вытащил из праха давно забытых королей. На ее страницах хранятся тайны жизни, смерти ... и нежити. Рука запретила мне познавать учение, низринувшие столь многих в бездну безумия, но я добился того, с чем все остальные потерпели неудачу. Но остерегись! Правда скрыта от недостойных. Стань черен сердцем или оставайся пленником плоти.

Азаран Жестокий

– Но если это правда, где же тогда книга? – спросила Дана.

– Мы внимательно наблюдали за Азараном. Ничто не намекало на то, что она была у него. И после смерти мы не обнаружили ничего похожего в его башне. – ответил ей Артемус.

– Представим, что она все же ее нашел. Кто был заинтересован в том, чтобы книга так и оставалась мифом? – спросила девушка задумчиво.

– Кто угодно с каплей здравого рассудка, – отвечал Артемус. – Книга стала бы страшным оружием. Подобные знания опасны не только для ее владельца, но и для всего человечества.

В воцарившейся тишине прозвучал голос Гарретта:

– Возможно ли, что Первый Маг знает всю правду о происходящем?

– То есть может ли он знать, почему умерли эти четверо мужчин и что еще нам предстоит? – лицо Езекила было озабоченным и несчастным. Немного подумав, он добавил, запинаясь:

– Очень странно, что нет никаких намеков на созвездие и его значение. И в то же время наш Орден по сути основан на этом. Невозможно, чтобы Абсалом не знал про это... и я не понимаю, зачем ему скрывать эти знания. А если исходить из того, что они всегда скрывались от обычных членов Ордена, то возможно это длилось многие века...

– И Книга Праха – часть всего этого, не так ли?

– Если она существует – да...

– Значит, Первый Маг был заинтересован в ее исчезновении, верно?

Езекил медленно кивнул, Дана с недоверием смотрела на Гарретта. Подумав секунду, он снова спросил:

– Если бы она сейчас попала в руки Магов, то они бы уничтожили ее?

– Ни в коем случае, – со значением в голосе ответил Езекил. – В подобных книгах скрыта невероятная мощь. Уничтожить их значит вызывать непредсказуемые последствия. Их создатели еще тогда, во времена седой древности, зачастую защищали свои творения могучими защитными заклятиями, которые могли снять лишь они сами.

– Хорошо, где Абсалом мог спрятать такую книгу, если он не в состоянии ее уничтожить?

Езекил обескуражено поглядел на вора, качая головой. Гарретт тихо вздохнул, спросив:

– Возможно ли, что Азаран не совсем добровольно совершил самоубийство?

– Абсалом никогда не стал бы никого убивать или нанимать кого-то для этой цели...

Дана казалась обеспокоенной и Езекил вопросительно посмотрел на нее.

– В летописи я прочла отрывок про красную ленту... – сказала она.

– Этот способ не применяли уже долгое время и я не могу себе представить... – вздохнул Езекил.

– Что еще за красная лента? – нетерпеливо оборвал его Гарретт. * оборзел, ворюга! Ну понятно, что в законе, но же зачем грубить ученым людям?

– В старые времена Магам, ставшим из-за своих необдуманных действий непереносимым позором для Ордена, посылали красную ленту. То есть получивший подобную посылку должен был свести счеты с жизнью. * а это уже древнеримские правила, нероновщина. Если виновный не подчинился, то считался лишенным чести – на него указывали пальцем как на обычного преступника. Но все это было так давно, что даже я слышал лишь рассказы старейших Мастеров-Магов во времена моего ученичества.

– Чрезвычайно эффективный метод давления. – заметил Гарретт.

– Но при всем желании я не могу себе представить...

– Возможно, мы никогда не узнаем всех подробностей этой истории. Что выяснилось про Мага из склепа Св. Квинтуса?

– Аристайдес? Я поручил Дане собрать о нем информацию.

Сидя на стуле и мгновенно выпрямившись при этих словах, Дана поглядела на Гарретта.

– Я не слишком многое про него узнала. Аристайдес был очень сильным Огненным Магом пользовался доверием тогдашнего главы Ордена. Очевидно, он принимал участие в уничтожении колдуна. Эта битва очень кратко описана в летописи. Сформировалась некая коалиция из Магов, хаммеритов и дворян, восставших против владычества Заклинателя мертвых и эта попытка в конце концов увенчалась успехом. Он погиб, а тело было сожжено. Однако все знали о его мощи и боялись возвращения, несмотря на уничтоженный труп. Прах погребли в склепе, наложив сильные чары, а Аристайдес получил задание – охранять его в течение всей своей жизни и после нее. И если вдруг колдун на самом деле осуществит свою угрозу и возвратится в наш мир, то Аристайдес тоже восстанет и положит конец ужасам.

– Сомневаюсь, что он в состоянии это сделать, – Гарретт не скрывал своего нетерпения. – Есть точные данные про склеп?

– Только то, что он находится в месте великой силы.

– В месте великой силы?

Езекил вклинился в разговор с пояснением:

– Есть места, наполненные магической энергией. Их используют со всевозможными целями. Например, Крепость построена именно на таком месте.

– На месте захоронения Аристайдеса долгое время находился монастырь хаммеритов. Какое отношение имеет он к этой истории?

После короткой паузы Езекил ответил:

– Возможно, наши победоносные союзники взяли на себя охрану склепа с прахом колдуна... Он должен быть там.

– Я тоже это предполагаю. Надо ли опасаться этих защитных чар?

– Думаю, они должны препятствовать тому, чтобы колдун *вышел* из склепа, но не тому, чтобы кто-нибудь туда *вошел*. Тем не менее следует соблюдать осторожность. Обычно осквернителей могил никто не жалуется, в том числе и мой Орден.

– А теперь по поводу медальона, – перебил Мага Артемус. Я выяснил примерное содержание выгравированной на нем надписи. Оно гласит: „Путь откроется лишь тому, кто сумеет соединить огонь и воду“. * момент торжественный, но не могу удержаться – т.е. любому самогонщику или работнику ликеро-водочного завода?

Голова моя гудела, желудок бешено урчал от голода и к тому же я устал как собака. Скорей бы уж они заканчивали свои обсуждения!

– Маги и Хранители. Всегда одно и то же – никаких точных ответов. – Гарретт, видимо, тоже наслушался вволю. Он подошел к стулу Артемуса.

– Буду благодарен, если вы выясните, существует ли вообще Книга Праха и где она сейчас. А мы завтра поглядим, действительно ли урна колдуна находится в Св. Квинтусе и хорошо ли закрыт вход в склеп. Может, его сторожа ради разнообразия оставили нам парочку внятных указаний.

– Будь осторожен, Гарретт, – поднялся со своего места Хранитель, бросив на меня серьезный взгляд. Езекил и Дана тоже встали.

С одной стороны я радовался, что это собрание наконец-то разошлось – измотанность после сегодняшнего похода давала о себе знать, а с другой хотел побыть еще немножко рядом с Даной. С несколько несчастным видом я смотрел, как она надевает свой плащ и набрасывает капюшон. Маленькая группа гостей, распрощавшись с нами, быстро покинула комнату. Уже выйдя в коридор, Дана бросила на меня через плечо быстрый взгляд. Я успел различить на губах девушки легкую улыбку, а затем дверь за ней закрылась.

26

Посреди ночи сон покинул меня. Что-то было не так. Огонь в камине превратился в мягкое мерцание, отбрасывающее слабый красноватый отсвет. Сев на лежанке, я прислушался и поглядел на изголовье гарреттовой кровати. Его там не было – в темноте вор стоял у окна и тихо наблюдал за происходящим снаружи. Во тьме я сумел различить мерцающий неровный свет, словно от множества зажженных факелов. Доносились приглушенные голоса и крики.

Гарретт заметил, что я проснулся и тихо сказал:

– Выглядит так, словно все обитатели кладбища решили совершить прогулку по Городу.

Я поднялся и, дрожа от холода, встал рядом. Вся городская стража была на ногах, сопровождаемая моими братьями и отдельными вооруженными горожанами. Люди казались жутко обеспокоенными и с оружием наизготовку передвигались по улицам. На площади перед нашим домом толпа взяла в кольцо двух зомби и совместными усилиями долбила мертвяков до тех пор, пока от них не осталось ничего кроме кучки костей и кожи. Люди с отвращением подожгли эти останки и отправились дальше на поиски открыто шатающейся по Городу нежити. А ее набежало немало, это мне стало ясно с первого взгляда. Ведь зомби снова выползли со всех сторон, лишь только защитники освободили от них площадь. Небо над крышами стало багровым от бесчисленных пожаров.

Понаблюдав за мрачной сценой, я спросил:

– Почему же Маги им не помогают? Там внизу нет ни одного...

Гарретт в ответ только устало передернул плечами. Я кипел от злости, наблюдая за моими братьями, бок о бок со стражниками и горожанами противостоящих надвигавшейся угрозе. Если наши домыслы верны, то Маги вместе со своими обрядами,

тайными или явными, оказались отчасти замешаны в том, что появилось такое множество зомби и потому были просто обязаны помочь в беде жителям города. Но где же они?

Шум в прихожей нашего дома оборвал мои мысли. Мы обернулись, прислушиваясь. Кто-то испуганно вскрикнул и чья-то дверь с грохотом закрылась на замок, а снаружи донеслось протяжное бешеное урчание.

– Как ему удалось сюда пройти? – испуганно прошептал я.

Гарретт знаком велел мне замолчать, сделав пару быстрых бесшумных шагов к двери. Как можно тише я направился следом. На ходу вор схватил свой лук, вешая на плечо колчан, а на тетиве уже покоилась огненная стрела. Я взял с полки возле двери оставшиеся после путешествия в Катакомбы флаконы со святой водой, встав рядом.

Очевидно мертвяк пытался открыть дверь, отделявшую его от обладателя перепуганного голоса. Это ему не удалось и ходячий труп снова и снова колотил по ней своими скрюченными руками-клешнями. Стук звучал словно удары рока и все никак не прекращался, так что рано или поздно задвижка сломалась бы.

Гарретт приоткрыл дверь, выглядывая в щель. Я со своего места не мог видеть, что там происходило, да и по правде говоря мне этого не особенно хотелось. Вор медленно распахнул дверь, мне теперь были отчетливо слышны удары и царапанье костяных пальцев по дереву и приглушенный шум нескольких голосов. Гарретт прицелился и выстрелил.

Взрыв в коридоре сотряс все здание, послышался бешеный вой зомби – значит, он не был уничтожен. Я знал, что вор превосходный лучник, посланные им стрелы очень точно поражали цель. Поэтому казалось странным, что мертвяк выдержал огненную атаку. Зажав в кулаке бутылочки, я твердо решил окатить святой водой любого, кто осмелится переступить порог комнаты.

Гарретт открыто стоял в дверном проеме (между тем отвратительные шаркающие шаги быстро приближались) и отскочил лишь в тот момент, когда тварь почти настигла его. Когда мертвяк вознамерился войти в комнату, я швырнул в него оба флакона, угодившие в грудь и в плечо, и он опять громко взвыл. К моему ужасу этого снова оказалось недостаточно и пришлось спешно отпрыгнуть от обернувшегося ко мне ходячего трупа, который уже замахнулся рукой для удара чудовищной силы. Краем глаза я заметил что-то полыхающее и тут вторая огненная стрела ударила в грудь зомби, наконец-то разнеся его на куски. С секунду я пялился на то место, где отвратительное создание обратилось в прах, потом обеспокоенно посмотрел на Гарретта. Он опустил лук, ответив мне серьезным взглядом и, подойдя к двери, запер ее. Во всем доме стало абсолютно тихо и поскольку шум борьбы не привлек других нежеланных визитеров, можно было надеяться, что мы снова находились только среди живых.

Гарретт опять подскочил к окну, не выпуская лука из руки, и поглядел наружу. Он выглядел задумчивым и в таком состоянии лучше было его не беспокоить. Однако я все же спросил:

– Этот, кажется, был посильнее прочих, правда?

В ответ последовал только слабый кивок. У меня в голове вертелась целая куча вопросов, но, судя по выражению его лица, не время было сейчас их задавать. Поэтому я молча выглянул из окна. Очень медленно горожане брали верх над отвратительными пришельцами, спустя некоторое время поток мертвяков совсем иссяк. Я лег досыпать, лишь когда всполохи на ночном небе угасли и на улицах вновь воцарился покой.

Однако одна мысль не давала уснуть – как мерзкая тварь сумела зайти в наш дом, когда внизу буквально кишели стражники, взбешенные хаммериты и до зубов вооруженные граждане? Почему она так стойко сопротивлялась нашему оружию? Или этот зомби совсем не случайно оказался здесь?

Беспокойно перевернувшись с боку на бок, я посмотрел на лежащего без сна Гарретта. За окном опять повисла обычная тьма и тишина. Закрыв глаза, я надеялся не увидеть никаких снов, но не тут-то было.

Дикие картина сражений людей и мертвяков проплывали перед глазами. Среди прочих защитников бились рука об руку Торбен с Дэниелем. Сам я стоял на улице перед

домом, пытаюсь отбить атаки монстров с помощью святой воды, но с ней что-то было не в порядке. Мне стало ясно уже после броска первой бутылочки, что содержимое сосудов абсолютно бесполезно. „Ты не можешь сам благословить воду“, мелькнула мысль, „ты же не священник...“ Внезапно я оказался в склепе Св.Квинтуса и передо мной зиял неприятной темнотой тайный проход в стене. Взгляд мой искал Гарретта, но тщетно – его не оказалось рядом и мне приходилось в одиночку противостоять этому мраку. Я упирался, пытаюсь сделать шаг назад – проход казался бездонной дырой, жаждущей навеки проглотить меня. Мне почти удалось отойти оттуда, как вдруг что-то с силой ударило меня по спине между лопаток и я с криком рухнул куда-то в глубину. На какое-то время спутанные картины пропали, но вот опять передо мной предстал открытый саркофаг, а кругом расстилалась нероглядная тьма. Кто-то сбил с него резьбу и я почувствовал босыми ногами боль от валявшихся на полу осколков, когда с неуверенностью приблизился и осторожно заглянул внутрь. Темное, безжизненное тело в саркофаге пока еще не начало разлагаться. Лица я не разглядел – голова покойного была повернута в сторону. Палец правой руки, лежащей на груди поверх левой, украшало кольцо с двумя обтекающими друг друга символами. Перегнувшись через край, я осторожно ухватился за кисть, пытаюсь снять его с покойника. Рука была очень бледной и такой же холодной, как пол под ногами. Я вздрогнул. В этот самый момент труп повернул голову и уставился на меня раскрытыми мертвыми глазами. О ужас – из саркофага на меня смотрело мое собственное лицо! Заорав, я отшатнулся и упал. От этого падения беспокойный сон мгновенно сменился явью.

Утреннее солнце посылало в комнату несколько лучей, заставлявших сверкать морозные узоры на окне. Одевавшийся возле своей кровати Гарретт в замешательстве смотрел на меня.

– Ты опять кричал.

Ничего не ответив, я просто закрыл глаза, чувствуя себя глубоко несчастным. Лишь спустя время я сел на лежанке, подперев руками голову. Гарретт закончил с гардеробом и тоже сел на кровать – не задавая вопросов, он молча ждал.

– Должно быть... я и есть тот самый пятый... – слова застревали у меня в горле.

Вор посмотрел на меня серьезно и внимательно, но опять ничего не сказал.

– Я видел самого себя... в саркофаге... мертвого.

Его взгляд сделался задумчивым, а вместо ответа снова последовала тишина. Я был благодарен ему за это. Несколько долгих минут спустя он спросил с расстановкой:

– Хочешь сказать, что этот сон точно такой же как и два предыдущих?

Я с удивлением поднял голову.

– Нет. В этом все было по-другому.

– Так почему же ты думаешь, что он означает то же самое?

– Но что тогда он означает?.. – беспомощно потряс я головой.

– Может быть, совсем ничего, – пожал плечами Гарретт. – Или это предостережение. Но что от этого меняется?

Поразмыслив таким образом, я почувствовал себя легче. Он прав – у меня предостаточно причин для того, чтобы видеть кошмары и необязательно все они должны быть вещими снами. Пока я не знаю точно, что то или иное видение имеет смысл, не стоит впадать в панику. Возможно, всего лишь страх и события прошлой ночи вызвали эту сумятицу у меня в голове.

– Поднимайся. Сегодня нам предстоит долгий путь.

Из Города мы шли на север уже знакомым мне путем. Улица была еще не разъезжена и там лежал толстый слой снега. Кое-где он совсем исчезал, чтобы опять возвыситься сугробами под ногами. От этого экстремального марша по глубокому снегу я весь вспотел несмотря на трескучий мороз, пока мы добрались до церкви Св. Квинтуса.

Старое здание, освещенное зимним солнцем, сегодня выглядело немного приветливее, чем в наш прошлый визит. Могилы превратились в белые холмики нетронутого снега и даже сами руины прикрыло толстое белое одеяло. Обвалившаяся

местами крыша поскрипывала от непомерной тяжести и, казалось, готова была рухнуть в любой момент.

Когда мы приблизились к церкви, стая черных птиц слетела с ее балок, немножко напугав меня. Трепет множества легких крыльев был единственным звуком, нарушившим абсолютную тишину Св. Квинтуса. Замерзшее озеро матово мерцало, а лежащая на противоположной стороне застыла, словно ландшафт на гравюре. Лишь подымавшиеся кое-где из труб дымки разрушали эту иллюзию. Между тем Гарретт находился уже внутри церкви.

Сквозь дырявую крышу и выбитые рамы нанесло уйму снега, так что сугробы громоздились не только перед входной дверью, но и далеко в нефе. Дыра в полу являла собой резкий контраст с искрящейся белизной и напомнила мне сцену из недавнего сна, отчего в животе неприятно заурчало. Вор пустил стрелу в низко нависавшую балку и по лиане спустился в склеп. Отбросив все мысли, я просто скользнул следом за ним.

Сегодня здесь все выглядело намного более мрачным, чем в прошлый раз – снег залепил все большие и маленькие отверстия в крыше и теперь сюда не проникало ни лучика света. Но мой спутник, будто предвидев подобную возможность, прихватил с собой факел. Постепенно робкое мерцание превратилось в яркий потрескивающий источник света, полностью осветив маленькое помещение.

Мы с Гарреттом сразу направились к той самой нише с обсидианом. Вытащив из кармана медальон, он изучающе разглядывал его, а затем вложил в замок. Странные камешки на древнем ключе беспрепятственно скользнули в свои углубления. Поначалу было тихо, но затем раздался отдаленный грохот и стена перед нами как будто задрожала. Я испуганно отступил назад. Шум мало-помалу стих, но ничего не произошло. В удивлении я смотрел на стену, которая сейчас совсем не тряслась и казалась несокрушимой. Гарретт подождал пару секунд, ответил на мой ошарашенный взгляд легким покачиванием головы и потянул ключ назад. Но стоило ему коснуться медальона, как вся стена вместе с замком почти беззвучно ушла в пол, открыв широкий проем.

Я оторопел; если что-то подобное и происходило с моим спутником, то внешне он никак это не показал. Спрятав артефакт, вор пытался осветить темное пространство, лежащее за входом. Понадобилось достаточно много времени, чтобы убедиться – никакая ловушка не подстерегала незваных гостей за порогом. После этого Гарретт отважился сделать шаг внутрь. Факел осветил широкий проход – без каких-либо украшений, но его черные каменные стены были гладкими как стекло. Переступив порог, я увидел символы, которые неведомая сила словно *вплавил* в камень, в любом случае их не написали и не сделали инкрустацию. Когда свет падал на стену, буквы коротко вспыхивали, чтобы затем снова исчезнуть. Я узнал письмена Предков, выполненные в своеобразной манере (прежде всего потому, что не понял ни слова). Гарретт тоже остановился, сосредоточенно разглядывая их. Лицо его омрачилось.

– Что тут написано? – озабоченно спросил я.

– Не имею ни малейшего понятия. Это таэлин.

Вор очень внимательно осматривал проход, пока мы по нему продвигались. Я как мог старался не мешать. Через пятьдесят метров покатый пол закончился лестницей, ведущей во тьме в неведомые глубины. Мне почудился чей-то шепот и я в испуге заозирался по сторонам, но кроме нас тут никого не было. Гарретт бросил на меня быстрый вопросительный взгляд:

– Тут что-то есть?

Я без слов качнул головой и он снова направился к лестнице. Гарретт явно ей не доверял. Ступени были сделаны из того же гладкого камня, что и стены прохода и в них тоже появлялись буквы, стоило лишь поднести туда факел. Я ощущал, что Гарретт недоволен увиденным. Это означало: он не замечал ничего, что намекало бы на западню, однако его инстинкт говорил об обратном.

В конце концов он снял с плеча лук и послал вниз огненную стрелу. Она прыгнула во тьму, оставляя за собой светящийся след. Довольно долгая тишина вызвала беспокойство, но вот наконец прогремел взрыв. Вспышка слабо озарила стены вокруг

лестницы, и в этом свете мы различили, что они не имеют ни швов, ни выступов, ни каких-нибудь других неровностей. Вор нахмурился еще сильнее, но, вздохнув, начал осторожно спускаться. Его нервозность передалась и мне – я физически ощущал ее, поскольку устремился за ним следом.

Медленно, очень медленно мы уходили все ниже и хотя пока ничего не произошло, недоверие моего спутника никуда не делось. Его движения были выверены и контролируемы, а чувства невероятно обострены. Я старался как можно тише и медленнее передвигаться следом, чтобы не отвлекать Гарретта.

Могу поклясться, что в этот момент опять услышал о чем-то шепчущие голоса, но стоило прислушаться или повернуть голову, как они пропадали словно фантомы. Может, просто нервы расшалились. Я выяснил, что буквы в стенах вспыхивали не только от света – касание рукой вызывало тот же эффект. Очень хотелось знать, что же они все-таки означают.

– Мне это не нравится... – пробормотал тихо Гарретт.

Мы преодолели почти половину лестницы, оставшийся позади участок скрылся во тьме, а впереди тоже было ни зги не видно. Я радовался тому, что примерно знал, как далеко тянется этот проход * откуда он знал? Помножил скорость стрелы на время с момента пуска до взрыва? А он это умел? и подбадривал себя мыслью о том, что неприятный спуск скоро закончится. Меньше всего мне хотелось остаться здесь заживо погребенным.

Возле моего правого уха раздался отчетливый шепот. Я резко обернулся, и воцарилась тишина. Там не было ничего, однако краем глаза мне удалось различить гаснущие символы. Сейчас глянецовую черноту стены ничто не нарушало. Я протянул руку – скрытые письмена снова отчетливо проявились, однако оставались для меня полной бессмыслицей.

Остановившийся Гарретт наблюдал за моими махинациями.

– Что такое?

– Вы ничего сейчас не слышали?

– Что именно?

– Шепот.

Он покачал головой, пристально глядя на меня.

– Это был человеческий голос?

Я обдумывал этот вопрос. Да, шепот явно принадлежал человеческому существу, хотя невозможно было точно определить, кому именно – мужчине или женщине. Я кивнул.

– И о чем он шептал? * «Освети статую и войдешь». Эх и помучился я в первый раз с этим шепотом!

Снова я задумался. Слова звучали отчетливо, но смысл мне был непонятен.

– Думаю, это какой-то чужой язык...

Вздохнув, Гарретт продолжил путь вниз. Пока мы спускались все глубже и глубже, я обеспокоенно прислушивался к звукам позади. Но единственными звуками между черных стен были наши собственные шаги и потрескивание факела. Озабоченно я приглядывался к нему – не стал ли его свет слабее? Не собирался ли он погаснуть?

Эти мысли на несколько секунд отвлекли меня, поэтому я перепугался до смерти, когда опять раздался этот шепот. Но в это раз уже не сделал прежней ошибки – не стал сразу оборачиваться, стараясь не расклеиваться и ни к чему не прислушиваться. Через секунду шепот стих, но тут же вернулся, но сейчас он звучал уже не за моей спиной. Мне сразу стало ясно, что странное явление никуда не исчезало, оно постоянно пребывало в этих стенах и каждый мог его услышать, если был способен на это. Со всех сторон наплывали диковинные слова неведомого мне языка и если совсем освободить голову от мыслей, то казалось, будто звучат сразу несколько голосов. Я остановился. Хотя мои глаза не смотрели в ту сторону, я взмечал, как зажигались символы, складывались в слова и снова гасли. Стены вокруг словно пульсировали от этих вспышек. Теперь в этом не было ничего угрожающего, наоборот – казалось красивым. Я внезапно понял – ведь это те самые наложенные Магами чары, препятствующие выходу погребенного внизу Зла.

Гарретт успел порядком отдалиться, свет его факела уже едва достигал меня, когда вор заметил, что я замер на месте. А меня больше не страшил мрак – проход перестал быть темным. Сбитый с толку Гарретт смотрел снизу на мою блаженную улыбку. Это заставило меня вернуться к реальности и мерцающие вокруг огоньки исчезли. С виноватым видом я спустился к нему.

– Это защищающее волшебство. Символы в стенах вспыхивают и голоса шепчут слова.

– *Голоса?*

– Они вокруг нас.

Гарретт с сомнением оглянулся.

– Ты начинаешь меня беспокоить, Тим...

– Я не спятил! Это можно увидеть, если не присматриваться и услышать, не прислушиваясь... – уже произнося эти слова, я осознал, насколько безумно они звучат.

– Мы должны сделать все возможное, чтобы закончить здесь нашу работу, – вор с сочувствием посмотрел на меня.

Замолчав, я уставился в пол. Он поднял факел и скептически поглядел на символы в стенах, затем пошел дальше, все такой же сконцентрированный и осторожный как и в самом начале спуска.

Достигнув конца лестницы, мы оказались в тупике – монолитная стена преграждала путь. Но хотя она тоже была из темного гладкого камня, однако на ней не вспыхивали никакие загадочные строки. В свете направленного на нее факела я различил на ней пять различных символов. Гарретт задумчиво рассматривал их.

– Эти слова мне знакомы... *Хален, Терен, Фонор* ... все они тут. – указательным пальцем он провел по контуру одного из символов. Тот вдруг ярко засверкал и вор резко отдернул руку.

– Могу себе представить, что произойдет, если мы опростоволосимся...

Я лишь беспомощно хлопал глазами, глядя на стену и силясь понять, о чем это он. Заметив мое состояние, Гарретт спокойно пояснил:

– Если мы правильно активируем символы, то стена откроется, могу спорить на что угодно. А вот если допустим ошибку, то...

Я счел за лучшее не думать о том, какой сюрприз приготовили маги для непрошенных гостей. Гарретт опять разглядывал вытащенный из кармана медальон.

– Огонь и вода... * ясно как день – без пол-литры здесь не разобраться

Здесь, внизу, ничто не указывало на эти два элемента. Я не нашел никакой связи, у Гарретта дела тоже шли не лучше. Он сосредоточенно смотрел на знаки.

Поскольку ничего, способное помочь в этом деле, не приходило в голову, то я решил думать о Дане. Во время нашей последней встречи она выглядела такой измученной... То ли она так сильно утомилась, выискивая для нас информацию, то ли обучение Магии давалось столь тяжело? Магия Воздуха... что бы это ни означало, для меня сие понятие по-прежнему оставалось тайной за семью печатями. Может, они умеют повисать в воздухе? Мне очень хотелось проникнуть в одну из Башен и поглядеть, чем они там занимаются. * ишь какой любопытный Но лучше не в эту Башню Воды, тем более если слова Гарретта – правда... и не в Башню Огня. * самая красивая Башня у его подружки, ИМХО

Внезапно меня осенило.

– А ведь Езекил сказал, что очертания Крепости совпадают по форме со знаком Змеи, так ведь?

Гарретт сразу же уловил ход моих мыслей.

– Какая-никакая, а идея. Вот только мы не знаем, какой звезде соответствует каждый элемент, *Хамаен* в центре не берем в расчет. Таким образом, это слово уже исключается.

Я вспомнил точный перевод имен: Воин и Алхимик, Ученый и Священник, и попытался найти связь.

– Если бы я устанавливал порядок символов, то соотнес бы огонь с Воином... – произнес Гарретт скорее для себя, чем обращаясь ко мне. Он закрыл глаза и стало

понятно, что он пытается сравнить созвездие с контурами Крепости, начиная с Башни Огня. Я попробовал сделать то же самое, но во-первых уже успел забыть, какая из звезд носила то или иное имя, а во-вторых мне не хватало воображения при попытке сравнить обе этих картины – не получалось мысленно вертеть их под разными углами. Для этого мне требовалось где-нибудь их нарисовать. А вот у Гарретта с этим, похоже, совсем не было проблем.

– Так, но тогда это означает, что *Терен* – Огонь, Воин и запад, *Саэнар* – Земля, Алхимик и юг, *Фонор* – Вода, Ученый, восток и *Хален* – Воздух, Священник, север...

Озадаченный сложностью таких комбинаций я вытаращился на него. Не замечая моего удивления, он положил правую руку на символ *Терен*, а левую – на символ *Фонор*. Оба тут же лучисто вспыхнули. Потом все символы на стене погасли и раздался тот же грохот, что и тогда в склепе. Я инстинктивно втянул голову в плечи – сейчас собственная идея уже не казалась мне блестящей. Но проход не обрушился – вместо этого шум понемногу смолк и стена беззвучно исчезла в полу.

Поток воздуха рванулся мне навстречу, словно открывшаяся комната глубоко вздохнула. Там не оказалось никакого убранства – просто круглое помещение с куполоподобной крышей, которая (так же как и пол со стенами) была глянцеви́то-черной. Повсюду пестрели письмена. В середине находился пьедестал, похожий на низкую черную колонну. На нем покоился плотно запечатанный сосуд из темного камня.

Я было вздохнул с облегчением, но Гарретт, похоже, остался недоволен увиденным. Подойдя поближе к урне, он подробно оглядел ее. Сначала я решил подождать его у входа, но любопытство, как обычно, взяло верх и вот я уже в комнате.

Теперь мне уже не нужно было напрягаться, чтобы различить шелест голосов и лучащиеся символы. Приблизившись вплотную, я вместе с Гарреттом разглядывал урну и медленно провел кончиком указательного пальца по гладкой холодной поверхности. Внезапно у меня закружилась голова и на секунду пол ушел из-под ног. Мгновенно среагировавший Гарретт успел подхватить меня. Медленно сползая на пол я смотрел на его озабоченное лицо. Потом все расплылось и перед глазами возникла другая картина.

Я знал, что все кончено. Слишком много врагов. Они сломали мою защиту и теперь с жуткой отрешенностью устремились ко мне. Ни одна из моих тварей не смогла бы теперь меня защитить. Я осознавал, что в одиночку не выстою против коалиции Магов Братства Руки и священников-хаммеритов. Одним из первых через ворота ворвался Аристайдес – с мечом в руке и с горящими гневом глазами. Я бросил навстречу его отряду целую толпу своих чудовищных защитников. Но силы мои иссякли – они были способны лишь чуть-чуть сдержать нападающих, но не остановить их. Может, это и к лучшему. Я уже давно перестал видеть во всем какой-то смысл. Книга... лучше бы я оставил ее там, где нашел. Он сожрала мой дух, именно об этом предупреждали старики. Тех людей, что были некогда мной любимы и безвозвратно утеряны, она не смогла вернуть. Мня себя богом, я сделался марионеткой Сил, безрассудно освобожденных мной. Я должен был ее уничтожить, пусть этот поступок будет последним в моей жизни. Лишь я один мог сделать это. Прижав к себе книгу, я пытался добраться до ревущего пламени огромного камина в моем кабинете.

Пробивший себе путь Аристайдес швырнул в меня пылающий шар чистой энергии. Будь у меня силы, я бы с легкостью отразил эту атаку, но не теперь – огонь ударил мне в грудь, свалив на пол. Книга выпала из рук. Я пытался снова встать на ноги, но было уже слишком поздно. Мой противник ожесточенно занес меч над головой, а я не мог избежать смертельного удара. Вспышка боли была короткой.

Лицо Гарретта казалось страшно озабоченным, когда я открыл глаза, глядя на него. Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, где я нахожусь и кто я. Пребывая в полной растерянности, я совершенно четко знал, чьими глазами увидел все происшедшее. Но откуда взялось это видение? Неужели душа покойного из этой урны сумела установить

со мной контакт? Был ли он все еще здесь, или же это всего лишь отдаленное эхо, которое мне удалось уловить?

Самым страшным казалось то, что в этот момент помутнения сознания я уже не являлся простым наблюдателем, а *действительно стал им* – думал как он, чувствовал как он и его воспоминания стали моими. Как будто видение стерло мое „я“ и на время заменило его разумом другого человека.

Гарретт ни о чем не спрашивал. С испытующим взглядом он помог мне встать на ноги. Кивнув, я тем самым хотел сообщить ему, что снова чувствую себя нормально. В его взгляде сквозило сомнение, однако вор отвернулся от меня, чтобы продолжить осмотр колонны с урной. Кроме них в помещении больше ничего не оказалось – ни намека на то, что здесь раз и навсегда упокоилось великое Зло.

Ноги мои были все еще ватными, когда я прислонился к стене, чтобы хорошенько подумать. Почему произошли эти убийства? Ведь здесь внизу все казалось нетронутым. По-моему, колдун не выходил из своего склепа и урна казалась надежно запечатанной. Если он хотел вернуться в мир в своем прежнем телесном обличье, то должен был освободиться из этой тюрьмы.

У Гарретта появились те же мысли, ведь он убедился, что урна не пуста, когда, к моему величайшему ужасу, открыл ее и заглянул внутрь. Если я ожидал увидеть вырвавшегося на волю жуткого духа, то сильно ошибался – в обычной погребальном сосуде лежал нетронутый прах покойного. Мне все это было непонятно. Может, Маги заблуждались? Но если причиной всему был не колдун, то кто же тогда пытался выпустить на волю мощь созвездия? Или все-таки это он и величайшим заблуждением являлась попытка обезвредить тирана, закрыв в урне бранный прах? Я чувствовал, что где-то наша теория дала сбой.

И откуда во мне столько сомнений? Неужели из-за того, что я несколькими минутами ранее заглянул в душу человека, нагонявшего в давно минувшие времена столько страха на других людей? Не могу сказать, что ощутил в нем некую чрезмерную злобу. Я чувствовал отчаяние, печаль, но никакой ненависти. Или он таким образом пытался сбить меня с толку? Может, ничего этого не было, может, я стал жертвой иллюзии? Или же летописцы намеренно исказили эту историю?

На лице Гарретта тоже не обозначилось особого воодушевления от находки. Он самым тщательным образом осмотрел комнату, но стены ее были столь же гладкими и лишенными швов, как и на лестнице. Наконец он, потеряв терпение, со вздохом огляделся по сторонам. Взгляд вора задержался на урне. С дурным предчувствием я заметил, как глаза его вспыхнули от пришедшей в голову идеи. Двумя быстрыми шагами он приблизился к сосуду, схватил и перевернул его. У меня перехватило дыхание – я был уверен, что вот теперь-то на волю вырвутся дремавшие здесь злые силы.

Темно-серое облако прах с легким шуршанием оседало на пол и что-то громко стукнулось о камни пола, а затем опять все смолкло и ничего не произошло. Пыль потихоньку улеглась. Я чуть-чуть расслабился и растерянно наблюдал, как мой спутник носком сапога ворошит мелкий серый порошок на полу. Он поймал мой взгляд и, скорчив гримасу, сказал:

– Они исходили в своих предположениях из того, что урна окажется пустой, когда он восстанет. Поэтому они оставили в ней некое указание, проявляющее себя лишь в том случае, если произойдет столь пугающее всех воскрешение.

Наткнувшись ногой на что-то твердое, Гарретт поднял это с пола. Черный черепок, вроде бы из того же материала что и урна, ничего особенного в нем не было. Ошарашенно глядя на бесполезный осколок, он расшвырял в стороны остатки праха. Ничего. Мне было видно, как его лицо еще больше помрачнело.

– Маги... – раздраженно прорычал он.

Осторожно подойдя поближе, я рассматривал черепок в его руке. На первый взгляд в нем не было ничего необычного или магического, даже не заострен каким-то особым образом. Просто осколок, ничего больше. Но вот что удивительно – урна выглядит целой,

откуда же тогда он взялся? Слишком велик, чтобы не заметить внешнего повреждения, но сосуд казался безупречным. В задумчивости я смотрел на него.

Внезапно меня посетила мысль. Что, если как раз *это* и было проблемой? Возможно, она и не целая, а черепок – лишь указание на что-то еще? Сам себе удивляясь, я грубо схватил урну и что есть сил швырнул ее на пол.

Теперь Гарретт уже смотрел на меня как на полного идиота. Но тут выражение его лица изменилось, когда он разглядел осколки сосуда. Подставкой для урны служил массивный черный диск, но теперь он треснул и наружу показалась часть тонкой металлической пластины, спрятанной внутри. Я разглядел на ней мелкие письмена, когда взяв ее в руки, освободил от остатков подставки. Пластина имела величину и форму монеты – плоская, круглая и затейливо украшенная. Множество строк, написанных витиеватым шрифтом, были выгравированы на поверхности. Меня совсем не удивляло, что не удалось прочесть ни слова.

Отдав пластину Гарретту, я готов был скакать от радости, видя намек на одобрение в его взгляде. Он быстро прочитал письмена, чьи символы использовали Предки. Но, как и ожидалось, это оказался древний язык ученых и Гарретт не смог ничего перевести. Тогда он посмотрел мне в глаза:

– Что ты на сей раз увидел?

Не зная, как выразить свои ощущения словами, я мялся, беспомощно глядя на него, и наконец сказал:

– Я был кем-то другим... Полагаю, что видел последние минуты жизни погребенного здесь мужчины. Это было странное ощущение.

– А именно?

– Я не только все *видел*, но по-настоящему *стал* им. Это было ужасающе и... удивительно.

– Почему?

– Потому что он оказался совсем не таким, как я ожидал.

– А чего ты ожидал?

– Ну... что его переполняла ненависть, или жажда мщения, или обуревало какое-то иное ... злое чувство.

Я чувствовал, что упустил нечто очень важное. В чем же заключалась огромная разница между ожидаемым мной образом и увиденным? И вдруг я понял.

– Он не выкрикивал никакого проклятья... То есть он не сказал, что возратится, как рассказывают предания о нем. Он вообще *ничего* не говорил перед смертью.

– Возможно, не в свою последнюю минуту.

– Нет, я уверен, что он решил свести счеты с жизнью. В моем видении он не желал ничего подобного и даже ... *приветствовал* смерть.

Гарретт в молчании смотрел на меня. Я же пытался вспомнить другие детали, показавшиеся мне значительными:

– Он хотел уничтожить какую-то книгу и он был единственным, кто мог это сделать. Но это не получилось.

– Ты знаешь, как она выглядела?

– Обычно... Думаю, в коричневом или сером переплете, но не уверен.

– Давай исходить из того, что летописцы изолгали произошедшие события. Это по крайней мере объясняет, почему его прах все еще здесь и могила кажется совсем нетронутой. Но что – или лучше сказать кто – заварил тогда всю эту кашу?

Разумеется, я не знал ответа на вопрос, мне и самому было это интересно.

– Нам нужна эта книга. – сказал вор, направляясь к выходу. Двинувшись за ним, я вдруг снова услышал шепчущие повсюду голоса. Они казались встревоженными и мне теперь удавалось их слышать, даже не освобождаясь от мыслей.

Потом символы на стенах комнаты ярко вспыхнули, будто раскаленные неведомой силой. В этот раз Гарретт тоже их заметил – остановившись, он обернулся с предупреждающим взглядом. Маленькое помещение завибрировало от энергии, у меня от этого зашевелились волосы на затылке. Не долго думая, я бросился бежать. Что-то

ринулось навстречу, мое тело ощутило удар, а невидимый заряд прошел насквозь, чтобы тут же атаковать меня снова. Я закричал, полагая что со мной все кончено, однако убедился, что остался цел и невредим, если не считать жуткой боли, ощущаемой во момент этих „попаданий“. Я без оглядки мчался дальше, стараясь не отстать от Гарретта. Шепот превратился в громкий шум и теперь на моем пути встало уже целое множество невидимых противников, причинявших мучения, но не ранящих.

Похоже, Гарретт ничего подобного не ощущал – он бежал все так же неуклонно и быстро, в то время как я постоянно спотыкался от страха и шатался, терзаемый болью. Позади раздался нарастающий грохот, как будто началось землетрясение. Стены возле ступеней пылали все сильнее, освещая лестницу красновато-желтым сиянием. Письмена пульсировали в камне, сквозь них просачивался безжалостный огонь. Уже видя лестничную площадку наверху, я был на грани потери сознания от боли – нападения стали почти беспрерывными. Задышавшись, я оперся о стену, и нетвердой походкой продолжал путь наверх. Грохот у подножия лестницы превратился в быстро приближавшееся бешеное рычание. Я понимал, что нельзя мешкать, когда следующая атака, намного более сильная чем предыдущие, сотрясла меня до мозга костей. Все поплыло перед глазами. Я ощущал, что падаю без чувств и пытался как мог сопротивляться этому, но следующий безжалостный энергетический удар окончательно выбил почву из-под ног.

Тут Гарретт подхватил меня и рванул за собой. Я отчаянно старался не потерять сознание и бежать дальше. Громоподобное рычание почти настигло нас, от этого звука можно было оглохнуть. Мне внезапно показалось, что я стою по пояс в ледяной воде, а стремительный поток не дает идти дальше и сбивает с ног. Беспрерывные молниеносные удары заставляли вскрикивать. В какой-то момент я уж не мог идти сам, но спутника моего это мало заботило – он волок меня дальше так быстро как мог, а добравшись до площадки, втянул меня туда. Все атаки разом прекратились. Я немного пришел в себя и из последних сил пытался бежать дальше сам.

Позади раздался чудовищный громовой удар и затем грохнуло так, словно рухнули высокие крепостные стены. Пол под ногами затрясся. Мне стало ясно, что мы действительно промокли по пояс, но по крайней мере добрались до твердого дна.

Вдалеке я различал выход из склепа. Вдруг все звуки разом смолкли. Обманчивая, подкарауливающая тишина пугала чуть ли не больше, чем рвущий барабанные перепонки грохот. Проход, на чьих стенах не пламенели символы, как на лестнице, начал тускло светиться. Мерцание стало ярче, пока мы мчались по проходу, а по символам пробегали искры, словно внутри бушевала накопившаяся за века энергия. Обернувшись на бегу, я заметил, что лестничная площадка исчезла – теперь проход позади нас загромождали массивные обломки. Гарретт резко остановился, так что я с разбегу врезался в него.

Что-то стояло перед нами – нечто огромное, загораживающее выход. Оно заполняло собой весь коридор, но, кажется, было бесплотным – я мог смутно различить склеп сквозь призрачную материю. Ясно, что странный призрак давно нас заметил и теперь отразить его нападение или спрятаться не представлялось возможным. Гарретт как никто другой осознавал это – огненная стрела уже готова была сорваться с тетивы. В этот момент призрак пришел в движение – он двинулся на нас подобно дикому разъяренному быку. Стрела не причинила существу никакого вреда, пройдя навывлет. Прежде чем вор успел пошевелиться, оно оказалось рядом, с силой отшвырнуло его в сторону, так что Гарретт ударился о стену, и бросилось на меня.

Мощь, с которой создание нанесло удар, была сокрушительной, смерть в ту минуту стояла совсем рядом со мной. Оглушенный болью, я очутился на каменном полу, в ужасе ожидая следующего броска твари. Однако этого не произошло. Боязливо открыв глаза, я увидел, что существо нависло надо мной. Оно не имело определенной формы, но вблизи напоминало кого-то вроде гигантского волка с опущенной головой. Казалось, создание пребывало в нерешительности. Я едва отваживался дышать. На целую вечность чудище застыло, совсем не шевелясь. Краем глаза я видел, как Гарретт с трудом поднимается с пола, кажется он не был ранен. Мой мрачный сторож мгновенно отреагировал на этот слабый поворот головы – сделал движение, как будто снова собирался атаковать. От

страха я оцепенел. Призрачное создание казалось довольным моей покорностью – заняло прежнюю сторожевую позицию и просто глядело на меня. Кажется, оно так и не решило, что же со мной делать.

Я беспомощно распластался на камнях, боясь пошевелиться. Гарретт с крайней осторожностью сунул руку в карман плаща и достал маленькую бутылочку. Мне казалось невероятным, что святая вода моих братьев окажет на призрак какое-то воздействие, но страх не давал открыть рот. Когда флакон раскололся прямо возле меня, чудовище в бешенстве развернулось, ринувшись к вору, но он в этот раз сумел отскочить. От святой воды оказалось так же мало толку, как и от огненной стрелы. Я попытался воспользоваться этим коротким моментом, пока призрак утратил бдительность и убежать. Но чудовище, по всей видимости, не учуяло в Гарретте особой угрозы и мгновенно повернулось ко мне. Я успел только вскочить на ноги и теперь испуганно жался к стене, по которой все бежали огненные полосы. Создание оказалось всего в нескольких сантиметрах от меня. Я почти физически мог ощущать исходящую от него невероятно мощную энергию. Чего же ему от меня нужно? Может, этот Страж думает, что я и есть колдун, потому что храню в памяти его воспоминания?

– Я... – собственный язык еле ворочался во рту.

Последовало угрожающее движение в мою сторону и на секунду я запнулся.

– Я не тот, кого ты ищешь... – прошептал я, в страхе закрыв глаза и ожидая последнего смертоносного броска.

Когда ничего не произошло, я робко поглядел на существо. Оно отодвинулось на пару сантиметров и все медлило в нерешительности. Надумав было сказать что-нибудь еще, я счел за лучшее промолчать, чтобы не раздражать Стража. Мне хотелось надеяться, что скоро он примет решение и не будет размышлять столь же долго, как ждал своего часа за века до нашего прихода.

Наблюдавший за этой сценой Гарретт теперь осторожно подошел ближе. Он медленно вытащил найденный в саркофаге Аристайдеса кинжал. Реакция была ошеломляющей: тварь моментально повернулась, уставившись на него. Очень медленно вор достал другой рукой найденную нами в склепе пластинку.

– Он не тот, кого ты ищешь. – сказал он.

Существо страшно задрожало и я уже думал, что пробил наш последний час, но тут оно развернулось, зашагав внутрь склепа. Пройдя сквозь забаррикадированные вход обломки, словно их и не было, оно оставило нас одних.

Судорожно вздохнув, я зашатался у стены, а потом, спотыкаясь, поплелся к выходу из склепа следом за Гарреттом. Голова моя кружилась, тело срочно требовало передышки. Совсем измученный, я прислонился к открытому саркофагу Аристайдеса. Мой спутник все еще не был уверен, что опасность миновала и напряженно осматривался, а успокоился лишь спустя несколько минут.

Солнечный свет, проникающий в склеп сквозь дыры в крыше, был бальзамом для моих ран. Я старался не смотреть в угрожающую темноту прохода, мало-помалу чувствуя себя все лучше, а потом рискнул заглянуть внутрь саркофага, хранившего останки великого Мага. Мой изумленный вопль заставил Гарретта обернуться.

Там больше не было трупа или, точнее, того, что от него осталось. Единственным свидетельством являлась одиноко лежавшая на дне отрезанная фаланга пальца, на котором Гарретт демонстрировал остроту найденного кинжала. Я с беспокойством оглядывал склеп, а он тем временем подошел вплотную и, заглянул в саркофаг, вопросительно поднял бровь. Все следы стража склепа исчезли.

– Интересно, кому понадобилось красть кости ?

– Красть? Да он, наверное, восстал, как и все остальные!

Его насмехающийся взгляд злил меня. Вор описал факелом маленький круг в воздухе.

– Его тут нет, Тим. Мне пока не доводилось видеть лазающего или летающего мертвяка.

Я понял, что он имеет в виду. Если Аристайдес не сам выбрался из саркофага (это казалось более чем маловероятным), то тогда некто действительно выкрал кости из склепа. Но кто же был заинтересован заполнить останки Мага?

27

Ничего мне так сейчас не хотелось, как поскорее покинуть это место. Трудно было описать мое облегчение, когда мы, вскарабкавшись по лиане, вышли из руин церкви, удивительным образом почти не пострадавших от мощных подземных толчков. Наступил полдень – зимнее солнце стояло в зените и его холодный свет слепил глаза.

И тут я заметил кое-какие перемены – озеро выглядело теперь по-другому. Вода опустилась на несколько сантиметров, а лед треснул, покрывшись многочисленными концентрическими окружностями – словно гигантская паучья сеть опустилась на серую поверхность. Несколько человек на другой стороне, вероятно немного напуганные землетрясением, разглядывали этот „природный“ феномен.

– Пора смываться – как бы они нас не заподозрили. – прозвучал рядом со мной тихий голос моего спутника. – Деревенские обычно очень суеверны... Не удивлюсь, если они набросятся на нас...

Я обескураженно воззрился на Гарретта, потому как и сам был „деревенщиной“ по его личному определителю. Но, бросив взгляд на тот берег, убедился в правоте его слов – народ заметно волновался, а иные не очень дружелюбно показывали в нашу сторону. Повернувшись к ним спиной, мы в бодром темпе направились обратно в Город. Глянув на ходу на толпу, я заметил, что многие люди оживленно жестикулируют. Хорошо бы они не вздумали погнаться за нами!

Я топал по снегу рядом с Гарреттом, ощущая во всем теле нечеловеческую усталость. Почему чары из склепа атаковали меня? Почему неведомая призрачная тварь так ринулась ко мне? Неужели все-таки из-за того, что я на короткое время вступил в контакт с покойным? Или они и Гарретту причиняли боль, но из-за своей природной выдержки он переносил это лучше меня?

– Вам... противостояло что-нибудь, когда мы поднимались по лестнице? – спросил я, делая паузы.

Он обернулся, глядя мне в лицо и отрицательно покачал головой.

– Я видел огонь на стенах и слышал шепот, о котором ты говорил. Больше ничего.

Я молча топал дальше. Спустя некоторое время он сказал:

– Кажется, у *тебя* там были серьезные проблемы.

– Магия склепа обернулась против меня.

– С чего бы это?

Я беспомощно покачал головой:

– Наверное, меня приняли за колдуна... Ведь я на несколько секунд оказался в его теле.

Объяснение не очень понравилось Гарретту, однако он промолчал. Я и сам был не особенно им доволен и боялся, что за этим скрывалось нечто куда более страшное.

Хотя нас никто не преследовал, Гарретт не сбавлял быстрого темпа. Он не доверял мирной атмосфере, да и мне самому было ясно, что свежие следы на снегу могут облегчить погоню. Несколько темных туч на горизонте не предвещали ничего хорошего. Мне пришлось запахнуться в плащ от разбушевавшегося ветра. Доходивший до колена снег только усугублял мое плачевное состояние.

Я заметил, что вор внимательно смотрит назад. Он услышал нечто, ускользнувшее от моих ушей. Продолжая идти вперед, он медленно снял с плеча лук. Я с беспокойством стал рассматривать что-нибудь позади, но тщетно – все покрытые снегом места сливались с белоснежным пейзажем, взгляд цеплялся только за темные силуэты голых деревьев. Не замечалось никакого движения. Над плотно укрытой снегом местностью повисла полная тишина.

Рука Гарретта скользнула в колчан, вынимая оттуда стрелу с металлическим наконечником. На ходу он приладил ее к тетиве. Внезапно остановившись, он так быстро выстрелил, что меня от неожиданности аж передернуло. Стрела вонзилась в землю, прямо под ноги мужчине, незамеченным (для меня) выскочившего справа из-за низкого склона. Он испуганно затормозил, уставясь на гарреттов лук, а новая стрела уже нацелилась ему в грудь. Это был человек средних лет – поседевший, нескладно сложенный и с обветренной кожей. Одежда мужчины указывала на его крестьянское происхождение, а лицо покраснелось – наверно, он долго бежал полями, чтобы догнать нас. Теперь он обезоруженно поднял руки. Человек явно был один и безоружен, он пытался что-то сказать, но задыхался от бега.

– Кто ты такой? – резко спросил мой спутник.

– Фаральд, господин. Я... – немного сбивчиво начал чужак.

– Ты здесь один?

– Да, господин! Я не хотел нападать на Вас, я только...

– Чего тебе нужно?

Лук Гарретта был по-прежнему нацелен на мужика. Мои глаза беспокойно обшаривали местность и из осторожности я тоже взял в руки свое оружие. Мой спутник, кажется, не доверял ему, а я уже привык полагаться на его инстинкты. Но Фаральд и вправду, судя по всему, был один. Он выпалил, заикаясь:

– Я видел Вас выходящим из проклятой церкви, сразу после землетрясения.

– И что?

– Я... Мы в деревне маемся в постоянном страхе, господин! Это место проклято! Совсем недавно там убийство случилось, такое ужасное и вот...

– Знаю. Зачем ты преследовал нас?

– Потому что другие ничего не хотели делать. Они Вас боялись. – Фаральд осторожно обошел торчащее древко стрелы, но снова неуверенно застыл, увидев предостерегающий взгляд Гарретта.

– А может, они правы?

– Меня Вы пугаете не так сильно, как тот человек, что был здесь двумя днями раньше...

Лишь теперь Гарретт опустил лук, а я тоже наострил уши.

– Что ты видел?

Фаральд, окончательно уверенный в том, что мы не представляли для него никакой опасности, подступил ближе. Он заметно нервничал.

– Наши из деревни не верят мне, говорят, что я тогда напился. Но я совсем не пил в тот день! Ну, если только чуток... Я его видел так же, как вот Вас сейчас!

– И кого же ты видел?

Фаральду явно не хватало слов для описания.

– Это был мужчина... но странный такой. Я его не очень хорошо разглядел, трудно сделать это издали, но...

– Что тебе в нем показалось странным?

– Просто так почудилось... Все вокруг него было какое-то темное. А кроме того, двигался он странно, смешно так. Не могу сказать точно, почему, но с ним явно было нечисто!

– Ты видел, как он шел или как выходил? Что вообще он там делал?

– Вышел из церкви, вот прямо как Вы! И двинулся восвояси.

– Куда?

– А не знаю. Примерно туда же, куда и Вы сейчас идете. Но мне никто не верит, потому что никаких следов не осталось! Я ж говорю, что-то тут не так!

– Ты шел за ним?

– Нет, господин, я было хотел, но когда увидел, что на снегу нет следов, то решил не ввязываться в это дело.

Во мне зашевелилось хорошо знакомое неприятное чувство.

– Что, вообще ничего нельзя было рассмотреть?

– Да считай что ничего, господин. Тут чуть-чуть, там немножко, но взрослый мужик не может оставлять таких следов.

– Ну и что теперь?

– Не знаю. Вы пришли, чтобы снять проклятье, ведь так, господин? * бедные крестьяне! Во все времена, в любых странах и всевозможных измерениях страдают больше всех – умоляюще сложив руки, Фаральд смотрел на моего спутника. Тот лишь вздохнул.

– Ступай назад в свою деревню. Не думаю, что этот странный человек придет сюда еще раз.

– Да, господин, ладно... и спасибо, что не стали стрелять в меня, господин... – развернувшись, он задал стрекача, радуясь тому, что дешево отделался.

Глядя на Гарретта, я различил насмешку в его глазах.

– Как все-таки вы, *деревенские*, похожи друг на друга.

Я бросил на него ядовитый взгляд – с тем лишь успехом, что насмешливых морщинок вокруг его глаз стало только больше. Без единого слова он снова устремился в путь, а я, немного рассерженный, шел рядом. Когда гнев улетучился, снова навалилась дикая усталость. Сил не было, чтобы подстраиваться под его шаги. Ноги стали как свинцовые, но мне не хотелось вновь проявить слабость. Добравшись по прошествии вечности до Города, я уже не шел, а буквально падал, с трудом удерживая равновесие. Радости моей не было предела, когда меня пропустили через ворота и проклятый глубокий снег остался позади.

И куда же отправился Гарретт, едва оказавшись на городских улицах? Разумеется, в дом Хранителей. Хоть я и мечтал немножко передохнуть, но сознавал, что нужно торопиться. Хотя до сих пор не появилось каких-либо намеков о следующем убийстве, у нас оставалось всего несколько часов на то, чтобы помешать исполнению последней части пророчества. И лучше бы в этот раз успеть вовремя, прежде всего из-за моего нежелания увидеть во сне новый кошмар.

Был уже где-то четвертый час дня, однако небо уже помрачнело. Тяжелые громады серо-стальных туч угрожающе надвигались, закрывая бледный лик солнца. Скорей всего опять начинался снегопад. Я весь задрог по дороге к Обители Хранителей и прямо ошалел от благодарности, млея от тепла его внутренних комнат. Сегодня вместо оживленной деятельности здесь было непривычно пусто и тихо. Все повстречавшиеся нам мужчины и женщины куда-то торопились, кидая на нас полные недоверия взгляды. А Гарретт даже не удостоивал их вниманием. Шагая рядом, я чувствовал себя ужасно уставшим и вздохнул про себя с облегчением, оказавшись в комнате Артемуса.

Хранитель, казалось, заметил мою усталость, предложив мне сесть возле камина. Снаружи уже посыпались густые снежные хлопья. Бухнувшись в кресло, я закрыл глаза.

– Вы отыскиали могилу? – спросил Артемус.

– Да.

– А урна?..

– Наполнена до краев.

– Странно... Может быть, это подделка, обман?

Мне посчастливилось открыть глаза и увидеть, как Гарретт одним лишь особым взглядом ответил на заданный вопрос.

– Стало быть, исключено... – произнес Хранитель, никак не реагируя на мимику вора, и в легком раздумьи прошествовал к своему пульту для чтения, чья поверхность даже немного прогнулась от веса лежавших там книг. – А что с защитным заклятием?

Вместо ответа Гарретт обернулся ко мне, то же самое сделал и Артемус.

– На меня что-то нападало, – осторожно сказал я.

– Что же?

– Не знаю.

– Но ведь ты, кажется, не ранен?

– Нет, но это было весьма неприятно.

Артемус вопросительно поглядел на вора, а тот лишь дернул плечами:

– Очевидно, *мною* оно не заинтересовалось.

– Что же это значит?

– Только то, что заклятье сосредоточилось на одном лишь Тиме. Маги не проявили особой изобретательности для простых осквернителей гробниц, разве вот только эта вода...

– *Вода?*..

Гарретт со вздохом начал рассказывать, как именно все произошло. Когда он закончил, задумчивые складки на лбу Артемуса стали еще глубже.

– Так где же этот артефакт?

Вор протянул Хранителю пластинку и тот тщательно изучал ее некоторое время.

– Непохоже на украшение...

– Мне нужен перевод, и как можно скорее.

Артемус уже срисовывал значки с круглой вещицы и я поразился, с какой быстротой и точностью он это проделывал. Отдав артефакт Гарретту, он уселся рядом со мной перед камином.

– Расскажи мне о своем видении в склепе, Тим, но только во всех деталях.

Выполняя его просьбу, я попытался вспомнить все мельчайшие подробности, изумленно замечая, с какой отчетливостью комната вновь предстала у меня перед глазами. Это явно была библиотека – изысканно оборудованная, заполненная свитками и книгами. Я не удивился, когда припомнил, что мог даже разглядеть заглавия некоторых из них, настолько все казалось реальным.

Там также находилось множество всяких алхимических принадлежностей – вещи, хорошо знакомые мне во время видения, но теперь абсолютно чуждые. Я ощущал измученность человека, в чьем теле оказался, и речь шла не об обычной усталости. Но вместе с этим меня переполняла мощь. Он был силен, чудовищно могуч, в одном лишь пальце его руки сосредотачивалась власть, даже не снисвавшая иным Мастерам-Магам. Тем не менее человек это сдался. В нем пульсировала цепенящая пустота, будто все казалось ему безнадежно потерянным. Что-то подобное я чувствовал после смерти Миа, хотя мое душевное опустошение не было таким сокрушительным.

Отпор, который чародей пытался дать врагам, казался едва ли чем-то серьезным – фарс, уловка, повлекшая за собой последний решительный удар. Я ясно видел перед собой еще довольное молодое лицо Аристайдеса – глаза наполнены ненавистью, словно он имел с колдуном какие-то личные счеты. Однако тот не питал к Магу никакой злобы, ощутив его неприкрытую враждебность. И еще книга. Собственно, она принесла гибель колдуну, но он не защищал ее – наоборот хотел уничтожить, притом не только из собственной прихоти. Чародей желал, чтобы книга не попала больше ни в чьи руки и знал, что лишь он способен это прекратить.

Я старался припомнить, как выглядел ее переплет, но это странным образом мне не удалось, хотя все остальное выплывало из памяти с поразительной четкостью. Какого же он был цвета – серого, черного, коричневого? Там стояла надпись или вытисненный символ? Все, что удалось вспомнить – удивительное ощущение, возникавшее при касании книги. Она была *холодной*, храня в себе малую часть той мертвенной стужи, что столько раз заставляла меня цепенеть.

Ему не удалось это сделать. Книга выскользнула из рук, упав на пол. Он видел, как Аристайдес обеими руками поднял над головой убийственный меч, но колдун отвернулся, глядя в последние секунды своей жизни на отсветы пламени, скачущие по трепетавшим страницам. Пережить смерть другого человека, оказавшись в его теле, было для меня настоящим шоком, воспоминания терзали душу. Не зная, как описать эти ощущения, я прервал рассказ. На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

– Кое-что не сходится, – проговорил затем Артемус. – В наши изыскания где-то вкралась ошибка.

– Или где-то в летописи.

– Думаешь, что историю все-таки намеренно исказили?..

– Без понятия. Но если вдуматься, с какой тщательностью скрывались все сведения об этом созвездии...

– Но почему, с какой целью? И если убитый чародей не в ответе за все эти ужасы, то тогда кто?

– Думаю, настало время навестить Абсалом и задать ему этот самый вопрос.

– Ты считаешь такую мысль разумной? Он – чрезвычайно могучий Огненный Маг, а если верить донесениям – сильнейший среди всех теперешних Магов...

Я очень живо представил себе, что с нами мог сотворить Абсалом и побледнел от этой мысли как лист бумаги. Ужасно не хотелось стать хорошо прожаренным цыпленком.

На моего спутника, как обычно, мало подействовало предостережение Артемуса:

– Он, кажется, замешан в эту историю и я хочу знать, как именно.

– Возможно, Езекил мог бы...

– Езекил знает о делах Абсалом столь же много, как ты о замыслах Первого Хранителя. Надеюсь, *ты* тут по уважительной причине? А то Совет как раз заседает.

На лице Артемуса заиграла легкая улыбка:

– От тебя ничего не скроешь... Я сам себя отстранил от пустых дебатов. Нет смысла вступать в словесную перепалку с Первым Хранителем и рисковать, навлекая на себя еще больший гнев.

– В такие минуты я рад, что не принадлежу больше к сему дружному сообществу.

Я прямо подскочил – Гарретт когда-то был *Хранителем*? Но мои вопросительные взгляды остались незамеченными.

– Удалось что-нибудь выяснить про книгу?

– В известном смысле. Довольно просто вытащить на свет мифы о ней, но вот что касается четких указаний и настоящих доказательств... Если она и существует – а твое видение, Тим, *указывает* на это – то должна быть невообразимо древней. О происхождении едва ли что известно, однако упоминания о Книге Праха встречаются уже в рукописях времен основателей нашего Ордена, но каждый раз с упоминанием: написание сей книги – чистая удача, странное открытие. Тем не менее слухи о ней пережили столетия и то и дело всплывают в наших хрониках. Азаран был последним предположительным владельцем, о дальнейшей судьбе книги нет ни слова. Езекил доставил мне меморандум, касающийся кончины Азарана. В общем-то бумага эта конфиденциальная и мне не особенно хотелось знать то, как он ее раздобыл. В документе сказано, что это учение никогда более не получит распространения и знания о нем будут погребены вместе с Магом-изгнанником...

– Как, еще одна могила?.. – в голосе Гарретта отчетливо слышалась скука.

– Нет, не думаю. Ты ведь знаешь, что Маги хоронят своих необычным способом. Труп Азарана тоже сожгли согласно их традициям, а урна с прахом покоится среди прочих где-то в Крепости. Мне кажется очень странным, что он стал изгнанником. Все говорит о том, что самоубийство Азаран совершил не по своей воле и был даже отчасти реабилитирован за свое послушание. Ученица Езекила подала идею рассмотреть поближе его урну. Думаю, она права.

При одно только упоминании о Дане я мгновенно стряхнул с себя усталость. Опять ей в голову пришла блистательная идея. Кое-как подавив радостную улыбку, я понял, что чрезвычайно горд за нее, начхав на насмешливые морщинки в уголках глаз Гарретта, и сосредоточенно уставился в никуда. Артемус тем временем продолжал:

– На обратной стороне посмертного сосуда начертана молитва. В общем-то, обычное явление для урны, вот только это молитва *твоего* Ордена, Тим. – Я удивленно поднял глаза. – Возможно, ты ее знаешь.

И с этими словами он передал мне рукопись. Для узнавания понадобилось прочесть всего лишь строчку:

Создаю себя в жаре горнила,

Придаю себе форму сильным ударом на наковальне,

Дабы сокрушить врагов твоих

И принести мой труд во славу твою, о Строитель.

Этот стих часто пели у нас во время богослужений, однако почему эта молитва оказалась на урне с прахом *Мага*? Гарретт, покосившись на текст, пробормотал что-то насчет „хаммеритских стереотипов“, но у меня сейчас не было настроения бросать на него уничтожающие взгляды * совсем попортился паренек, а молотобойцы его кормили, учили, воспитывали в лучших традициях того времени. Кому, в конце концов, он обязан знанием грамоты, как не Мастеру Торбену? И, кивнув, протянул Артемусу бумагу.

– Ученица Езекила весьма смышленная юная дама, – сказал он и мои щеки при этом покраснели. – Она потрудилась выяснить происхождение этой молитвы.

Ну, тут я и сам мог помочь. Каждый хаммерит знал, что впервые ее написал Мастер Радомил – самый известный святой нашего Ордена.

– Старая Библиотека! – вскричал я.

– Верно. – усмехнулся Артемус. – Творец молитвы – строитель старой Библиотеки Мастер Радомил.

Гарретт вздохнул:

– Это и есть все указания? В башне наверняка несколько десятков тысяч книг.

– Боюсь, что это все. Уже хорошо, что Маг, знающий о цели своих поисков, с легкостью находит нужную книгу среди множества других.

– Веселое занятие!

– Еть кое-что еще, Гарретт. Езекил добыл новые сведения о созвездии. Выбор дат, в которые умерли жертвы, показался ему не случайным. Малый Дракон все приближается и в определенный день каждая из его звезд оказывает свое наибольшее влияние на наш мир.

– Дай-ка я подскажу...

– Каждая жертва умерла именно в такой день. А поскольку они связаны с созвездием, убийства совершались всегда в момент могущества определенной звезды.

– Ну и когда же произойдет последнее убийство?

– Созвездие окажется максимально близко примерно через четыре дня. Как раз его центральная звезда, *Хамаен*, достигнет зенита. Затем Дракон удалится и в течение восьми столетий не будет оказывать на нас никакого влияния.

– Четыре дня? Насколько надежны эти вычисления?

– Думаю, они точны. Правда, я не знаю, что играет решающую роль – день или даже час.

Все вместе это означало, что наше время стремительно утекает. Вероятно, за сумасшедшим днем последует безумная ночь. Мысленно застонав, я закрыл глаза, а открыв их вновь, увидел мучительное раздумье на лице Гарретта, тут же улетучившееся.

– Наверное, сегодня ночью ты останешься у Артемуса, Тим...

Я рьяно поднялся с места. Пусть мое тело страдало от усталости, но не могло быть и речи о том, чтобы отпустить его одного. Вдруг тварь приблизится, а Гарретт до последнего мига ничего не почувствует? Вор осекся, глядя на мое лицо. Артемус перевел взгляд с Гарретта на меня и обратно.

– Не уверен, что сумею уберечь его от беды, Гарретт.

Гарретт без слов уставился в никуда. Я встал, прекрасно зная, что являюсь для него помехой и что он сам постоянно думал об этом.

– Я хотел бы остаться с Вами, если еще не превратился в настоящую обузу. Обещаю, что буду стараться как только смогу. А кроме того, со мной Вам легче проникнуть в монастырь.

Взгляд вора встретился с моим и я сумел его выдержать. Мне хотелось сказать, что теперь это стало *моей* жизнью и только *мне* решать, кому ее доверить. И не он тому виной, если что-то пойдет не так и произойдет непоправимое – я следую за Гарреттом по собственной воле, вместо того чтобы таиться в каком-то укромном месте. Однако вслух про это не было сказано – он и сам понимал, что за мысли роились сейчас в моей голове. И страх тоже куда-то пропал, по крайней мере на время. Сейчас мною двигало чистое беспокойство о старшем товарище. * типа импровизация такая в комсомольском стиле Я не смогу себе простить, если из-за моей трусости незримая тварь причинит вред человеку, с которым

побывал в стольких передрягах. А он никогда не сумеет выбросить из головы мысль о том, что обрек меня на погибель, оставив в одиночестве.

Наконец Гарретт не выдержал этой игры в гляделки – вздохнув, он повернулся к Артемусу.

– Сколько потребуется времени для перевода надписи?

– Постараюсь все сделать как можно быстрее. Боюсь только, что не справлюсь с этим без помощи Езекила.

– Сегодня ночь мне не нужны никакие неприятные сюрпризы. Я должен знать, что скрывается за этим. Будь в десять часов у входа монастыря хаммеритов.

– Я сделаю все что смогу.

Коротко кивнув, вор наградил меня знакомым командным взглядом, после чего мы оба вышли из комнаты. Повсюду было совершенно пусто – Хранителей как ветром сдуло. Наши шаги гулким эхом отдавались в переходах, когда мы в спешном порядке покидали Обитель. Меня мучило любопытство – хотелось побольше узнать об этом самом собрании, но мой спутник уже в который раз погрузился с головой в собственные мысли, а это состояние означало лишь одно – „никаких вопросов сейчас“.

Мы шли домой, а вокруг точно белые мотыльки кружили снежинки. Интересно, кончится ли в этом году зима или нет? Миа очень любила снег. Для нее зимнее время было настоящим волшебством, хотя для всей нашей семьи оно зачастую означало жизнь впроголодь. А моя младшая сестренка весело топала по снегу, восхищенно разглядывая преобразившийся сверкающий мир. Наверняка она бы даже не ощутила свирепость теперешних морозов, гуляя в солнечный день. И конечно, приставала бы ко мне с просьбами слепить для нее снеговика. Я представил Миа – веселую, разрумившуюся, с искрящимися от восторга глазами смотревшую на белое подобие человека, и от этой воображаемой картины у меня комок подкатил к горлу. Страхнув образы из безвозвратно ушедших времен, я поглубже надвинул на лоб капюшон и припустил вслед за Гарреттом.

28

– Я помогу Вам проникнуть в монастырь, – сказал я, чтобы как-то прогнать гнетущую тишину. Мои замерзшие руки еще не отогрелись.

Гарретт не проронил ни слова с того момента, как мы покинули Обитель Хранителей. По пути он разжился парочкой украшений и несколько минут оценивающе рассматривал их отделку. Но сейчас он кивнул:

– Городской монастырь не чета твоей обители. Его усиленно охраняют.

– Я смогу отвлечь стражей на пару минут.

Он только скептически глянул. Но теперь я уже твердо решил убедить его.

– Меня впустят внутрь, ни в чем не заподозрив.

– А потом?

Вот тут он меня поймал – у меня на этот счет не было пока планов.

– Ну а потом я что-нибудь соображу, – выпалил я, отчего уголки губ Гарретта чуть приподнялись.

– *Это* и есть твой блестящий план?

Я только фыркнул. Сколько раз он швырял меня в разные ситуации, словно слепого щенка в воду, с единственным напутствием: „Придумай что-нибудь“ ? А тогда разве он спрашивал о моих планах?

– Я сделаю это, – с нарочитой твердостью произнес я, хотя был не особенно уверен в успехе.

– М-м-м...

Вор опять занялся своими делами, оставив меня гадать о его намерениях. Не дождавшись ответа, я сдался, целую вечность угрюмо таращась на пламя очага. Позабывтая усталость снова начала возвращаться. Опустившись на свою лежанку, я решил сомкнуть глаза всего на полчаса и не видеть снов.

Мой спутник разбудил меня, тряся за плечо, а за окном была уже непроглядная темень. Спросонок я ничего не соображал.

– Который час?

– Примерно девять. Поешь чего-нибудь.

Он уселся за стол, я вяло направился следом и лишь проглотив первый кусок осознал, насколько проголодался. А еще пришлось помучиться нечистой совестью – во время моего сна Гарретт поверил и подготовил к операции не только свою, но и мою амуницию. Пока я ел, понемногу оживляясь, он тщательно чистил странную шарообразную штукювину, которую мне еще не приходилось видеть. Чем-то похожая на уже знакомую бомбу-вспышку, она казалась тяжелее и немного больше. На ее темно-серой металлической оболочке размещалось небольшое забранное стеклом отверстие, за которым я не смог разглядеть ничего кроме черноты.

– Эта вещица подходит лишь мне, Тим, – ответил на безмолвный вопрос Гарретт, положив странный предмет в сторону.

Он повернул шар таким образом, что стеклянное оконце глядело прямо на меня. Потом, коснувшись его корпуса, активировал скрытый внутри механизм. Я услышал, как внутри шара что-то тихо зажужжало. Оказалось, что за стеклышком помещалась какая-то линза, реагирующая на любое мое движение. Как будто эта штука *наблюдала* за мной. Я разглядывал ее со смесью интереса и неприязни.

– Это что, вроде как глаз? – спросил я.

– В общем-то да.

– Но как... как Вы его используете?

– Сие приспособление, будучи включенным, устанавливает связь с моим глазом. – Он указал на правую половину лица. С изумлением я понял, что линза механизма двигалась не самопроизвольно, а синхронно с мерцающим зеленою глазом Гарретта.

Разумеется, такое хитрое техническое изыскание вышло скорее всего из рук Механистов или других деятелей, воплощавших в жизнь свои изобретения за счет собственных средств. Как могли сообщаться между собой этот шар и механический глаз, оставалось для меня полнейшей тайной. Известно, что Механисты владели Магией, но здесь ей даже не пахло, просто чудо техники и все. Осторожно взяв шар, я повертел его в руках. На противоположной к линзе стороне в углублении находился маленький переключатель, с помощью которого запускался загадочный механизм. Заглянув в отверстие, я обнаружил, что Гарретт, оказывается, мог как-то отключать прибор на расстоянии – круглое стеклышко больше не поворачивалось согласно движениям его глаза, а неподвижно замерло.

– Для чего это нужно?

– Чтобы подглядывать и разведать обстановку... это всегда может пригодиться.

Я вспомнил о наших планах.

– Когда выходим?

– Сразу как ты доешь.

– Мне одеть неофитский костюм? – осторожно поинтересовался я.

Он скривился:

– Если только считаешь, что сейчас подходящий случай...

Я поборол искушение нажать рычажок на обратной стороне шара и оставил его на столе.

– Я должен буду лишь отвлечь братьев или как?

Гарретт вздохнул:

– Было бы расчудесно, если бы молоты ни в чем не уличили тебя. Нельзя сейчас вызвать их подозрение.

– Да они меня и так не заподозрят! Потому что считают никудышным.

– Они и вправду так делают?

– Вы же сами знаете. Горбен всегда был мной очень недоволен. Его послушать, так у меня руки не тем концом вставлены. Мой Мастер не станет ожидать от меня обмана и уж тем более воровства.

Гарретт молчал.

– Кроме того на меня не набросятся, поймав в Библиотеке. Я буду сторого наказан, но по крайней мне не проломают череп молотом, как поступили бы в этом случае с Вами. Меня вообще можно не брать в расчет – братья и без того будут знать, что я нахожусь в монастыре. Кроме того, застигнув меня в запрещенном месте, они поймут, что имеют дело всего лишь с бестолковым неофитом, ведь на мне будет эта одежда.

Казалось, мои слова убедили вора, но он по-прежнему молчал. Я терпеливо выдерживал его взгляд и ждал. Наконец он поднялся, надевая свой плащ.

– Пошли.

Я начал разочарованно подниматься, когда Гарретт бросил:

– И не забудь свою неофитскую робу.

Просияв, я кинулся снаряжаться. Лук нужно было оставить – его вид смутил бы братьев. Кинжал я припрятал под одеждой, надеясь на то, что сегодня не придется прибегнуть к его помощи. Гарретт сунул мне несколько газовых и световых бомб, и мы отправились на дело. * вообще-то в тексте «в путь», да просто надоело уже такое словосочетание, слишком часто встречается

Небо чуть прояснилось и снегопад прекратился. Между темными громадами облаков затеплилось несколько звездочек. Ночь была морозная, аж пар шел изо рта. Если чуть раньше я с водушевлением надевал уже позабытый наряд, то теперь проклинал его, ибо жутко в нем мерз. * ребята, это вообще не к месту, но как я в этой бесконечной слякоти соскучился по нормальной зиме, со снегом и морозцем! Этот все жалуется на холод, а я прямо обзавидовался. Мне пришлось, игнорируя всезнающий взгляд и ироничные ухмылки Гарретта, обхватить себя руками, чтобы согреться.

Стены монастыря ярко освещали факелы. Перед воротами несли вахту двое братьев, а наверху вышагивала уйма часовых. Конечно же, усиленная бдительность была вызвана событиями прошлой ночи. Мой спутник остановился на некотором расстоянии от ворот, подперев в темном углу стену дома, я спрятался возле него. Вдалеке башенные часы пробили десять раз.

Артемус так же внезапно вынырнул из пустоты, как это умел делать только Гарретт. А вора это мгновенное появление совсем не удивило. Он без слов кивнул Хранителю.

– Нам удалось осилить лишь часть текста, Гарретт. Времени не хватило.

– Так, и что мы имеем?

– Это некий защитный талисман. В любом случае он содержит заклинание, если мы правильно поняли. Но еще одна часть осталась непереуведенной. Это также может оказаться некой формой боевой Магии. Что самое главное – все это кажется не очень важным для твоей сегодняшней миссии. Езекил не думает, что это какой-то ключ, скорее талисман должен отразить чье-то нападение... или же усилить атаку.

Вор молча и задумчиво вертел пластину в длинных тонких пальцах.

– И еще кое-что, Гарретт. Езекил имел очень обеспокоенный вид во время моего последнего посещения. Кажется, он опасался того, что за нами кто-то наблюдал.

– Кто-то из Магов?

– Не знаю, он не сказал о причине своего беспокойства. Но Езекил постоянно оглядывался, говорил крайне тихо и так подбирал слова, что лишь один я мог понять, о чем идет речь.

– Прерви этот контакт и постарайся больше не вмешиваться, пока я не прищучу Абсалому. Не ищи меня, если в том не будет особой нужды.

– Я не думаю, что кто-то преследовал меня от самой Крепости, но прошу – остерегайся.

В ответ последовал чуть насмешливый взгляд. Гарретт вновь оперся о стену.

– Возьми пластину и сбереги ее. Тим, если ты хочешь отвлечь стражу, то сейчас это самый подходящий момент.

Тут меня словно кипятком ошпарило – ведь я до сих пор так и не придумал, как это сделать. Я бросил озабоченный взгляд на моих братьев возле ворот. Ну и как же их оттуда

выманить? Как заставить их на несколько секунд утратить бдительность? Нападения зомби в последние дни привели к тому, что все обитатели монастыря денно и ночью были начеку и во всеоружии. Глядя на силуэты на стенах, я подумал, что сейчас самым подходящим стало бы появление мертвяка прямо перед воротами. Тогда бы они все разом набросились на него, словно рой разъяренных ос.

Я резко повернулся к своим спутникам.

– Вы поможете мне немножко, Артемус?

Хранитель поглядел на меня со смесью удивления и насмешки.

– А что я должен сделать?

– Собственно лишь то, что так хорошо удается вам обоим: выныривать из пустоты и снова бесследно исчезать. Лучше всего так, чтобы братья не смогли различить, что именно движется тут, в тенях.

– А что должно здесь двигаться? – Гарретт не выглядел особо убежденным.

– Не важно...

– Если я вынужден играть некую роль, то хотел бы знать, какую, – сказал Артемус и мне было видно, как в полутьме блеснули в улыбке его зубы. * оказывается, в параллельном мире лыбятся по-мирикански. Зря, между прочим, смеются, пацан им всем еще покажет

– Ну... Вы должны как можно правдоподобнее изобразить, что Вы больше не... то есть что вы – нежить. – Втянув голову в плечи, я ожидал взрыва смеха. Они обменялись взглядами, очевидно в сомнении – то ли посочувствовать моему скудоумию, то ли все-таки рассмеяться.

– Ты мне льстишь, Тим, – с легкой усмешкой проговорил Артемус и я почувствовал, как кровь прилила к щекам. – Ну что же, тогда начну бродить...

Он кивнул Гарретту и скрылся во тьме. Озадаченно глядя ему вслед, я взял ноги в руки и сломя голову кинулся к воротам, замечая на бегу, как встревоженные братья схватились за оружие. Но потом, разглядев мое платье, они немного расслабились. * как все-таки наивны эти бородатые мужики, прямо как дети! Любой пройдоха может их обмануть

– Там, позади... – прохрипел я.

Как раз в этот момент что-то металлическое звякнуло о мостовую в оставшейся за моей спиной тьме, словно чья-то нога зацепила жестянку. Да еще и как нельзя кстати подвернувшаяся кошка выскочила из-за угла, промчавшись мимо с испуганным шипением. Между домами смутно обрисовалась тощая фигура мертвяка и, шатаясь, нетвердой походкой свернула в ближайший переулок. Через секунду я остался в одиночестве возле стен, если не считать немногочисленных часовых наверху. Обезумевший от ярости взвод братьев ринулся в темный проулок. Оставалось лишь надеяться, что Артемус использует свои способности и „растворится“ в воздухе. Потом я вошел в открытые ворота и внимательно огляделся. Здесь патрулировал одинокий страж – сущий пустяк для Гарретта. Я озирался, пытаюсь его разглядеть, когда вор бесшумно проскользнул мимо, исчезнув в темноте внутреннего двора.

Я остался на месте, ожидая возвращения братьев, дабы не вызвать ни у кого подозрения, с облегчением отмечая, что они потеряли след. Мне еще долго пришлось заикающимся голосом отвечать на их вопросы, где и как произошла встреча с „ходячим трупом“. Но они быстро отвязались, видя мое перекошенное от страха лицо – наверное, думали, что я в любой момент могу грохнуться в обморок. Мне осталось только пробормотать извинения и нетвердым шагом направиться в сторону главного здания. Слыша позади возбужденное обсуждение неудавшейся атаки, я удостоверился, что в данный момент никто не обращает на меня внимания и спокойно вошел в монастырь. Пускай возможные наблюдатели считают, что цель моего визита – разговор с Мастером. Оглядевшись, я обнаружил, что внутри почти нет стражи – почти все вышли в ночное дежурство на стены. Как обычно, никто не заинтересовался моей скромной личностью. Странное дело – теперь это отсутствие всякого интереса, словно я был камешком на садовой дорожке, оказалось мне на руку, а ведь раньше наверняка показалось бы неприятным.

Дождавшись, пока часовые отойдут подальше, я как можно незаметнее опять выбрался наружу. Так как мне было неизвестно, где скрывался вор, показалось разумным подождать его в тени у входной двери. Он, как всегда, подкрался без единого звука, и уж в этот раз я не дергался как полоумный, когда протянувшаяся из ниоткуда рука быстро коснулась моего плеча. Знакомый сигнал – „за мной“.

Что, интересно, планировал вор? Может, отыскать предполагаемый тайный путь в библиотеку из кабинета Первосвященника? Или же пуститься во все тяжкие и рискнуть пробраться через усиленно охраняемую (если верить болтовне Бенедикта) церковь? Хотя этот вариант в свете произошедших событий теперь казался более приемлемым. Основные силы братьев, не смыкая глаз, прочесывали в эти беспокойные ночи городские улицы, ожидая новой атаки нежити. Но Гарретт уже ответил на невысказанный вопрос, направляясь прямо к церкви. Похоже, вор сомневался в достоверности слов Бенедикта или просто не доверял ему.

Возвышавшиеся повсюду надгробные камни послужили для нас хорошим укрытием – двое патрулировавших братьев были и так озабочены тем, что кто-нибудь в любой момент мог выкарабкаться наружу из могилы. Им и в голову не могло прийти, что у вторгшихся нежданных гостей хватит ума там скрываться. Церковные ворота оказались незаперты, а охраняла их все та же пара с кладбища. Поэтому нам не составило большого труда выбрать удачный момент для незаметного вторжения.

В неприступно-холодной, торжественной атмосфере нефа царили тишь и темнота. Где-то вдалеке раздавались шаги стража, а пляшущие на серых камнях слабые блики указывали на факел, освещавший его путь. Мы стояли у входа в зал песнопений, чьи высокие стены увенчивались куполом. Колонны поддерживали круговые галереи из темных тяжелых балок примерно пятиметровой длины. Снизу почти невозможно было разглядеть, что происходит на этих массивных галереях с их изукрашенными перилами, но зато сверху открывался прекрасный вид. Братья низшего ранга, вроде меня, рассаживались во время службы на скамьях, стоявших по обеим сторонам прохода. Его устилала толстая карминно-красная ковровая дорожка, доходившая прямо до каменного алтаря, чей простой вид свидетельствовал о невероятной древности, а позади возвышался символ Строителя потрясающей величины. Вокруг располагались согласно обычаю резные деревянные сиденья Старших, однако там не было места Первосвященника, как у нас в монастыре. Поглядев наверх, я заметил предназначенную для этой цели маленькую кафедру прямо над алтарем. Оставалось непонятным, как же Первосвященник попадал туда – ведь лестницы-то не было. * а не надо пренебрегать сведениями, добытыми у болтливых неофитов! Гарретт тоже бегло огляделся по сторонам и слегка тронул мое плечо, прежде чем войти в темноту нефа. Мы осторожно прошли мимо деревянных колонн к маленькой дверце справа, чей огромный замок совсем не соответствовал ее крошечным размерам.

Услышав покашливание приближавшегося стража, я уже подыскивал место для укрытия, когда мой спутник торжественно вручил мне обе отмычки.

– А ну-ка попробуй, – шепнул он напоследок и исчез в тени, оставив меня с обалделым видом разглядывать воровские инструменты.

С тяжелым вздохом я опустился на колени перед дверью, беспомощно ковыряясь в замке. Если мне пришлось туго уже с теми механизмами во время обучения, то что говорить про этот! Прямо-таки замок на комнате с сокровищами и мои шансы открыть его до смешного малы.

Почему он так поступает со мной? Издевается что ли? Я весь горел от злости. Он ведь прекрасно понимает, что мне не под силу справиться с таким замком. Но если этот хваленый мастер-вор ждет, что я сдамся, то тут он сильно ошибается. Закусив губу, я попытался действовать, вспоминая все усвоенные навыки. Вдруг внутри механизма тихо щелкнуло – это подался первый затвор. Я так удивился неожиданному успеху, что чуть не выронил отмычку, едва не погубил результат своих трудов, и, забыв обо всем на свете, продолжал попытки. Теперь мне стало ясно, что замок только с виду казался таким сложным, на самом же деле было не так плохо. Следующая преграда убралась с пути без особых трудностей и через пару секунд механизм подался с отчетливым щелчком, так что

отмычка свободно поворачивалась в любую сторону. Я уже собирался радостно вскочить, чтобы с гордостью показать работу Гарретту, как вдруг позади раздался звук удара и вслед за ним слабый вскрик. Оглушенный страж распластался на полу возле моих ног. А перед этим он укрепил свой факел на стене и крался ко мне, сняв с пояса молот, которым, вероятно, собирался раздробить мне голову. Но бедный брат сам стал жертвой внезапного нападения – мой спутник выжидал именно этого момента. Он молча приподнял оглушенного и положил на одну из скамеек – со стороны казалось, что страж просто задремал. Парню бы очень не поздоровилось, попадись он в такой ситуации кому-нибудь на глаза, ведь это ему в первую очередь было положено поднять по тревоге весь монастырь. Понятно, я выступил в роли приманки, сам об этом не догадываясь. А Гарретт не удостоил мой полный упрека взгляд особым вниманием и не испытал никакого благоговения к древнему алтарю – стоявшие там золотые чаши куда-то внезапно пропали.

За дверью вокруг одинокой колонны обвивалась каменная летница. Через маленькие оконца, покрытые морозными узорами, просачивался там и тут слабый свет. Тем не менее я несколько раз умудрился споткнуться на стертых за многие столетия ступеньках, пока мы тихо поднимались вверх. Из рта при дыхании выходил пар – тут было чертовски холодно.

Оказавшаяся на пути деревянная дверь задержала нас всего на пару секунд – Гарретт намного ловчее меня орудовал отмычками – и вот мы уже оказались на хорах. Здесь повсюду посередине пола лежал красный ковер. Его густой ворс заглушал шум наших шагов, но также скрывал звуки приближения стражей. С боковой стороны каждой галереи открывался вход в часовенку с изящными, полными книг полками, вычурными тяжелыми подсвечниками и маленьким алтарем с единственной молитвенной скамьей. Здесь Старшие Ордена часами пребывали в медитации. „Что-то уж больно помпезно для молитв“ – мелькнула в голове крамольная мысль, однако богобоязненная часть рассудка тут же призвала меня к порядку и заставила устыдиться из-за подобных рассуждений. Гарретт уже заскочил в первую на пути часовенку, внося изменения в ее обстановку в виде кражи маленького украшенного подсвечника. Кусая губы, я знал, насколько бесполезно спорить с ним о подобной непочтительности и тайком утешал себя мыслью, что Строитель проявит к Гарретту немного снисхождения на последнем суде. * не препятствуя воровству в священной обители, сам совершаешь грех, так что с тебя за это тоже спросят. А может быть, его всевидящий взгляд сейчас не устремлен сюда. Строгое лицо Торбена возникло перед глазами, когда я осознал, сколько ереси заключалось в таких мыслях. Но теперь мне уже было не до набожного наставника, стремившегося втемяшить в мою голову аскетичное видение мира. Я вспомнил добродушный взгляд нашего Первосвященника и веселое лицо Мастера Лукаса и утешил себя надеждой, что они более похожи по духу на Строителя чем Торбен. Для пущей уверенности я мысленно молил бога простить моему спутнику эти злодеяния, противопоставляя „вредным наклонностям“ его положительные стороны и *отчасти хорошие* поступки; надеюсь, что эти молитвы были убедительны.

Мы покинули первую часовню и уже вошли в следующую, когда блики от факела заиграли на стенах коридора: очередной страж совершал обход. Гарретт затаился в тених с правой, а я – с левой стороны дверного проема. Мужчина зашел сначала в соседнее помещение, где тут же раздался его полный ярости крик – он обнаружил кражу подсвечника. Он опротясь проскочил мимо нас, чтобы проверить, не пропало ли и здесь что-нибудь и не спрятались ли в этой часовенке воры. Дубинка Гарретта лишь едва задела стража, не причинив вреда и тот с гневом начал озираться, освещая все вокруг факелом с целью отыскать и покарать злодея. Видя, что Гарретту очень скоро придется солоно, я без долгих раздумий схватил пухлый фолиант, лежавший тут же на алтаре, и с размаху стукнул им стража по затылку. Вор ловко подхватил падающий факел, чтобы он не поджег ковер и повернулся ко мне с кривой ухмылкой:

– В книгах – великая сила.

Оттащив бессознательного брата за алтарь, подальше от света, он избавил его от тяжелой связки ключей и пополнил свою сегодняшнюю коллекцию ценных вещей книжицей в богато украшенном переплете.

Мы вышли из маленького помещения и по галерее добрались до кабинки Первосвященника над древним алтарем. Я не смог сдержаться – вошел туда и выглянул наружу. Впечатление было захватывающим – словно паришь в воздухе над нефом. Гарретт наткнулся там на единственную запертую часовню и теперь колдовал над замком решетчатой двери, которая вскоре отворилась со слабым скрипом. Личная молельня Первосвященника выглядела весьма просто по сравнению с остальными. Огромная полка с книгами, маленький, безо всяких украшений алтарь и скамья. Но зачем тогда так крепко запирает дверь? Что здесь ценного?

Вор дал ответ сразу на все вопросы, забрав с алтаря (к моему величайшему неудовольствию) маленький золотой молоточек – священный символ Ордена. Под ним было небольшое углубление. Гарретт огляделся в поисках механизма, активирующего какую-нибудь ловушку и, не обнаружив ничего подобного, осторожно нажал находившуюся внутри кнопку. Тяжеленная полка с неожиданной скоростью отъехала в сторону, едва не сбив меня с ног, и перед нами оказался тайный путь в Библиотеку. Я поспешно юркнул внутрь следом за вором, а проход вновь закрылся у нас за спиной.

Переход к башне устроили в виде крытого каменного моста. В его стенах совсем не было окон. Обычно через прорезанные в потолке застекленные отверстия проникало достаточно дневного света, но теперь снег полностью их залепил и в крошечной темноте пришлось передвигаться наощупь. Мои руки наткнулись на дверь впереди, а металлическое позвякивание дало знать, что Гарретт пробует на ее замке добытые у стражника ключи. Но, судя по всему, простым хаммеритам вход в Библиотеку был заказан и ни один не подошел. Тогда вор принялся взламывать замок, это заняло довольно много времени. А я прислонился к стене и прислушивался к гулким ударам своего сердца, потирая озябшие руки.

Кто-то приблизился к двери с той стороны, затем шаги снова затихли в отдалении. Наконец послышался резкий щелчок и Гарретт, выглянул через щелку. Теплый свет упал на его лицо, отразившись от серого глаза. Я увидел, как он протолкнул на ту сторону тот самый маленький шар, что так удивил меня сегодня вечером. Чудо техники тихонько покатилося по полу, а вор опять прикрыл дверь – снаружи снова приближались шаги.

Какое-то время мы замерли в неподвижности.

– Два стража, – наконец тихо промолвил мой спутник. – Они постоянно ходят по лестнице навстречу другу – то вверх, то вниз. Раз они удостоились чести нести здесь вахту, то, наверное, это очень опытные ребята?

Я подтвердил его слова. Чтобы войти внутрь Библиотеки, требовалось специальное разрешение. Только самые надежные и достойнейшие имели на это право. Поэтому мы не должны были допустить даже малейшей промашки, если хотели снова оказаться на улице целыми и невредимыми. Я вжался в стену и старался не мешать концентрации застывшего будто статуя Гарретта.

Шаги. Сначала глухие и тихие, но вот уже четче и громче, прямо напротив прохода. В этот момент вор изо всех сил распахнул дверь. Могучий удар сбил с ног первого стража, а дубинка довершила дело. Снизу послышался голос – другой часовой услышал шум и теперь озабоченно окликнул своего товарища. Пока он поднимался по ступенькам, мы утанули оглушенного стража в темноту. Я уже собирался затворить дверь, но Гарретт, что-то делавший с одеждой лежавшего на полу мужчины, покачал головой. Мне ничего не оставалось делать как оставить ее открытой настежь, затаиться в дальнем конце перехода и ждать.

Между тем второй страж добрался до проема, заметив распахнутую дверь. Мне было слышно, как он схватил свой боевой молот, а в изменчивом освещении коридора заметил, что он снял со стены факел и собирается оглядеться в переходе. Разумеется, ему сразу на глаза попадет лежащий без сознания брат. Гарретт таился в нескольких метрах позади. Как же он собирается без помощи лука одолеть этого хаммерита? Однако он казался спокойным и не делал попыток достать оружие.

Свет факела выхватил из темноты ногу оглушенного и страж, богатырского телосложения мужчина с косматой бородицей и густыми бровями вскрикнул от

неожиданности, положив факел на каменный пол и склонившись над своим товарищем. Огромный хаммерит встряхнул его, чтобы привести в чувство, но тут что-то громко зашипело, богатырь оторопело отшатнулся, сделал несколько неуверенных шагов назад и рухнул, потеряв сознание. Невозмутимый Гарретт поднялся и вытащил из складок одежды лежавшего стража использованную газовую мину, затем кое-как втащил в проход усыпленного гиганта.

– У нас не так уж много времени.

С этими словами он подобрал нещадно коптящий факел стража и вошел в святая святых городского монастыря, для начала убедившись, все ли там чисто. Идя следом, я увидел под ногами возле одного из ограждений маленькую сферу-глаз или как там ее, брошенную вором для разведки, и подобрал шарик с пола. Гарретт тем временем уже поместил факел в надлежащее место на стене.

Когда я огляделся по сторонам, то поневоле замер в благочестивом терепете. Колоссальная высота башни просто подавляла. Мы сейчас оказались в ее верхней половине и сейчас стало видно, что слегка повышавшийся проход уходил вниз тремя широкими огромными витками, а еще два доходили до гигантской куполоподобной крыши, казавшейся целиком сделанной из цветных стекол, словно огромное окно. Как же она, сделанная из маленьких мозаичных пластинок, чей затейливый симметричный узор так радовал глаз, выдерживает вес снега? Я бы с радостью посетил Библиотеку летом – как весело, должно быть, переливались повсюду разноцветные блики, рожденные солнечным светом!

А сейчас башню озаряли многочисленные факелы. Глянув вниз, я различил в их отблесках бесчисленные скамьи и пульта для чтения и не веря своим глазам разглядывал полки, выставленные по всей длине прохода и прогибавшиеся под весом бесценных книг. Строители очень умно спланировали архитектуру этого абсолютно гармоничного сооружения – даже стеллажи сделали с учетом слегка повышавшейся поверхности пола.

На каждой стороне башни находилось по балкону, всего четыре, могу спорить, что их расположили строго на юг, север, восток и запад. Там на ровном полу стояли изящно украшенные подставки для чтения. Весь проход в целях безопасности ограждали высокие деревянные перила, через равные промежутки в них были встроены вырезанные из дерева священные символы Ордена.

– Ты идешь или нет?

Удивленно посмотрев на Гарретта, я осознал, что все еще стою как вкопанный с зажатым в руке маленьким шаром. Смутившись, я кивнул, пряча сферу-глаз в карман, и устремился вверх по широкому проходу.

Понятно, почему Гарретт возлагал столь мало надежды на нашу новую миссию – Библиотека представляла собой необозримую сокровищницу литературы минувших столетий. Ее до самой стеклянной крыши заполняли книги обо всем на свете, отсортированные по неведомой мне системе. Полки у стен достигали немыслимой высоты – для просмотра самых верхних отделений нужно было карабкаться по стоявшим рядом лестницам. Они казались такими старыми и расшатанными, что я бы сто раз подумал, прежде чем ступить на их стертые перекладки. Пестрые корешки книг в изящных переплетах притягивали мой взгляд как магнитом. Теперь я начал понимать, почему мой Орден берег Библиотеку как зеницу ока. Иные шедевры выглядели написанными сотни лет назад, так что мне невольно казалось, что даже простое разглядывание может им навредить.

Мы все шли и шли наверх, пока не уперлись в широкий книжный шкаф – проход здесь заканчивался. Я рассчитывал увидеть здесь какие-нибудь древние рукописные раритеты, однако на полках стояли только самые новые произведения, часть из них была даже в нашем монастыре. Гарретт перегнулся через парапет, глядя вниз. Видно, его тоже смущало, что здесь находились совсем недавно написанные книги.

Я отстраненно посмотрел вверх, снова поразившись узору на стеклянном куполе. Наверное в солнечный день здесь была самая великолепная игра света. И тут у меня будто пелена с глаз упала.

– Свет...

– Что?

– Здесь сверху только новые фолианты. А старым он бы навредил. – задумчиво произнес я. – Значит, самые ценные книги...

– ... находятся в самой нижней части Библиотеки.

Я согласно кивнул. Вор указал вниз:

– Не замечаешь ничего необычного в конструкции здания? Это становится уже смешным...

Проследив за его взглядом, я осознал, что балконы располагались вокруг воображаемого центра башни точно так же как символы звезд на амулете.

– Возможно, по чистой случайности...

– Целых пять огромных пролетов... – Гарретт со вздохом поглядел на меня. – Где можно спрятать книгу великой силы, зная при этом наверняка, что лишь избранные сумеют ее отыскать?

– Только не здесь наверху...

Гарретт молчал, окидывая взглядом бесконечные ряды стеллажей. Я думал о книге из видения в надежде припомнить, как она выглядела. Но злополучный том по-прежнему не желал всплывать в памяти, к тому же эти пережитые в теле колдуна ощущения уже немного поблекли и со временем тускнели все больше и больше (не могу сказать, что сие обстоятельство меня сильно расстраивало). Самое яркое впечатление – льдистый холод, исходивший от Книги Праха, точно такой же как при встречах с загадочным убийцей, кем бы он не являлся.

Я приблизился к одной из полок, прислушиваясь к собственным чувствам, но не ощутил ничего особенного. Мой спутник уже стоял рядом с вопросительным выражением на лице.

– Припоминаю, что книга была холодной, а этот холод я уже раньше...

– Ты хочешь сказать, что почувствуешь его, если окажешься достаточно близко к книге?

Я кивнул, хотя и не был абсолютно уверен, что смогу ощутить мертвенную стужу на расстоянии.

– Ну тогда за дело.

Мы начали спускаться вниз – медленно и сосредоточенно, проходя совсем рядом с полками. Прошла уйма времени, прежде чем наши ноги коснулись пола в основании башни. Я до сих пор так ничего и не почувствовал, бестолково оглядываясь по сторонам. Внизу стояли ряды столов и скамеек, несколько письменных пультов и новые полки с книгами – обычными, если не брать в расчет их невероятную ценность. Неужто видение обмануло меня? Я уныло плюхнулся на одну из лавок, после того как обошел все здешние полки, не найдя ничего сверхъестественного. Перед огромными створками ворот с внешней стороны время от времени гремели шаги стражей. Нервы у Гарретта были натянуты, хотя внешне он выглядел весьма спокойно. Те братья наверху, на единственном пути нашего возможного бегства, не вечно будут валяться без сознания; а если даже они не очнутся, кто-нибудь другой наверняка заметит их исчезновение. Вор в одиночку в два счета бы скрылся от взвода взбешенных хаммеритов, ищущих нарушителя. Но лучше бы до этого не дошло – у меня ведь не было его сноровки.

Я задумчиво провел кончиками пальцев по грубому каменному полу, одновременно глядя вверх на балконы и размышляя о связи числа „пять“ с нашей головоломкой. Так, если там Запад, значит также и Огонь с Воином... здесь – Север, Вода и Священник... а где же *Хамаен*? Узор в центре мозаичного купола – символ, обозначающий эту звезду? Да нет, чушь все это, всего лишь случайное сходство конструкции башни с амулетом. Я снова уставился на пол.

Но если все-таки башню действительно строили по созвездию Змеи, то... *Хамаен* должен находиться где-то здесь, внизу. Поднявшись, я встал точно в центре пола, и оторопело поглядел на Гарретта.

– В чем дело?

Знакомое ощущение внезапно вернулось ко мне – очень слабое, но безошибочно узнаваемое. Не знаю, где находилась проклятая книга – над головой или под ногами, но точно где-то на воображаемой серединной оси башни. Если бы свет падал через прозрачный потолок, то яркие солнечные лучи, пройдя через единственное бесцветное стекло в центре, осветили бы как раз то место, где я сейчас стоял. Не было нужды ничего объяснять – мой спутник уже все понял.

– Здесь? – Гарретт испытующе смотрел на меня и я молча кивнул.

Могло ли что-нибудь скрываться там, в пустоте наверху? Задрал к потолку голову, я вслушивался в свои ощущения.

А если в полу есть потайной люк и книга под нами? Я не мог точно сказать. Пол казался совершенно обычным и даже круглый черный камень посередине, которого сейчас касались мои сапоги, тоже не вызывал подозрений.

Гарретт же смотрел на проблему несколько прагматичней: он начал скрупулезно обыскивать помещение на предмет потайных переключателей.

– Если у них в голове была хотя бы пара извилин, то они замаскировали его под книгу, – раздраженно пробурчал он.

А вот мне идея с переключателем показалась сомнительной. Что за разрешение требовалось для созерцания книги? И *кто* вообще мог удостоиться такой чести? Возможно, Аристайдес – Страж колдуна, если бы он сейчас не был мертвее мертвого, хотя в свете последних событий слово „мертвый“ стало понятием относительным. Я попытался представить себе, что могло произойти, если бы урна в Св.Квинтусе и вправду опустела, а колдун вернулся к жизни. Тогда и Огненный Маг тоже должен возродиться, чтобы дать отпор врагу? Магия – штука серьезная и надежная, тут уж никто не стал бы спорить, поэтому эта мысль не была совсем безумной. Допустим, Аристайдес восстал из мертвых и теперь стремится забрать главное оружие колдуна – Книгу Праха, а Абсолону про все это известно и он спрятал ее здесь. Каким образом Аристайдес снова мог получить к ней доступ? Некое заклинание или магический артефакт? * верно мыслит. Может, поэтому кто-то и украл его останки – в надежде получить книгу? Но пока что она находилась здесь и ничья рука еще не коснулась запретных страниц – я чувствовал холод. Мой взгляд снова уперся в камень под ногами. На нем не было ни бороздок, ни царапин, только гладкая серая поверхность, твердая и холодная. Присев на корточки, я провел по нему рукой, при этом ощущение холода ослабло. После тщательного ощупывания мои руки наткнулись на тонкую длинную трещину, проходившую точно посередине. Если тут скрывалась ловушка, то ее определенно замаскировали с помощью магии. И что за диковинный ключ, если таковой существовал, мог открыть этот замок?

Разрази их гром, этих магов! Обычный потайной ход и скрытые переключатели – нет, как можно, это не по их меркам! Надо сделать книгу невидимой, наполнить темный склеп шепчущими духами или состряпать кинжал, что режет кости как щепки! Кинжал... определенно нечто особенное, потому что его даже положили в саркофаг Аристайдеса.

– Кинжал сейчас у Вас с собой?

Гарретт удивленно вскинул брови, затем отодвинул полу плаща и я различил блеск стали.

– Не дадите его мне на минутку?

Он в замешательстве глядел на меня.

– Есть одна сумасшедшая идея, – успокаивающим тоном заверил я.

К счастью, вор не швырнул мне магическое оружие (что меня сильно порадовало), а аккуратно передал из рук в руки. Я разглядывал сказочно-острый клинок, мысленно приготовившись терпеть широкую ухмылку Гарретта, если моя идея-фикс с треском провалится, и не долго думая вонзил его в камень. * все-таки европейцы всюду втыкают свою историю с Эскалибуром! Но вместо ожидаемого страшного скрипа и хруста кинжал без всякого сопротивления ушел в пол, будто он и вправду был из масла. От неожиданности я вскрикнул, а сверху ко мне начал спускаться некий предмет, чьи контуры смутно угадывались в слепящем свете. Я знал, что это такое, задолго до того как прикоснулся к Книге Праха, потому что жуткий холод заставил меня содрогнуться.

Она мягко опустилась мне в руки, затем свет окружил меня со всех сторон. С секунду я просто оцепенело стоял, почти ослепнув и держа книгу. * кто читал роман С.Кинга «Талисман»? Гарретт отскочил в сторону, когда кинжал вонзился в камень, но сейчас мгновенно очутился рядом.

– Нам нужно поскорее убираться отсюда!

Быстрым движением он выдернул кинжал, снова пряча его под плащом, затем хватил меня за плечо и потащил вверх по проходу. Еще не добравшись до моста, ведущего в церковь, мы услышали за спиной взволнованный гул голосов, подтвердивший наши худшие опасения. Конечно, братья заметили свет, пробившийся через стеклянный купол несмотря на толстый слой снега – Библиотека засияла словно маяк.

Мой спутник так быстро волок меня вперед, что я чуть не падал. Ворвавшись в дверь к переходу, мы услышали, как кто-то спросил слабым голосом:

– Что за дьявольщина?.. Кто вы такие?!

Потом гарреттова дубинка снова отправила едва очнувшегося от обморока хаммерита в мир грез. * не повезло бедняге – без конца по голове бьют, прямо жалко его. Его надыхавшийся газа товарищ не шевелился. Когда вор обернулся, я вцепился в край его плаща и сунул ему в руки Книгу Праха. Ее ледяная тяжесть замедляла мой бег – ноги делались как парализованные. Поэтому я испытал безмерную благодарность, когда книга исчезла в одном из карманов Гарретта.

Между тем голоса позади раздавались намного отчетливее и стали ближе. Мы выбрались из потайного хода и я вздохнул с облегчением, когда глазам открылся погруженный в тишину церковный неф. Вроде бы тут пока никто не стоял у нас на пути. Пройдя по галереям и оказавшись на винтовой лестнице, мы с максимальной скоростью спустились по источенным неровным ступенькам. Внизу вор велел мне спрятаться, скользнув в сторону выхода. Я полз между скамьями и съежился там, тяжело дыша после недавнего бегства, благодаря ушедшего на разведку Гарретта за этот короткий перерыв.

Удар по затылку застал меня врасплох. Я успел увидеть, как пол несется на меня и погрузился в черноту.

29

И как только я мог угодить в такой переплет? Я пытался разглядеть в окружающей меня тьме хоть что-нибудь, но мне это не удавалось.

В моей тюрьме было холодно и сыро, не пробивалось ни лучика света, и как кто-то, кто пробужден из глубокого сна и не может вспомнить, где он находится, с неуверенностью ощупывал я все вокруг.

Тесно, очень тесно, едва можно пошевелиться. Когда я попытался встать, то сильно ударился головой о тяжелую плиту – холодный камень окружали меня со всех сторон. Я зашатался и на мгновение у меня потемнело в глазах, и снова сполз вниз. Не было никакого смысла пытаться отодвинуть плиту или звать на помощь. Она весила тонну и достигала нескольких сантиметров в толщину, к тому же не пропускала никаких звуков снаружи. * это уже было, но такой вот у ххсоу писательский прием - реприза

Если Гарретт и был где-то поблизости, то вряд ли мог меня услышать. Несколько мучительных минут я боролся с нарастающей паникой, пытаюсь сохранить ясность рассудка.

Воздух делался все тяжелее и мне стало до боли ясно, что мое время истекло. Все лучше, чем медленно и беспомощно умереть от жажды.

Гарретт... он никогда не простит себе, что оставил меня без надзора, пускай всего лишь на несколько минут. Мысль об этом привела меня в еще большее отчаяние, чем надвигающаяся смерть. Я не хотел, чтобы он проклинал себя из-за этого. Это было мое собственное решение, я знал, на что иду.

Мои руки снова ощупали холодный камень стен. Кажется, это могила – яма в земле либо тяжелый саркофаг, которых с избытком хватало в церквях моего Ордена, закрытый толстой плитой, так что никто не сумел бы проникнуть в него извне или выбраться

наружу. Значит, я по-прежнему нахожусь в церкви. Мое настроение несколько не улучшилось, когда вдобавок рядом обнаружилась пара влажных костей.

Воздух в гробнице заканчивался и я мучительно, со свистом дышал, скорчившись и сложив руки на коленях. Закрыв глаза, я думал о том, что никогда больше не встречу с Даной. От этой мысли слезы побежали по щекам. * всю книжку крепился, но что делать - терпение людское не беспредельно. Когда начала кружиться голова, я бессильно распластался на дне саркофага. Что-то выкатилось из моего кармана и остановилось возле самого лица. Я судорожно схватил непонятный предмет. А, сфера-глаз... вот линза и выключатель. А что, если...

Мой палец со всей силы надавил на кнопку. Внутри заработал сложный механизм, а я потерял сознание.

Вор приближался ко мне. Его кожа казалась более бледной чем обычно и что-то с ним было не так. Я хотел закрыть глаза, но не мог отвести взгляда. Его лицо ничего не выражало, а поднятые руки держали какой-то предмет. Я не разобрал, что это было, пытаюсь дотянуться до него. Но вор вдруг исчез, превратился в ничто у меня перед глазами. Я звал его по имени и не получал ответа.

– Ты слышишь меня? Открой глаза!

Сделав это, я судорожно вдохнул воздух, поначалу ничего не различая вокруг. Потом стало ясно, Гарретт притащил меня в неф и положил на полу прямо позади алтаря. Я не мог говорить и едва шевелился, но от радости очень хотел броситься на шею к своему спасителю.

Увидев, что мне стало лучше, вор тихо вздохнул, прислонившись к алтарю. Вдалеке перекликались голоса – значит, нас все еще разыскивали. Ко мне постепенно возвращались чувства и я попытался сесть. Гарретт отрицательно покачал головой и воспрепятствовал этому, положив руку мне на плечо.

– Лежи тихо, – прошептал он. – Силы тебе понадобятся раньше, чем ты думаешь.

– Где?.. – прохрипел я как можно тише.

– Где этот ублюдок тебя спрятал? В одном из саркофагов там, позади. Я еле смог отодвинуть проклятую плиту. Твоим братьям не понравится погнутый канделябр.

С трудом выглянув из-за алтаря, я различил смутные очертания огромных гробниц возле стены.

– Сфера-глаз?..

– Недурная, кстати, идея, – он чуть улыбнулся. – Она ничего не показывала, но я же знал, что ты рядом, где-то в кромешной тьме, и просто следовал сигналу.

На мгновение я прикрыл веки.

– Как долго я был без сознания?

– Минут пятнадцать, наверное. Они прочесали всю церковь, скоро уже прекратят искать.

Как же он ухитрился остаться незамеченным с моим бессознательным телом на руках?

– Почему они нас не нашли? – Я почувствовал в себе силы и сел, Гарретт это позволил.

– Они очень, очень расстроились, когда нашли разбитую крышку саркофага. Их печаль при пересчете костей внутри была столь глубока, что они забыли заглянуть сюда.

Я поморщился при этих словах.

– Думаю, что могу встать.

Он знаком велел мне замолчать. От входа церкви донеслись приближающиеся голоса. Я услышал, как со скрипом отворились тяжелые створки дверей, когда мужчины вошли внутрь.

– Это каким-то образом связано со всеми делами, – с удивлением я узнал голос Торбена. – Иначе зачем кому-то понадобилось вторгаться в Библиотеку?

– Кажется, там ничего не пропало... – задумчиво отвечал ему Дэниель. – И в саркофаге не было ничего существенного, о чем бы мог припомнить Первосвященник. Один лишь труп.

– Я не могу этого понять. Мы топчемся на месте.

– Как бы там ни было, внутри башни совершили некий ритуал...

– С какой целью? И кто посмел рыться в саркофаге, разбросав кости и осквернив покой одного из святых братьев? Можно даже подумать, что негодяй хотел упокоиться рядом с его останками! * старина Торбен!

– Может, в гроб с покойником что-то положили в день похорон?

– Полагаю, что нам с тобой далеко не все рассказали, Дэниель!

– Ах да, чуть не забыл: привратник сказал мне, что уже давно впустил Тимотеуса в монастырь.

– Тима? Но я даже не видел его...

– Ты думаешь?..

– ... что мальчик как-то причастен к произошедшему? Речь идет о *Тиме*, Дэниель.

– В тихом омуте, как ты знаешь...

– Только не Тим. Мальчик просто не способен на нечто подобное.

– Тогда мы должны выяснить, куда он запропастился.

Я многозначительно посмотрел на Гарретта и он коротко кивнул в ответ. Мне удалось осторожно подняться и на слегка подгибающихся ногах прокрасться вдоль скамеек. Там я уселся снова, слушая, как разговаривающие между собой Торбен с Дэниелем понемногу удалялись в сторону двери с винтовой лестницей. Тогда я испустил громкий вздох. Оба умолкли на полуслове и застыли как вкопанные, но тут же быстро направились в мою сторону. Я с трудом приподнялся, повернув голову таким образом, чтобы на виду оказалась впечатляющего вида шишка, оставшаяся после недавнего удара.

– Тимотеус! – лицо Торбена было полно заботы и сострадания, я думал, что проявление подобных чувств по отношению ко мне просто невозможно. – Что случилось? Ты ранен?

– Нет, не думаю...

Даниель осторожно осмотрел мой висок.

– Ты видел того, кто на тебя напал, прежде чем потерял сознание?

– Нет... Я хотел пойти к Вам, Мастер Торбен. Прямо не знаю, как здесь очутился...

– я ошарашенно оглядывался вокруг. Это выражение лица превосходно удалось – мне и в самом деле частенько приходилось попадать впросак.

Оба брата помогли мне встать и поддерживали с обеих сторон.

– Пойдем с нами.

– У меня опять были видения... Я хотел Вам об этом рассказать... Так сильно кружится голова...

– Чуть позже, Тим, – успокоил меня Дэниель. – Расскажешь нам попозже.

Они привели меня из церкви в главное здание. Я видел, что поиски закончились – мои братья снова заступали на свои посты. Даниель и Торбен ввели меня в вестибюль и усадили на скамью перед огромным камином, озабоченно глядя мне в лицо. Мне не составило труда разыгрывать из себя жертву нападения – ведь совсем недавно я и впрямь получил по голове. От очага шло приятное тепло, мои веки сами собой слипались.

– Ты помнишь что-нибудь о произошедшем?

– Немного... По пути в монастырь я чуть было не угодил в лапы зомби, но мне удалось от него убежать. А братья у ворот защитили меня. Я вошел во двор и хотел повидать Вас, Мастер Торбен, чтобы рассказать о своих новых видениях, но не помню, успел зайти в здание или нет. Знаю только, что очнулся уже в церкви.

– Ничего удивительного, Тим, стражники, которых тоже оглушили, вряд ли сумеют рассказать больше.

– ... тоже оглушили? Что произошло? – я старался скрыть свою озабоченность о того, что кто-то из них видел меня бегущим по мосту.

– Кто-то вломился в библиотеку. – пояснил Дэниель.

Я сделал такое непонимающее лицо, что он улыбнулся:

– Также остается покрытым мраком, что ему там понадобилось. Но тебя не должны волновать все эти дела. Тебе нужно как следует отдохнуть. Сейчас попрошу брата Урсуса, чтобы он приготовил для тебя постель.

– Да нет, не стоит, господин. Мне бы отдохнуть всего пару минут, а там уж все опять будет в порядке.

– Будь благодарен, Тимотеус, – произнес назидательно Торбен. Я глянул с чувством вины:

– Конечно, Мастер, но мне бы очень не хотелось тревожить нашего миссионера, у которого я сейчас проживаю. – Я с трудом удержался от ухмылки, подумав об этом „нашем миссионере“. – Кроме шишки никаких повреждений и идти не так далеко.

– Ну тогда мы по крайней мере проводим тебя.

– Уверяю Вас, в этом нет необходимости. И потом в Вас очень нуждаются здесь, в монастыре. А вот мое видение не дает мне покоя.

– Расскажи мне о нем.

Я расписал в самых ярких красках и подробных деталях свой сон о гибели Крысюка, стараясь ничего не упускать. Может, рассказ об этом так их беспокоит, что братья забудут о своих намерениях и не пойдут меня провожать.

– Когда ты это видел?

– Несколько дней назад, – правдиво ответил я. – Но нового убийства не последовало, поэтому я не придавал этому особого значения. Однако вчера мне еще кое-что приснилось.

Теперь настал черед кошмара, увиденного мной в момент смерти крысомордого бандита. Лица братьев стали озабоченными.

– Я ничего не слышал о новом убийстве... – задумчиво проговорил Торбен. – Но если виденный тобой человек действительно был преступником, как ты полагаешь, то мы, вероятно, никогда не узнаем правды об этом.

– Но тогда это значит, что речь идет уже о четырех покойниках... – догадался Дэниель. Я молчал, боясь сморозить какую-нибудь чушь, а они начали обдумывать услышанное.

По прошествии некоторого времени я вежливо прервал беседу:

– Если я Вам больше не нужен, то с Вашего позволения пойду домой. Мне хотелось бы немножко отдохнуть.

Братья, уже почти забыв обо мне, разом замолчали и испытующе уставились на меня. Я с честью выдержал их взгляды.

– Я и вправду чувствую себя снова в порядке и дойду сам. А у вас и так больше чем достаточно забот.

– Кто-нибудь из братьев мог бы тебя проводить.

Я с улыбкой покачал головой:

– Благодарю Вас за заботу, Мастер Торбен, но здесь каждый боец на счету, хотя бы из-за этого вечернего вторжения. Мне в самом деле намного лучше, я доберусь один. Прощайте.

Некоторые мои слова определенно удивили Торбена, однако он не стал спорить, а лишь кивнул. Пожелав обоим доброй ночи, я по возможности уверенным шагом направился к воротам, озабоченно глядя по сторонам. Во дворе мне не удалось отыскать какие-либо признаки Гарретта. Я очень надеялся, что он уже выбрался из монастыря, когда попрощался с братьями у ворот и шагнул наружу, в морозную темноту.

На месте нашей встречи с Артемусом я в ожидании остановился. Меня мучило беспокойство. А что, если ему не удалось убежать? Вдруг его схватили или, что еще хуже, забили на месте до смерти? Наблюдая за монастырем, я пытался уловить каждое малейшее движение, которое могло возвещать о возвращении Гарретта.

– Ты идешь или как?

Я чуть не заорал от неожиданно раздавшегося над самым ухом голоса. В темноте мелькнула знакомая усмешка. Его, как видно, начало раздражать, что у меня душа больше не уходила в пятки при каждом таком внезапном появлении.

– И как давно Вы тут стоите?

– Я тебя дожидаюсь.

Мне оставалось лишь закусить губу и послушно топтать вслед за Гарреттом домой.

30

Оказавшись в жилище вора, я сразу плюхнулся на лежанку и моментально заснул. В эту ночь мне опять снилась всякая всячина, но к счастью ничего похожего не реальность или значимого. Я открыл глаза, когда бледное зимнее солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Спросонья казалось, будто по голове моей проехала телега. Склонившийся над книгой Гарретт наградил меня понимающим взглядом:

– Садись, поешь чего-нибудь, а то выглядишь как привидение.

„А ведь именно *он сам* казался призраком, когда приближался ко мне во вчерашнем видении“ – воспоминание об этом заставило болезненно сжаться сердце. Трясаясь от холода, я уселся за стол и мгновенно задрожал с утроенной силой – от книги по-прежнему веяло бесконечной стужей.

– Надо отнести это Артемусу, я сам не могу прочитать, – сказал вор.

Мне было боязно приближаться к Книге Праха. Я не желал даже думать о том, что смогу помочь Гарретту в этом деле. Сама мысль была отталкивающей, хотя чтение сейчас стало для меня весьма приятным занятием. Гарретт заметил мою тряску и (к моему великому облегчению) поставил книгу на полку.

После еды я спросил:

– Что Вы теперь намерены делать?

– Заскочим ненадолго к Хранителям. А потом нанесем основательный визит Мастеру-Магу, чтобы задать парочку конкретных вопросов. Например, зачем ему понадобилось запихивать тебя в саркофаг.

– Вы думаете, это сделал Абсалом? – изумленно вытаращился я.

– Не обязательно собственной персоной, однако мне не приходит на ум никто другой, столь заинтересованный в сохранении тайны запретной книги. Если чутье не подвело Артемуса и за Езекилом действительно кто-то наблюдал, то не стоит исключать возможности, что этот кто-то увязался за ним до места нашей встречи. Маги, как и Хранители, умеют оставаться незамеченными.

Я тупо тарачился на шершавую поверхность стола:

– А от меня-то им чего нужно?..

– Может, они думали, что книга все еще у тебя.

– Если меня просто хотели ограбить, то зачем заперли в этой штуковине?

Он молчал. Я понимал – он тоже думает о том, что кто-то стремился устранить меня, и совсем не из-за книги, и точно так же задает себе вопрос „зачем“.

– В любом случае нападавший – не тот загадочный убийца-призрак... – пробормотал я себе под нос.

– С чего ты взял?

– Я всегда чувствовал его, но в этот раз его там не было.

– Вообще-то этот колдун, или кто он там, никогда не пытался причинить тебе вред, Тим.

И это было правдой. Убийца, кем бы он не являлся, никогда прежде не обращал на меня внимания, за исключением нескольких кошмаров, где я спасался от него бегством. Непонятно почему, но угроза на сей раз исходила от кого-то другого.

– Когда выходим?

– Вечером. Надо очень хорошо подготовиться. Артемус не преувеличивает способностей Абсалома. Он очень опасен. И уж в этот раз, Тим, я действительно не могу взять тебя с собой. А то получится, что он получит тебя словно на тарелочке.

– Я тут не останусь, – твердо ответил я.

Гарретт ожидал именно такой реакции и хмуро поглядел на меня. Но прежде чем он успел что-то произнести, я затараторил:

– Я иду с Вами. Уж лучше пропасть, но самому распоряжаться собственной судьбой, чем бездействовать здесь, ожидая, когда они воспользуются Вашим отсутствием и прихлопнут меня. – Мои щеки полыхали, а голос звучал все громче. – А если Вы меня не возьмете с собой, то я на свой страх и риск сам пойду к Абсалому. Интересно послушать, что он тогда скажет. Речь-то в конце концов идет обо мне, и я имею на это право!

Гарретт в молчании наблюдал за мной, а я не отрывал глаз от его лица. Наконец он без единого слова поднялся, чтобы заняться своей амуницией. Я знал теперь, что добился своего – вор принимал мою точку зрения. Весь следующий час мы проверяли и подготавливали к предстоящему походу наше оснащение. Вор за это время не сказал ни слова и бесцветное выражение его лица давало понять, что положение дел ему совсем не нравится. Меня немножко мучила из-за этого совесть, однако иного выхода не было.

Оставив Гарретта наедине с его мыслями, я уселся у камина и начал совершенствовать свои навыки в открывании замков. Маленький успех в монастырской церкви подстегнул мое честолюбие и теперь мне хотелось превратить непривычно-сложный процесс в обыденную процедуру. Кусая нижнюю губу, я сосредоточенно вращал отмычки в грубой замочной скважине, а от потрескивающего очага шли волны приятного тепла. Это ковыряние продолжалось до тех пор, пока мне не удалось найти слабые места запирающего механизма и выработать методику, чтобы это получалось не чисто случайным образом. А уж потом все встало на свои места – замок начал с легкостью поддаваться. Когда я без проблем открыл его в четвертый раз, то с волнением обернулся к Гарретту, чтобы поведать о своих успехах. Оказывается, он уже некоторое время наблюдал за мной. У меня не получилось выдать шквал самодовольных слов – вор молча бросил мне новый замок. Я машинально схватил его, швырнув старый на пол. Уголки рта Гарретта приподнялись в легком подобии улыбки. А я уже разглядывал новый предмет обучения. Этот замок выглядел поизящнее чем предыдущий. Я попытался решить поставленную задачу.

Вначале мне показалось, что такой сложный механизм ни в жизнь не открыть – с трудом удалось нащупать хоть какие-то подвижные части внутри. Обнаружив место в замке, где уже можно было применить отмычку, я осознал, что он не так уж сильно отличался от прежнего. Конечно, он оказался сложнее устроен, что подразумевало новые направления движения частей и большее количество сегментов, это требовало больше чуткости и терпения. Однако в остальном принцип его открывания был тем же, что и у более грубого замка. Моей самой большой проблемой являлся малый опыт в работе с отмычками – нужно не давать им соскальзывать в самый важный момент и научиться с определенной силой надавливать в нужном месте. Но в конце концов и этот механизм поддался, открывшись с легким щелчком. Я торжествовал как одержавший победу король и тут же принялся возиться с новым.

К полудню у меня уже не получалось сосредоточиться, как бы этого не хотелось. Я отложил обе отмычки в сторону. Гарретт тихо читал за столом, а рядом с приготовленными вещами стояла знакомая склянка – он только что обработал свой механический глаз. Я поднялся и подошел ближе. Лежавшая на столе книжка в ярком переплете оказалась той самой, украденной из церкви. Она, как и многие другие, оказалась написанной шрифтом Предков. Покосившись на меня, он заметил:

– Ничего ошеломляющего. Капелька хаммеритской философии, как обычно предостерегающе вздетые пальцы, а также солидная доза набожности и принуждения.

– Если Вас так веселят наши книги, то зачем Вы их вообще читаете? – спросил я более сердито чем хотелось. Он только улыбнулся:

– Мне нравится понимать, с чем приходится иметь дело. Людей легче оценивать, если знаешь, что за механизм тикает у них внутри.

– Значит, из тех же побуждений Вы прочли книгу Механистов, ту самую, что давали мне?

„Новые догматы веры“ Карраса казались настолько неохватными по объему, что я бы, наверное, никогда не решился прочесть их от корки до корки. Вор кивнул:

– Интереснейшая вещь, доложу тебе.

– Но ведь Каррас абсолютно спятил! – мне на всю жизнь хватило даже того небольшого отрывка, который я тогда прочел. Совершенно непонятно, для чего мог пригодиться этот безумный текст.

– Именно по этой причине он был более непредсказуемым, чем остальные, а книга оказалась полезной.

– Какие еще остальные?

Вместо ответа он захлопнул ворованную книжку.

– Ты заскучал?

Я чего-то промышчал в ответ и спустя всего полчаса уже раскаивался в этом – гарреттова методика обучения бою с холодным оружием и искусству подкрадывания была беспощадной. Когда мышцы рук и ног дрожали от усталости, вор наконец-то прекратил эти упражнения, вновь вернувшись к чтению. Я наблюдал за ним какое-то время, сидя на лежанке и ковыряя угли кочергой. Чем-то мой взгляд не понравился Гарретту, потому что слегка раздраженно поднял глаза:

– Ну а теперь чего тебе нужно?

– Вы ведь не ответили на мой вопрос.

– Без тебя знаю.

– Это правда, что Вы были Хранителем?

С глубоким вздохом он отложил книгу в сторону.

– Нет. Я никогда им не был.

– Но Вы же тогда сказали...

– Я и сам знаю, что сказал. – Его глаза встретились с моими и тон голоса немного смягчился. – Я был там лишь учеником, не более, и покинул их еще до конца моего обучения.

– Почему же? – аккуратно поинтересовался я.

Взгляд вора блуждал по крышке стола.

– Они готовили для меня планы. Слишком много планов.

Те двое Хранителей, чей разговор мне удалось подслушать, что-то говорили о пророчествах. Это он имел в виду под „планами“? Я снова начал молча ворочать поленья в камине, а потом сказал:

– Я слышал разговор двух Хранителей, когда мы ходили посмотреть на Горана.

– Знаю. Я тоже его слышал.

– О каких пророчествах они говорили?

Гарретт с неудовольствием передернул плечами:

– Есть старые записи, которые читает одна толковательница. Хранители ведь не ложатся спать, не услышав перед сном парочку прорицаний...

Постепенно я начинал понимать. Оба Хранителя говорили, что Гарретт много раз упоминается в письменах. Очевидно, его считали важной частью этих предсказаний и норовили оградить от всяких опасностей во имя исполнения своих ожиданий. Зная характер Гарретта, я прекрасно представлял, что могло закончиться подобное обращение.

– Вас... ну, Вы ведь знали, что Обманщик...

– Что я помогу ему вернуть прежнюю силу? Думаю, *они* это знали.

– Почему же тогда Хранители допустили это? Они могли по крайней мере Вас предупредить! – крикнул я, пораженный такой несправедливостью. Почему все эти мудрецы спокойно наблюдали, как Гарретт попадает в расставленные Обманщиком сети?

– История намного сложнее, чем ты думаешь.

– Может, не предупредив Вас, они таким способом отомстили? Они, наверное, пришли в ярость из-за Вашего ухода?

Он лишь беспомощно улыбнулся:

– Нет.

– Тогда почему же? – ожесточенно спросил я. Эти негодяи в любой момент могли все остановить и Миа сейчас была бы жива! Как можно допустить такое? Кровь ударила мне в голову, я в гневе вскочил.

– Возможно, они считали, что иного выбора нет.

Я презрительно фыркнул.

– А чем же хорош этот?

– Он привел к окончательному уничтожению Лесного Лорда, – ответил он.

– А Вы-то почему знаете?! – меня не так-то легко было успокоить.

– Я это видел, – вновь вздохнул он.

Набрав побольше воздуха, чтобы снова выпалить что-нибудь, я внезапно осекся, немо уставившись на Гарретта. Внезапно до меня дошло – не существовало никакого достойного, овеянного легендами героя, уничтожившего Обманщика, потому что его победитель был *невидим*.

Вор прочитал по моему лицу, словно по открытой книге, все обуревавшие меня мысли и выразительно покачал головой:

– Я бы никогда не сумел это сделать в одиночку.

С новым изумлением я смотрел на этого особенного человека. А ему, похоже, совсем не нравилось мое изумление.

– Скажи спасибо своему Ордену. Твои братья разработали план, а я всего лишь следовал ему...

– Вы его *осуществили*. – Это был не вопрос, а утверждение и реакция Гарретта только подтвердила его. Он ничего не ответил и начал все так же молча готовить для нас ужин. На душе у меня полегчало, когда я снова опустился на лежанку возле огня. До сего момента его вина из-за возрождения Обманщика тяжким грузом лежала на сердце. Но теперь я знал, что Гарретт искупил ее. Может, когда-нибудь он расскажет мне всю историю целиком, но пока что мои вопросы разбудили в нем старые воспоминания, так что не стоило задавать новых.

Отужинав, мы направились к Хранителям, чтобы отдать книгу Артемусу, а чуть позже собирались снова вторгнуться в Крепость Магов. Выходя из комнаты, Гарретт обернулся ко мне. После своего рассказа он не проронил ни слова и по лицу вора было ясно, что он собирался произнести нечто очень важное.

– Если вдруг случится нечто непредвиденное, ты ни в коем случае не станешь в это вмешиваться. Я требую, чтобы ты скрылся, если ситуация накалится. Спрячься и покинь Крепость, пока это будет еще безопасно. Ищи защиту у своих братьев, если я не смогу уйти вместе с тобой.

Мне было ясно, что „ситуация накалится“ еще мягко сказано, но тем не менее я воспротивился:

– Но...

Лицо Гарретта не допускало никаких возражений:

– Что бы ни произошло, сумею ли я вырваться оттуда или нет – обещаю тебе, что *сам* спасешься бегством.

Вор не сразу получил мой ответ и голос его зазвучал жестче:

– Ты не пойдешь со мной, если не пообещаешь это.

Взгляд его глаз однозначно давал понять, что спор здесь неуместен.

– Обещаю, – с неохотой выдал я.

Этого оказалось достаточно. Гарретт повернулся и вышел из комнаты.

По пути в Обитель Хранителей я вел сам с собой ожесточенные споры. Раз дал слово, то нужно его держать – так меня всегда учили. И я всегда серьезно относился к подобным вещам. Но в то же время мне было страшно потерять своего нового друга. Я сомневался, что в случае опасности смогу сдержать обещание, чтоб потом корить себя до конца своих дней. Лучше бы не случилось ничего „непредвиденного“. А еще я спрашивал себя, были ли записаны события сегодняшнего вечера в пророчествах Хранителей и хотел ли я знать, имея такую возможность, что именно должно произойти? Для чего вообще

нужны такие полные мудрости предсказания, если при этом ничего нельзя изменить? Что с того, если знаешь, как все произойдет и не в силах отвести перст судьбы?

Мы вошли в Обитель, по пути никого не встретив в коридорах. Хранитель сидел в своей комнате за столом, склонившись над каким-то текстом. Подняв голову, он приветствовал нас улыбкой:

– Разве не ты еще вчера собирался прервать до лучших дней наше общение?

– Не будем играть в прятки. – Гарретт поведал Хранителю о вчерашнем приключении и неизвестном, напавшем на меня. – Мне хотелось бы, чтобы эта книга оказалась в безопасности. Мой дом больше ненадежен и я не могу все время таскать ее повсюду с собой. Подручные Абсаломы готовы ко всякому, но не думаю, что они посмеют вломиться сюда.

Вор положил Книгу Праха на стол возле рукописей, при этом я невольно попятился.

– Это и есть она? – Артемус осторожно перевернул несколько страниц. – Странно...

– Очевидно, у тебя тоже проблемы с ее чтением.

– Это Письмена Предков, но не их язык... – он задумчиво листал дальше.

– Может, какой-то шифр?

– Пожалуй, да.

Я нехотя подошел поближе, стараясь не замечать мгновенно нахлынувший холод, и бросил осторожный взгляд на вычурные буквы. Они странным образом напоминали те огненные символы из склепа колдуна. Присмотревшись повнимательнее, я обнаружил, что буквы кажутся мне нечеткими, будто их форма постепенно, но непрерывно изменяется. От холода мне пришлось обхватить себя руками – абсолютно бессмысленный поступок, ведь от этого колдовского мороза не было защиты. Я уже начал снова пятиться, как вдруг в мешанине непонятных иероглифов обозначилось знакомое слово. Что за странная иллюзия – иногда мне не удавалось разобрать текст, написанный самыми обыкновенными буквами, а здесь речь шла о совершенно незнакомых мне Письменах Предков. Разумеется, строчки снова превратились в абракадабру, стоило чуть сконцентрироваться на них. Я подумал, что мне все почудилось, когда странный эффект повторился. Мой непонимающий взгляд скользил по раскрытым страницам. Пришлось даже несколько раз прищуривать глаза, чтобы окончательно удостовериться в реальности происходящего.

Итак, глаза меня не обманывали – строки находились в движении, светясь тем же самым блеском, что и символы в склепе. Они изменяли форму, если достаточно долго их рассматривать – сначала незаметно, затем все быстрее, пока не начинали проступать отдельные слова.

Подняв голову, я заметил, как тихо стало в комнате. Гарретт давно наблюдал за мной и заметивший мое замешательство Артемус тоже направил на меня взгляд.

– Тебе что-то кажется странным в этой книге? – спросил Хранитель.

– Но ведь Вы тоже должны это видеть? – сказал я, наморщив лоб.

– Что именно?

– Символы. Они меняются. Нужно лишь подольше посмотреть на них.

Артемус покосился на Гарретта.

– И как же они изменяются? – Интонация, с которой Артемус задал вопрос, была слишком уж отсорожной. Он что, считает меня сумасшедшим? Я дернул плечами:

– Если долго всматриваться в текст, то уже можно его прочитать.

– А что там написано?

С несчастным видом переступив с ноги на ногу, я опять склонился над страницей. Книга оказалась невероятно трудной для чтения, вдобавок надо было ждать, пока проявится следующее слово. Хотя я и осознавал, что строки состоят из знакомых слов, но не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь. Кроме того, меня все больше сковывал холод. Я все же пытался сосредоточиться:

– Она... обвивает... мир... кольцом... здесь встречаются начало и... конец. Она несет вихри... стихий и... заключает в себе жизнь. – Я страшно замерз и отступил назад. – Попробуйте сами, нужно лишь присматриваться подольше!

Хранитель тихо покачал головой:

– Буквы совсем не движутся, во всяком случае для меня.

Опустившись на стул, я грелся возле камина. Что тут можно было сказать? Либо я окончательно свихнулся, либо проклятая книга использовала меня в собственных целях, разрешив исключительно мне видеть сокрытый в ней смысл. Вот ведь какая великая честь!

– Ты оказал бы нам неоценимую помощь, если бы продолжил чтение, Тим. Похоже, ты один имеешь доступ к книге и нам не на кого больше рассчитывать. – Взгляд Артемуса был требовательным.

Ища помощи, я посмотрел на Гарретта, который все время молча наблюдал за мной. Книга вызывала у меня отвращение, не хотелось еще раз к ней приближаться.

– Мне так холодно...

Он слегка опустил глаза в знак согласия и повернулся к Хранителю:

– Все на сегодня. Продолжим завтра.

Как же здорово оказалось закрыть глаза и ощущать струящееся по телу тепло! Они что-то тихо обсуждали у меня за спиной, но я не стал прислушиваться к разговору, погружившись в раздумья. По какой причине у меня появились всякие видения и необычные способности? * по той же самой, что и у героев сериала «Heroes» На мой взгляд я менее всего подходил для этих целей – странный дар пропадал втуне и я вовсе не желал им обладать. Вернуться бы в тот день, когда Артемус заявился в наш монастырь. Если бы тогда у дверей стоял Мартен, все было бы по-другому. Из моего дружка-неофита получился бы отличный помощник для Гарретта, уж он-то бы не устрасился сковывающего душу холода. О чем думал Строитель, выбирая меня для этой миссии?

– Тим! Ты идешь?

Гарретт уже держался за ручку двери. Я испуганно вскочил, попрощавшись с Хранителем.

– Не позволяй снова засунуть себя в саркофаг, – с улыбкой напутствовал он, прежде чем мы тронулись в путь.

Небо к этому часу совсем прояснилось, ветер тоже стих. Ночь была прекрасна. Мы шагали по утоптанному снегу улиц, а дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Все на свете словно застыло от холода. Над головой тускло мерцали неприступные звезды – как крохотные светочи на иссиня-черном куполе внушающей трепет старой церкви. Мой взгляд шарил по небу, пытаюсь различить на нем созвездие, втянувшее нас в эту историю, но увидеть его так и не удалось. Улицы были совершенно пусты, если не считать неусыпных стражников; даже охочим до развлечений зомби мороз оказался не по вкусу – вокруг стояла тишина, нигде не раздавались тревожные крики, как постоянно случалось в предыдущие ночи.

Путь к Крепости Магов был неблизок, но я его даже не заметил, потому что всю дорогу пытался вспомнить лицо Даны, цвет ее глаз, оттенок нежной кожи. Удастся ли мне сегодня вечером ее увидеть? * первым делом, первым делом – Книга Праха А если мы встретимся, то о чем будем разговаривать? Чем я мог вызвать у нее интерес, как сумел бы развлечь или по крайней мере не нагнать на Дану смертельную скуку? Опять поди застыну как истукан и буду нести всякую околесицу.

Вообще-то нам сегодня предстояло „свидание“ не с Даной, а с Абсаломом и у меня не возникало никаких сомнений в том, что он окажется не самым приятным собеседником. Интересно, на что способен Огненный Маг, да еще и Мастер? Я опасался, что его волшебство сильно отличалось от Магии Земли и Воздуха и представлял несущуюся на нас стену пламени. Может, до этого не дойдет и Абсалом не применит ко мне свое волшебство. Я искоса поглядел на своего спутника, ненавидя себя за то, что он, возможно, вынужден будет встать между мной и Магом, принимая на себя его гнев, а мне придется трусливо бежать, поджав хвост. Да пропади все пропадом! Почему Строитель избрал меня для этой истории?! Почему не отыскал решительного, сильного и умелого

воина, под стать Гарретту, который был бы ему в помощь, а не в тягость? Если сегодня ночью с ним что-то случится, виноват буду один лишь я. Именно из-за меня мы пошли этим путем.

Мое горло сжалось в нехорошем предчувствии, когда вдали замаячили высокие стены Крепости Магов – скупо освещенные на фоне ночного неба, за которыми сияли разными цветами Башни четырех Стихий. А посередине черной громадой угрожающе вздымалась Главная Башня.

Возможно, шпионы Абсалом не потеряли наш след и он уже знал, что мы пришли. Я нервно огляделся, но вокруг не было ни души. Оставалось надеяться на то, что они считали меня мертвым и Мастер-Маг не ожидал этого „посещения“. Хотя даже в этом случае наши шансы невредимыми выбраться из Крепости были малы. Но мой спутник не проявлял из-за этого никакого беспокойства.

Как и при последнем вторжении мы под защитой темноты преодолели высокие стены и обошли патрулирующих наверху стражей. В саду пришлось затаиться в зарослях, пока Гарретт занимался обычной процедурой расчета движения стражей. Несмотря на серьезность положения я сомневался, что нам и на этот раз удастся просто проскочить мимо стражей на лестнице, ведущей в Главную Башню. Вор, кажется, тоже это не планировал. Он обернулся ко мне, указывая на обычно охраняемое лучниками окно в коридоре. Мне потребовалась одна секунда, чтобы уяснить причину этого жеста.

Сегодня там стояли на страже Маги – событие, происходившее столь же часто как „почти никогда“, и не спускали глаз со двора. Я попытался узнать по их одежде, к какой стихии они принадлежали, и совсем не удивился, разглядев при вспышке факела темно-красную материю. Маги Огня, как и сам Абсалом. Кажется, ему стало известно, что я не задохнулся в саркофаге, но, хвала Строителю, глава Магов пока не догадывался о нашем присутствии во дворе Крепости, иначе скрывавшие нас кусты уже горели бы, объятые пламенем. Что же он такого наплел своим стоявшим на страже собратьям? Ведь в последние годы Абсалом столь заботливо хранил секрет Книги Праха и простые Маги вряд ли знали правду.

– Могу спорить, что их тут намного больше, чем кажется. Если мы высунем хотя бы палец, то поджаримся словно тосты, – очень тихо сказал Гарретт. – Мы не сможем пойти напрямую. Вот если бы вспомнить...

Меня мучил вопрос, о чем он собирался вспомнить, но я оставил его в покое. Массивная фигура, облаченная в красное, крадучись прошла совсем рядом с нашим укрытием. Я оцепенел – на мгновение показалось, что маг смотрит мне прямо в глаза. Это был пожилой человек с решительным, изборожденным морщинами лицом. Я нисколько не сомневался, что он без раздумий превратил бы меня в ростбиф, если бы смог увидеть. Маг пошел дальше, ничего не заметив и мне удалось перевести дух. Гарретт оказался прав – стоило одному из этих мужчин обнаружить нас, и песенка спета, это вам не игра в прятки со стражниками, размахивающих мечами и целящимися из луков. Нам просто нельзя было ничем выдавать свое присутствие.

Рядом послышался шорох, а потом факел возле ближайшей двери в сад с шипением погас. У меня перехватило дыхание – вдруг кто-то из страшных сторожей заметил это? Но Гарретт точно выбрал момент, как раз когда поблизости не оказалось никого, кто мог услышать легкий свист водяной стрелы или шипение умирающего пламени. Однако мы все равно не двигались с места и ждали. Лишь после того, как стражи сделали два круга, ничего не заподозрив, Гарретт весь подобрался, готовый устремиться в темноту. Прежде чем его рука коснулась моего плеча, я уже знал, что должен делать и был начеку.

Что-то отвлекло внимание стража, выглядывающего из окна наверху – он больше не наблюдал за двором, а обернулся к кому-то и разговаривал с ним. В отдалении раздались шаги обходивших сад часовых. Мой спутник в последний раз глянул через плечо и в следующий миг выскользнул из нашего укрытия, стремясь достигнуть узкой полосы теней возле погрузившейся в темноту двери, а я мчался за ним по пятам. Замок оказался закрыт, но вор именно на это и рассчитывал – ведь он принялся взламывать его еще раньше, чем я оказался рядом и прижался к стене. Гарретту понадобилось едва ли

десять секунд и вот уже дверь с легким скрипом отворилась. Предательский свет сразу же залил его лицо и я инстинктивно потянулся за луком, чтобы пустить в факел водяную стрелу, но затем спохватился – там ведь мог оказаться часовой. Вор заметил это поспешное движение. Я думал, что он велит мне не высовываться, но Гарретт освободил проход для выстрела. У меня получилось погасить факел, отбросив назойливые мысли о возможном промахе.

В проходе сразу же сделалось темно и мы по-быстрому вошли внутрь, ведь звучавшие позади шаги стражей становились все громче, а водяной стрелой не выведешь из игры Огненного Мага. Дверь за нами закрылась. Гарретт снова запирает замок и мне его затея показалась пустой тратой времени, но тут же пришло понимание важности этого занятия. Что подумал бы бдительный страж, обнаружив открытой настежь ранее крепко запертую дверь, да еще впридачу заметив два потушенных, мокрых от воды факела?

Тени плотно сомкнулись вокруг нас, куда мы шли через маленькое помещение, разделявшего два огромных сада. Я услышал, как этажом выше откашлялся стражник и различил слабое мерцание факела, едва освещавшего караулку. В этот раз мы не стали взбираться по ступенькам, ведущим прямо в Главную Башню. В темноте уже раздавалось знакомое металлическое позвякивание, возвещавшее о скором взломе замка второй двери. Через несколько секунд сквозь чуть приоткрытую дверь проник узкий лучик света, выхвативший из темноты часть деревянного пола. Гарретт почему-то необычно долго выглядывал наружу, прежде чем подал условный сигнал. Меня не нужно было просить дважды. На секунду я оказался на залитом ярким светом крыльце и во всю прыть сбежал по ступенькам в сад Башни Воды, где и укрылся за кустами. Через пару мгновений рядом оказался Гарретт. По всему саду раздавались громкие шаги стражников и теперь я понял, почему вор медлил – выбирал самый подходящий для выхода момент. Он все рассчитал идеально точно – судя по звукам, никто из охраняющих двор ни о чем не заподозрил. Осторожности ради мы пока притаились, наблюдая за караульными – обычными стражниками и Магами, посланными Абсаломом в честь нашего прихода.

По всей видимости в планах у Гарретта не значилось без лишнего шума убрать кого-нибудь с пути, он опасался любой возможности вызвать чье-то подозрение. Отсутствие одного из стражей непременно бы заметили. * высший пилотаж – никого не убивать, никого не оглушать, на глаза не попадаться. Наверное, многие из вас всегда играют с учетом последнего пункта, а вот мне было очень сложно в той миссии Metall Age, где первый раз шастаешь по дому Труарта Он покинул заросли спустя некоторое время, крадучись и постоянно прячась в тень, а я как хвост пробирался следом. Сад, как и многие другие, представлял собой лабиринт из высоких кустов. Вскоре я уже потерял чувство направления, потому что не понимал, куда вообще мы шли. Цель обнаружилась, когда Гарретт начал что-то разыскивать в траве у нас под ногами, оставаясь при этом невидимым и неслышимым, что не совсем удавалось мне. Вдруг под его сапогами звякнул металл и вор мгновенно замер, чтобы нагнуться и обыскать землю. Но этот звук услышали не одни мы – из-за кустов раздался приглушенный голос:

– Кто это там? Покажись!

Мага – обладателя этого голоса и нас разделял всего лишь один проход в зарослях, он в любую секунду мог показаться из-за ближайшего поворота. Как оказалось, Гарретт пытался открыть люк, скрытый под густой травой и я бросился ему помогать. Крышка еле двигалась, хотя замка на ней не было. Собрав все силы, я рванул ее на себя, а проклятая штукавина сдвинулась всего на ширину ладони. Страж медленно зашагал на нашу сторону, двигаясь вдоль кустов. Скорее всего, Маг прислушался и его обеспокоил шум нашей работы – он вдруг целеустремленно направился к повороту. Отпустив люк, я схватил колчан и достал оттуда шумовую стрелу. Она угодила в заросли совсем рядом с поворотом и, на мое счастье, застряла где-то в сучьях, устроив маленький шумный фейерверк. В темноте промелькнули силуэты мчащегося вниз по проходу Мага и нескольких стражников с мечами наголо.

Таким образом мы выиграли немного времени. Я с новой силой кинулся на помощь Гарретту. Проклятый люк все никак не желал поддаваться, но отверстие уже было достаточно широким для моего тощего тела. Протиснувшись внутрь, я оказался в тускло

освещенной кладовой и тут же изо всех сил давил на крышку снизу, пока она не распахнулась на нужную ширину и вор не очутился внизу. Мы едва успели – через несколько секунд над головой прогромыхал сапогами целый отряд. Я молился, чтобы стражники ничего не знали о потайном ходе и не заметили пробивавшийся из погреба тусклый свет.

Железная лестница спускалась в кладовую, наполненную разными диковинными предметами. С удивлением оглядываясь вокруг, я спрашивал сам себя, зачем Магам понадобились зубы бурриков и сушеные слепни. В стеклянном сосуде лежало нечто, напоминавшее коготь монстра, который забрал жизнь у Миа, а чуть подальше – останки еще каких-то чудищ, с которыми мне совсем не хотелось бы встретиться. Иные бутылки наполняла вязкая жидкость, неприятно похожая на свернувшуюся кровь, в других помещались причудливые насекомые размером с взрослую крысу, каких мне раньше не доводилось видеть. Здесь было великое множество заспиртованных или засушенных растений и их семян; огромная полка поднималась под самый потолок, вся сплошь уставленная различными бутылочками, чей состав я осмелился бы попробовать лишь под страхом смертной казни. Что-то подозрительно шуршало в большом ящике. Этот звук мне совсем не понравился и я обошел его по широкой дуге. Гарретт уже пересек помещение и теперь обернулся ко мне:

– Это их малая кладовая с материалами. Тут находятся комнаты для экспериментов, а сразу этажом ниже камера пыток.

На первый взгляд казалось, что в помещении нет никаких дверей. Мы уперлись в глухую стену, за которой раздавалось посвистывание какого-то мужчины, то приближавшегося к ней, то снова отдалявшегося. Гарретт дождался относительной тишины и дернул за скрытый рычаг. Меня уже не удивило, что стена с легким гулом отъехала вбок, открыв вид на широкий, освещенный факелами коридор. Водяная стрела тотчас же обеспечила темноту в близлежащем боковом проходе и я без всяких напоминаний скрылся в тенях. Тихий грохот позади известил меня о том, что потайная дверь опять закрылась, а мой спутник уже стоял рядом. Шаги приближавшегося стражника заставили нас замереть без движения. Улучив момент, я оглядел новое убежище. Магическое подземелье оказалось круглым коридором, разделенным надвое тем самым проходом, где мы теперь находились. Из этого поперечного отделения два выхода вели, как я понимал, к комнатам для экспериментов и мне почему-то совсем не хотелось знать, что творилось за этими дверями. * а я бы поглядел Сейчас там было пусто: ни один звук не нарушал тишины, ни единой отблеск света не падал из-за приоткрытой двери на стены мрачного прохода. Здесь внизу погиб Самуэль – крепко запертый в одной из комнат, где он, похоже, экспериментировал с дохлыми крысами. * попытка вывести новую расу крысолюдов и обессмертить свое имя? Вроде бы безобидный ботаник... Может, Маг Земли пытался вернуть их к жизни, как проделывал это с умершими людьми наш соперник? * Крысозомби... ну и гадость... Но ведь некромантия находилась в этих стенах под жесточайшим запретом. Значит, проводивший подобные эксперименты Самуэль и сам ходил по тонкому льду. Возможно, он отыскивал не столько заклинание, оживляющее мертвых, сколько способ, заставляющий зомби успокоиться навеки. Но что бы ни планировал Маг, он оказался недостаточно проворен.

Стоявший поблизости Гарретт уже готовился к новой перебежке – вроде поблизости никого не было, но внезапно раздавшиеся голоса остановили его. Двое мужчин приближались размеренным шагом, увлеченные жарким спором:

– ... должно получиться и без этого, затраты слишком высоки.

– Говорю Вам, что хорошего результата можно добиться только с живыми объектами. Мне тоже понятно, что покрыть расходы удастся с трудом, но ведь это же не в первый раз...

– Вот тут как раз и зарыта собака, мой друг. Вспомните о несчастье, постигшем нас в прошлом году. Я еще ни разу не видел, чтобы стольких неофитов одновременно тошнило...

Больше ничего не удалось услышать – вор перетащил меня в другой конец поперечного коридора. Еще мгновение – и искрящийся свет сообщил о том, что

обладатели голосов свернули в проход как раз в том месте, где мы только что прятались. Страж, который шел мужчинам навстречу, почтительно приветствовал их. Оба были в одеждах Магов Земли, один держал в руках увесистый фолиант, другой нес факел. Прислонившись к холодной стене, я старался подальше отодвинуться от яркого света и не угодить им на глаза. Оба мужчины не носили бороды и казались достигшими лучшего для карьеры возраста. Более высокий из них хранил невозмутимое выражение лица, Маг пониже напомнил мне наглого агрессивного терьера.

– Но ведь это же поправимая ошибка, – как раз настойчиво доказывал он. – Самое главное здесь – правильное обращение.

– Он вырвался на свободу, перевернул все вверх дном в комнате для экспериментов, сбил с ног шестерых стражей, сожрал все бесценные растения Мага Земли Роланда, разгромил большую часть библиотеки, а находившиеся там неофиты так сильно надышались ядовитого газа, что на целые дни оказались прикованными к постелям. И это Вы называете *поправимой ошибкой*? * г-жа Уага, Вы еще не передумали завести буррика? Ни один живой буррик больше не появится в Крепости, это мое последнее слово. Если Вам угодно экспериментировать с ними, делайте это где-нибудь в другом месте.

Высокий открыл дверь одной из комнат. Низкий некоторое время ожесточенно кусал губы, но потом ему пришла в голову новая идея:

– Ну хорошо, а как насчет одного малюсенького паука? Я бы *лично* присматривал за ним...

– *Паука*?!

Дверь за ними закрылась и наружу доносились обрывки возобновившейся дискуссии. Обернувшись к Гарретту, я увидел, как он выразительно покачал головой:

– Маги...

31

Мы выбрались из подземелья, пока стражник патрулировал его нижнюю часть, где находилась (согласно словам Гарретта) пыточная камера. Гарретт тихо затворил дверь за нашей спиной, а впереди поднималась огромная лестница, знакомая еще с прошлого раза. Мой спутник затолкнул меня под лестницу, туда, куда не проникал свет факелов, а сам бесшумно исчез. Я послушно съезжился вниз, напряженно прислушиваясь к звукам. Было абсолютно тихо. Лучше бы основная масса стражников оказалась занятой охраной двора по приказу Абсалома, тогда внутри здания их окажется намного меньше. Но так как Гарретт не желал встречи ни с одним из них, то нужно быть вдвойне осторожными.

Где-то послышалось шипение, следом еще один такой же звук и свет на лестнице немного померк. Вскоре после этого рука вора, дотронувшись до меня, заставила покинуть тесное укрытие. Его настороженный взгляд говорил, что ситуация отнюдь не безопасна, я тут же догадался почему. Гигантская лестница поднималась на целых пять этажей, а нам надо было пробраться на самый верх, осторожно миновав многочисленные двери, за которыми слышались шаги и голоса. Мы в любой могли момент угодить в лапы стражников или, что еще хуже, встретиться с каким-нибудь могущественным Магом.

Вор уже прозондировал путь на наличие стражи и погасил факелы на самом верху лестницы, обеспечив таким способом некий вид убежища. Но нельзя полностью убрать все источники света, не вызвав при этом ни у кого подозрения. Так что нам надо было торопиться, одновременно производя как можно меньше шума – и положиться на госпожу удачу или, в крайнем случае, на газовую бомбу. Я прыгал сразу через две ступеньки, стараясь не отстать от Гарретта, и сдерживал дыхание – его звуки казались мне слишком громкими. Очутившись на предпоследнем этаже (том самом, где были комнаты Езекила и Даны), я различил совсем рядом с дверью голоса и, взлетев по лестнице, услышал, как она открывалась. Мы очень вовремя свернули на последний пролет и замерли в тених возле последней двери, а между тем двое Магов вели между собой разговор.

– Он сказал, будто это учебная тревога. Не знаю почему, но мне не очень в это верится. – послышался женский голос. – Стражникам даны указания соблюдать особую

бдительность и почти все Огненные Маги несут вместе с ними вахту. За этим что-то кроется.

– Думай, что говоришь, вдруг кто-нибудь нас слышит... – отвечал ей мужчина несколько сдержанным тоном. Судя по голосам, эта пара поднималась вверх. Я прилагал титанические усилия, чтобы успокоить сбитое дыхание.

– Да кто здесь станет подслушивать? Они все там, снаружи, отмораживают себе ноги. – с презрением проговорила женщина, остановившись. – И вот что я еще тебе скажу: избрание этого человека главой Ордена – ошибка. Нельзя было снова передавать власть Огненному Магу! И я буду повторять это так часто и так громко, как захочу!

– Это может оказаться опасным.

– Почему же? – она снова остановилась.

– Ходят слухи... нет, я не могу рассказывать тебе здесь об этом.

– Просто великолепно, – они снова начали подниматься и голоса раздавались все ближе и ближе. Я тихо вздохнул. Если эти двое говорили про Абсалома, то мы должны были готовиться к худшему. Сконцентрировавший свое внимание на двери Гарретт повернул голову, прошептал:

– Страж. Определенно один из Магов.

Он начал взламывать замок, а я прислушивался к тихим звукам, сопровождавшим эту работу. Механизм поддался со щелчком, прозвучавшим в моих ушах словно удар колокола, хотя в действительности этот звук, вероятно, казался очень тихим. Я был уверен, что страж по ту сторону двери *обязан* услышать его, но все оставалось тихо.

Гарретт выждал момент, когда звук шагов Мага-часового утихнет. С изумлением я увидел, что за дверью нас поджидала новая лестница. Она оказалась жутко „громкой“, из полированного камня с шахматным узором. Каждый неосторожный шаг сопровождался громким шумом. Проклиная жесткие подметки своих сапог, я ступал по полу так медленно, как только умел. В помещении невозможно было спрятаться – оно было ярко освещенным, маленьким и пустым, лестничный пролет занимал его большую часть. Я слышал громкие шаги стража, спускавшегося вниз.

В этот раз Гарретт не собирался прятаться. Наверное, потому, что наша цель становилась все ближе и этот визит в скором времени перестанет быть тайной. Сняв с плеча лук, он зарядил его газовой стрелой, которые он очень редко использовал из-за их ценности. Шаги стража уже гремели в ушах и тут я услышал, как возле меня тоненько пропела тетива. Маг уже показался из-за лестничного поворота, когда стрела ударила в пол у его ног. С секунду он ошеломленно глядел на нас, а потом закатил глаза, мешком оседая вниз. Гарретт предотвратил ужасный шум падения тела с лестницы – двумя быстрыми, размашистыми прыжками он достиг площадки и успел подхватить падающее тело. Он опять втянул усыпленного Мага наверх и просто оставил его лежать на полу. На несколько секунд он замер, прислушиваясь. На всей лестнице было тихо, ничто не говорило о присутствии здесь других стражей. И все равно мы ступали очень тихо, поднимаясь наверх.

По мере приближения к апартаментам Первого Мага на душе у меня становилось все беспокойнее. Я страшился ужасного конца нашей безумно-смелой затеи. Путь наверх казался бесконечно долгим. Покои Абсалома находились выше всех прочих комнат и я уже сбился, пересчитывая ступеньки. Когда, наконец, мы добрались до верхней площадки, то у меня болезненно защемило сердце. Я ожидал встретить тут еще одного стража, но ничто не отделяло нас от Абсалома, кроме странно выглядящей черной двери. Не знаю, было ли это хорошим знаком или нет. Возможно, это свидетельствовало о том, что Первый Маг не нуждался в защите.

Повнимательнее рассмотрев дверь, я понял, отчего она казалась странной: на ней не было ни ручки, ни замочной скважины. Справа на стене находилось углубление, живо напомнившее мне склеп в Св.Квинтуса, но другой формы.

– Как же мы проберемся внутрь? – шепотом спросил я.

Зубы Гарретта блеснули в улыбке:

– Если они настолько глупы, что оставили все по-старому, то вот это должно нам помочь.

В темноте я не мог точно рассмотреть странный предмет в руке вора. Он походил на тяжелый ключ, сделанный из черного камня и на первый взгляд идеально подходил к углублению в стене. Мне не хотелось смотреть, как Гарретт прислушивается к звукам за черной дверью. Его рука, стянувшая с плеча лук, нисколько не улучшила ситуацию.

– Помни о том, что я тебе говорил.

Проглотив ком в горле, я через силу кивнул. На тетиве гарреттова лука лежала еще одна газовая стрела. Он приложил ключ к углублению и дверь с пощелкиванием отворилась. Длинный коридор за ней устилал тяжелый черный ковер с золотистым узором, он приглушал звук наших осторожных шагов.

В обоих концах прохода находились двери. Повсюду царил мертвая тишина. Неужели Абсалом здесь не было? Гарретт выбрал дверь слева и тихо приоткрыл ее. В темноте перед нами предстала спальня Абсаломы, в которой почти вся мебель – от кровати до старомодного шкафа – оказалась сделанной из темного дерева. * у Мага явно не все в порядке с психикой. Хотя и я, гы-гы, тоже предпочитаю носить что-нибудь темное – делайте выводы. Здесь никого не было, что заставило меня нервничать еще сильнее.

Мы направились к двери в противоположном конце коридора. Но и оттуда не донеслось ни звука. Сквозь узкую щелочку просочился яркий свет. Гарретт медленно открыл дверь.

В просторном, со многими углами и поворотами помещении расположилась личная библиотека Первого Мага. Потрескивающее пламя в большом камине скупо освещало кабинет. Сполохи огня прыгали по корешкам книг на высоких полках и огромному шкафу, почти согнувшемуся от веса бесчисленных рукописей. Единственная лампа отбрасывала теплый, но какой-то беспокойный свет. Абсалом сидел спиной к двери за стоящим посреди комнаты столом и читал. Это был седой как лунь мужчина богатырского телосложения. Но державшие книгу руки, изящные и гладкие, совсем не подходили к его облику.

– Можете убрать свой лук, вор. Я не собираюсь нападать на Вас – по крайней мере, *не сейчас*. – проговорил Абсалом, не оборачиваясь. Гарретта эти слова не убедили: лук все так же зажат в руках, глаза чутко обшаривают комнату.

– Вы ожидаете какой-то каверзы. Неужели думаете, что мне стоило труда мгновенно вывести Вас из игры?

Наконец-то Абсалом повернулся к нам. Его лицо оказалось моложе чем я думал, взгляд ясных, стального цвета глаз говорил об огромном опыте и почтенном возрасте. Бороды он не носил и вообще не походил на злодея. Я был удивлен, ведь мне этот человек представлялся совсем иначе: как минимум с рогами и распространяющим вокруг себя запах серы. Глаза Абсаломы пронизывали меня насквозь и я старался при этом не отводить взгляд.

– Итак, ты в самом деле снова оказался здесь. – произнес он мрачно. – У тебя хватило терпения разыскать меня.

Потеряв дар речи, я тупо глядел на Мага. Кажется, это молчание на секунду привело его в смущение – он ждал от меня какой-то иной реакции.

– Не будете ли Вы столь любезны, чтобы объяснить нам, о чем речь? – резко спросил Гарретт.

– Спросите своего спутника. Он знает, не так ли?

Ничего не соображая, я лишь беспомощно тряс головой.

– Ты решил надо мной посмеяться? Сейчас начнешь рассказывать, что не знаешь, кто ты есть на самом деле. Уж не хочешь ли ты повторить свои старые ошибки?

Абсалом поднялся, угрожающе глядя на меня, я испуганно попятился.

– Опять попытаетесь убить его, Абсалом? – Гарретт до предела натянул тетиву своего лука.

Мастер-Маг повернул к нему голову:

– Он совсем не тот, кем кажется. Вы хотите снова превратиться в орудие Зла, Гарретт? Прошлое Вас так ничему и не научило?

– Так просветите же меня, скажите наконец, кто он такой.

– Я наблюдал за Вами, Гарретт, с самого момента вашей встречи. Давно уже нужно понять, кто был колдуном. Удивительно, что Вы служите ему как ни в чем не бывало.

Мне казалось, что пол под ногами зашатался и сейчас я провалюсь в бездну. С чего он взял, что я тот самый, кто несет ответственность за все случившиеся ужасы? Язык меня не слушался – в отчаянии я только мотал головой.

– Так Вы считаете его *восьмисотлетним колдуном*?.. – Мне не требовалось смотреть на Гарретта, чтобы представить его взгляд. „Старый дурень“ – вот что было написано у него на лице.

– Он есть тот, кем является. И он это знает. Он всему виной. Книга принадлежит лишь ему одному.

– Вы заблуждаетесь.

– Почему Вы столь уверены в этом?

Гарретт презрительно фыркнул:

– Тогда объясните, как он мог совершить такое убийство и в то же время находиться рядом со мной?

– Возможно, тогда он был в своей *телесной форме*. Мастеру-Магу, не в обиду будь сказано, под силу обмануть даже Вас.

– Я не Маг, – пробормотал я.

Абсалом умолк и теперь выжидающе смотрел на меня. Я должен был собраться с силами, чтобы голос меня не подвел:

– Не понимаю, что здесь происходит. Я никакой не Маг, а всего лишь хаммеритский неофит.

– Мне известно, что ты нашел приют у хаммеритов и даже верю, что ты долго не знал о том, кто ты на самом деле. Но твои деяния говорят сами за себя.

– Но ведь я *ничего не сделал!*

– Не трудись – обмануть меня не удастся. Мы ждали твоего возвращения, и вот он ты – собственной персоной. Все именно так, как записано в пророчестве.

– Пророчества... – прорывал Гарретт. – И это все Ваши доказательства? Откуда Вы знаете, что не ошибаетесь?

Мысли бешеным вихрем кружились в моем мозгу. Нет, я не колдун, не тиран, который столетия назад внушал людям страх. И все же... Я видел его смерть собственными глазами, полностью превратился в него в своем видении. Маги верили в то, что любая душа когда-нибудь вновь обретает тело. Вновь вспомнился сон, в котором я видел самого себя лежащим в саркофаге, хотя ожидал узреть Заклинателя Мертвых. Во всех видениях мне приходилось убегать – от правды или от самого себя?

– Но если... *если* я действительно тот, за кого Вы меня принимаете... – услышал я собственный голос. Гарретт в смятении смотрел на меня. Абсалом, собиравшийся ему что-то ответить, резко повернулся в мою сторону.

– Я никого не убивал. Вы можете забрать мою жизнь, но этим не остановите убийства... Но если я тот, кого Вы во мне видите, то кому же еще хватит знаний и могущества, чтобы подчинить себе Силу Змеи?

Абсалом энергично покачал головой.

– Своей невинной внешностью ты можешь ввести в заблуждение *его*, но не меня. Я знаю, что ты задумал и воспрепятствую этому!

Он плавно поднял кверху руку, а затем внезапно направил ее на меня. Еле успев отскочить в сторону, я увидел, как язык всепожирающего пламени скользнул мимо, превращая в ничто все предметы на своем пути. Падая, я услышал жужжание стрелы и шипение растекающегося газа. Мне не было известно, что он горюч и Абсалому, по всей видимости тоже. Маг оказался неподвластен воздействию газа и теперь с торжествующим выражением на лице готовился нанести новый удар. Воздух вокруг него превратился в облако бешено ревущего пламени, это заставило его ненадолго замешкаться.

– Беги! – услышал я голос Гарретта. Вор снова заряжал лук, а комната вокруг него за доли секунды стала сплошной огненной стеной.

– Без Вас не пойду! – завопил я. Он лишь покачал головой, прицелился и выстрелил. Абсалом небрежным движением руки отмахнулся от стрелы, словно она была какой-нибудь надоедливой мухой и обратил свой гнев на моего спутника, который молниеносно откатился в сторону, вытаскивая кинжал.

– Беги, – снова крикнул мне Гарретт, с оружием в руке кинувшийся на Мага. Кольцо из пламени окружило Абсалома и вор тут же отскочил назад. Я увидел, как он упал и как Маг поднял руки для новой атаки.

Вор взял с меня обещание ни во что не вмешиваться и при опасности спасаться бегством. Но мне сейчас было на это наплевать. То, что он подставил под удар себя, являлось его собственным решением, мои же дела оставались только моими делами.

Лук как-то сам собой оказался в моей руке. Я бездумно выхватил что-то из колчана и выстрелил, угодив Абсалому в плечо. К моему горькому изумлению пущенная стрела оказалась моховой и совсем не причинила ему вреда. Однако в мгновение ока разросшийся мох лишил его зрения и затруднял дыхание, на несколько секунд он выбыл из строя. Это дало моему спутнику шанс вскочить на ноги и снова атаковать. Сгусток огня, приготовленный Абсаломом для Гарретта, не достиг намеченной цели: он врезался в набитую книгами полку, тут же вспыхнувшую словно факел. Воздух в комнате сделался невыносимо горячим, дым разъедал мне глаза и легкие.

Абсалом снова отразил нападение вора защитным кольцом раскаленной энергии, но в этот раз Гарретт уже знал его приемы и ловко увернулся. Я послал водяную стрелу в потолок прямо над его головой. Сверху обрушился целый шквал воды и вор успел бросить на меня ядовитый взгляд. Но меня в данный момент не очень сильно волновало, как Гарретт воспринимал мои поспешные идеи. Главное, промокшая одежда хоть как-то могла помешать пламени испечь его заживо.

И тут мой взгляд встретился с полными лютой ненависти глазами Абсалома. Спустя долю секунды в мою сторону понеслась огненная стена, а я только и смог броситься на пол, прикрывая голову руками. Волна испепеляющего беспощадного жара прошла надо мной, тут же сменившись ледяным дождем, который потушил охваченный пламенем плащ. Осторожно приподняв голову, я понял, что Гарретт повторил мой трюк с водяной стрелой и теперь снова нацелил газовую на Первого Мага. Тогда я вскочил на ноги, вытаскивая свой кинжал.

Огненный Маг снова без труда отклонил выстрел, послав в увертывающегося вора новый раскаленный залп и на мгновение позабыл обо мне. Я тут же воспользовался этим, рванулся через защитное кольцо, игнорируя боль от ожогов и бросился на Абсалома, повалив его на пол. Мое тело словно окунули в расплавленный металл, откуда-то издалека раздавался мой собственный вопль. Но я не ослабил хватки – наоборот, прижал кинжал к горлу Мага, твердо решив убить его, если он не прекратит свое огненное безумие. Боль сделалась непереносимой, перед глазами скакали багровые пятна. Я был уверен, что кожа в местах соприкосновения полопалась, обнажив обугленное мясо. Даже кинжал в моей руке становился все более горячим.

– Лучше сдавайтесь, или я убью Вас, клянусь! – прохрипел я, чувствуя себя сгорающим заживо. Однако мне удалось, стиснув зубы, еще сильнее прижать кинжал к шее Абсалома.

– Вы должны делать, как он велит, – раздался насмешливый голос Гарретта. – Он же все-таки восьмисотлетний Мастер-Маг.

Жара мгновенно спала и объявший комнату огонь угас, как будто ничего не произошло. Гарретт возвышался над нами, нацелив стрелу прямо в лоб Абсалома. Мокрое от пота лицо вора покрывала копоть, я тоже чувствовал себе как поджаренная и готовая к сервировке колбаса. Но к великому моему удивлению на теле не было ран, все потери ограничились обгоревшими кое-где волосами и воспаленными от дыма легкими. Очень медленно и осторожно я ослабил хватку, отпуская Мага. В этот момент дверь с треском

распахнулась и множество мужчин в одеждах Огненных Магов ворвались в комнату. Они оцепенели, наблюдая открывшуюся сцену. Гарретт не сводил с Абсаломом глаз:

– Вы ведь прикажете своим людям оставить нас наедине, правда?

Абсалом покаркал нечто невнятное и мои пальцы машинально сжали его шею с прежней силой. Опомившись, я чуть разжал их.

– Ступайте... – выдавил Маг. – Ждите у двери.

Они последовали его приказу с явной неохотой.

– Ну а теперь-то мы можем наконец побеседовать как цивилизованные люди, или Вы предпочитаете провести остаток вечера с ножом в горле? – поинтересовался Гарретт, когда дверь за Магами закрылась. – Мы явились сюда не для того, чтобы убить Вас. Вам не любопытно, *почему* Вы до сих пор живы?

Маг поднял ладони в знак согласия и я осторожно отпустил его, готовый в любой момент применить кинжал, если ему снова взбредет в голову устроить огненный ад. Абсалом сел, он тоже выглядел уставшим. На его шее обозначилась темно-багровая полоса – знак того, что я немного переусердствовал со своими аргументами.

– Тогда скажите мне, почему же, – произнес Маг, переводя взгляд с меня на Гарретта.

Я тоже кое-как приподнялся, опираясь на локоть. От промокшего насквозь плаща шел пар. Лук я уронил во время атаки на Абсаломом и теперь он валялся в нескольких метрах от нас на полу.

– Что вообще Вам известно о происходящем? – спросил Гарретт.

Абсалом со вздохом покачал головой, сложив руки на коленях.

– Вы же воспринимаете все серьезно, так ведь? И действительно думаете, что за всем этим стоит кто-то другой.

– Так объясните мне, почему по-Вашему это невозможно.

– Просто смешно...

– Что именно? Может, Тим должен был Вас убить, так Вы себе это представляли?

Маг недовольно молчал и, поднявшись, плюхнулся на свой стул. Я с некоторым трудом тоже встал, из осторожности стараясь не смотреть Гарретту в глаза.

– Что же Вы от меня хотите? – вздохнул Абсалом.

– Правду о вещах, чье существование ваш Орден намеренно отрицает вот уже втечение восьми веков.

– На это есть причины. Некоторые Силы попросту *нельзя* освобождать.

– Объясните нам, как это связано с убийствами и в чем тут смысл?

– Я никогда не читал Книгу Праха, она закрыта для меня. Поэтому об этих ритуалах мне известно не больше, чем моим предшественникам. – Ясные глаза Мага смотрели прямо в мои. – Это ты позаботился о том, чтобы иметь единоличный доступ к содержанию книги, потому что ни с кем желал делиться своей Силой.

– Если ваши милые сказки о перевоплощении содержат в себе хотя бы толику правды, в чем я сильно сомневаюсь, то Вам должно быть ясно, что сейчас Вы разговариваете не с древним восьмисотлетним колдуном, а с юношей из наших дней. – язвительно заметил Гарретт.

– Так ли это? – протянул Абсалом, остро глянув мне в глаза.

Я знал, что в его словах все же была доля истины.

– Я видел сны, в которых становился другим человеком, но мне известно лишь то, что удалось запомнить.

– Что же ты видел?

Со вздохом я сел рядом с ним за стол и поведал о видении гибели колдуна. Кроме этого мне, в общем-то, было ни о чем больше не известно. Когда мой рассказ закончился, Маг задумчиво молчал несколько секунд, затем сказал:

– Кое-что ты упустил, об этом написано во всех хрониках. Именно это обстоятельство вызвало такую настороженность...

– Я помню лишь это, – перебил его я, – и больше ничего не видел. Он умер, не выкрикнув столь любимого Вами проклятия. Ему просто не хотелось жить, не говоря уже о том, чтобы спустя столетия вернуться.

Пронзительный взгляд Абсалом пытался отыскать хотя бы малейшие признаки неправды в моих глазах. Ему, разумеется, это не удалось и его недовольство возросло.

– Нам нужна информация. Мы должны знать все, что касается созвездия. – Гарретт полуоблокотился о стол, отставив в сторону лук. – И нам не нужен никто, исподтишка стреляющий в спину.

Лишь сейчас Абсалом оторвал взгляд от моего лица и я облегченно перевел дух.

– Предположим, эта безумная теория о том, что другой Маг может читать и использовать в своих целях Книгу Праха, верна. Тогда ты без труда выдержишь мое испытание, Тимотеус. Если ты это сделаешь, то я поверю тебе и расскажу обо всем, но если лжешь, то без промедления уничтожу.

Краем глаза я заметил, как напрягся Гарретт и его рука снова потянулась за кинжалом. Поймав его взгляд, я отрицательно покачал головой. В его глазах светилась решительность, однако он сдержался.

– В чем состоит испытание? – живо поинтересовался я у Абсалом.

– Возврат в твое прежнее воплощение. Точно так же, как в том видении. Я тоже буду при этом видеть все твоими глазами, так что обмануть меня не получится. – голос его звучал почти что нравоучительно.

– Но как?..

– Предоставь это мне. Ты не почувствуешь боли.

Я уставился на поверхность стола и гуляющие по ней тени, порожденные пламенем камина. Хотелось понять, хватит ли у меня мужества последовать решению Абсалом. Мне было все равно, найдет ли он какие-то доказательства моей вины – все равно я ничего такого не делал. А вот воспоминания пугали меня. Видение было наполнено болью, причем не только телесной. Я испытывал страх от того, что предстоит увидеть, страх оказаться чудовищем в человеческом облике, таким же мерзким как презренный Обманщик. А еще боялся отчаяния и пустоты, овладевших душой того человека и обстоятельств, ставших этому причиной.

Подняв голову, я посмотрел Гарретту в глаза и заметил в них предостережение. Он не хотел этого испытания, даже на его с виду непроницаемом лице было написано стремление воспрепятствовать ему. Затем я посмотрел на Абсалом. Тот наблюдал за мной, выжидая, но без презрительности или ненависти. Лицо его не было лицом человека, идущего по трупам для достижения своих целей. Однако не стоило забывать, что именно Абсалом *помог* Азарану свести счеты с жизнью и это он или кто-то из его подручных пытался убить меня. Хотя то обстоятельство, что он считал меня убийцей-монстром, в некоторой степени объясняло, но не оправдывало этот поступок. И кроме того, нам были нужны его знания, да и иметь Мастера-Мага в качестве союзника тоже не помешало бы.

– Я согласен, – решительно ответил я.

– Тогда следуйте за мной, – Абсалом поднялся из-за стола.

Гарретт нахмурился, услышав мой ответ, но молчал, пока я шагал рядом с ним. Коридор перед комнатой Абсалом заполняли Маги в красных одеждах, замершие в напряженном ожидании. Прежде чем выйти наружу, вор глубоко надвинул капюшон, спрятав лицо. Я опустил взгляд, шествуя по коридору вслед за Первым Магом. Если в комнату доносился шепот обсуждавших увиденное мужчин, то сейчас воцарилась давящая на нервы тишина. Без лишних слов оставив свои личные апартаменты, Абсалом вел нас в библиотеку. Никто не пошел следом. Я трусил за Магом, чувствуя себя все более беспокойно. Меня страшило приготовленное Абсаломом испытание, а решительное настроение куда-то испарилось.

Помещение, в котором Маги хранили свои знания, озарял тусклый свет. Сейчас, в позднее время, там не было никого кроме двух стражей. Собрание сочинений не выглядело таким огромным, как в Старой Библиотеке, однако меня все же впечатлило множество накопленных за века письменных трудов. На четырех этажах располагались

полки с бесчисленными книгами. Не было смысла искать в этой комнате бездумно-вычурные украшения, однако строгая простота внушала еще больше почтения. Я чувствовал себя карликом, спускаясь вслед за Абсаломом по ступеням, ведущим с верхнего этажа к центру библиотеки.

Гарретт передвигался очень уверенно, не вызывало никаких сомнений, что он уже тут однажды побывал, причем тщательно все исследовал во время своего прошлого „визита“. Я радовался, зная, что вор на моей стороне, но крайняя невозмутимость его лица нагоняла тревогу.

Миновав проход, мы оказались в круглом помещении, где друг напротив друга стояли четыре высоких каменных статуи с уставившимися в никуда безразличными взглядами. Кроме них в комнате ничего больше не было. Я удивленно рассматривал истуканов и различил усмешку на губах Гарретта, проследившего мой взгляд:

– Не обращай на эти штуки внимания, они – обычные заумные пустомели.

Абсалом нарочито-громко откашлялся, но не обернулся к нам.

– Оракул просуществовал многие столетия, Гарретт, и никто еще не осмеливался сомневаться в его правоте.

Вор комично закатил глаза, так что я даже невольно усмехнулся.

– А мне вот они ничего дельного не рассказали.

– Они бы никогда не снизошли до разговора с Вами! – Абсалом внезапно остановился, обернувшись к нам. Глаза его бешено горели.

Гарретт удивленно приподнял бровь, но ничего не сказал. Кажется, Маг теперь понял, что каменные статуи еще как снизошли до задушевной беседы с вором, и его гнев смешался с удивлением. Молча повернувшись, он продолжал спуск.

Бросив последний взгляд на странную комнату, я размышлял, о чем же мог рассказать Оракул Гарретту, а потом догнал своих спутников. Вопреки моим ожиданиям мы не стали спускаться на еще один ниже: Абсалом остановился возле полки рядом с лестницей.

– Мои очки в золотой оправе однажды бесследно исчезли. Поэтому мне кажется, что Вы знаете, как с этим нужно обращаться, а, Гарретт? * знает, знает

Я, совершенно сбитый с толку, увидел, как Гарретт, не моргнув глазом, потянул за одну из книг. Полка отодвинулась в сторону, открыв проход в тесную камеру. Она вся была облицована деревянными панелями и не имела окон. Из мебели там находились пара стульев с высокими резными спинками и тяжелый письменный стол. Вдоль стен стояли книжные шкафы с очень ценными на первый взгляд произведениями, а еще сразу бросался в глаза большущий сундук с тяжелым замком. Легким движением руки Абсалом заставил вспыхнуть факелы.

Я сильно мешкал, когда заходил внутрь. Маг уселся за стул и глядел на меня. Потайная дверь с тихим гулом закрылась и я подавлял в себе мысли о том, что очутился в ловушке.

– Садись, – Маг пододвинул еще один стул и я неуверенно сел. Гарретт же проигнорировал его предложение и остался стоять позади меня. Здорово было знать, что надежный друг находится рядом, но он ничем не мог мне помочь в предстоящем деле. Я крепко сжал руками резные подлокотники, ожидая, что Первый Маг еще что-то скажет, но тот не был намерен зря тратить время. Он вытащил из ящика стола фиал с несколькими каплями неведомого снадобья внутри, откупорил маленькую пробку и протянул его мне. Я опять почти физически ощутил, как напряженно застыл Гарретт.

– Что это такое? – резко спросил он позади меня, стиснув мою руку и не давая поднести фиал ко рту. Абсалом не удержался от легкой улыбки: проявление заботы со стороны такого человека как Гарретт веселило его.

– Вы и вправду думаете, что я хочу отравить Вашего юного друга? Правда с его стороны – то самое обстоятельство, которое мы не должны упускать из виду, иначе это может нам дорого стоить. – Обернувшись ко мне, он продолжал: – Не бойся. Ты почувствуешь усталость и заснешь, а когда очнешься, все уже будет позади.

Мне было очень страшно, несмотря на этот успокоительный тон, но и не хотелось проявить слабость. Я с мягкой настойчивостью отодвинул руку вора и как можно скорее проглотил снадобье из пробирки. Оно оказалось совсем безвкусным, но как-то странно жгло горло. Я отдал фиал Абсалому и поднял голову, чтобы посмотреть на серьезное лицо Гарретта. Затем мир вокруг сделался удивительно прозрачным и легким. * парня торкнуло Откинувшись на спинку стула, я закрыл глаза. Голос Мага, будто бы прозвучавший из бесконечной дали, что-то произнес. А потом я выскользнул из реального мира.

32

Мне стоило больших усилий заполучить Книгу. Я перевернул чуть ли не каждый камень в поисках каких-нибудь указаний. Много раз тяжким гнетом наваливалась усталость, хотелось просто бросить все и сдаться. Однако именно в такие моменты на глаза попадались несколько строк из старинной рукописи или еще что-нибудь, и эти слабые намеки заставляли возвращали надежду и веру в существование Книги.

Я не мог до конца поверить, что наконец-то держу ее в руках. Старейшины моего Ордена неоднократно предупреждали меня, что в ней сокрыты непредсказуемые Силы, что она растлит мою душу и заставит позабыть то, к чему я поначалу стремился, начав эти поиски. Как они только могли верить в это! На всем свете не было ничего важнее, только она была моим единственным шансом – она могла наполнить мою жизнь смыслом и унять непрерывную затаенную боль моей души. Лишь надежда и стремление отыскать ее удерживали меня в мире людей.

Мой Орден верил в бесконечное перевоплощение душ, эта идея казалась мне абсолютно ошибочной и неспособной никого утешить. Я был уверен, что каждый имел единственный шанс, обладал лишь *одной жизнью* и именно в ней для меня заключалось все самое значительное. Держа в руках Книгу после всех трудов и мук, впервые за два года я ощутил настоящую радость – ведь теперь почти ничто не отделяло меня от желанной цели.

Аристайдес полагал, что мне захотелось власти, но, разумеется, он заблуждался. Я не собирался использовать Силу с недобрыми намерениями, а хотел во что бы то ни стало осуществить *одну-единственную* мечту. Всего раз в тысячелетие выдавалась такая возможность – ведь скоро созвездие окажется совсем близко, чтобы после веками оставаться недосыгаемым. Так что находка Книги именно в этом году стала для меня несказанно счастливым случаем.

Пришлось проделать огромную работу. Я должен был приносить в жертву животных – точно в те дни, когда по мере приближения Змеи та или иная звезда находилась в зените своего воздействия, всего пять раз. Места совершения ритуалов не являлись чем-то особенным, но с пятой жертвой все обстояло иначе. Душа этого могучего зверя будет отдана Змее и я должен пролить его кровь прямо возле тех, кому посвятил все эти нечеловеческие усилия и для кого хотел вызвать могучую, чистую Силу. Мне полагалось принести жертву на их могиле, поэтому ее придется раскопать.

Мои жена с сыном были для меня самым ценным на свете. Я должен был стареть вместе с моей возлюбленной, наблюдая, как взрослеет мой ребенок. Нигде мне не найти мира и счастья, пока промерзшая земля покрывает их тела. Я не допустил, чтобы мертвых сожгли по традиции Ордена – они не принадлежали к нему, похороны провели согласно старым людским обычаям. Если вместо тел остался бы только прах, мне никогда не удалось бы вернуть их к жизни. Хоть я был могучим и чрезвычайно одаренным Магом, моих способностей для этой цели не хватало.

Вот уже больше двух лет могила стала их новым домом, меня же поддерживало лишь знание того, что возможность воскрешения существует. Эта мысль превратила меня в одержимого, посторонние уже видели во мне сумасшедшего. Может, и так, но я не мог освободиться от своей боли. Она всегда пряталась под оболочкой-телом, скрываясь в глубинах сохнания. Она постоянно жгла и буравила душу, словно хотела разьесть и пожрать меня изнутри.

Лишь тяжкие поиски принесли некоторый покой. Я не сказал никому в Крепости про Книгу, унес ее в свою комнату и там изучал с безумной алчностью, которая была противна даже мне самому. Смутный, необычный холод струился при этом с исписанных витиеватым почерком страниц, с каждым разом он все сильнее вторгался в тело и душу. Но мне было все равно. Книга снабдила меня недостающей информацией, в ней содержались полные знания о мощи Змеи – древней Силе, властвующей над жизнью и смертью. Змея олицетворяла начало и конец всего сущего, она несла вихри стихий и обвивала своими кольцами бытие, так полагали наши Предки. Я читал об этом и знал, что сие верование было лишь частью древнейшей природной религии, восхвалявшей великое множество богов и полубогов, которым служила Змея. Самое главное божество со временем почти кануло в безвестность: причудливое существо с рогами и козлиным торсом, чье лицо и верхняя половина тела походили на человеческие. Мне не было известно о его роли в судьбе мира, но обнаруженные во время поисков рисунки в давно покинутых капищах говорили о высочайшем положении монстра. К сожалению, я не сумел полностью расшифровать письмена, повсюду видневшиеся на стенах, но я знал, что наши прародители именовали главное божество почитателей природы „Обманщиком“ или „Творцом меда“, что бы ни означали эти загадочные прозвища.

Теперь этот культ уже можно было назвать исчезнувшим. Согласно легендам Обманщик потерял свою силу в отчаянной битве с каким-то другим божеством. Естественно, эти байки всего-навсего отражали уход старых верований и появление новых. Сегодня большинство людей поклонялось единому богу, „Строителю“. Молодой Орден хаммеритов стремительно распространял эту веру, с миссионерским рвением и огромным воодушевлением обратив в нее большую часть цивилизованных народов.

Мне не было дела до человеческих предрассудков. Всякая вера покинула меня в тот день, когда я держал на руках мертвое тело своего сына. Теперь лишь Книга оставалась моим богом, моим кумиром. Со всей решимостью я хотел ее использовать.

Первый Маг предупреждал меня и даже угрожал изгнанием из-за занятий некромантией, но старику было не под силу напугать меня. Ведь в конце концов я меньше всего хотел воспользоваться Силой Змеи для чего-то еще кроме спасения своей семьи. Аристайдес уже давно стремился устранить меня из Братства и теперь ему выпала прекрасная возможность осуществить свои планы. Еще во времена нашего неофитства он по-черному мне завидовал, прежде всего потому, что те вещи, над которыми он долго и мучительно бился, получались у меня безо всякого труда и ему ни разу не удалось меня превзойти. Пользуясь случаем, он постоянно поливал мое имя ядом, общаясь с Первым Магом.

Мне никогда не нравился Аристайдес, а двигавшие им мотивы казались сомнительными. Он жаждал добиться признания, обрести силу и теперь швырял мне в лицо обвинения, прекрасно зная, что совсем не желание повелевать мертвыми сподвигло меня на поиски. Я сознавал, что дни моего пребывания в Крепости Магов сочтены, но это волновало меня столь же мало, как и открытое препятствование поставленной мной цели.

Если бы мои родные смогли вернуться к жизни, то я бы на все махнул рукой. Совсем необязательно принадлежать к Братству, чтобы оставаться счастливым человеком. Если бы я еще раз смог подхватить на руки сынишку, сказать жене, как я ее люблю, то все непременно наладилось бы. Мечты об этом часто посещали меня и в тоске мне хотелось сделать все возможное для того, чтобы они продолжали жить, и даже умереть, зная, что чудовищную ошибку судьбы удалось исправить. Ведь это несправедливо, этого просто не должно было случиться. Преступников быстро отыскивали и они понесли заслуженную кару, но что с того? Кровь негодяев, безжалостно убивших моих близких из-за нескольких ничтожных побрякушек, не могла принести мне утешения. * интересно, а кто нанял убийц?

Я читал весь день и всю ночь, а когда в окно постучался серый рассвет, уже знал, что должен сделать. Сначала нужно было подготовить жертвенных животных. С этим пришлось повозиться – для правильного проведения ритуала понадобилось специальное волшебство.

Я использовал для ритуала коз, тщательно выбирая время для каждой подготовленной жертвы и строго следуя указанным в Книге правилам. Первое заклинание из области Магии Воздуха вызывало у животного паралич, заставляя его без движения распластаться на земле. Второе, огненное колдовство мгновенно сжигало жертву изнутри. Третье, заклятье Водяной Магии, заставляло вытечь кровь, всю до последней капли; наконец, с помощью Магии Земли на тело жертвы наносился Символ Змеи, это завершало процесс. Мне приходилось проводить ритуалы украдкой и заметать за собой следы, когда все было закончено, ведь я знал, что мне помешают, если вдруг застанут. После принесения в жертву четвертой козы мне стало ясно, что уже нет обратного пути в Крепость. Я чувствовал, какую Силу выпускал на свободу и, несомненно, это не ускользнуло от Первого Мага.

До последнего, решающего ритуала оставалось пять дней. Я использовал их для того, чтобы переоборудовать одну ветхую башню в центре маленького города неподалеку от Крепости. * да, действительно, восемь веков – не шутка, великий Город еще был маленьким городком. Мной руководила уверенность в том, что вскоре мы все вместе там заживем и новое место станет уютным домом для моей семьи. Чтобы не вызвать страха у суеверных горожан, я действовал очень осторожно. Снаружи башня выглядела как прежде, все более изменяясь изнутри. Я был взволнован и почти что счастлив, радуясь скорому свершению своей заветной мечты.

Коза или столь же безобидное животное не годилось в жертву для центральной звезды. Для этого требовался кто-то крупный, обладающий древней силой – быть может, гигантский паук или еще лучше буррик, а таких зверушек не купишь на рынке. Не желая ни с кем делиться своей тайной, я сам решил изловить тварь. Оказалось, что паук тоже не подходит, хотя поймать его не составило бы большого труда. Из занятий по Магии Земли я знал, что паучий организм устроен иначе, чем практически у всех теплокровных живых существ. Поскольку свойства жертвы точно описывались в Книге, мне следовало отыскать подходящее для этого животное.

Покинув городок, я скоро оказался в дикой местности, зная, что там водятся буррики и даже иногда попадают варги – твари, похожие на волков, но намного крупней и гораздо опасней. Рассказывали, что размерами они достигали взрослого быка. Я считал подобные байки пустой болтовней завсегдатаев кабака, ведь этих громадных чудовищ давно истребили честолюбивые охотники, старавшиеся показать свою удаль. С тех пор как варгов начали убивать на дне скрытых коварных ловушек, вместо того чтобы открыто схлестнуться с ними в опасной борьбе, они стали очень редкими. Но крестьян, живших возле опушки леса, это только радовало: с опасным голодным хищником, постоянно пожиравшим скот, почти невозможно было справиться, даже толстые стальные ворота не служили от него хорошей защитой.

Когда после многочасовых поисков я столкнулся со своей последней жертвой, то на несколько мгновений застыл в оцепенении. Этот варг был на две головы выше меня и одним ударом лапы легко мог свалить взрослую лошадь. Я слышал, как огромное животное пробиралось через ночной лес. Варг совсем не испугался, он даже не скрывал своих намерений: зверь окинул меня взглядом светло-желтых глаз и почти небрежно приготовился к прыжку. Это решило его судьбу. Я был одним из немногих представителей Ордена, кто владел Магией сразу всех стихий и атакующий варг-гигант не мог испугать меня. Оглушенный зверь рухнул на землю, прежде чем успел прыгнуть, а через некоторое время уже покорно следовал за мной в свете яркой луны.

Дойдя до опушки, я поднял глаза, отыскав на темном куполе неба холодно мерцавшее созвездие Змеи, и из предосторожности вел свою добычу подальше от поселений. Моя семья была погребена на кладбище за городскими стенами. Я приближался к нему с дальней стороны, понимая, что стражники вряд ли спокойно отнесутся к Магу с шествующим позади огромным варгом, а Братство наверняка наблюдало за ближними подступами к последнему приюту мертвых. Именно по этой причине мне удалось пробраться к могиле жены и сына лишь в предрассветных сумерках.

Я с облегчением увидел, что находился здесь один ипринялся за самую тяжкую часть задуманного дела. Когда над горизонтом показалась первая полоска света, тела наконец-то были извлечены из-под земли. Я едва мог вынести их вид. Мать и дитя положили рядом друг с другом, голова мальчика покоилась на ее плече, словно он уснул. Разложение изуродовало их кожу и иссушило трупы, волосы моей жены бесцветными прядями развевались на ветру. А мне так нравилось гладить их руками, когда они еще были мягкими и блестящими...

В светлые воспоминания вдруг вторглась картина лежащего в луже крови тела женщины, упавшие на лицо волосы, покрытые запекшейся бурой коркой... Зачем им понадобилось убивать и моего сына, трехлетнего ребенка? Я не мог даже представить себе мотивы подобного преступления. Ведь он был всего лишь золотоволосым, веселым маленьким мальчиком с лучистыми голубыми глазами... Но тогда он лежал рядом и его кровь смешалась с кровью моей жены.

Страхнув тяжелые мысли, я выкарабкался из ямы. Варг с отсутствующим взглядом наблюдал за мной. * а мне вот его жалко, может, он был последней надеждой вида Я мысленно приказал ему приблизиться к разрытой могиле и зверь беспрекословно подчинился. Странное беспокойство заползло в душу: надо было поспешить. Я уже знал, что приближается тот, кто станет препятствовать моему делу, и начал ритуал. Первое заклинание подействовало весьма быстро – животное и без того уже долго не находилось в ясном сознании. Когда я вызвал Магию Огня, зверь тут же рухнул, не издав ни звука. Его кровь полилась на землю. Я ожидал с нетерпением, пока ее горячий поток иссякнет, ведь времени оставалось совсем немного. Уже были слышны чьи-то торопливые шаги, и вскоре лицом к лицу со мной оказались несколько Магов во главе с Аристайдесом.

– Остановись, – в бешенстве крикнул он, подняв руки, чтобы своим волшебством помешать ритуалу.

Наслав на них парализующее заклятье, я знал, что смогу сдержать Магов всего на несколько мгновений. Затем завершил ритуал, чувствуя, как дрожал воздух. В тот самый миг, когда на теле зверя возник Символ, с другой стороны могилы показался Первый Маг. Он опоздал лишь чуть-чуть и поднял ладонь, чтобы произнести могучее заклинание над моей жертвой. Но оно было досталось не только варгу. Я услышал собственный крик и в отчаянии попытался противостоять заклинанию... Слишком поздно – волна чистой энергии прокатилась над ямой, отшвырнув тело волка в сторону, сбивая меня с ног...

Я очнулся лежа на земле. Понадобилась всего пара секунд, чтобы стряхнуть оцепенение. Выпрямившись, я смотрел прямо в лицо Первого Мага, заглядывавшего в яму под ногами и не скрывавшего своего испуга. Сзади раздавались голоса Аристайдеса и остальных. Я слышал, что они как будто что-то мне говорили, возможно, кричали. Но мои уши едва ли воспринимали эти слова. Спотыкаясь, я добрал до края могилы и скорее не спрыгнул, а свалился туда. Волшебство подействовало – тела моей жены и моего сына больше не являли миру признаки длительного разложения. Они восстановились, щеки порозовели, кожа стала теплой. И все же они были мертвы, убиты прямо в момент возвращения заклятием Первого Мага, направленным на варга-жертву.

Мои колени сами собой подогнулись. Я осел на дно ямы, почти окончательно потеряв рассудок. Беспощадная боль, которую на время удалось отогнать, с новой силой овладела моей душой, лишая меня дыхания. Несколько секунд я находился на грани потери сознания. Двое мужчин попытались мне помочь, но я стряхнул с себя их руки и, задыхаясь, смотрел на главу своего Ордена. Судя по его смужению Первый Маг не ожидал, что мое волшебство действительно подействует и не предполагал, что вмешательство в ритуал повлечет за собой повторную смерть любимых мной людей.

В этот момент я ненавидел его, ненавидел всех вокруг до глубины души. Склонившись к моей жене и сыну, я гладил их по щекам дрожащими руками, а затем выпрямился во весь рост. Во мне пробудилась страшная, темная мощь. Прежде я никогда не ощущал подобного, а новая сила бурлила внутри, требуя выхода. Мои руки распростерлись, посылая подаренную Змеей энергию. Я услышал крик Аристайдеса, увидел, как все испуганно отшатнулись. К сбившимся кучкой Магам подступал мертвый

варг, в его невидящих глазах горел недобрый огонь. Вокруг раздавались вопли и стоны, а между тем повсюду из могил поднимались мертвецы. Сфокусированная и направленная Сила Змеи хотя и могла разбудить умерших, но оказалась неспособной вернуть их к нормальной жизни, как это позволил бы сделать нарушенный ритуал. Разбуженные вставали, будучи при этом бездушными трупами – они разгребали землю, вылезали наружу и ковыляли куда-то без всякой цели. В них полыхал мой неукротимый гнев, безграничная ненависть к людям, безвозвратно отнявшим у меня новую и последнюю надежду.

Постепенно ускользнувший было рассудок вновь вернулся ко мне. Магов и след простыл – очевидно, они убежали. Я стоял с поникшими плечами, по щекам текли слезы. Мне все никак не удавалось выбраться из ямы.

Шорох позади заставил меня мучительно содрогнуться. Очень медленно я обернулся, уже зная, что увижу.

33

Я привел ожившие трупы жены и сына в башню, которая должна была стать для них новым домом. Смотреть в их мутные глаза, не различая там ничего, кроме бесконечной ненависти ко всему живому, кроме меня, оказалось ужасной мукой. Они не были совсем мертвы, но и не жили. Они не чувствовали ничего, кроме бешенства, они ни о чем не думали, не спали и не ели, не разговаривали и не смеялись. Я раскаивался в том, что запер их души в ужасающую темницу, но и прервать их существование тоже оказался не в силах.

Тела моих близких снова испортились, начав разлагаться, и с этим уже ничего нельзя было сделать. Я держал их под замком в одной из самых верхних комнат, чтобы они не шатались всюду по дому и в один прекрасный день, оказавшись без присмотра, не выбрались на улицу, где с ними сразу бы расправилась стража. Горожане начали бояться меня – из развалин башни в тишине ночи доносились стоны обоих ходячих трупов. Кроме того я вернулся в башню под защитой огромного варга-нежити и оставил чудовище во входной зале. Поэтому никто не отважился войти ко мне и не мешал поискам чуда, способного вернуть моих жену и сына к жизни.

Я знал, что уже давно сошел с ума, но меня это больше не заботило. А еще дошли слухи, что хаммериты видели во мне самого дьявола и изливали полные ненависти речи с кафедр в своих церквях, а Аристайдес между тем организовал целый альянс, направленный против меня и моих деяний. Но пока я был уверен, что они не осмелятся открыто вторгнуться в башню.

Сила Змеи все также струилась в моем теле. Одного движения моей руки было достаточно, чтобы поднять из могил всех мертвых на три-четыре мили окрест и затем заставить их прийти мне на помощь. А еще мои познания в некромантии становились все более совершенными.

Я почти не ел и не спал. Все мои мысли были сосредоточены на поисках решения мучительной проблемы. Когда усталость брала свое и глаза сами собой закрывались, я погружался в беспокойный сон, уронив голову прямо в беспорядочную грудку исписанных листов. Мне не приходилось покидать свое убежище – все необходимое доставляли двое мужиков, которым было наплевать на мою репутацию, лишь бы деньги платили. Они попадали в мой дом через канализацию и приносили пищу, факелы и нужную информацию – то в виде бродивших в народе слухов, то в виде купленных или украденных книг и рукописей.

Проходили месяцы, а дела мои все не улучшались – наоборот, все стало только хуже. Мне было ясно, что Книга Праха не содержит ответов на мои вопросы, но это признание далось со страшными муками. Если первые главы казались относительно понятными, то теперь приходилось на каждой строчке бороться с неясностями и двойственным смыслом. В последние недели хаммериты неоднократно собирались на улице перед башней, громогласно требуя, чтобы я вышел к ним на расправу. Посланные

мною в качестве компенсации зомби слегка поумерили пыл слуг Строителя, однако останавливаться на достигнутом они явно не собирались.

Если бы мне удалось найти решение, то я скрылся бы вместе со своей семьей под покровом ночи, сжигая за собой все мосты. Но до тех пор нужно было постоянно поддерживать защиту. Кроме того, я хотел уберечь Книгу, ведь они наверняка собирались ее уничтожить, поэтому наложил на нее сильные чары. Теперь никто кроме меня не мог ее прочесть и лишь мне было под силу уничтожить ее.

Спустя пару недель мне доложили, что хаммериты и Маги собираются общими силами атаковать башню. Когда началось первое вторжение, я хорошо к нему подготовился. Мне теперь не составляло труда с помощью заклинаний послать своих мрачных охранников куда угодно. Люди Аристайдеса были не в силах с ними справиться и в панике бежали. Но я, конечно, понимал, что всего-навсего получил очередную отсрочку. Когда-нибудь весь город восстанет против меня, превратив в руины старую башню в центре.

Я уже давно перестал узнавать свое лицо в зеркале – от меня остались кожа да кости, вокруг глубоко запавших глаз пролегли черные круги. Но все это не имело никакого значения, лишь одно оставалось важным: надо отыскать какой-то путь, должна существовать такая возможность. Чем больше трудилось надо мной время, тем ожесточеннее я проводил исследования и экспериментировал. Глубоко в душе уже давно звучала жестокая правда: *Решения нет*. Я использовал лишь тот самый крошечный шанс, пытаюсь вернуть своих близких к жизни, но и его у меня отобрали. Все во мне упрямо протестовало, отрицая правду. Ведь принять ее означало навеки положить конец жалкому существованию жены и сына, все бросить и остаться наедине с пустотой. Тогда оставалась лишь одна цель – собственная смерть, которая уже давным-давно меня не страшила. Но моя надежда и сила воли все также ностойчиво давали о себе знать, даже несмотря на то, что совместные нападения Магов и хаммеритов становились все более частыми и ожесточенными.

Я сдался лишь тогда, когда Аристайдес предпринял свое последнее, самое мощное нападение, когда моя башня стояла, объята пламенем и линии защиты окончательно были уничтожены. Он несколько дней держал меня за горло, снова и снова пытаюсь разгромить мой дом. Его союзники были сильны и многочисленны, так что когда одна группа шла в атаку, остальные могли набираться сил. Для меня все это превратилось в многодневное непрерывное испытание, приходилось постоянно находиться в чрезвычайном напряжении. Так продолжалось до тех пор, пока окончательное телесное и духовное истощение не заставило меня сдаться.

Когда я понял, что все потеряно, то поднялся в комнату, за чьей тяжелой деревянной дверью два создания с трудом влачили свое бездушное существование. Переполюнявшая меня боль сдавила сердце, но убежать от реальности было уже нельзя. Собрав последние силы, я бросил на них прощальный взгляд и послал стену пламени через комнату. Верхний этаж сразу же ярко запылал и башня превратилась в гигантский факел. А я в это время, спотыкаясь, спускался по лестнице, чтобы уничтожить Книгу. Она лежала на письменном пульте в моей библиотеке. Нападавшие уже устремились вверх, когда я наконец туда добрался. Аристайдес был первым, кто проскочил через арку ворот – обнаженный меч в руке, глаза пылали гневом. Я послал навстречу ему и его спутникам целую толпу своих чудовищных защитников, но был слишком измучен и понимал, что это лишь задержит их, но не остановит. Может, это и к лучшему...

Я пришел в себя, весь мокрый от пота. Возле моего стула сидел на корточках Гарретт и тихонько тряс меня за плечо. Несколько долгих секунд я непонимающе пялился на него, а потом согнулся и беззвучно всхлипнул, спрятав лицо в ладонях.

Мне понадобилось долгое время, чтобы смириться с возвращением воспоминаний об ужасающих событиях. Речь шла не о какой-то скверной истории, которую я увидел чужими глазами – это была *моя* история. Теперь мне ни за что не удастся выбросить из памяти пережитое и вести прежнюю жизнь. Испытание Абсалома разбредило старые

раны, которые прятались в неизмеримо дальних уголках моего подсознания. Он, казалось, тоже это понимал, потому что очень долго молчал, а Гарретт положил мне руку на плечо в знак утешения.

– Итак, все оказалось заблуждением. Это вызывает более чем беспокойство... – наконец тихо промолвил Мастер-Маг. – Значит, рассказы об этом были намеренно искажены. Теперь нельзя больше доверять даже собственным летописям.

– Кому это было так выгодно? – спросил Гарретт, не отворачиваясь от меня.

– Я этого не знаю... – Абсалом снова посмотрел мне в глаза. – Ты заколдовал Книгу Праха и никто после твоей смерти не смог бы ей воспользоваться. Тогда никому не положено знать о ритуале, освобождающим Силу Змеи. Я сам никогда не мог бы точно описать его, хотя в летописях должны содержаться самые подробные детали... Впрочем, теперь достоверность наших книг – весьма относительное понятие.

Я все еще боролся за самообладание, но все же нашел в себе силы согласно кивнуть.

– Мог ли кто-нибудь записать все иначе? Например, кто-то из Магов – соучастников этих событий? – спросил вор.

– Я сам... – с трудом пробормотал я, потирая разламывающиеся от боли виски. Оба замолчали, вопросительно глядя на меня. – Я вспоминаю себя делающим записи... свою полную одержимость... Думаю, что переработал материал Книги в мельчайших деталях не менее трех раз и сделал бесчисленное множество заметок и эскизов. Если башня не сгорела дотла...

И тут же мне стало ясно – здание пережило века и по сей день еще стоит в центре Города. Азаран оказался ее последним жильцом и это, конечно, не было случайностью. Но если огонь не проник в библиотеку, то какова судьба моих заметок? Кто их забрал? Моему внутреннему взору предстал знакомый облик.

– Аристайдес, – медленно произнес я.

– Страж склепа? И что с ним не так? – приподнял бровь Мастер-Маг.

– Он единственный находился в комнате в момент моей смерти. Он должен был знать, что я не выкрикивал никакого проклятья... Так зачем тогда он должен охранять мой склеп?..

Абсалом сидел словно громом пораженный. Я посмотрел в глаза Гарретта, по-прежнему с серьезным лицом сидящего передо мной, и тихо сказал:

– Только он один мог породить эту ложь. Поблизости никого не было, когда... когда он убил меня. – В этот момент я всеми силами старался прогнать мертвящие воспоминания.

Мой спутник глубоко вздохнул, поднимаясь.

– А его останки пропали.

Первый Маг встал со стула, направляясь ко мне:

– Тебе немного лучше?

Я молча кивнул – не имело смысла пытаться обмануть его. Он ненадолго положил ладонь на мою руку и внутренняя боль начала исчезать, словно от действия бальзама. Недоверие исчезло из взгляда Мага.

– Он изменил правила ритуала. Но почему? – спросил Гарретт. – Животные-жертвы не так сильно бросались бы в глаза.

– Но это нисколько не поможет ему достичь намеченной цели. – ответил Абсалом.

– И эта цель?..

Мастер-Маг помолчал, затем произнес:

– Человеческие жертвы нельзя сравнивать с животными. Лишь немногие звери несут в себе ту же спиритуальную мощь, что с рождения заложена в самых худших представителях людского рода. Такова наша природа, хотя лишь немногие это знают и чувствуют. Поэтому он стремится создать особо сильную связь с созвездием, принося столь значимые жертвы. Хотя преимущества такого выбора известны всем в нашем Ордене, однако за его использование любой Маг будет немедленно приговорен к смерти.

Гарретт не выглядел особо убежденным, поэтому он продолжал:

– Запрет на подобные вещи существовал в моем Ордене уже многие столетия назад, задолго до того, как язычники разучились приносить в жертву Обманщику плененных врагов и до того, как законы Города начали считать убийство крепостных преступлением! Многие возможности нельзя исчерпать и мы принадлежим к тем, кто сознательно установил моральные нормы и строго контролирует их соблюдение!

Вора слегка позабавила эта вспышка гнева, однако потом он все же спросил:

– Выбор жертв – дело случая? Или он действует целенаправленно?

Я пытался припомнить черты характера Аристайдеса. Он был тщеславен, жаден до власти и ненавидел меня за талантливость. Но если вдуматься, то я не мог понять, зачем он развернул этот крестовый поход. Он приложил все усилия, стремясь убрать меня со своего пути. Я же со своей стороны по большому счету никогда не был для него и других реальной угрозой, даже никогда не пытался причинить никому вреда и использовал свою новую силу лишь когда на меня напали. Идея о спасении семьи превратилась в настоящую одержимость, но и только. Он прекрасно знал об этом. Для чего же тогда понадобилось мешать? Спустя еще какое-то время я бы сам сдался, убедившись в тщетности своих трудов и сведя счеты с жизнью, даже без участия Аристайдеса. Так в чем же была причина?

– Книга могла бы пролить свет на эту историю, – сказал Абсалом Гарретту и я прислушался. Книга. Возможно, Аристайдес никогда не преследовал провозглашаемые им праведные цели. Быть может, все его тайные мысли были сосредоточены на Книге – и на власти, которую она помогала обрести. Для него, вероятно, стало шоком, когда он держал ее в руках и *не мог прочесть ни слова*. Это вызвало у меня злорадную гримасу. Успокоившись, он, видимо, понял, что мои записи пригодились бы ему теперь больше чем Книга. А из них он узнал, что возможность получить Силу созвездия выпадает лишь раз в восемьсот лет и что подходящий момент уже упущен. Ирония этой ситуации развеселила меня. Но теперь все начало приобретать смысл. Маг связал свою судьбу со склепом, чтобы помешать своему возвращению в Вечном Круговороте жизни, и теперь наконец-то приблизился к преследуемой им цели. Начиная серию убийств, он был уверен, что его возможные противники будут подозревать в этом меня, а не его, и таким образом направят свои поиски по ложному пути.

– Тим?

Я даже не заметил, что оба озабоченно смотрели на меня.

– Он никогда не хотел того, за что так рьяно боролся. Он не был благородным человеком и скрывал свои корыстные замыслы, сам жаждал обладать Силой Змеи и Книгой. И когда наконец заполучил ее и не смог прочесть, то обратился к моим заметкам. Но ему не суждено было обрести мощь: ведь созвездие уже снова удалялось от нас. Поэтому Аристайдес выдумал историю о проклятии и полностью доверявшие ему собратья по Ордену сохранили его тогдашнюю ипостась. Так что теперь он может творить то, с чем опоздал в прошлый раз. А подозрение сразу пало на меня, хотя карты судьбы сильно перемешались из-за моей смерти и я до сих пор ни о чем не помнил.

– Значит, от полной власти над Змеей его отделяет только одна жертва. – Лоб Абсалома избородили морщины. – Но злоупотребление такой Силой повлечет за собой ужасные последствия.

– Можете немного прояснить, как она действует? – Гарретт нетерпеливо прислонился к спинке стула.

– Сила, повелевающая жизнью и смертью, если так угодно. Воздействующая на все живое и прежде всего на то, что однажды было живым. Возможно он мог бы сделать себя бессмертным, призвать целую армию нежити... Тогда бы он стал самым могущественным Магом наших дней и минувших веков.

Именно этого и жаждал Аристайдес, я просто чувствовал это. Его одержимость в корне отличалась от моей, но была столь же сильной и превратила его в опасного безумца.

– Кто этот Страж склепа – нежить или дух? * имеется в виду Аристайдес – тонкие пальцы вора барабанили по подлокотнику.

– Он заключен в своей прежней оболочке – почти бестелесное создание, застрявшее между жизнью и смертью, точно так же, как и другой хранитель, с которым вы имели удовольствие познакомиться. * ну а это уже про полупризрачного варга Я боюсь, что мы сами пробудили Аристайдеса из его „зимней спячки“, когда заметили приближающееся созвездие и активировали чары склепа, поскольку опасались пророчества. Именно на это он и рассчитывал. Каждая новая жертва подкрепляла его силы и приближала к полному восстановлению тела. Возможно, он обретет свое бессмертие, выбрав напоследок в качестве объекта страшного ритуала одного из достойнейших людей... Немногие из нас понимают толк в этих вещах, Самуэль-то уж точно не был из их числа. Но несмотря на это он о чем-то проведал, потому что вдруг стал интересоваться старинными преданиями и вот тогда-то и наткнулся на пророчество. Самуэль был необычайно любопытным человеком, все время отыскивал сткрытые или утерянные знания. Но эта тайна оказалась ему не по силам. Он не имел никакого понятия, какую опасную информацию пытался получить. Я старался помешать его исследованиям, но наш погибший собрат заметил это и тогда начал проводить тайком свои опыты, так что я уже не знал, каких результатов он добился. А потом Самуэль связался со старым другом...

– С Гораном.

– Именно. Я понятия не имел, что они сами роют себе могилу... Мы ведь рассчитывали на жертвенных животных, но только не на... Горан что-то выяснил про Св.Квинтус и тут же угодил в лапы своей смерти. До гибели Самуэля я уже предпринял меры для защиты, но, как оказалось, недооценил убийцу. Он без труда обошел мои чары и убил его, а мы никак не смогли этому воспрепятствовать. Мы тогда пребывали в абсолютной уверенности, что ты, – он быстро взглянул на меня – непременно вернешься. Но поскольку твой прах остался в целости, пришлось спросить у Оракула, в каком обличье тебе суждено воплотиться. Мы ничуть не удивились, когда обнаружили тебя в поблизости от места нового убийства. Но за Вами невероятно трудно уследить, Гарретт, – обернулся он к моему спутнику. – Мы постоянно теряли Ваш след. Я уже было решился сделать то, что считал правильным...

– ... однако убийство абсолютно безобидного с виду неофита было бы трудно объяснить общественности и в особенности Ордену хаммеритов, правда? – тон гарреттова голоса был резким. Однако Маг лишь спокойно кивнул:

– Совершенно верно. Если бы мы действовали открыто, то могли возникнуть... осложнения.

– А с чего бы одному невероятно мощному мертвяку понадобилось ошиваться возле моей двери?

– Ах да, в самом деле. Я не мог сам создать такого, но когда в ту ночь по Городу бродили десятки зомби, мне удалось получить контроль над одним из них. Он стал благодаря моему волшебству намного сильнее и получил приказ вторгнуться в Ваш дом. Я был уверен, что Вы окажете ему сопротивление вместо того, чтобы тихо сидеть в своей комнате, позволив нежити разыскать Вас и юношу. Но когда Книга оказалась в Ваших руках, мне ничего не оставалось делать, как явиться в церковь и оглушить Тимотеуса.

– Почему тогда Вы сразу не убили меня?.. Зачем заставили мучиться в этом саркофаге? – я с дрожью вспомнил томительные минуты в темноте и спертый воздух гробницы.

– Честно говоря, я не смог этого сделать. Ты лежал без сознания и показался мне в тот момент абсолютно невинным и беспомощным, хотя рассудок уговаривал меня не поддаваться обманчивой внешности. Все, что мне тогда удалось, это закрыть тебя там, предоставив воле судьбы. Я надеялся, что ты не очнешься до тех пор, пока не кончится воздух.

Мое горло судорожно дернулось – чудом удалось избежать гибели! Но тут же в голове возник еще один настойчивый вопрос:

– Это чудовище в склепе когда-то было варгом, не так ли? – прежде мне никогда не доводилось их видеть, огромных хищников истребили столетия назад.

– Именно так.

– Надо же, какое совпадение. И что теперь прикажете делать с этой бешеной „почти бестелесной“ тварью? – Гарретту явно не нравились воспоминания о призрачном Страже.

– Должен сказать, что здесь я могу сделать не больше Вашего, Гарретт. Книга Праха должна содержать ответ на этот вопрос.

– Кого бы Вы сами выбрали в качестве последней жертвы?

– Это самая важная часть всего процесса, насколько я себе это представляю. Если все прочие были выбраны по воле случая, то теперь Аристайдес должен хорошенько подумать. Может, кто-нибудь из старших Магов, например, я. Один из высших хаммеритских Первосвященников, какой-то сверходаренный шаман-язычник... В любом случае центральная звезда должна получить самую сильную жертву и эта сила духовная, а не политического характера.

Вор казался недовольным, но промолчал.

– Ты должен изучить Книгу, Тимотеус, – обратился ко мне Абсалом.

С мысленным вздохом я представил себе огромный объем фолианта, свои более чем скромные способности к чтению, вспомнил сковывающий холод и... медленно кивнул.

Гарретт отошел от стула и с низко надвинутым капюшоном повернулся к дверям:

– Надесь, Вы придержите своих цепных псов и позвольте нам уйти?

– Я сам провожу вас, – ответил Маг.

Ноги еще не совсем твердо меня держали, но я старался не придавать этому значения. Из библиотеки мы прошли в один из огромных залов Главной Башни. Я сразу узнал это помещение: оно было первым на нашем пути во время прошлого визита. За длинными столами сидели несколько мужчин из тех, что вломились в кабинет Абсалом и ждали своего Мастера. К ним как бы случайно присоединился Езекил, с побледневшим лицом усевшийся на деревянную скамью, скрестив свои постоянно двигавшиеся пальцы самым невозможным образом. Рядом сидела Дана, как всегда бледная и спокойная. Мне показалось, что при нашем появлении она облегченно вздохнула и от этого сердце прыгнуло у меня в груди.

– Езекил, – прогремел Абсалом, низко нахмурив брови, заставив Воздушного Мага побледнеть еще больше. – Не будете ли Вы столь любезны проводить наших гостей до двери?

Глядя на ошарашенное лицо Езекила и насмешливо прищуренные глаза Абсалом, я невольно усмехнулся. Дана с трудом сдержала улыбку и так посмотрела на меня, что мои щеки запылали огнем. Ее Мастер поспешно поднялся, еле сумев расцепить пальцы и зашагал рядом с нами. Абсалом кивнул на прощание и мы в сопровождении Езекила и его ученицы покинули Главную Башню.

Было так странно проходить мимо ошарашенных стражников и встречавшихся по пути Магов, никого при этом не опасаясь. * согласен, очень здорово, когда на тебя не бросаются. Помню, в TDS приезжаю снизу на лифте после интрижки с настоящей Гамалл или того, что от нее осталось, а там стоит хаммерит, думаю – хана, а он спрашивает: «Все хорошо, Гарретт?» Езекил шел рядом с Гарреттом, а мы с Даной позади них. Время от времени я бросал робкий взгляд на ее лицо и с радостью видел, как она улыбается, заметив это. Когда мы уже добрались до главных ворот, Езекил тихо спросил:

– Что произошло?

Он все еще был очень обеспокоен и от сумасшедшей пляски его пальцев просто рябило в глазах. Гарретт, молчавший с того момента, как мы вышли из тайной комнаты и чье лицо скрывалось в тенях под капюшоном, ответил:

– Вам больше незачем скрывать свои дела от Первого Мага. Ступайте и поговорите с ним.

Я почти почувствовал, как худощавый Маг вздохнул про себя с огромным облегчением. Наверное, он уже рассчитывал на изгнание или еще что-то более худшее.

– Я знала, что ты невиновен, – тихо сказала мне Дана. Я удивленно обернулся к ней. – Ты ведь будешь осторожен, да? – девушка тут же опустила глаза, а ее щеки покраснели. * ♥♥♥

Гарретт уже нетерпеливо дожидался меня с другой стороны ворот. Я быстро схватил Дану за руку. Если что-то пойдет не так, мы никогда больше не встретимся. Притянув к себе Дану, я поцеловал потерявшую дар речи девушку.

И вот уже мы вышли из крепости, а мой спутник оскалил зубы в веселой ухмылке:

– Геройский поступок, между прочим.

– Ну а Вы-то уж точно ни разу не целовали девушек, – парировал я.

В ответ последовала лишь еще одна широкая улыбка. Получается, я все же ошибался. Его нелюдность была показной, если Гарретт чего-то хотел, то наверняка добивался того, чего хотел. Не то что я – словно трусливый кот, неделю подбирающийся к горячей каше. Ясно как день, что вор не хотел связывать свою судьбу ни с чьей другой, это было просто невозможно и даже опасно. Это сделало бы его зависимым, уязвимым для шантажа. Даже то, что он проявлял заботу обо мне, уже вредило его независимости.

Мы вошли в маленький неосвещенный переулочек и тени успокаивающе окутали нас. Я вдруг понял, что перестал враждебно воспринимать темноту * между прочим, готовый супер-герой: повелевание всеми четырьмя стихиями, некромантия, воровские навыки и думал о том, каким несчастным человеком был когда-то и о своей сокрушительной любви к жене и ребенку. Хвала Строителю, воспоминания об обуревавших меня безумных чувствах уже немного утратили свою четкость. Теперь я мог относительно трезво глядеть на положение вещей. Возможно, Магу стоило принять свою судьбу и это избавило бы его от жгучей боли потери, которую пришлось ощутить во второй и в третий раз.

Глядя на Гарретта, я думал, что и он не заслуживал своей судьбы. Возможно, она все равно бы настигла его, но жизнь его была бы лучше. Кто знает, может быть каждому выпадает только предназначенный судьбой путь и теперь нет никакого смысла осуждать мои тогдашние деяния.

Воспоминания о клокочущей в теле темной Силы вызвало у меня дрожь. Мощь была огромной, искушающей, но она не отвлекла меня от основной цели. Конечно, я использовал ее неправильно, пытаюсь играть в бога, но никогда не стремился воспользоваться ей для обретения власти. Даже представить себе нельзя, что способен натворить Маг, одержимый жаждой повелевать и властвовать. И что можно сказать о душевном состоянии человека, которому было наплевать на промежуток времени длиной в восемьсот лет, лишь бы овладеть этими Силами?

Незадолго до полуночи мы добрались до Обителя Хранителей. Стражи не особенно удивились столь позднему визиту Гарретта и без лишних слов освободили путь. Коридоры сегодня не были пустыми, а Артемус все так же сидел за своим озаренным свечами письменным столом. Несмотря на тепло маленького помещения я непроизвольно вздрогнул, заметив Книгу возле рукописей, над которыми трудился Хранитель, который приветствовал нас с видимым облегчением:

– Вы выглядите так, словно выиграли сражение, особенно ты, Тим.

Последовав его приглашению, я сел, глядя на тихонько потрескивающий огонь камина, на полке которого выпускал легкие облачка пара чугунный чайник. Внезапно на меня навалилась страшная усталость.

Мой спутник также занял свое обычное место напротив и откинул капюшон. Он отказался от горячего напитка, предложенного Хранителем, а вот я с благодарностью его принял. Теплая глиняная кружка приятно согревала пальцы. Сжимая ее обеими руками, я остужал питье, глядя на поднимающиеся колечки пара. На вкус жидкость оказалась слегка горькой, но от нее мне полегчало.

– То, что вы оба находитесь здесь в добром здравии, говорит либо о том, что твой план не удался и вы не попали к Абсалому, – Артемус слегка скривился, поймав взгляд своего друга – либо о том, что вам удалось его убедить. Так что произошло в действительности?

Узав обо всем, он некоторое время сидел молча, задумчиво разглядывая меня.

– В общем-то, я не сильно удивлен, Тим, – сказал он, затем обратился к Гарретту:

– По крайней мере это объясняет магические атаки в склепе и их частичное воздействие. И теперь понятно, почему он так чувствителен к видениям, связанных с

созвездием. Но вот что меня интересует, Тим: как по-твоему, ты все еще владеешь этими Силами?

Я решительно покачал головой. Ничего похожего на ощущения из силой вызванных воспоминаний мне еще не доводилось испытывать. И совсем не хотелось испытать их снова, это пугало и сбивало с толку. Я уже не был уверен, останусь ли сам собой или Силы завладеют моим теперешним телом, с таким же неистовством пробудившись во мне еще раз.

Мой ответ не очень понравился Артемусу.

– Но ведь ты так сильно окунулся в свое прошлое, что это могло бы оказаться возможным.

Хотя у меня на этот счет не было никаких сомнений, однако эти его слова заставили насторожиться. Произошло столько дел и событий, оказавшихся частью моей жизни, а я даже не имел об этом ни малейшего понятия. Но могло ли что-то, столь важное, до сих пор оставаться скрытым? Я полагал, что нет.

– Я не Маг.

– Почему ты этим интересуешься? – спросил мой Гарретт у Хранителя.

– Потому что это могло бы помочь, если нам не удастся помешать ритуалу. Я уверен, что Абсалом в состоянии выяснить, как...

– Нет! – Я так резко вскочил, что кружка с горячим чаем едва не перевернулась. Никто и никогда больше не вторгнется в мои воспоминания и не потревожит мой дух!

– Успокойся, это всего лишь идея. Ты по крайней мере можешь ее обдумать.

В последнее время мне пришлось чересчур много чего обдумывать. Подойдя к маленькому окошку, я посмотрел на звенящую от мороза ночь. Город мино спал и в этот момент мне больше всего на свете хотелось стать одним из самых обычных людей, населявших эти сонные дома, с их повседневными желаниями, тревогами и заботами. Я вспомнил, как была бедна событиями моя собственная жизнь, пока в ней не появился Гарретт. Может, стоило принимать эту ежедневную скуку как благо? Известно ведь, что трава по другую сторону забора всегда кажется зеленое. * один из слабо переводимых немецких афоризмов, означает ностальгию, запоздалую тоску по прошлой жизни, нечто вроде «в гостях хорошо, а дома лучше», но не совсем. Короче, перевел буквально

Я посмотрел вору в лицо. Он, не замечая этого, разговаривал с Артемусом и выглядел очень усталым. Нет, я совсем не сожалел о знакомстве с Гарреттом и с трудом представлял себе, что так бы и следовал строгим правилам жизни в монастыре и никогда бы даже не услышал об этом человеке. Я опять медленно опустился на стул.

– Вы проделали трудную работу. Теперь надо бы пойти домой и немного выспаться. Или даже оставайся здесь, так и быть, а уйдете утром. Я не хочу рисковать. Если Маги сумели отыскать твое пристанище, то и Аристайдесу это под силу.

– Дни моей квартиры сочтены – она пользуется излишней популярностью.

– Кажется, постоянные переезды – твоя судьба, – слегка усмехнулся хранитель.

– А про это тоже есть в ваших книгах? – Гарретт направился к двери и я последовал его примеру.

Попрощавшись с Артемусом, мы оставили Обитель и пошли домой в тишине холодной ночи. Я устал как собака и ковылял нетвердой походкой. Улицы были погружены почти в благоговейную тишину, снег синевато искрился в лунном свете. А прямо над нашими головами светилось созвездие Малого Дракона. Засмотревшись на него, я споткнулся и чуть было не полетел кувырком, если бы Гарретт хладнокровно не успел ухватить меня за воротник. После этого мое внимание полностью сконцентрировалось на неровностях мостовой.

Огонь в нашем пристанище почти совсем угас, но Гарретт без труда заставил его запылать с новой силой.

– Иногда какой-нибудь Огненный Маг пришелся бы очень кстати.

Улыбнувшись этой шутке, я прижался к каминной полке, вбирая в себя усиливающееся тепло. Интересно, как у Абсалома получилось зажечь факел, даже не приближаясь к нему? Может, усилием воли? Я пытался вспомнить, как создавал огонь в

своей предыдущей жизни. При этом мое внимание невольно сконцентрировалось на пламени. Треснувшее от сильного жара полено рассыпалось в облаке искр и я испуганно дернулся.

– Упражняешься? – спросил вор, наблюдавший за мной с насмешливой улыбкой.

– Нет! – с нарочитой убедительностью воскликнул я, чувствуя себя пойманным врасплох и, зачем-то еще сильнее укутавшись плащом, придвинулся поближе к очагу.

Убрав снаряжение, Гарретт уселся на стул, глядя на меня.

– Хочешь есть?

Мой желудок, судя по ощущениям, вообще куда-то провалился.

– Немножко, – соврал я.

Комната постепенно наполнялась приятным теплом и мы сели за стол. Все еще пахнувший дымом плащ я повесил на стену, растопырив рукава для просушки. Мы молча ели, а потом Гарретт сказал:

– Ты не очень-то выполняешь то, что обещал.

Мне пришлось виновато кивнуть – ясно, что он имеет в виду. Я нарушил данное слово и подверг себя опасности. То, что все уладилось, было чистой случайностью. Запросто могло получиться так, что меня сейчас пришлось бы сгребать в урну с пола, если бы удача отвернулась от нас.

Взгляд его разноцветных глаз пронизывал меня: серый смотрел сосредоточенно и ярко, зеленый – хмуро, изредка мерцая. Выносить это было трудно. Я старался не нарушать обещания, всегда надеялся на то, что он сможет на меня положиться. Меньше всего мне хотелось разочаровывать Гарретта.

Однако если бы я сдержал слово, то должен был оставить его в беде. Мой рассудок сознательно принял такое решение и до сих пор считал его правильным. Так что в случае упреков я бы стал его отстаивать.

– Вы не должны были требовать от меня обещать такое. Это несправедливо! – сказал я, вздернув подбородок.

Он казался удивленным такой реакцией с моей стороны и ничего не ответил. А я не дал ему такой возможности, снова ухватив быка за рога.

– Я бы никогда не простил себе своего бегства! – добавил я резко. – Мне бы стало стыдно видеть себя в зеркале, зная, что с Вами что-то случилось! И как только Вы могли подумать, что я по первому знаку унесу ноги как последний трус? А *Вы сами* поступили бы так на моем месте? Или все-таки сдержали свое слово?

– Это не одно и то же, – раздраженно выдохнул он.

– Почему же это? Неужто моя жизнь дороже Вашей? – я знал, что прав и не собирался сдаваться.

– Я могу о себе позаботиться, Тим.

– Он бы с легкостью убил Вас. Это был просто вопрос времени и *Вам* прекрасно об этом известно!

Может, я и перегнул палку, но мне хотелось, чтобы Гарретт увидел положение вещей моими глазами. Слово было нарушено, но лишь потому, что в тот момент настоящая опасность грозила ему, а не мне. Вероятно, вор побывал и в худших передрыгах и использовал в таких случаях свое мастерство. Но в любом случае борьба была неравной и его шансы выглядели неважно, мог он тогда постоять за себя или нет.

Я ожидал каких-то протестов с его стороны, но он лишь без всяких слов смотрел на меня. В какой-то миг мне почудилась печаль в его глазах. Сознывая, что вряд ли еще раз у меня хватит смелости произнести такие слова, я выпалил:

– Я вообще не должен был давать никакого слова. Если бы меня тогда убили, все лучше, чем драпать как заяц и бросить Вас одного! Я уже не ребенок и сознавал, что творю! И, черт подери, я не хочу, чтобы Вы рисковали из-за меня головой!

Меня самого перепугали произнесенные слова. Оставалось надеяться, что Строитель понимает, что творится сейчас в моей душе.

Все так же молчаливый Гарретт наконец опустил взгляд, подперев подбородок правой рукой. Он выглядел еще более уставшим чем прежде и в этот момент я ненавидел

самого себя за причиняемые хлопоты. Мне стало почти совестно за свои слова, хотя все это была сущая правда. А останься я с нечистой совестью, так может и не причинил бы столько забот.

Вор молча поднялся и начал убирать со стола остатки нашей ночной трапезы. Чувствуя себя несчастным, я знал, что Гарретт не намерен продолжать разговор на эту тему. Но мне уже было трудно остановиться, столь глубоко копнув.

– Вы не можете защитить меня от моей судьбы. – Уже произнося это, я знал, что выбрал неверные слова. Он обернулся ко мне с перекошенным от гнева лицом:

– Слово „судьба“, – жестко произнес Гарретт, – вовсе не означает, что нужно подобно безмозглому барану топать к мяснику, только лишь из-за того, что это якобы считается неизбежным! Ты не ведаешь своей судьбы! Так будь благодарен за это!

На сей раз уже мне пришлось замолчать и опустить глаза. Отвернувшись, он продолжил уборку и я не стал больше его беспокоить, а в последний раз поворошил угли в камине и подбросил еще дров на ночь. Гарретт в это время уже лежал на своей кровати с закрытыми глазами. Я тоже устроился на ночлег, потушив последнюю свечу.

– Я, должно быть, совсем спятил, коли взялся за это дело... – это бормотание вызвало у меня ухмылку. Потом я заснул.

Аристайдес враждебно смотрел на меня. Я знал, что этого не могло быть, но он выглядел именно так, как в тот самый последний день. В тот день, когда его безжалостный меч пронзил мне грудь.

Я знал, что он задумал и у меня от страха перехватило дыхание.

Когда он начал медленным шагом приближаться, меня охватила паника, заставив бежать без оглядки. Но как бы быстро я не мчался, все равно не двигался с места, а если оборачивался, он каждый раз становился все ближе, хотя двигался медленно и незаметно. В его глазах тлел холодный огонь и мне стало очень зябко.

Я побежал еще быстрее, сердце колотилось так часто, что, казалось, вот-вот разорвется, но у меня не получалось ускользнуть от него.

Когда его рука схватила меня за плечо, я зашелся в безумном крике. Все тело охватил беспощадный холод. Я споткнулся, упал...

– Тим.

Рука, касавшаяся сейчас моего плеча, была теплой. Я проспал всего около часа: огонь еще не совсем угас и луна за замерзшим окошком еще высоко стояла на ночном небе.

– Просто еще один сон. – Гарретт, сидевший на корточках возле лежанки, поднялся, когда увидел, что я проснулся. Уже привычным движением он накрыл меня одеялом до подбородка и тихо сказал, снова ложась в кровать:

– Здесь ты в безопасности.

Не знаю почему, но от этих слов стало так спокойно на душе. Я закрыл глаза и проспал до самого утра без всяких снов.

34

Моя ненависть к Книге Праха сейчас казалась столь же сильной, как и прежде желание отыскать ее. Холод пронизывал меня насквозь почти мгновенно, стоило лишь едва коснуться ее переплета или просто приблизиться. Читать нормально проклятый том тоже не получалось: спустя некоторое время я уже ничего не мог поделывать со своими лязгающими зубами и приходилось прерывать это занятие. Удивительно, что раньше Книга не казалась мне столь холодной. Да, в своих воспоминаниях я слегка мерз, перелистывая страницы, однако сейчас этот мертвенный мороз будто бы усилился раз в десять. Кроме того очень мешало то обстоятельство, что изменяющиеся буквы представляли лишь перед моими глазами, прибавьте к этому вычурный и сложный стиль текста, и тогда можно понять, почему чтение Книги Праха являлось настоящей пыткой.

Я сидел за столом рядом с Артемусом и пытался сконцентрироваться на написанном, невольно удивляясь терпению Хранителя. Он тщательно записывал все, что мне удавалось разобрать и мало-помалу благодаря нашим совместным трудам появилось несколько густо исписанных листов. Однако пока ничто из прочитанного не могло помочь нам предотвратить надвигающуюся угрозу.

Мне было прекрасно известно, что время почти вышло. На следующий день центральная звезда окажется в зените и Аристайдес сможет завершить ритуал. И всему этому противостояли примерно четыреста покрытых письменами пергаментных листов, среди которых, возможно (но совсем не обязательно) скрывалось решение проблемы. А еще в голове вертелся мучительный вопрос: *где и кого* Маг собирает напоследок принести в жертву.

Гарретт затерялся в недрах скованного морозом Города, лишь только сдал меня с рук на руки Артемусу. Интересно, где он сейчас? Наверняка в одном из таких мест, где, по мнению городской стражи, ему совсем нечего делать.

Я старался не дать посторонним мыслям отвлечь меня от работы и продолжал читать дальше, но в какой-то момент это стало просто невозможно – мне срочно пришлось перебраться поближе к камину. Казалось, что эта Книга будто бы вытягивает из меня всю жизненную энергию, алчно высасывает тепло из тела, пока оно окончательно не превратится в ледышку. Артемус поместил перо в металлический держатель, глядя на меня с чувством легкого сострадания. Потом он спросил:

– Ты чувствовал себя точно так же, Тим, когда читал эту книгу в первый раз?

– Да, но тогда мне не было так холодно, – недолго думая, ответил я.

– Почему же теперь она так действует на тебя?

– Возможно из-за отсутствия магических способностей.

– Не знаю, можно ли все объяснить только этим.

– Как далеко мы продвинулись?..

– На три страницы.

Я вздохнул – работа шла все медленнее и медленнее. Так и будет продолжаться, вероятно, до тех пор, пока моя выдержка не откажет.

– Тут работы на целый месяц, а не на один день...

– У нас нет этого месяца.

– Этот фолиант словно иссушает меня...

Он внимательно посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду?

– Мне не просто холодно. Книга словно... – я не мог подобрать слов – ... словно поглощает меня, питается моей жизнью.

– Это весьма интересно... В особенности потому, что такое воздействие она оказывает исключительно на тебя.

– Он... я наложил на Книгу чары, потому ее смысл понятел лишь мне.

– Но ведь тебе не нужно читать, чтобы ощутить холод, достаточно просто приблизиться. Это ведь никак не связано с чарами. Тогда по идее и я должен что-то чувствовать, не так ли? В чем же тогда различие между нами?

„Скажем, так: он – ученый человек, а я простой деревенский олух. Вот и все“, подумал я, но вслух ничего не сказал. Артемус еще раз окинул Книгу взглядом и промолвил:

– Ты вроде бы вполне нормальный молодой человек, за исключением твоей повышенной чувствительности к видениям, порожденных созвездием. То есть этот феномен как-то связан с этим, как думаешь? Ведь почти в самом начале написано, что Змея, согласно древним поверьям, охватывает жизнь. Думаю, это значит, что Змея обладает достаточно сильной для создания жизни энергией. Улавливаешь смысл?

Я кивнул, хотя не совсем понимал, к чему он клонит.

– Также можно было бы предположить, что ты все еще находишься в контакте с этим созвездием. Вот этой самой Силы и требует Книга. Ты говоришь, что испытываешь те же самые чувства во время приближения к Аристайдесу?

– Да...

– Весьма логично.

– Но я не нахожусь ни с кем в контакте.

– Именно это ты и делаешь. Только так можно объяснить твои сны о готовящихся убийствах.

– Даже если и так, в чем здесь польза, если мне это недоступно?

– А если все же доступно?

В сомнении я смотрел на Хранителя. Он сложил вместе кончики пальцев, глядя мне в глаза.

– Я знаю, что ты этого боишься, Тим. Но, по-моему, тебе нужно еще раз встретиться с Абсаломом.

От этих слов у меня волосы на затылке встали дыбом, но я промолчал. Он не стал ни на чем настаивать и поднялся, чтобы повесить чайник на металлический крюк в камине.

– Я уже послал за Езекилом. Быть может, он окажет тебе помощь при чтении.

Без всяких мыслей я уставился на угли. За окном проносились снежные вихри. Уже само присутствие Даны оказало бы мне огромную помощь (если она еще хотела меня видеть после моей выходки у ворот Крепости).

Раздался тихий стук и в комнату вошел Гарретт – в насквозь промокшем от снега плаще и довольно замерзший. Скинув хламиду, он опустился возле меня, согреваясь у камина.

– Кажется, сегодня на кладбище выходной. Как далеко вы продвинулись?

Его взгляд оценивающе скользнул по мне и я постарался выглядеть бодро.

– Так себе, – ответил Артемус, протянув вору сделанные записи, которые тот быстро пробежал глазами.

– Здесь есть что-то, касающееся нашей проблемы?

– Пока ничего, насколько я понимаю. Но для пущей уверенности надо бы подробно разобрать записанное, например, дать его толкователю... – он осекся, встретившись взглядом со своим другом и улыбнулся. – Но ведь у нас совсем нет времени. Так что, гм, пока только это.

Гарретт встал и поглядел на раскрытую Книгу, лежавшую на столе.

– При такой скорости нам сильно повезет, если мы сумеем одолеть хотя бы половину, – пробурчал он.

Мне оставалось только пристыженно уставиться в пол. Я знал, что это из-за моих ограниченных способностей утекали драгоценные минуты. У меня не получалось читать так же быстро и правильно, как это делал Хранитель. А если я пытался приложить побольше усилий и начинал пристально вглядывался в текст, то уже очень скоро еле шевелил языком от холода.

– Можно было бы использовать другу возможность... – медленно проговорил Артемус.

Мой спутник поднял молчаливый взор, а он продолжал:

– Только что я сказал твоему юному другу, что он владеет всеми своими прежними способностями, они лишь глубоко скрыты.

– Я *совсем ничего* не знаю, – пытался протестовать я.

– В твоём теперешнем обличи, Тим. Но в прежнем ты наверняка будешь знать, что мы должны предпринять.

– И как же ты себе все это представляешь? – спросил Гарретт без сильной убежденности в голосе.

– Мы может продолжать в том же духе – расшифровывать страницу за страницей, надеясь, что Тим во время этой работы не превратится в ледяной столб. А искомое решение может стоять в самом конце, либо его вообще может не оказаться в Книге. Или же мы можем спросить совета у его альтер эго, когда Абсалом еще раз применит возвращающую Магию.

Я в молчании разглядывал свои сапоги и мечтал стать кем-то другим. Разумеется, в словах Хранителя была правда – такая работа казалась настоящим мучением. Мне трудно было сказать, что хуже – воспоминания или мертвенный холод. Я чувствовал себя лилипутом, пытающимся жонглировать бурриками. * прикольное сравнение

Гарретт ничего не говорил – просто смотрел на меня. Конечно, он признавал, что предложение Хранителя могло существенно ускорить наши поиски, но не хотел, чтобы мне снова пришлось пережить новое испытание, испытывая страх перед ним. Я презирал себя за собственную трусость. Интересно, колебался бы Торбен хоть минуту, окажись он на моем месте? А впрочем, что он мог знать о чувствах, порожденных в душе человека, совершившего путешествие в свою прошлую жизнь! Тут даже и сравнивать нечего.

– Я готов.

– Ты не должен...

– Нет, должен. И Вы обо этом знаете.

Вор печально посмотрел на меня и в этот момент кто-то постучался в дверь. После того как Артемус ее открыл, в комнату вошли (к моей великой радости) Езекил с Даной. Я попытался вскочить, чтобы приветствовать их должным образом, но Маг с дружеской улыбкой остановил меня.

– Мимо ваших стражей, оказывается, не так-то просто пройти...

– Они знали о визите, но им не хватало гостеприимства, – улыбнулся Хранитель.

– Ничего удивительного, – пробормотал Гарретт. – Если ты будешь продолжать в том же духе, они повторно запечатывают вход.

Я слушал их в пол-уха, потому что мое внимание было поглощено Даной. Девушка, молчаливая и бледная, стояла рядом со своим господином и едва отваживалась кинуть взгляд в мою сторону. Я даже невольно улыбнулся, поскольку обычно именно на меня при этих встречах нападала неслыханная робость.

– Я смотрю, у вас вовсю кипит работа, – Езекил с интересом подошел к Книге и полистал страницы. – Оригинальное волшебство... но отнюдь не единственное, не так ли?

Артемус предложил Дане место рядом со мной и я сдерживал себя, чтобы не коснуться ее худенькой руки.

– Что Вы имеете в виду? – серьезным тоном спросил Хранитель.

– Не могу сказать точно, но я уверен, что на эту Книгу наложено несколько чар. Если бы мне было известно, с чем они связаны, то тогда бы мы располагали большей информацией.

– Они связаны со мной, – сказал я тихо. – Они вытягивают все тепло из моего тела...

– Ого. Да, это уже действительно интересно.

– Может быть, Вы расскажете нам о причине своего воодушевления? – слегка раздраженно потребовал объяснений Гарретт. Маг уселся вместе с нами.

– Вообще-то в мире так уж много Магии, подобной этой. Странно, что они воздействуют на этого молодого человека, хотя по сути должны представлять опасность для одного из Магов. Чары перескакивают на кого-либо или что-либо, если это живое существо или предмет попадет в область их влияния. Своеобразная форма вампиризма, если позволите так выразиться.

– Значит, когда я пытаюсь читать Книгу с целью одолеть Аристайдеса, то мои силы тут же переходят к нему. – Мне был ненавистен этот расчетливый негодяй.

– Именно так все и выглядит.

– Но прежде я уже испытывал подобное чувство. То есть когда читал Книгу в первый раз, но не с такой силой.

Езекил прикинул вес фолианта в простом переплете, подержав его руками.

– Вполне возможно, что она обладает собственной жизнью. Ведь там содержатся невероятно мощные заклинания и многие из них, мягко выражаясь, связаны с жизненной энергией...

– Мы должны просто-напросто сжечь эту Книгу, – Гарретт поигрывал кинжалом Аристайдеса. Я еле выдерживал вид этого зрелища – так и казалось, что сейчас он по неосторожности отхватит себе палец или всю кисть целиком.

– Но разумно ли такое решение? – спросил Артемус. – Может быть, он как раз надеется на такой поворот событий. Возможно, Книга – это ключ и наш единственный шанс...

– Или очередной ложный след.

– Не забывайте, что Вы не в состоянии ее уничтожить, – перебил их Езекил. – Только Тим может это и нужно еще раз *чрезвычайно тщательно* все обдумать...

Поднявшись, я решительно схватил Книгу Праха и без промедления швырнул ее в огонь. Края ее обуглились, переплет начал съеживаться и запылал ярким пламенем. Я почувствовал, что холод ушел из меня и довольно наблюдал, как страницы, содержавшие тайны Змеи, превращаются в то, что содержалось в ее названии – в прах и пепел.

Езекил, Артемус и Дана огорошенно уставились на меня, на губах Гарретта играла легкая улыбка. На миг он прервал свою игру с кинжалом, но сейчас опять возобновил ее как ни в чем не бывало.

Я не произнес ни слова. Проклятая книга никогда не должна была появляться в нашем мире. Я нисколько не сожалел о содеянном, потому что знал: Аристайдес рассчитывал на что угодно, но только не на то, что я без колебаний уничтожу ее.

Побледневшее как полотно лицо Артемуса постепенно приобретало нормальный цвет. Он все еще не сводил растерянного взгляда со своего камина, где все еще тлели остатки пергаментных страниц. „Уничтожение столь древнего и редкостного источника знаний – преступление в глазах Хранителя“ – мелькнула у меня мысль. Езекилу тоже понадобилось время, чтобы прийти в себя: пожилой Маг аж закашлялся.

– Ну... Если так... то... И что же Вы планируете делать дальше? – на его лице появилась почти беспомощная улыбка, а пальцы опять сплелись в немыслимый клубок.

– Я должен пойти к Вашему Господину. – ответил я.

– К Абсалому? А разве вчера ты не был у него?..

– Это ничего не значит. Я должен пойти к нему. Вы поможете мне?

– Ты можешь пойти обратно вместе с нами. Все равно после вчерашнего тебе уже ничто не грозит.

– Отлично. И лучше бы не мешкать с этим.

Дана с удивлением смотрела на меня. Наверно, я казался девушке смелым и решительным. На самом деле моя поспешность объяснялась очень просто: мне не хотелось долго над всем этим раздумывать, а то как бы мою „твердую решимость“ не сдуло ветром. Но об этом ей совсем необязательно было знать. Между тем от Книги осталась всего лишь кучка пепла и мне еще раз пришлось усмехнуться из-за парадокса с ее названием.

Поднявшись, я потянулся за своим плащом. Гарретт тоже начал собираться.

– Эта пластинка из склепа, где она?

Артемус открыл маленькую шкатулку, в которой лежали все наши прежние находки. Кольцо Аристайдеса тоже там было. Оно непроизвольно привлекло мое внимание.

Я знал эту вещь. Она оказалась частью того кошмара, в котором мне довелось увидеть в саркофаге собственное тело. Кольцо было надето на безымянный палец покойного – на *мой* палец, блестящее и новое, а не тусклое и стертное, каким являлось сейчас. Я сразу его узнал и что самое странное – мне прежде никогда не приходилось внимательно его осматривать. Маленький перстень-печатка, выполненный в форме символа, чье значение мне было непонятно, состоящего из двух охватывающих друг друга частей. Пошедшие Езекил с Даной заглядывали мне через плечо.

– Господин, Вы знаете, что означает этот символ? – спросила девушка.

Езекил взял кольцо у меня из рук.

– Во всяком случае в нем нет никакой Магии.

– Этот символ весьма древний и не имеет ничего общего с нашим делом, я проверял. – включился в беседу Артемус.

– Как раз наоборот, – убежденно перебил его я, забрав кольцо обратно и вертя его в руках. – Я вспоминаю, что носил его, когда...

– Ничего удивительного, Тим, – произнес Хранитель и его взгляд стал странно осторожным. – Такое украшение называлось обручальным кольцом. Оба супруга обычно носили его как символ защиты свое семьи. Традиция была прежде очень распространенной, выяснить это не составило для меня труда.

Оцепенев, я смотрел на матово поблескивающий металл.

– Этот убудок... – прошептали мои губы.

– Думаю, лучше положить это кольцо на место. – Артемус, успокаивающе глядя мне в лицо, взял украшение и положил назад в шкатулку. Гарретт в знак спокойствия похлопал меня по плечу, а потом склонился над ящичком, достав оттуда пластинку.

– Вам удалось узнать, для чего служит эта штука?

Езекил вновь откашлялся:

– Это своего рода талисман. Но, к сожалению, я не могу сказать, на что он должен воздействовать. Обычно с помощью талисманов усиливают защитное или боевое заклятье, чтобы сконцентрировать его на каком-то объекте, например, на двери. Это не кулон – у него слишком неподходящая форма.

Мастер-вор крутил в своих пальцах плоскую металлическую вещь.

– Она действительно маленькая. Ее ведь совсем не будет заметно, если повесить куда-нибудь на стену?

– Этого я не знаю. Но Вы абсолютно правы: она сравнительно небольшого размера. Обычно такие украшения раза в три больше.

Я в нерешительности рассматривал кусок металла в его руках. Вот было бы хорошо, если бы мне в любое время удавалось понять, для чего предназначена та или иная вещь! А то когда срочно нужно такое сделать, эти способности куда-то пропадают.

Пластинка все вертелась и вертелась, пока Езекил с моим спутником обсуждали, для чего она могла понадобиться. Без всяких мыслей я разглядывал танцевавшие на металле всплески отраженного света. Внезапно мной овладело странное спокойствие. Слова мужчин больше не касались моих ушей, мне чудилось, что я внезапно оказался в полном одиночестве. Это не было чувством всеми покинутого человека, которое само по себе очень неприятно, скорее создалось впечатление, что мне удалось отыскать тихое место внутри собственной души и уединиться там. Потом что-то подсказало мне, что я должен задать вопрос, на который будет дан ответ, и я беззвучно это сделал, хотя мой разум бесновался, стремясь вернуться к реальности. Перед глазами вспыхнула картина, настолько резкая и яркая, что мое личное небытие мгновенно закончилось. Я испуганно озирался, а Маг с Гарреттом обрвали разговор, в изумлении глядя на меня.

– Это деталь кинжала Аристайдеса.

– Но откуда?.. – начал было Езекил, но вор нетерпеливо махнул рукой, заставив его замолчать, и достал кинжал. Пластина как влитая подходила к углублению в его рукояти. С легким щелчком она оказалась на своем месте и после этого ее уже никак не удавалось отделить от оружия. Больше ничего не произошло, а я-то ожидал какого-нибудь яркого магического эффекта. Кинжал еще раз скользнул по длинным пальцам вора и исчез в ножнах.

– Ладно, хотя бы этому найдено объяснение.

Без лишних слов он зашагал к выходу. Езекил и Дана поспешно простились с Артемусом, а я, последовав за Гарреттом, коротко взглянул на Хранителя. Он улыбнулся мне, но в глазах его стояло то же самое выражение, как и при самой первой нашей встрече, когда Первосвященник избрал меня посланцем: он не был уверен, готов ли я к предстоящему. У меня тоже имелись некоторые сомнения.

– И все-таки как тебе удалось узнать про кинжал? – Езекил не собирался так быстро сдаваться. Мы как раз вышли из Обители и угодили в снежную вьюгу. Я плотнее завернулся в плащ и опустил капюшон чуть ли не до подбородка.

– Просто пришла в голову такая мысль.

Гарретт искоса поглядел на меня: уж этот-то наверняка знал, в чем дело. Но Езекил продолжал сомневаться:

– Но ты сказал это с такой уверенностью...

Я собирался что-то сказать в ответ, но в этот миг мое тело будто окостенело, снег и ветер были здесь совсем не при чем.

– Он здесь... – еле слышно прошептал я, застыв на месте как вкопанный. Ощущение холода все нарастало. Мои глаза выискивали хоть что-нибудь, но люди на улицах превратились в смутные тени, медленно двигавшиеся в тумане из мелких, кружащихся льдинок. Невозможно было определить, с какой стороны надвигается опасность. Гарретт ухватил меня за руку и быстро оттащил меня в маленький боковой переулок. Я различил Езекила и Дану, в нерешительности глядевших на нас и затем устремившихся следом.

– Идите дальше, нам нужно разделиться, – послышался приглушенный голос Гарретта, а потом меня быстро поволокли вперед. На одну секунду я увидел озабоченные глаза Даны, но тут мы повернули за угол и она скрылась из моего поля зрения. А вдруг с ней что-нибудь случится?

Нет, тут все ясно, он искал не ее. Дана не представляла опасности для этого негодяя, он даже никогда не обращал на нее внимания. Спотыкаясь, я пробирался вслед за своим спутником через путаницу маленьких улочек, чувствуя, как холод постепенно отступает. К моему удивлению после довольно изнурительного марша мы вдруг оказались в переулке возле площади перед убежищем Гарретта. Он остановился и ждал меня.

– Все прошло, – облегченно ответил я на его немой вопрос.

– Мы должны во что бы то ни стало сегодня ночью добраться до Магов, – сказал он и устремился дальше. Я сделал всего шаг и вдруг замер в ужасе. Мне хотелось предупредить Гарретта, но в тот же самый момент мрачная, завернутая в какое-то тряпье фигура загородила ему путь, заставив остановиться.

На меня словно обрушился целый ледяной водопад. Парализованный от испуга, я беспомощно смотрел на Аристайдеса, чье лицо было не более чем призрачной маской. В его жилах не струилась кровь, пар от дыхания не выходил изо рта. Бледно-голубые глаза резко контрастировали с дряхлым как у мертвяка телом: в них полыхал нечестивый, смертельно холодный огонь. Я видел, как Гарретт очень медленно сделал шаг назад. Мне хотелось схватить свой лук, но тело отказывалось меня слушаться.

– Я искал тебя, – произнес Аристайдес, глядя мне в глаза. Его голос звучал как угрожающий свистящий шепот. Эти его слова словно пронзали плоть и я почувствовал, как вокруг меня завихрился поток могучей Силы, повлекший меня куда-то. Мне было понятно, что он делает со мной, как пытается подчинить себе мою волю. То же самое я когда-то проделал со своей последней жертвой, после чего огромный зверь с рабским покорством проследовал за мной к месту ритуала. Как же мне защитить себя, ведь теперь я не тот, кем был раньше?

Мои ноги сами несли меня к кодуну: один сопротивляющийся шаг, другой... Потрескавшиеся губы Аристайдеса изогнулись в отвратительной гримасе. Тут Гарретт бросился на него, но даже не смог приблизиться к Магу – тот как бы мимоходом сделал движение рукой, отшвырнув его в сторону. Жестокая сила швырнула вора о шершавую стену и он теперь лежал возле нее, оглушенный ударом.

Я видел все это, но как бы в другой реальности. Мой дух все больше цепенел, а ноги двигались сами по себе, приближая меня к Аристайдесу. Где-то в глубинах сознания

слышался безумный шепот – мой рассудок пытался отыскать выход и принести избавление, надежда на которое стремительно таяла.

Когда нас с Магом разделяла всего пара метров, мой спутник поднялся на ноги, сжимая в руке магический кинжал, и опять бросился в атаку. Глаза Аристайдеса горели ледяным огнем, когда он повернул к нему голову и послал навстречу Гарретту копьё из раскаленно-белой энергии. Оно опрокинуло вора и швырнуло мне под ноги. Я увидел, как искаженные болью черты его лица расслабились, а глаза закрылись. Красные пятна крови усеяли снег и кинжал выпал из его руки.

Ярость, которую я ощутил в этот момент, была неопишуемой. Одна секунда – и мое затуманенное сознание обрело прежнюю ясность. Я ощутил, что во мне проснулась та же чудовищная Сила, как в тот самый день, когда я во второй раз потерял своих близких. На лице Аристайдеса появилось ошеломленное выражение, он всеми силами старался снова обрести надо мной контроль. Но я почему-то знал, что теперь ему это уже не удастся. Гнев рос во мне раскаленными волнами, изгонявшими холод и наполняющими тело неведомой мощью.

Мой кинжал оказался у меня в руке, прежде мой разум сообразил, что происходит. Потом я, посильней размахнувшись, глубоко всадил его в шею Мага. Он, споткнувшись, отступил на шаг, но мне было ясно, что обычное оружие не причинит ему особого вреда. Подскочив к Гарретту, я схватил лежавшее на снегу магическое оружие и развернулся, чтобы испытать его действие на Аристайдесе. Но Маг пропал.

Несколько секунд я вглядывался в снег на площади, на котором обозначились теперь уже четкие следы. В бешенстве мне сначала захотелось погнаться за ним и отомстить за все, но тут холодный голос рассудка подсказал, что удача вновь оказалась на моей стороне и все решило это внезапное нападение. Если я сейчас отправлюсь в погоню за Аристайдесом, то непременно попаду ему в руки. Кроме того, нельзя бросать Гарретта здесь одного.

Позади что-то зашевелилось. Резко крутанувшись на месте, я бросился к Гарретту, который медленно открыл глаза. Его почти совершенно зажившая стрелянная рана опять полностью открылась и кровь за несколько секунд пропитала рукав. Быстро оторвав широкую полосу ткани от своего плаща, я как можно туже обвязал это место. Больше открытых ран не оказалось и это меня немного порадовало. Вздохнув, Гарретт попытался сесть. Он был очень бледен. На лице вора появилось облегчение, когда он увидел меня в целостности и сохранности, но затем ему снова пришлось собирать все силы, чтобы не опрокинуться навзничь. Я удержал его от падения.

Его убежище стало небезопасным местом и мне не было известно, когда Маг снова встанет на нашем пути. Я помог Гарретту подняться, и, поддерживая его, пошел обратно к Хранителям. Тут мне на глаза попался мой валявшийся на снегу кинжал. Он лежал как раз на том месте, где стоял Аристайдес и ни на его лезвии, ни на снегу не было крови. Не раздумывая, я вложил магическое оружие в обычные ножны и поднял свой кинжал. Я хотел поменять клинки местами, но Гарретт остановил меня. Он без лишних слов взял бывшее оружие покойного Крысюка, а зачарованный кинжал Аристайдеса так и остался у меня.

Потом, борясь со снегом и ветром, мы брели к Обителю. Гарретт из последних сил старался идти сам, однако я не позволил ему пренебречь моей помощью. Ведь он явно чувствовал себя плохо. После столкновения с Аристайдесом он не произнес ни единого слова и с каждой минутой все больше бледнел. Лишь когда мы добрались до тайного входа, я отпустил его, чтобы не вызвать ни у кого подозрения. По пути к Артемусу Гарретт не проявлял никаких признаков слабости, но ноги еле держали его, когда он наконец оказался в комнате.

Хранитель перепуганно вскочил, когда я без всякого стука открыл дверь. Заметив бледное как мел лицо Гарретта, он бросился мне на помощь и мы вместе дотащили раненого до стула.

– Что стряслось?

– Да так, случайное знакомство, – ответил мой спутник сдавленным голосом.

Я уже стаскивал с него плащ и жилет и с неудовольствием обнаружил, что они насквозь пропитаны кровью. Наложённая мной аварийная повязка ослабла и совсем не помогла.

– Кто это сделал? – Артемус уже доставал из специального ящика все необходимые для перевязки ран принадлежности.

– Друг из давно минувших дней, – с горечью ответил я и взял медикаменты из рук Хранителя, чувствуя, что сам должен позаботиться об этой ране. Не потому, что недели назад стал невольной причиной для нее, а прежде всего из-за сегодняшних событий – она снова открылась, когда Гарретт пытался защитить меня. Вскипятив воду, я начал готовить свою мазь. * опять двадцать пять

– Как ты себя чувствуешь? – тихо спросил Хранитель. Взгляд, посланный ему в качестве ответа, говорил больше чем слова.

– Аристайдес атаковал его с помощью какого-то волшебства, не знаю, единственная ли это рана. – настойчиво проговорил я. – Пожалуйста, пошлите за Езекилом или, еще лучше, за Абсаломом!

– Ты полагаешь, что старший Маг, услышав о моей просьбе, примчится сюда исцелять раны вора, который пару лет назад увел у него из-под носа столь тщательно оберегаемую реликвию? – в голосе Артемуса не чувствовалось иронии.

– Да, я так считаю.

Быстро посмотрев на своего друга, который закрыл глаза и неестественно затих, Артемус быстрыми шагами вышел из комнаты.

Я прочищал рану, а вода над огнем уже кипела. К моему облегчению кровь не текла так сильно. Когда я наложил мазь, вернулся Артемус и помог мне положить его на кровать. Гарретт почти тут же впал в забытие.

Теперь нам оставалось только ждать. Подвинув стул к кровати, я уселся на него, молясь про себя, чтобы мои опасения оказались ложными и чтобы волшебство не нанесло других ранений, которые мы не смогли заметить. А в душе kloкотал безудержный гнев.

Если Аристайдес полагал, что и на сей раз ему позволено безнаказанно убивать близких мне людей, то я докажу ему обратное. Больше ему не удастся загнать меня в западню опустошительного самоотречения. На этот раз я не сдамся без сопротивления, он еще пожалеет о том зле, что причинил мне в давно минувшие времена и только что причинил Гарретту.

Вид бледного застывшего лица моего друга только подстегнул мою ярость. Я так погрузился в собственные мысли, что испуганно вздрогнул, когда Артемус протянул мне кружку горячего чая.

– Выпей. Тебе от этого полегчает.

Сев рядом, он молчал какое-то время, пока я тихо не произнес:

– Я хочу, чтобы *он* заплатил за это.

Мрачный тон моего голоса почти напугал самого меня. Никогда в жизни я еще не испытывал подобной ненависти, но теперь всем сердцем ненавидел Аристайдеса.

Снаружи раздавался многоголосый трезвон бьющих тревогу колоколов, а тусклый день уползал с улиц, уступая место темноте ночи. Я знал, почему звонят во всех концах Города: Аристайдес собирал свою армию и каждый труп, способный выкопать себя из промерзшей почвы, откликнулся на его зов. Осталось недолго ждать, когда он начнет охоту за мной, сопровождаемый многочисленными помощниками, как и восемь веков назад. Разница лишь в том, что теперь под рукой этого мерзавца будут находиться те, кто защищал меня от его предыдущей охоты на ведьм.

Я знал, что мне суждено стать пятой жертвой и ему не подойдет никто кроме меня. Тем лучше – не нужно будет его разыскивать, он сам придет. У меня в голове не было никаких идей, каким способом с ним бороться, но сейчас это абсолютно не играло роли. Только бы встретиться с ним, а там уж я отыщу какой-нибудь способ.

Он заплатит за все.

– Тим, Гарретт сталкивался и с более крупными неприятностями, – приглушенно произнес Артемус. – Он очень вынослив.

Я поймал себя на том, что все это время гляжу, не отрываясь, на лицо вора и отвел взгляд. Что можно было ответить на это? Мне ситуация не казалась такой радужной, какой она виделась Артемусу. Я опасался худшего, а странное спокойствие больного лишь усугубляло это чувство. Мне было известно, что у раненых, скрежетавших от боли зубами, дела в основном шли намного лучше чем у тех, кто вел себя абсолютно тихо. Каким-то образом, порывшись в глубинах собственной памяти и заглянув в новообретенное „тихое место“ души, я осознал, что подобное состояние от раны или болезни являлось более чем тяжелым. В последний раз мне довелось видеть его у своей младшей сестренки, которая скончалась спустя несколько часов. Я надеялся, что Абсалом откликнется на нашу просьбу, желал, чтобы он сию секунду оказался здесь. * интересный вопрос – как Артемус дал знать Магам о своей просьбе?

Когда в дверь наконец постучали, я быстро вскочил на ноги. В комнату вошел Езекил и снял свой плащ. Мне с трудом удавалось подавить свое разочарование. Он приветствовал нас коротким кивком и подошел к кровати, чтобы сразу же заняться осмотром раненого. Я озабоченно наблюдал за Езекилом, совершенно не понимая, чем он занят, но его хладнокровие и уверенность поражали. Мне и в голову не приходило, что Маги Воздуха что-то смыслят в лечении.

Вор чуть пошевелился, открыв галаза.

– Вы?.. – едва слышно пробормотал он.

– Лежите смирно, – только и ответил Маг и я застыл от изумления – это не был голос Езекила.

Он сконцентрировал свою Силу на раненом, в воздухе ощущалась легкая вибрация, когда его рука легла на раненое плечо вора. Гарретт вновь закрыл глаза.

Маг обернулся к нам и коротко улыбнулся, заметив мой изумленный взгляд. Я с разинутым ртом наблюдал, как растворились черты лица и фигура Езекила и на его месте возник Абсалом собственной персоной.

– Твой здешний друг, – он указал на Хранителя, в молчании наблюдавшего за происходящим – просил постараться не вызвать ни у кого подозрения. Он опасается, что его Орден в последнее время чересчур сильно интересуется разговорами в этой комнате. А поскольку нежить сегодня опять наводнила улицы, вызвав массу беспокойства, он не хотел бы, чтобы сюда врывались в поисках предполагаемого виновника этих событий.

Я ничего не ответил, потому что испытывал страшное облегчение от присутствия здесь Мастера-Мага. Он вновь вернулся к работе, а я в ожидании замер на своем стуле. Наконец Абсалом попросил Артемуса принести пару нужных для его процедур вещей и Хранитель вышел из комнаты. Мне хотелось чем-то помочь, а не просто глазеть без толку. Словно прочитав мои мысли, Маг сказал:

– Ты хорошо обработал рану, но не она причина такого состояния. Расскажи мне подробно, что с вами случилось.

Я поведал ему о встрече с нежитью-Аристайдесом и его нападении.

– Так ты смог противостоять ему? – заинтересованно спросил Абсалом.

– Не сразу, но потом я впал в бешенство...

Вместо ответа Абсалом лишь слегка улыбнулся, тут же посерьезнев.

– Он нанес твоему другу тяжкое увечье, выпив из него почти всю жизненную энергию. Это нападение непременно бы закончилось гибелью Гарретта, будь оно хотя бы на секунду дольше.

– А он?..

– Не знаю. Скорее всего, но может быть и худший вариант. Этого можно избежать, лишь прервав оборвав магический процесс.

Я молчал, с несчастным видом глядя на вора, который опять лежал без движения и, казалось, едва дышал.

– Езекил сказал мне, что Аристайдес похищал и мою жизненную энергию с помощью Книги. Почему же я сейчас чувствую себя нормально?

– Вероятно потому, что он хотел лишь использовать, но не убивать тебя. И, насколько я понимаю, ты все еще ему нужен, так ведь?

Я медленно кивнул, а Абсалом между тем задумчиво смотрел на меня.

– Это не менее интересно...

– Я думаю, этот выбор предопределен ненавистью ко мне? Или цинизмом?

– Нет, он не так глуп. Все пойдет прахом, если последняя жертва не будет удовлетворять требованиям затеянного им ритуала. Кажется, ему известно кое-что, о чем мы пока не догадываемся.

– Он может попросту заблуждаться, – покачал я головой.

– Так же как и ты. Ведь тебе сегодня удалось противостоять ему, ты мог бы даже нанести Аристайдесу рану. Это уже чрезвычайное достижение.

– Меня захлестнул гнев, только и всего.

– Ты вообще не должен был ничего чувствовать. То, что в твоей душе проснулся гнев, уже более чем необычно. Человек, использовавший на ком-то подобное колдовство, – он указал на Гарретта – должен быть невероятно сильным Магом. Поэтому я думаю, что своей хваткой он очень крепко сдавил твою волю.

Я наморщил лоб, размышляя. Абсалом продолжал:

– Большинство из нас в подобной ситуации попытались бы напрячь до предела свои духовные Силы, чтобы стряхнуть с себя такого рода подчинение. Удивительно, что тебе удалось это сделать с помощью своих эмоций.

– Они, как-никак, самая сильная моя сторона.

– Вообще-то излишние эмоции считаются недостатком. Но, похоже, в твоём случае это не так. Ладно, как бы там ни было, он выбрал тебя в качестве последней жертвы, имея для этого какие-то веские причины. Нам бы тоже неплохо узнать о них, не находишь?

Я поглядел на Мага с некоторым недоверием:

– Что практически означает „узнать о них“?..

– Весь вопрос в том, что... – наклонившись ко мне, он испуганно поглядел мне в лицо. – Случалось ли когда-нибудь так: ты чего-то очень сильно желал и потом был удивлен, что твое желание вдруг исполнилось?

Я подумал о смерти Миа.

– Нет. Иначе сейчас моя сестра была бы здорова.

– Предотвратить смерть человека, чей час уже пробил – это высочайшее искусство, Тим, которым владели лишь единицы чрезвычайно одаренных Магов, живших столетия назад. Когда-то и ты был одним из них. Но вызвать подобное мастерство в своей новой ипостаси, без образования и соответствующего опыта – абсолютно несбыточное желание. Поэтому этот пример не стоит рассматривать. Я имею в виду нечто иное: какие-нибудь мелочи или, допустим, то, что ты желал, охваченный гневом.

Я напряженно думал.

– Не знаю... пару раз, чисто случайно, да. Но ничего такого, чего не может быть с кем угодно.

– Расскажи-ка об этом.

Мне хорошо помнился тот день, когда поденщик, работавший тогда на нашем дворе, наорал на мою маленькую сестру – она играла в стойле и, пробегая мимо, налетела на ведро с молоком, которое он только что надоил. Он бы дал ей еще и оплеуху, если бы Миа, до смерти перепуганная, не умчалась оттуда. Я отлично помнил, какое бешенство вызвала у меня эта сцена. И тут же, криво ухмыльнувшись, припомнил, как через пару минут после происшествия батрак начал взбираться по приставной лестнице и та рассыпалась, не выдержав его веса. Несмотря ни на что, это было чистой случайностью, как и тот случай с полкой в кладовой, которая обрушилась как раз в тот момент, когда отец наконец-то поймал там мою любимую кошку-воровку и хотел убить ее лопатой. Или как тот удачный выстрел – водяная стрела, освященная братом Урбаном, угодила прямо в женщину-нежить, хотя я кубарем скатился с лестницы. Если хорошо подумать, то было всего несколько таких происшествий, но не так уж много, чтобы считать их чем-то необычным.

Абсалом тихо выслушал меня и затем спросил:

– Когда ты освобождался из-под контроля Аристайдеса, то что за чувство испытывал?

– Вы имеете в виду что-то еще, кроме гнева?

Он кивнул. Тогда я чувствовал, что не могу дать случиться происходящему. И тогда во мне проснулось... Но это могло оказаться просто игрой воображения. Самое важное, что я в тот момент противостоял ему изо всех сил и это внутреннее сопротивление было очень мощным.

– Я не хотел этого...

– Магией можно управлять с помощью силы воли, Тим. Это самый первый урок, который должен усвоить любой неопит нашего Братства. Если ты в состоянии вызывать эту сконцентрированную волю, то можешь пользоваться ею.

– Но я не обладаю *никакой Магией* или как Вы там это называете...

– В принципе *никто не обладает* ею. Она просто разлита в мире – где-то больше, где-то меньше. Тот, кто научится чувствовать ее, обуздывать ее и повелевать ею, может извлекать из этого преимущества.

Мне вспомнилась та мрачная мощь, которая бурлила во мне, когда я – *другой я* – стоял у могилы моих близких.

– Но я припоминаю, что очень сильно ощущал ее...

– Ты просто был способен использовать ее с большей силой чем остальные. А еще тебе удалось впитать дальнюю и редкостную Силу, которая являлась недоступной для остальных.

Я осознал, что совсем недавно испытывал те же самые чувства. И это внушало ужас.

– Все это позади, – быстро произнес я, не для того, чтобы переубедить Абсалом, а скорее для собственного спокойствия.

– Не думаю. Хотя в этой жизни ты избрал для себя иной путь и не учился ощущать Магию, но тем не менее весьма восприимчив к ней, что уже много раз доказал.

– Даже если и так, что я могу противопоставить Мастеру-Магу, который вынашивал свои замыслы столько долгих лет?.. В следующий раз он не даст застать себя врасплох.

– Он не приблизится к тебе, если я и мои братья сможем этому помешать, – очень тихо сказал Абсалом. Я с удивлением взирал на него, а он продолжал: – А ты думал, что мы будем сидеть сложа руки и ждать, пока он не завершит свой ритуал? То, что мы теперь знаем, кого он избрал последней жертвой, уже огромное преимущество.

– А вдруг это снова ложный след?...

– Если ему все же удастся завершить ритуал, несмотря на все наши старания, тогда мы будем думать над этой проблемой. И шансы решить ее неизмеримо больше, когда на нашей стороне тот, кто способен получить Силу Змеи.

– Но я...

Маг отмахнулся от моих слабых протестов нетерпеливым движением руки.

– Хочешь ты того или нет, Тим, в этой жестокой игре тебе досталась роль центральной фигуры. Твои сомнения ничего не изменят. Чем раньше ты займешь свою позицию на доске, тем лучше.

Легко сказать – займи свою позицию. Вот бы еще знать, как это сделать, если у меня не было ни малейшего понятия, где она и как должна выглядеть. Они что, на полном серьезе считают Тима-деревенщину тем же самым Магом, каким я был столетия назад?.. Это говорило лишь о том, насколько мало они меня знали.

Гарретт чуть шевельнулся, вздохнул и снова затих. Бледность не спала с его лица, хотя на первый взгляд казалось, будто он просто спит. Глядя на него, я снова ощущал растущий гнев, страстно желая быть тем, за кого меня считали все эти премудрые люди.

Приглушенный шум снаружи свидетельствовал о том, что мой давний враг усилил свою атаку, а громкие взрывы означали, что его подручным оказывают отчаянное сопротивление. Если бы я мог использовать Силу этого созвездия и сумел бы каким-то

образом ее активировать, то использовал бы ее, чтобы исцелить своего друга от порчи Аристайдеса. Но что толку предаваться бесплотным мечтам?

Вернувшийся Артемус принес целый мешок странного вида принадлежностей. Он выглядел взволнованным.

– Такое впечатление, что снаружи настоящий творится настоящий апокалипсис. Я едва сумел ускользнуть с пути сражающихся... Кажется, Абсалом, Вы мобилизовали на борьбу всех своих братьев?

– И всех моих сестер, – усмехнулся Мастер-Маг. – Сейчас важна любая помощь. У нашего противника огромные ресурсы и его армия не боится боли и смерти.

– Не припоминаю, чтобы мне когда-то доводилось видеть столько стражников, так сплоченно сражающихся вместе с горожанами, Магами и хаммеритами! Но им все равно приходится тяжело – эти твари кишат повсюду.

Абсалом промолчал и начал разбирать диковинные средства, принесенные Артемусом (где, например, он отыскал молотый панцирь насекомого-монстра, оставалось полнейшей загадкой), а затем смешивал их. Сначала я с интересом следил за его действиями, но процесс приготовления лекарства оказался столь сложным, что мне через некоторое время пришлось сдаться и я снова повернулся к Гарретту. Артемус сел на край кровати, осторожно разбудил больного и помог ему приподняться, чтобы дать несколько глотков воды. Затем Гарретт снова лег с таким усталым видом, словно проделал огромную работу и его глаза почти тут же закрылись. В глазах Хранителя читалась озабоченность, пока он поднимался, чтобы поставить кружку на стол, но, уловив мой взгляд, он тут же взял себя в руки.

Снаружи уже была непроглядная темень, но в небе переливались багровые отсветы многочисленных пожаров, вспыхнувших повсюду в Городе. Тишиной и спокойствием даже и не пахло. Я подумал о Езекиле и Дане. Наверное, они тоже там, снаружи, среди сражающихся? Оставалось лишь молиться, чтобы с ними ничего не случилось.

Позади меня воздух задрожал от вибрации и я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как можно применять Огненную Магию в поварском искусстве. Под маленькой кастрюлькой, используемой Абсаломом, плясали возникавшие из ниоткуда язычки голубого пламени. Они исчезли, лишь только жидкость как следует закипела. Маг казался весьма довольным результатом своих усилий и наполнил горячим снадобьем ту самую кружку, что поставил на стол Хранитель, дав ей пару минут остыть. Потом они вместе с Артемусом вновь приподняли Гарретта и Абсалом поил вора приготовленным лекарством. Он снова положил руку на раненое плечо и сконцентрировался, а затем сел возле меня. Артемус убрал остатки компонентов и посуду, и принес нам чая с хлебом.

– Теперь мы можем только ждать. Ты должен отдохнуть, Тим. Весьма возможно, что завтра тебе понадобятся все силы. – сказал Мастер-Маг.

– Я останусь здесь, – мне хотелось покинуть Гарретта. Абсалом со вздохом улыбнулся:

– Хотя бы попытайся немножко поспать. Мы позаботимся о тебе и твоём друге.

– Хорошо, постараюсь. Но у меня есть еще одна просьба...

– Какая же?

– Я хотел бы, чтобы Вы завтра еще раз вернули меня назад.

Он с сомнением поглядел на меня, но не стал задавать вертевшийся на языке вопрос. Я положил скрещенные руки на край кровати, опустил на них голову и закрыл глаза. Тревоги минувшего дня измотали меня и всего через несколько минут мой дух оказался в стране снов.

36

Уже совсем рассвело, когда я открыл глаза и распрямил затекшее тело. Сон был беспокойным и почти не принес отдыха.

Я увидел, как Артемус склонился над своим раненым другом и коснулся рукой его лба. Потом с чрезвычайно серьезным лицом поправил больному одеяло. Заметив, что я проснулся, он приветствовал меня легкой улыбкой:

– Ты спал как убитый.

– Как у него дела?

– Без изменений. Но ему все же удалось пережить ночь.

Поднявшись, я взял предложенный Хранителем кувшин и сполоснул лицо над умывальным тазом. Пронзительный холод ледяной воды окончательно меня разбудил. С благодарностью приняв кружку с чаем, я жадно пригубил напиток.

Снаружи вроде бы было тихо. Прислушавшись, я спросил Артемуса?

– Все позади?

– Очевидно, короткая передышка.

– А где Абсалом?

– Он хотел встретиться со своими братьями перед нашими воротами. Скоро он снова будет здесь. Не думаю, что Аристайдес заявится сюда средь бела дня. Он должен выждать время, чтобы снова ринуться в атаку.

– Езекил с Даной тоже где-то там...

– Не беспокойся, Маги умеют за себя постоять. С ними ничего не случится.

В этот момент за окном снова раздался шум, намного громче чем прежде. Беспечно усевшись возле постели, я вытащил магический кинжал. Мне было тошно сидеть здесь и бездействовать, когда прямо возле наших дверей кипел бой. Но я сознавал, что на этот раз Аристайдесу не удастся так просто заполучить меня и некоторое время крутил в руках клинок, стараясь не задеть его острым лезвием пальцы. Аристайдес боялся его. Он бежал, когда увидел его в моей поднятой руке. Возможно, этим клинком можно было его ранить. В конце концов главным назначением зачарованного оружия являлось уничтожение колдуна-нежити, обладающего огромной мощью. А уж кого подразумевали под этим некромантом – его или меня, не играло никакой роли.

Внезапно какая-то суматоха поднялась прямо перед дверью в комнату. Когда кто-то торопливо постучал, я положил оружие на маленький столик возле кровати Гарретта.

В дверь просунул голову мальчик возрастом не старше двенадцати лет, его лицо покраснело от волнения.

– Господин, зомби проникли в наше здание! Я должен предупредить всех! Будьте осторожны и лучше всего закройте дверь!

– Благодарю, – ответил Артемус, бросил на меня быстрый взгляд и запер дверь.

– Он не дает нам собраться с силами, так ведь? – тихо спросил я.

– Абсалом будет здесь с минуты на минуту. А до тех пор нам нужно вести себя как можно тише, – сказал Хранитель, вытащив тонкий длинный кинжал, с которым, судя по всему, он прекрасно умел обходиться. Странные витиеватые письма вспыхнули в свете солнечных лучей, падавших в комнату через заледенелое окно.

Я бросил озабоченный взгляд на Гарретта, почти не подававшего признаков жизни.

Несколько бесконечных минут с той стороны двери господствовала полная тишина. Я прислушивался к каждому шороху и к собственным чувствам, ожидая мертвенной льдистости Аристайдеса. Но его пока не было здесь. И тем не менее я чувствовал себя как-то странно – все ощущения притупились, будто подернувшись легкой дымкой.

Кто-то вскрикнул неподалеку и быстро промчался по коридору. И тут же в отдалении послышалось знакомое неистовое рычание, а возле самой двери раздался душераздирающий ответ. Я почувствовал почти облегчение: там, снаружи, стоял вполне „нормальный“ мертвяк, а не сам Аристайдес. Если мой взгляд не отрывался от магического кинжала, то теперь пришла пора использовать лук, лежавший у стены. Я схватил его, вытащил из колчана огненную стрелу и застыл в ожидании за спиной Артемуса.

Шаркающая поступь и сиплое дыхание медленно приближались, вот они уже зазвучали прямо у двери. Затем стало тихо.

Вскинув лук и наложив стрелу, я напряженно прислушивался. Ничего.

Минуты текли медленно, как капли густого сиропа, которые сначала собираются, набухают и лишь затем, бесконечно долго отрываясь, падают вниз. Мое внутреннее напряжение росло, а с ним и ощущение, будто что-то во мне переменялось. Я пытался понять в чем тут дело, но у меня это никак не выходило. Странная дымка, окутывающая мои чувства, то густела так, что почти удавалось распознать ее природу, то вновь истончалась, превращаясь в призрачное марево.

Внезапно ручка резко повернулась. Кто-то рвался в запертую дверь, злобным ревом выражая свое недовольство. Затем когтеподобные пальцы принялись с тупой, но дикой и бесконечной силой ломать и скрести ее. Деревянная дверь тряслась и скрипела, задвижка опасно прогнулась. Тварь на другой стороне ударила с такой яростью, что я внутренним взором видел, как отлетают ее ногти, как трескаются и ломаются фаланги пальцев.

Где-то в глубине Обители разнесся эхом взрыв и опять послышались крики и испуганные голоса. Дверь уже не могла сопротивляться натиску кошмарного создания. Я видел, как начала отрываться задвижка и натянул тетиву. Когда дверь с треском распахнулась, пылающая стрела тут же вонзилась мертвяку в грудь. Он даже не успел снова зарычать, а сразу развалился на части, охваченный облаком пламени.

Тишина недолго сохранялась в коридоре: новые неуверенно звучащие шаги с пугающей уверенностью двигались в нашу сторону. Я изготовился к новой атаке и Хранитель тоже выжидал.

В этот миг у меня сильно закружилась голова. Я схватился за стену, чтобы не упасть прямо на месте. Уши словно были заткнуты ватой – до меня смутно доносились чьи-то крики. В дверь пролез новый зомби и я заметил мгновенный, но отчаянный испуг на лице Атемуса. Это оказался Горан, чье тело лежало в холодной кладовке на носилках. Глаза его наполняла неутолимая ярость. Синеватая кожа на его насквозь промерзших конечностях кое-где полопалась. Огромная бескровная рана открывала ужасающий вид на поломанные ребра и истерзанные легкие, а позади можно было различить его позвоночный столб. Словно пьяный, я пытался сконцентрировать чувства и вновь обрести контроль над собственным телом.

Издав горловой хрип, зомби бросился на Хранителя.

Собравшись с силами, я отпустил тетиву, но стрела, пущенная моей дрожащей рукой, только ошеломила Горана, заставив его отступить на несколько шагов. Возбужденные голоса раздавались в коридоре и здание потряс новый взрыв, на этот раз совсем неподалеку от нас.

Пригнувшись, Артемус всадил кинжал в живот Горана, а я, по-прежнему борясь с головокружением, пытался дрожащими пальцами выудить новую стрелу. Ходячий труп со страшной силой ударил Хранителя своей клешнеподобной рукой и тот вылетел в коридор. В этот момент мое сознание прояснилось, я выстрелил Горану в спину и на этот раз попал. Взрыв прекратил его существование и едва не задел Хранителя. Я слышал шаги других мертвяков, спешивших по коридору и звуки их яростной битвы с пытавшимися остановить их людьми.

Вокруг меня сгустился холод. Артемус сделал еще один шаг по проходу и исчез из моего поля зрения. Я хотел последовать за ним, но едва не свалился от жуткого головокружения. Мне пришлось остановиться и унять трясущиеся колени.

Меня посетило короткое видение. Лицо возникло и в ту же секунду исчезло. Я знал его и в то же время не знал. Лицо женщины, которую я однажды любил больше жизни. Оно смотрело на меня – серьезное, бледное, слегка озабоченное, шелковистые волосы чуть откинута в сторону, тонкие темные пряди развеваются на ветру в свете солнечного дня.

Я судорожно вздохнул, когда картина побледнела и растаяла, но это еще не кончилось – приближалось новое видение. Все мое тело дрожало от холода. Возле двери в комнату кипела отчаянная борьба, но я едва воспринимал происходящее.

Я увидел своего сына, ребенка, которого она мне родила, со смехом бегущего навстречу. Его свежие щеки розовели, а голубые глаза сверкали. Внезапно он исчез, а на том же самом месте передо мной стояла Миа, глядевшая огромными умоляющими глазами и протягивавшая мне сломанную куклу, чтобы я ее починил...

Это видение тоже растаяло без следа, а секундой позже следующая картина тревожила мое сознание. Я пытался вытряхнуть его из головы, вернуться к реальности, но ничего не получилось. Мой взгляд скользнул по почти полностью сгнившему зомби, надвигавшегося на меня с вытянутыми руками, затем он развалился, сраженный ударом кинжала Хранителя, а мир вокруг снова исчез.

Они лежали в кухне на полу, когда я пришел домой. Она все еще прикрывала ребенка своим телом. Кровь на ее шелковистых волосах, кровь на полу, повсюду кровь. Растерянный, кричащий, я схватил их обоих на руки и вдруг оказался на нашем дворе, глядя как Миа и Джон складывают дрова в поленницу. Я видел подкрадывающееся к ним чудовище и закричал. Они подняли головы, но смотрели не в сторону монстра, а на меня...

Задыхаясь, я пришел в себя, глядя прямо в лицо-маску Аристайдеса. Он стоял возле меня. На одну секунду мне почудилось его лицо, каким я увидел его в день своей смерти. Но и это видение исчезло и вернулась жестокая реальность, в которой он снова начал устанавливать надо мной контроль. Ледяной холод вползал в сердце – его словно сжали железные пальцы. Я не мог защититься, только не сейчас. Видения так внезапно возникали в мозгу, задерживаясь там на долю секунды. Аристайдесу не составило никакого труда заставить пройти за ним на середину комнаты. *Позади него я увидел бледного Гарретта, неподвижно лежавшего на кровати, потом картина размылась и передо мной предстала Миа. Маленькая и хрупкая, укрытая несколькими одеялами, она лежала в своей комнате и уже не шевелилась. Моя мать рыдала возле ее постели.*

Аристайдес воздел руку и я ощутил растущую, дикую боль в груди,

Дана взглянула на меня, упрямо и в то же время слегка застенчиво. Я поцеловал ее снова посмотрел в лицо моей жены, сидевшей с нашим ребенком на руках возле камина.

Боль усилилась. Я закрыл глаза.

Аристайдес ринулся к могиле, в котором лежали тела моих близких, кипя от ярости и гнева. Я должен был завершить ритуал, пока он до нас не добрался...

Внезапно я вернулся в полный боли реальный мир и увидел Гарретта, который, приподнявшись, схватил с прикроватного столика магический кинжал и из последних оставшихся у него сил вонзал его в спину Аристайдеса. Он был бледен как смерть, но в глазах застыла так хорошо знакомая мне стальная решимость.

Маг не ожидал этого нападения и зашатался; затем, развернувшись, с ледяной жестокостью ударил вора по лицу, так что тот снова бессильно распластался на постели. В изумлении я видел, что рана на спине Аристайдеса, из которой торчала рукоять магического оружия, на самом деле *кровоточила*. Он почти достиг своей цели, почти вернулся к жизни и почти овладел Силой Змеи... Следующее видение оказалось сильнее всех предыдущих:

Он почти добрался до могилы... Моя жена пыталась предостеречь меня взглядом и я слышал голос Миа, зовущий меня по имени... Мне нужно было поспешить, или все труды пойдут прахом. Жертвоприношение должно свершиться именно сейчас, если не посредством волшебства, так с помощью оружия. Я выставил перед собой кинжал, выждал, пока жертва повернется ко мне, и ударил. Рука машинально и с железной уверенностью сделала кругообразное движение, а клинок пронзил плоть и кости словно масло. Я ощутил, как запылало магическое оружие и как зазвенел воздух, вибрируя от разливавшейся Силы Змеи. Волшебство, от которого у других кровь останавливалась в

жилах, вызвало у меня всего лишь усталую улыбку. Оставалось только нанести Символ и все будет позади, я сумею вернуть к жизни любимых людей.

Я сотворил его и, осмотревшись, увидел, что опасность миновала.

Мой прояснившийся взгляд уперся в полное растерянности лицо Аристайдеса. Потом я заметил кинжал в своей скользкой, покрытой кровавыми пятнами руке, огромную зияющую рану в его груди и неудержимо льющуюся из нее кровь. Потом мой противник медленно осел, а на его лбу обозначился Знак Змеи. Его глаза неверяще смотрели на меня, пока этот последний взгляд не потускнел и тело неподвижно распростерлось на полу. Я отбросил измазанное кровью оружие и бросился к Гарретту, чье неподвижное тело свесилось с кровати, отброшенное ударом Аристайдеса.

К моему великому облегчению он еле заметно дышал. Кровь тонкими ручейками стекала из рассеченного лба и из носа. Я аккуратно вытер ее и заботливо уложил больного обратно на кровать.

Миа улыбалась мне. Положив руку на ее кудрявую головку, я улыбнулся в ответ, вкладывая всю заботу и всю новообретенную целительную силу в это прикосновение.

Это видение было последним. Когда оно улетучилось, вор открыл глаза, устремив на меня не совсем прояснившийся взгляд:

– Что ты тут делаешь?..

Убрав руку с его лба, я смущенно улыбнулся:

– Как Вы себя чувствуете?

Вид у Гарретта был слегка недоуменный, пока он раздумывал над моим вопросом. Цвет его лица снова стал здоровым и он больше не производил впечатления беспомощного человека, неспособного даже сесть самостоятельно. Рана на его лбу больше не кровоточила. Взгляд вора упал на мертвеца, лежащего лицом вниз на полу возле кровати, и он вздернул бровь:

– Артемуса хватит удар, когда он увидит, что за свинарник ты устроил в его комнате. – Он пристально рассматривал меня. – А ведь ты ранен... – и затем, скептически поглядев на Аристайдеса, добавил: – ... если это все *твоя* кровь.

Я даже не заметил раны у себя на груди. Она была не особенно велика, во всяком случае несравнимо меньше той, что возникла бы на том же самом месте, не вмешайся вовремя Гарретт.

– Все не так уж плохо.

– Как ты... – он замолчал, заметив вошедшего Артемуса.

Хранитель имел несколько потрепанный вид. Мне показалось, что он чуть было не развернулся и не вышел из комнаты, увидев окровавленный труп на полу возле своей кровати. Но потом заметил нас с Гарреттом и на лице его отразилось облегчение.

В огромный дом постепенно возвращался покой. С улицы еще доносились звуки отдельных стычек, но, похоже, и там все уже затихало. Хранитель заботливо обошел лужу на полу и опустился возле меня на край кровати. Он привалился к ее спинке и брезгливо пнул носком туфли валявшийся под ногами труп.

– Это точно, что он больше не встанет?..

– Абсолютно точно. – Мой голос звучал непривычно твердо. Но я знал, что говорю, поскольку больше не ощущал холод. Артемус с величайшей осторожностью перевернул колдуна и оцепенел, увидев его рану.

– Что?.. Что ты?..

Гарретт ответил на адресованный мне вопрос:

– Они просто поменялись ролями.

Потом он попытался встать, чему мы с Артемусом одновременно помешали. Вор с видом побежденного был вынужден снова лечь.

– Да со мной действительно все в порядке, – тихо пытался протестовать он.

– Именно это и беспокоит меня... – произнес осторожно Артемус.

– Спроси лучше об этом одного Мага-выскочку.

Выдержав вопрошающий взгляд, я пожал плечами:

– Думаю, затея Аристайдеса обернулась против него самого.

Если она вообще была такой, как показали мне видения. Возможно, такое действие произвела на меня близость созвездия или я сам неизвестным способом вызвал его. Ведь просьба вернуть меня в прошлая, высказанная Абсалому, была не напрасной. Я хотел вспомнить, как чувствуешь себя, когда используешь Силу Змеи, и хотел применить ее не для того, чтобы победить соперника, а чтобы исцелить больного друга.

Кто-то быстро направлялся к нам по коридору, потом Мастер-Маг распахнул покоробленную и косо висящую на петлях дверь. Его борода и волосы были растрепаны, а одежда опалена и испачкана копотью, однако он воспринял представшую перед ним сцену более сдержанней, чем Артемус.

– Ты сделал это. – в голосе Мага звучало скорее не удивление, а утверждение.

Он подошел к трупу Аристайдеса. Лицо мертвеца выглядело почти так же как в моем видении. Его тело почти полностью восстановилось, всего один шаг отделял безумца от намеченной цели. Тут в глаза мне бросилось, что на правой руке у него отсутствовал указательный палец и это вызвало усмешку. Ему, пока еще полностью бестелесному, явно не понравилось, что кто-то отрезал кусочек от его останков. Кроме того, он наверняка болезненно тосковал по своему кинжалу, пока неожиданно (и тоже весьма болезненно) не получил его сегодня обратно.

– Итак, ты завершил ритуал. – Абсалом присел на корточки возле трупа.

– В тот момент я не владел своими чувствами...

– Знаю. Твой вопрос вчера вечером натолкнул меня на *одну интересную идею*, – как бы мимоходом произнес он, поднимаясь.

– Чай! – тут я все понял.

Артемус в знак защиты поднял руки, когда я посмотрел на него со смесью удивления и упрека:

– Я здесь почти не при чем, это была именно его идея.

Абсалом дернул плечами, а на его лице появилось озорное выражение, точь-в-точь как у проказливого мальчишки.

– Но ведь это сработало.

– А тогда Вы знали, что это сработает? – спросил я.

– Разумеется, нет.

– Простите, что перебиваю, но вон тот парень на полу может опять когда-нибудь удариться в загул * *гы* и мне бы совсем не хотелось в тот момент здесь находиться, – Гарретт снова попытался сесть, что ему, разумеется, не позволили сделать.

– Вы правы, – ответил Абсалом, забавляясь над протестующим выражением лица вора, которого опять уложили в постель. – Думаю, в данном особом случае мы можем отказаться от традиционного обряда сожжения по правилам нашего Братства. Артемус, не будете ли Вы столь любезны убрать свою ногу?..

Хранитель поглядел на него как на умалишенного, но затем быстро отдернул от мертвеца ногу, поняв, что Маг говорит серьезно. Абсалом быстро взмахнул рукой, вспыхнуло яркое голубое пламя, в мгновение ока поглотившее самого покойника и все принадлежавшие ему вещи. Огонь тут же угас, ничего не запалив в комнате и даже не наделав дыма. Через пару секунд на полу осталась лишь кучка пепла.

– Подумать только... Ждать восемьсот лет, чтобы вернуться в круг жизни и осуществить свои несбывшиеся низменные мечтания... Мог бы придумать что-нибудь попроще. – неодобрительно произнес Абсалом.

– Может, этот ублюдок когда-нибудь вернется и вытряхнет меня наконец из этой койки.

– Лежи, где лежишь! – голос Артемуса не допускал никакого сопротивления. Я с изумлением увидел, что Гарретт через силу ему подчинился. Может, ему и в самом деле было не так хорошо, как он пытался нам показать, или мне надо было научиться говорить с такой авторитетной хранительской интонацией в голосе. А то на этого твердолобого упряма не действовали почти никакие слова и интонации, точнее сказать, не действовали в моем исполнении.

– Тим, ты ранен, – сказал Абсалом, глядя на капли крови, усеявшие мою одежду. – Дай-ка взглянуть.

Артемус принялся превращать царящий в комнате хаос в относительный порядок, временами бросая подозрительные взгляды в коридор, а Маг тем временем врачевал мою рану, полученную на память от Аристайдеса. Она еще немного кровоточила, но совсем не болела.

– Рана не тяжелая, но останется рубец. – Абсалом остановил кровь и испытующе поглядел на меня. – Ты почти исцелил своего друга, мальчик, но совсем позабыл про самого себя.

– Вообще-то я совсем ничего не делал.

Поймав посланный с кровати насмешливый взгляд, я умолк.

– Ты возобновил связь. Знай же, что многие теперь будут интересоваться твоими способностями.

Я не был уверен, должен ли радоваться или пугаться этого. Кроме того, ничего такого особенного не ощущалось. Если я и обладал какими-то Силами, они были чертовски хорошо спрятаны. А может, исчезли точно так же, как посетившие меня мимолетные видения.

Облокотившись о спинку кровати, я смотрел, как Хранитель начал поднимать перевернутую мебель и собирать разбросанные рукописи. Гарретту, по всей видимости, надоело сопротивляться и он закрыл глаза. Абсалом оставил нас, отправившись к своим братьям. В коридоре иногда раздавались спокойные шаги или обрывки приглушенных разговоров.

Привычная тишина Обители постепенно заполняла все вокруг. Солнце высоко стояло в небе, в первый раз в этом году посылая по-настоящему теплые лучи. Я тоже на секунду прикрыл глаза, потому что был измотан больше, чем самому казалось. Какое-то время до меня доносились звуки окружающего мира, а потом моя голова сама собой опустилась на спинку кровати. Впервые за много дней я спал и не видел никаких снов.

Эпилог

– Тихо ты! – прошептал детский голос и я криво усмехнулся.

Я сидел на выступе стены, болтая ногами в воздухе и наблюдал за обычной суетой рынка, а также за двумя сорванцами, как раз собиравшимися стащить у торговца пару яблок.

Весна была в разгаре, снег совсем растаял и солнце для этого времени года светило необычайно жарко. Крошечный стебелек, пробивший себе путь сквозь стену, нерешительно тянул к свету свой белый цветок в форме колокольчика. Я ощущал на лице солнечные лучи и это было здорово.

На рынке поднялась какая-то суматоха и я улыбнулся. Несколько представителей городской стражи побежали во всех направлениях, очевидно, кого-то разыскивая. Когда один из них промчался мимо меня, я нагнулся, с нарочитым вниманием разглядывая цветок у себя под ногами. Стражник не обратил на меня никакого внимания и побежал дальше. А я снова сел прямо.

– Весьма рискованный маневр, – сказал я. – Возле того парня стояли как минимум трое стражей порядка.

– От этого становится только интересней, – произнес голос из темного подъезда дома за моей спиной.

Хмыкнув, я поднялся.

– Мне скоро пора назад. Они каждый раз беспокоятся, если я исчезаю без спроса.

Гарретт вышел из тени и прислонился к стене возле меня.

– Это было твоим решением.

– Они бы никогда не смогли понять, почему я отказываюсь вступить в Братство.

– По крайней мере тебе там дают образование. Нет ничего хуже Мага, не понимающего, что он делает.

- Меня до сих пор удивляет, что Абсалом позволяет мне эти отлучки.
- Вор обернулся ко мне и его зеленый глаз ярко вспыхнул в свете солнца.
- Они бы никогда не рискнули оставить тебя без присмотра. Ты кое-что получишь, но взамен они будут контролировать твой жизненный путь. Знакомая картина.
- Ну не вечно же мне там оставаться. Так что для меня это ничего не значит.
- На его губах заиграла знакомая улыбка.
- А как же твоя маленькая подружка?
- Я возьму ее с собой.
- Куда это, интересно?
- Не все ли равно?

Улыбка стала шире и немного насмешливой, но вор на этот раз промолчал. Мне было хорошо знакомо это молчание. Я знал, что таким образом он меня подначивает, чтобы потом вдоволь посмеяться над моими чувствами. Но теперь меня так просто было не одурачить – не те времена. Поэтому я точно так же замолчал.

Мимо нас гордо прошествовала важная расфуфыренная дама с тощим костичтым лицом и невероятно огромным носом. Две сопровождавших ее горничных бросили в нашу сторону пару робких взглядов. Мне не нужно было оборачиваться – и так понятно, что Гарретт уже испарился. Снова развалившись на солнце, я приготовился наслаждаться очередным спектаклем.

Silentsigh 2005-2006

Послесловие „переводчика“

Да, почтенные представители Гильдии, я-таки сделал это!!! Правда, на две недели позже чем рассчитывал, однако были разные смягчающие обстоятельства. Раньше все мои переводы не простирались дальше школьных учебников и сказок братьев Grimm, которые в свое время нагнали на меня ужаса – живой немецкий язык, да еще прошлого столетия, совсем нельзя сравнивать с шаблонными фразами. Так что ту муру, которую я записывал почему-то карандашом в тетрадь в линейку, не имея при себе в тот момент ни нормального немецкого словаря, ни знаний по грамматике, серьезно воспринимать было никак нельзя. Тогда точность моего перевода была фифти-фифти. А теперь вот получилось осилить довольно большой объем. Разумеется, это писал не Гете и не Эрих-Мария Ремарк – стиль камрада *ххсоу* отсавляет желать лучшего. Но, тем не менее, немецкий коллега г-на VRaptor'a тоже достоин некоего уважения – все-таки старался и выдумывал. Так, с предисловием покончено, перехожу к разбору полетов.

Сразу скажу – мое отношение к данному фэн-творению весьма двоякое или даже троякое. Сейчас объясню почему. Вот все, разумеется, знают такой шедевр от ID Software, именуемый DOOM 1-2. А доводилось ли кому-то читать фэнскую поделку, писанную по первой и отчасти по второй части? Думаю, что не все удосужились это сделать, да я сам случайно на нее нарвался и решил прочитать. Конечно, книжки писать по играм нелегко – попробуй выдумать что-то новое из хорошо известного старого. Я бы лично за такое никогда не взялся. Однако, после интересного начала (правда, отчасти взятого из того самого досовского FAQ-файла), когда там завертелась вся эта катавасия, дальше пошло унылое описалово всех поголовно уровней, монстров и предметов. Главным козырем автора было то, что главный герой на втором, кажется, эпизоде встречается со своей сослуживицей по отряду – такой же крутой десантницей, выжившей из всей посланной группы и они уже вдвоем пробираются... где? По тем же самым уровням с унылым описаловом. К чести автора могу заметить, что сцена, когда эти двое отвлекают на себя внимание кибер-демона, пуляющего в них ракетами, а освобожденный инженер влез ему на спину и отключает питание, удалась. Точно так же и в книжке про DOOM-2 намного больше разных новшеств и интересных выдуманных эпизодов, даже жалею, что она не до

конца. Так к чему это все? А к тому, что „Послушание змеи“, увы, периодически напоминало мне это „думовское“ фэн-творение, но, слава Богу, сходство это было невелико. Думаю, что людям, абсолютно незнакомым со вселенной Thief, эта книжка (в нормальном, разумеется, переводе) даже могла бы показаться интересным произведением в стиле фэнтези. А что касается вас, уважаемые многопроходцы... Лично мне не очень интересно было снова шляться по всему Бонхарду в деталях, учиться воровским приемам по отвлечению внимания стражников с помощью бросания предметов, ходить по воровским подвалам и садам Крепости Магов. И это я считаю главным недостатком данного романа.

Теперь о специфике немецкого языка (господ германистов сразу прошу о снисходительности) – это затем, чтобы объяснить возможные ляпы то тут, то там. Мало того, что книжка от первого лица и писать в каждой строчке „я“, как это делает *ххсоу*, на мой взгляд, очень глупо. Но немцы народ дотошный и грамматика у них та еще. Абсолютно обычны фразы типа „я послал меня“ или „я взял мне“, и это только самые безобидные примеры. Довольно много параллелей с русским, однако не всегда это дело стыкуется и не стоит забывать, что падежей в немецком всего четыре. Я старался опускать по возможности ненужные местоимения „мой“, „твой“ и проч., это в том случае, когда он говорит не просто „я протянул ему руку“, а „я протянул ему **мою** руку“ и т.д. Литературный немецкий насыщен частями речи, которые у нас называются причастиями и деепричастиями, у них они в ходу точно так же как наши прилагательные. В русском они попадают не столь часто, поэтому во всем тексте „перевода“ наблюдается некоторая их избыточность. Но это ненамеренно, просто там иначе не скажешь – либо причастие, либо два прилагательных. Также у соотечественников Гете в широком использовании слова-существительные, составленные из двух или даже трех корней, это тоже создает маленькие неудобства – одно слово можно перевести только как прилагательное+существительное и никак иначе, ну не скажешь ведь так „хорошо настроенный“, надо сказать „в хорошем настроении“. Но зато от чего я с удовольствием отмахивался, наверное догадываетесь. Правильно, от артиклей! Все ди, дер и дас выпали в осадок. Может, поэтому перевод оказался аж на 10 вордовских страниц меньше, чем оригинал. Еще я сокращал где можно ненужно-длинные фразы и выражения. Так что прошу не беспокоиться – ничего не купировано и не цензуровано, просто более короткие фразы и грамматическая разность языков.

Чуть-чуть про немецкую манеру выражаться. Должен сказать (это мое личное наблюдение, мои немецкие „земляки“, придерживающиеся иного мнения, могут при нем и оставаться, спорить не собираюсь), что коренные жители Германии чихают, паникуют, ходят, поглощают пищу и болеют так же как мы, но механизм, тикающий в их головах, работает несколько иначе. „Немножко другой менталитет“, как сказал наш куратор по учебе, но только не немножко, а абсолютно другой. Поэтому их вопросительные, восхищенные и негодующие интонации, к примеру, звучат чуждо для уха не-немца, а мимические выражения порой ставят в полный тупик. Какая-нибудь эмансипированная фрау в некоем ведомстве при разговоре с тобой вдруг сделает такую недоуменную рожу, что диву даешься – а в уме ли она? Все это к тому, что такая игра мимики процветала с седой древности и не выходила за рамки приличия. Поэтому в „Послушании“ герои очень часто делают то, что на русский язык переводится как „гримасничать“, „кривить лицо“ или „строить рожу“. Разумеется, я старался все это заменить адекватными и привычными нам выражениями, однако не знаю, преуспел ли в этом. Судить вам. Еще я просто одурел от постоянных повторений типа „я спрашивал себя“, „мне было ясно“, тоже переименовывал как мог.

Теперь хочу проехаться по главному персонажу. Тимотеус поначалу весьма мне нравился – обычный, ничем не выделяющийся молодой человек, робкий и мало чего умеющий. Тем интереснее было наблюдать, как постепенно он отбрасывает свои комплексы и под чутким руководством инструктора-вора становится более-менее самостоятельным и уже сам отвечает за свои поступки. Парню, конечно, дико не повезло: сначала смерть близких родственников, потом отрыв от привычной жизни, скучная

монастырская рутина и безбожно строгий наставник (хотя это все лучше, чем какой-нибудь разгильдяй, который ничему не учит). Психика у него, несмотря ни на что, очень крепкая – иного пришили бы еще у дверей конторки Бинка, а он вслед за бродягой-Гарреттом прошел огонь, воду и практически медные трубы, выходя из этих приключений без единой царапины. Даже видения не особенно сильно на него влияли – ну снится чего-то там страшное, потом сбывается, и не такое случается. Однако когда выясняется, что он был в прошлой жизни супер-Магом и ему даже теперь удаются всякие непонятные вещи, ставящие в тупик седобородых старцев и ученых людей... Вам это никого не напоминает? А если бы не магический клинок, то на полу комнаты Артемуса лежал бы двойник Потного Гарри из параллельного мира – все чин-чином и даже знак на лбу нарисован. Но тут, видимо, все эти воплощения и перевоплощения показаны для того, чтобы Тим сумел воспользоваться вторым шансом и достойно прожить новую жизнь, не повторяя прежних ошибок. Его предыдущее воплощение слишком масштабно само по себе – один человек управляет сразу всеми стихиями. Такое у кого хочешь вызовет черную зависть и его судьба с самого начал прихода в Крепость была предрешена. Жалко, конечно, ни в чем не повинных женщину с ребенком, убийство которых было совершено из-за его талантов (хоть про это конкретно ничего не сказано, но дело-то ясное), но и самого... как, бишь, его тогда звали? ... тоже можно пожалеть – потраченные силы, душевные и физические, а как результат – вторичная, не менее горькая потеря, мучительные поиски, длившиеся месяцами, отчаяние, духовное опустошение и гибель от руки завистника. Трагично, что ни говори. Может, в новой жизни ему больше повезет. Посмотрим. Однако было бы намного интереснее, если бы Тим оставался тем, кто он есть – деревенский парень, а все эти магические прибабасы побоку. Всегда вызывает уважение, когда обычный человек (или хоббит) может вершить дела, которые решают судьбы мира. А то теперь на него все смотрят и видят как бы сразу двух людей, древность и способности одного овеяли славой другого. И подружка, узнавшая от своих Старших, кто такой на самом деле Тим, теперь тоже наверняка восхищается его скрытым даром, а ведь естественнее было бы любить его не за Магию, а за душевные качества.

Теперь о персонаже, которому Тим „обязан“ жизнью, в прямом и переносном смысле, о нашем любимом одноглазом невидимом и неслышимом грабителе, грозе всяческих Орден, сект и аристократов, победителе демонов и усмирителе опаснейших безумцев. Гарретт в исполнении *ххсоу* в общем-то соответствует воровским стереотипам и миру игры. Хотя здесь он показан в необычном ракурсе: во-первых, больной и слабый, причем два раза, во-вторых, в качестве наставника и няньки. Первое вполне возможно, правда, Гарретт – волк-одиночка, а ведь ему наверняка случалось получать всякие раны – резаные, стрелянные и прочие, интересно, как он от них отходил, когда поблизости не было верного Тимотеуса? Пресловутая выносливость, как у Хы-Мена Волверина? Картина укладывания в постель человека с железной выдержкой и хваткой, конечно, комична. Видимо, ее основная цель – показать, что Гарретт не лишен всех человеческих слабостей, что в принципе он такой же уязвимый как и все мы, просто судьба у него такая вот особенная. А вот что касается наставничества... По-моему, рановато ему еще брать себе учеников, хоть он и Мастер. Мне почему-то представляется эдакий постаревший Гарретт с ежиком седых волос, с потускневшим и расстроеным вставным и близоруким природным глазом, но несмотря на годы не утративший сноровки и навыков. Вот такому как раз и учить молодежь уму-разуму. Ведь если посмотреть по ходу романа, во всех Орденах (не знаю, как там оно было у Механистов, просветите) наставники – весьма зрелые и даже пожилые люди, почти старцы, ни у кого нет учителя в возрасте тридцати лет. Тот же Пехов в качестве наставника своего *Гаррета* выбрал человека по крайней мере средних лет. В этом некий диссонанс, хотя Гарретту силком посадили Тима на шею, он сопротивлялся даже, поэтому накладки как-то сглаживаются, ну и как известно, первый блин – комом. Очень интересны отношения с Артемусом. Гарретт без конца заскакивает к старому другу, как его величают в романе, но ведет себя при этом как капризный сынок, стремящийся быть независимым и ведущий насыщенную жизнь, который в тоже время зависит от доброго всепрощающего папеньки. Сколько раз бедный

Хранитель ловил едкие взгляды или такие как „Ты дурак или родом так?“, однако хоть бы раз отреагировал на это как-нибудь иначе, кроме „тихих усмешек“. Понятно, что ему прекрасно знакомы привычки Гарретта, да и не он ли подобрал его когда-то на улице? Поэтому ему он больше действительно как сын, которого у Атемуса никогда не было и не будет – он ему покровительствовал в первые годы обучения и вообще курировал. Однако мне лично не очень приятно, когда Гарретт на каждый чих является к Артемусу, нагло разваливается в кресле и, словно делая одолжение, рассказывает о своих достижениях, коротко кивает на прощание и, обернувшись возле двери, бросает: „Давай, сделай то-то и то-то, найди то и это“, а Хранитель только благоговейно смотрит ему вслед, типа все сделаю, только не забывай, сынок, почаще заходи. А как действительно запахнет жареным, нашему вору и податься-то в общем некуда – или к обворованным когда-то хаммеритам, или опять же в Обитель Хранителей к доброму Артемусу. Кстати, почему Обитель? Потому, что в тексте она именуется... монастырем. Но если этот термин вполне применим к хаммеритам, то назвать так заведение, где на равных пересекают представители обоих полов, а одна толковательница все время читает древние тексты, просто язык не поворачивается. Язвительность у Гарретта из этого романа хорошая, соответствующая типу, немножко надоедает его нетерпеливость, ну да ладно – в TDS он именно такой: упрямый, острый на язык и, разумеется, сам себе командир. Отношение его к довольно бестолковому навязанному подопечному можно назвать очень терпеливым, если он нервирует его или мешает, то вор никак не высказывает этого вслух, хотя когда он противился брать его под защиту у Первосвященника и в главе перед походом к Абсалому он все же открыто возмущается и сожалеет, что с ним связался. Методы обучения у него тоже весьма крутые: то откровенная муштра, то всяческого рода подначивание, он играет на чувстве самолюбия Тима, тем самым заставляя его поверить в собственные силы и реализовать скрытые (немагические) способности. В общем-то эта техника достаточно хорошо сработала на бывшем Маге, но неизвестно, будет ли она хороша для каждого. Вынужденное одиночество, связанное с ремеслом Гарретта, заставляют его держаться подальше от кого бы то ни было, но, как мы видели, в TDS часть пророчеств сбылась и ему много с кем предстоит теперь общаться. Очевидно, камрад *ххсоу* не воспринял всерьез последнюю часть серии воровских игр, как и многие другие, а зря. Или же... но тут я немножко забегаю вперед.

Несколько слов об Орденах и их представителях, описанных в послушании. *Хранители* представлены очень блекло – кроме Артемуса фигурируют еще пара вечно недружелюбных стражей при входе, одного вор даже называет по имени, наверное старые счеты. Пара призрачных силуэтов в коридоре и их разговор, подслушанный Тимом, не в счет, как безликие силуэты упоминаются Первый Хранитель и „одна толковательница“. Про Артемуса я уже кое-что сказал. Нарочитая ученость и жажда знаний этого человека, страсть к старинным записям и артефактам делают его чуть-чуть комичным персонажем, а уж в самой последней главе, когда все позади, его поведение делается откровенно забавным, а ему по линии произведения это не очень подходит. Другое дело Езекил – чисто комическая фигура, несмотря на большой опыт и знания. В романе довольно интересно представлена иерархия *Магов*, за это автору хвала, потому как в Gold все не совсем понятно. Ясно, что в Крепости есть обычные стражники, слуги, но про учеников сказано вскользь и лишь в той самой верхней комнате с талисманом. В общем, Маги – это аналог увлеченных иногда до крайности ученых, занимающихся черт-те чем и порой сходящих от этого с ума. Всякие недоступные простому пониманию эксперименты с бурриками, пауками, а если бы разрешили, то и с мухоловками (например, скрестить ее с раколюдом или зайкиной тварью, вот ведь интересно-то!), однако наряду с этими много очень целенаправленно-опасных для самих себя и окружающих. Злых и безумных Магов не так много – об этичности экспериментов заботятся жесткие правила вплоть до казни виновного. Образы хороших представителей Братства обычно колеблются где-то между Гаркином из самой первой книги про корпорацию «МИФ» и Гэндальфом, но это только мужская половина. Что касается женщин, тут сложно сказать четко. Шумевшая на лестнице Магиня кажется умной и довольно смелой, впрочем в этой серии игр

прекрасный пол всегда на высоте: те же служанки, подбивающие своих трусливых друзей пойти тайком в комнату господина и поглядеть на необыкновенный камень-самоцвет. Даночка – типичная отличница из Хогвартса, умная и спокойная, не выскочка как подружка Г.П.

Ярче всех представлены *хаммериты* и их уклады. Собственно, про них мы и так много чего знаем, их вон даже в Т2Х пограбили неслабо. Много разных имен собственных, характеры персонажей колеблются от сурового, сугубо благочестивого Торбена до весельчака и добряка Лукаса. Атмосфера средневекового католического монастыря передана превосходно, иерархия не вызывает недоумений. Однако как ни крути, а такая жизнь под надзором ответственных наставников, полная строгих догматов, молитв, утомительных тренировок и караульной службы накладывает свой отпечаток. Из совершенно различных по духу и складу характера молодых людей получаются пусть крепкие, идейно-стойкие, благочестивые и все же безликие фанатики с минимумом интеллекта. Почему нарушителей и воров нужно убивать на месте таким жестоким способом? Зачем сразу гнаться как сумасшедший за тенью, похожей на зомби? Бормотание молитв и погружение в транс помогают скоротать время, все понятно, однако нормальные человеческие чувства (не диктуемые верой добродетели) у большинства братьев со временем совершенно стираются, одни из немногих в этом плане – Маркус и Лукас. Но именно такая фанатичная тупость и позволяет без страха, подпитав себя яростью к нечестивому существованию, не одобренному Строителем, шагать в самые темные катакомбы и склепы, чтобы без жалости стирать зомби с лица земли. Боевой поход отряда из монастыря в лесную часовню – одна из самых ярких сцен на мой взгляд. Очень жалко, что в романе нет ни слова о хаунтах.

И уж почти совсем нет ничего про *язычников* – одну из главных движущих сил этого мира. Все понятно, Обманщик, Виктория, но это же сверхъестественные существа и про них нам более-менее известно. А вот быт, иерархия (шаман – не шаман, и все что ли?), разговоры – этого остро не хватает роману. Еще интереснее бы было, если бы наши герои в поисках очередной части головоломки пошли бы куда-нибудь в пещеры или старое капище и кто-нибудь из язычников вступил бы в переговоры со всеядным Гарреттом. Как бы отреагировал на него еще охаммериченный Тим? Да если бы еще приспешник Лесного Лорда явился в условленное место, но не один, а сопровождаемый верной мухоловкой, которая еле сдерживается, чтобы не запустить в ненавистных людишек своим кусачим шаром. А где-нибудь в старых развалинах, совсем как тогда в лесу, при первой встрече с зомби, Гарретт с Тимом могли бы подслушать писклявые разговоры невесть как уцелевших крысолюдов и их злобные разговоры про „человечье мясо“.

Надо сказать, что типажи третьесортного плана в этом произведении просто замечательны. Скупщик краденого Бинк со своей свинячьей жирной кожей; толстенький неофит Бенедикт, любитель поест нахаляву и потрепать языком; хозяйка лавки с спецоружием и воровской амуницией с незабываемым голосом и лучезарной улыбкой (мог бы хоть как-нибудь ее назвать, типа Матильды или Джоанны, тетка заслужила). Даже беспринципный бандюга Крысюк (в тексте он абсолютно везде именуется просто Крысой. Мне это однообразие не понравилось, а кто читал Глена Кука, тот поймет мое обозначение) заостряет внимание – как-никак почти полностью испорченная личность, так и не узнали тоже, как же его звали, зато имя его дружка-дуралея Лестера почему-то всплыло.

Фауна представлена сравнительно бедно – буррики (на радость г-же Уага), паук (в единственном экземпляре), варг – волчара из толкиеновских книжек, только намного больше по размеру. Остальные все сушеные и фрагментированные. Интересный ляп: по рассказу Тима абсолютно невозможно понять, что же за тварь убила его брата с сестрой, известно лишь, что у ней были когти. Но у раколюда вроде как клешни, так что внешний вид монстра остается загадкой. И тут же, оказывается, Тиму известно о существовании насекомого-монстра (это, скорее всего, мухоловка). Откуда он про таких знает? То ли это было написано на том самом мешочке, который оказался в числе разных чудо-порошков,

принесенных Артемусом для лечения Гарретта, то ли горожане делились впечатлениями о налете тварей Обманщика на Город. Явная нестыковка. Опять же думаю – свяжись они с язычниками и целый зоопарк был бы обеспечен.

Почему некоторые слова большими буквами, некоторые – маленькими? Ну, для тех кто не в курсе – в немецком все существительные пишутся с большой буквы. Я выделил большими буквами всякие важные архитектурные (Крепость Магов, Обитель Хранителей) и некоторые религиозно-мистические (Первосвященник, Магия, Сила Змеи) аспекты. Маги, Хранители и Механисты у меня с заглавной буквы потому, что первые два Ордена стоят как бы в стороне от основных событий жизни Города. На самом деле это, конечно, не так и мы об этом знаем: Хранители за всем наблюдают и все фиксируют, чтобы потом найти нужные записи в пророчествах и дать на обработку Кадуке, а Маги так и вообще держат все под контролем и как-то могут за кем угодно подглядывать, но не каждому из них это дано. Кстати, в романе они не ведут себя столь замкнуто, как рассказывал Тиму Мартен и можно почувствовать в Gold'e, наверное, всему виной лихое время. А Механисты отделились в секту, да еще какую, поэтому я их тоже выделил. Кстати, что это за дяденька-техник в Энджелуотче с болтающейся правой рукой? Никто ничего такого не помнит?

Курсивом выделены те же слова или подходящие фразы, что и в исходном тексте, так, видимо, *ххсоу* подчеркивал их значимость. Я самолично закурсивил так кое-что, например посмертное письмо несчастного сумасшедшего Азарана. Если он и вправду нашел Книгу Праха, то уж никак не мог ее читать, а написал-то, написал! Не совсем, кстати, понятно, почему на урне с его прахом хаммеритская молитва. Это знак такой что ли – новое воплощение колдуна древности ищи у хаммеритов? И не совсем понятно, как он все-таки умер.

Два интересных момента – Книга Праха и нежить. Слово *Asche* с немецкого переводится двояко – „зола, пепел“ и „прах“. Сначала я хотел было так и оставить – Книга Пепла, но она вроде как связана с оживлением мертвых, а мертвые не всегда пепел (только у Магов и индусов), но всегда превращаются впоследствии в прах. Поэтому устаканил название Книга Праха, а когда она сгорела, сделал финт ушами, это небольшая нестыковка. Слово „нежить“ по-немецки звучит оказывается как „немертвый“ или „немертвь“, но это звучало бы абсурдно, согласитесь? Кстати, слово „зомби“ в оригинальном тексте встречается всего один раз, так что я навтыкал для разнообразия хорошо известное всем понятие.

Наконец, по поводу * типа таких вот комментариев Ну, тут самые разные мотивы – попытка что-то объяснить, указание на возможный ляп, а в основном – стеб, треп и хулиганство, вызванные природной язвительностью, занудными местами романа или же подходящей поворотом сюжета. Их можно совсем не читать, но в конце концов какой же перевод бывает без комментариев „переводчика“???

И совсем уж напоследок (все уже, наверное, устали читать эту ересь) скажу, что сюжет довольно лихо закручен, много интересных вставленных идей и эпизодов, однако все как-то весьма быстро закончилось, вам не кажется? Возились-возились и вдруг – бах! – прямо сразу у Хранителей пришел конец плохишу, а наши герои зализывают раны. Время его, конечно, поджимало, но он мог хотя бы куда-нибудь утащить Тима с помощью зомби – в какое-нибудь гнилое место пруде Оскверненного собора или Св. Квинтуса и там уже начать ритуал, а хорошие ребята из Магов и Хранителей пытаются его спасти (Даночка, конечно, тоже участвует). Г-жа Yara употребила после прочтения первых трех глав термин „пасхалка“, я не знаю точно, что это такое – пардон, отстал от жизни, но может, так оно и есть?

Ок, желаю вам получить побольше положительных и поменьше отрицательных эмоций после прочтения данного, я еще раз подчеркиваю, очень непрофессионального „перевода“.

Весь ваш скромный неофит-карманник *Xionus*

P.S. Я низко склонился над книгой, лежащей прямо у меня под носом и зевнул. Таким фолиантищем можно было без труда уकोшить даже взрослого человека, а число страниц, которые мне еще предстояло прочесть, все никак не уменьшалось. Я вспомнил, как однажды сумел оглушить одного мужчину точно такой же книжкой. А что, весьма хорошее применение для подобной литературы.

Этот том был из области знаний, от которых я бы без долгих раздумий отказался. В нем описывались основы Магии Земли и это нагоняло смертельную скуку...

ххсоу, **Die Seelenfänger (Ловцы душ)**, начало первой главы, всего в наличии пока 8 глав

линк: <http://www.darktales.gamers.de/00000095a9128f216/00000097d810cbf01/index.html>